

$$\Delta \frac{182}{684}$$

30125

Библиотека
Училища
Д 3
VII 9
Александров.

АВТОБІОГРАФІЧЕСКІЯ

ЗАПИСКИ

ор 1-80
12302

ДМИТРІЯ БОРИСОВИЧА

МЕРТВАГО.

1760—1824.

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ Т. РИСЪ, У МЯСНИЦКИХЪ ВОР., Д. ВОЕЙКОВА.

1867.

$\frac{3}{9}$

268
17
9963-8
B18

ЗАПИСКИ

ДМИТРИЯ БОРИСОВИЧА

182
684

МЕРТВОГО

1760—1824.

ИЗДАНИЕ РУССКАГО АРХИВА.

МОСКВА.

Въ Типографіи Грачева и Комп. у Пречистенскихъ воротъ, д. Миляковой.

1867.

АНСН
В. И.
ЛЕНИНА
СССР

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

ВОСПОМИНАНІЕ С. Т. АКСАКОВА О ДМИТРІИ БОРИСОВИЧѢ МЕРТВАГО.

(Письмо къ В. П. Безобразову).

М. г. Владиміръ Павловичъ! Вы просили меня, чтобы я сообщилъ вамъ все то, что было лично мнѣ извѣстно при моихъ сношеніяхъ съ покойнымъ Д. Б. Мертваго; исполню очень охотно ваше и мое собственное желаніе. Едва ли кто нибудь изъ читателей могъ такъ обрадоваться появленію въ печати „Записокъ Дмитрія Борисовича Мертваго“ (*), какъ обрадовался я, для котораго это было совершенною неожиданностію. Мнѣ и въ голову не входило, что онъ оставилъ послѣ себя „Записки“. Прибавить какую нибудь черту къ этимъ „Запискамъ“ я считаю за счастье. Многоуважаемая память моего покойнаго крестнаго отца, въ обширномъ и строгомъ смыслѣ честнѣйшаго человѣка, котораго вся жизнь была борьба правды и чести съ ложью и подлою корыстію, постоянно жила и живетъ въ моей душѣ. Его „Записки“ безъ сомнѣнія будутъ драгоценнымъ приобрѣтеніемъ для всей читающей образованной публики. „Біографическое свѣдѣніе (**)" объ авторѣ Записокъ, составленное братомъ его, С. Б. Мертваго“, написано совершенно безпристрастно, не смотря на горячую, всеѣмъ извѣстную, взаимную дружбу обоихъ братьевъ. Оно имѣетъ одинъ недостатокъ — краткость.

Съ тѣхъ поръ, какъ я началъ себя помнить, я помню, что Дмитрій Борисовичъ, мой крестный отецъ, бывалъ

у насъ въ домѣ очень часто, во все время пребыванія моего семейства въ Уфѣ. Въ 1797-мъ году, мы переехали на житье въ деревню, а Дмитрій Борисовичъ еще прежде оставилъ Уфу и поступилъ въ Петербургъ на новую службу. Не смотря на мой дѣтскій возрастъ, я очень замѣчалъ, да и другіе говорили, что мой крестный отецъ не такъ ласковъ ко мнѣ и не такъ занимается мною, какъ другіе друзья или короткіе наши знакомые. Къ этому замѣчанію обыкновенно прибавляли, что онъ не любитъ маленькихъ дѣтей, особенно такихъ, которыхъ родители балуютъ. Я самъ, не одинъ разъ, слышалъ, какъ Дмитрій Борисовичъ подтрунивалъ и подшучивалъ надъ моею матерью, говоря, что „она не любитъ, а обожаетъ своего сына“, и у меня поселилось неприятное чувство къ моему крестному отцу; но это не мѣшало мнѣ замѣчать, что онъ былъ всеѣмъ любимъ и уважаемъ, что все слушали его остроумные и веселые разговоры съ необыкновеннымъ вниманіемъ и удовольствіемъ, и что все называли его „душой компаніи“. Я тогда еще слышалъ отъ моихъ родителей, что Дмитрій Борисовичъ, не только самъ честный человѣкъ, но и другихъ принуждаетъ быть честными.

Разъѣхавшись въ разные стороны, мы не видались нѣсколько лѣтъ, и я уже забылъ моего крестнаго отца, какъ вдругъ пришло извѣстіе, что Дмитрій Борисовичъ Мертваго вышелъ въ отставку и пріѣхалъ въ „Старую Мертво-

(*) Говорится о первой главѣ Записокъ, появившейся въ Русскомъ Вѣстникѣ 1857 г. II Б.

(**) Оно напечатано здѣсь, на стр. 1-й. II Б.

2014079961

щину“ къ своей матери и сестрѣ, которыя жили отъ насъ въ 30 верстахъ. Марья Михайловна Мертваго, его мать, пользовалась необыкновеннымъ уваженіемъ отъ всѣхъ своихъ сосѣдей и всѣхъ знакомыхъ; она считалась женщиною великаго и политичнаго ума; дочь ея, Катерина Борисовна Чичагова, была дружна съ моею матерью, да и мужъ ея, П. И. Чичаговъ, любилъ все наше семейство. Черезъ нѣсколько дней мы поѣхали въ Мертовщину, и мать всю дорогу твердила мнѣ, чтобы я не дичился и не игралъ бы въ молчанку, потому что она желаетъ, чтобы мой крестный отецъ увидѣлъ во мнѣ умненькаго мальчика, довольно образованнаго для своихъ лѣтъ, а не деревенскаго неуча. Такія слова не прибавили мнѣ бодрости, а еще болѣе меня смутили. Представляя меня Дмитрію Борисовичу, мать сказала, что я его помню, люблю, уважаю и дорожу тѣмъ, что онъ мой крестный отецъ. Въ этихъ словахъ было мало правды: мнѣ стало неловко, я покраснѣлъ и молчалъ. Дмитрій Борисовичъ, поглаживъ меня по головкѣ, сказалъ: „А, какой молодецъ выросъ!“ и потомъ уже не обращалъ на меня ни малѣйшаго вниманія. Матери моей это было очень досадно: какъ это ея сынокъ, такой книжный чтецъ и декламаторъ Сумароковскихъ трагедій, а подчасъ говорунъ, не умѣетъ разинуть рта передъ своимъ крестнымъ отцомъ, важнымъ (бывшимъ) Петербургскимъ чиновникомъ и умнымъ человѣкомъ, который можетъ подумать, что она не дала сыну никакого образованія! Она не вытерпѣла и черезъ нѣсколько время, обратясь ко мнѣ, сказала: „Что это ты все молчишь, Сережа? Крестный отецъ подумаетъ, что ты глупъ“. Я покраснѣлъ еще болѣе, а Дмитрій Борисовичъ, изъ шутливаго и веселаго разговора, вдругъ перешелъ въ серьезный тонъ, и быстро взглянувъ на меня, строго сказалъ: „Не слушай, Сережа, своей матери! Никогда не вѣщивайся въ разговоры старшихъ, куда тебя не спросятъ!“ Это не прибавило моего расположенія къ крестно-

му отцу; но на этотъ разъ я былъ ему благодаренъ: мать уже не принуждала меня разговаривать. Мы прожили въ Мертовщинѣ еще два дня. Родныхъ и сосѣдей съѣхалось туда такое множество, что негдѣ было помѣщаться; Петербургской гость очаровывалъ всѣхъ, старыхъ и молодыхъ, особенно дамъ и дѣвицъ, своею ласковою любезностью. Онъ былъ очень хорошъ собою, хотя въ это время небольшая лысина уже свѣтилась на его головѣ; его называли даже красавцемъ, но при томъ говорили, что у него женская красота; онъ немножко пришепетывалъ, но это не мѣшало пріятности его рѣчей, и нѣкоторыя дамы находили, что это даже очень мило. Онъ былъ постоянно веселъ, шутливъ, остроуменъ безъ колкости. Я слышалъ, что ему отдавали преимущество передъ Петромъ Ивановичемъ Чичаговымъ, который также былъ въ обществѣ необыкновенно веселъ и остроуменъ, но мѣткія эпіграммы не рѣдко срывались съ его языка.

Дмитрій Борисовичъ всегда оказывалъ своей матери глубокую почитательность и нѣжность. Сестрѣ своей, К. Б. Чичаговой, брату Степану Борисовичу, а также и зятю, онъ былъ другъ, въ настоящемъ значеніи этого слова; даже третьему брату, Ивану Борисовичу, который уже нѣсколько лѣтъ имѣлъ несчастіе потерять рассудокъ (отъ безнадѣжной любви, какъ мнѣ говорили), показывалъ онъ такое нѣжное вниманіе, такъ заботился о немъ, что Марья Михайловна, со слезами благодарности къ Богу, при мнѣ говорила о томъ моей матери.

Дмитрій Борисовичъ, объѣзжая всѣхъ родныхъ и сосѣдей, разумѣется вмѣстѣ съ матерью, сестрой и зятемъ, гостилъ вездѣ по нѣскольку дней — что было тогда въ общемъ обыкновеніи — а у насъ прожилъ онъ съ своимъ семействомъ цѣлую недѣлю. Тутъ я разсмотрѣлъ поближе своего крестнаго отца, и не смотря на свою дѣтскость, безознательно почувствовалъ глубокое уваженіе къ высокимъ качествамъ его ума и

сердца. Черезъ нѣсколько времени онъ уѣхалъ въ Крымъ, опять на новую службу, и я до 1808 года его не видалъ.

Въ 1808 году я нашелъ въ Петербургѣ своего крестнаго отца уже женатымъ, постарѣвшимъ и перемѣнившимся. Беззаботной веселости въ немъ уже не было. Онъ служилъ тогда генераль-провіантмейстеромъ, и хлопотливая, тяжелая эта должность, казалась, очень его озабочивала. Въ послѣдствіи я узналъ, что находились другія причины, отъ которыхъ служба была для него такъ невыносимо-тягостною. Неподкупная его честность была извѣстна всѣмъ; но не всѣмъ, можетъ быть, было извѣстно, до какой строгости и чистоты возводилась эта честность во всѣхъ его служебныхъ отношеніяхъ: могъ ли такой человѣкъ не имѣть враговъ по службѣ? Онъ встрѣтилъ мое семейство, какъ старинный другъ, а меня, если не такъ ласково, какъ желалось моей матери и уже мнѣ, то, покрайней мѣрѣ, очень внимательно; много спрашивалъ меня о Казани, объ университетѣ, о службѣ, въ которую я намѣревался поступить, — но я никакъ не могъ замѣтить, доволенъ ли онъ мною или нѣтъ. Онъ приказалъ только, чтобы я ходилъ къ нему каждую недѣлю.

Первыя мои посѣщенія, послѣ отъѣзда изъ Петербурга моего семейства, ничего хорошаго не предвѣщали. Крестный мой отецъ обыкновенно говорилъ: „А здравствуй! Какъ поживаешь? Что пишутъ отецъ и мать? Что подѣлываешь на службѣ?“ Въ словахъ этихъ не слышно было никакого особеннаго участія, и они держали меня въ постоянномъ и холодномъ отдаленіи. Случалось даже, что, выслушавъ мои короткіе отвѣты, онъ говорилъ: „Ну, братъ, мнѣ некогда; ступай къ Варварѣ (такъ звалъ онъ свою жену) и оставайся обѣдать.“ Весьма естественно, что такіе приемы не могли нравиться молодому человѣку, и я намѣревался уже ограничить мои посѣщенія двумя-тремя праздничными визитами въ годъ, какъ вдругъ случилась слѣдующая перемена. Пришелъ я

одинъ разъ къ Дмитрію Борисовичу довольно рано поутру; онъ велѣлъ меня провести въ свой кабинетъ и сказалъ, что сейчасъ придетъ. Я бывалъ въ этомъ кабинетѣ при другихъ, и мало обращалъ вниманіе на окружающіе меня предметы; теперь же, отъ нечего дѣлать, и началъ все разсматривать, и мнѣ кинулась въ глаза небольшая картинка, висѣвшая надъ письменнымъ столомъ моего крестнаго отца; я подошелъ поближе и увидѣлъ, что это былъ видъ деревни „Званки“ и сельскаго дома Гаврилы Романыча Державина; внизу находились слѣдующіе четыре стиха:

Средь сихъ лѣсовъ, болотъ и ржавинъ,
Съ безсмертнымъ эхомъ вѣчныхъ скалъ,
Безсмертны пѣсни повторялъ
Безсмертный нашъ пѣвецъ, Державинъ.

Картина была нарисована водяными красками и кѣмъ-то подарена Дмитрію Борисовичу, кажется женщиной. Кѣмъ написаны стихи — до сихъ поръ не знаю. Я былъ страстнымъ почитателемъ Державина; забывшись, съ восторгомъ и довольно громко, повторялъ я эти четыре стиха наизусть, не замѣтивъ, что крестный отецъ стоялъ уже за мною. „А, братъ, ты видно любишь старика!“ сказалъ онъ, и я, покраснѣвъ до ушей, съ волненіемъ высказалъ все, что чувствовалъ и думалъ о Державинѣ, прибавя, что знаю всѣ его стихи наизусть. Хозяинъ изъ любопытства сдѣлалъ мнѣ экзаменъ, и я прочелъ ему двѣ-три пѣссы, декламируя на пропалую, по-студентски. „Ого, братъ, сказалъ съ умишкой мой крестный отецъ, — да ты не вдумай въ актеры!“ Онъ посадилъ меня возлѣ себя, чего прежде не дѣлалъ, и рассказалъ про свое знакомство съ Державинымъ, прибавя, что онъ „не только великій стихотворецъ, привосящій честь и славу своему отечеству, но и честный сановникъ, и добрый человѣкъ, и что все, что говорятъ про него дурнаго, выдумка подлыхъ клеветниковъ и завистниковъ.“ Съ этого счастливаго утра, я сталъ сближаться съ моимъ крестнымъ отцомъ. Самъ ли онъ того

пожелалъ, или я, найдя въ немъ сочувственную себѣ струну, сталъ искать его расположенія — не знаю, только черезъ полгода, онъ уже охотно, хотя безъ особенной ласковости, иногда долго говорилъ со мной о своей прежней и настоящей службѣ, объ общественныхъ отношеніяхъ, и горько сѣтовалъ, что мало честныхъ людей, не на словахъ, а на дѣлѣ. Дмитрій Борисовичъ жилъ на Фонтанкѣ, въ каменномъ домѣ, или лучше сказать въ третьей части дома, принадлежавшаго его женѣ (урожденной Полторацкой) и сестрамъ ея, Сухаревой и Олениной. Принадлежность владѣнія обозначалась разностью красокъ. Часть Мертваго была палеваго цвѣта. Изъ залы былъ балконъ на набережную; на немъ любилъ сидѣть Дмитрій Борисовичъ, а иногда сиживалъ съ нимъ и я. Одинъ разъ онъ сказалъ мнѣ, указавъ пальцемъ: „Видишь ли ты этого господина, который тащится по набережной, такъ гадко одѣтый?“ Я отвѣчалъ, что вижу. — „Это великой человѣкъ! Это нищій, которому казна должна миллионъ, истраченный имъ для чести и славы отечества. Это адмиралъ Сениavinъ!“ А какъ онъ въ это время поравнялся съ нами, то Дмитрій Борисовичъ назвалъ его по имени и сказалъ ему: „зайди ко мнѣ“. Адмиралъ зашелъ. Мы всѣ трое пошли въ кабинетъ. Я, разумѣется, пошелъ по приглашенію хозяина. Сениavinъ пробылъ съ часъ; просто и открыто говорилъ онъ о своемъ крайнемъ положеніи, объ оскорбленіяхъ, имъ получаемыхъ, о своихъ надеждахъ, что когда нибудь заплатятъ же ему и всѣмъ офицерамъ призовыя деньги, издержанныя ими на флотъ (этимъ дѣломъ занималась тогда особая коммиссія). Адмиралъ ушелъ (*). Не утверждаю, но мнѣ показалось, что Дмитрій Борисовичъ досталъ деньги изъ ящика и тихонько отдалъ ихъ своему гостю и давнишнему пріятелю. Разсказъ адмирала произвелъ на меня такое глубокое и

горькое впечатлѣніе, котораго никогда нельзя забыть. Крестный отецъ досказалъ мнѣ всю исторію Русскаго съ ногъ до головы, славнаго нашего адмирала; разсказалъ и положеніе, до котораго онъ былъ доведенъ. „Сениavinъ, прибавилъ онъ въ заключеніе, доведенъ до того, что умеръ бы съ голоду, еслибъ не занималъ денегъ, покуда безъ отдачи, у всякаго, кто только дастъ, — не гнушаясь и синенькой; но у него есть книга, гдѣ онъ записываетъ каждую копейку своего долга, и конечно расплатится со всѣми, если когда нибудь получитъ свою законную собственность“.

Въ 1809-мъ году я уѣзжалъ въ отпускъ въ Оренбургскую губернію и воротился въ Петербургъ въ первыхъ числахъ января 1810-го года. Крестный отецъ встрѣтилъ меня уже не холодно попрѣжнему, а напротивъ, очень ласково, и даже съ нѣкоторымъ чувствомъ. „Ну, братъ, сказалъ онъ мнѣ одинъ разъ, — кажется надобно будетъ службу бросить.“ — „Отчего же? спросилъ я съ удивленіемъ. Вы сами знаете, что приносите много пользы, и что государь объ васъ самага лучшаго мнѣнія?“ — „Это правда, отвѣчалъ Дмитрій Борисовичъ, да бывшій непосредственный начальникъ мой, графъ Аракчеевъ, всегда меня гнавшій, поставилъ меня въ такое унизительное и вредное для меня и службы положеніе, что выйдти въ отставку, даже прогнѣвавъ государя, сдѣлалось необходимою. Гр. Аракчеевъ всегда не любилъ меня; но особенно возненавидѣлъ за то, что я запретилъ Варварѣ Марковнѣ продолжать знакомство съ г-жею П., его фавориткой. Моя жена могла быть знакома съ этою дрянью, какъ и со многими другими; но какъ скоро эта дрянь сдѣлалась всемогущею особаю у моего начальника, то моя жена уже не должна быть съ нею знакома. Г-жѣ П. уже отказывали три раза, она все продолжала ѣздить; въ четвертый я велѣлъ отказать такъ, чтобы она уже болѣе не пріѣзжала. Какъ нарочно такъ случилось, что сидѣлъ я на извѣстномъ тебѣ балконѣ, и со мной была Варвара

(*) Деньги точно были заплачены, только не помню, при жизни ли адмирала.

Марковна; вдругъ подъѣзжаетъ открытая коляска, въ ней сидѣла г-жа П. Я не позволилъ женѣ уйти съ балкона, позвалъ человѣка и громко сказалъ ему, такъ что пріѣхавшая гостя все до слова слышала: „скажи, что барыни нѣтъ дома“. Г-жа П. перестала ѣздить, и тутъ-то началось злобное преслѣдованіе меня. Прежній начальникъ, переставъ быть моимъ непосредственнымъ начальникомъ, сохранилъ всю свою силу и вмѣшивался во всѣ дѣла“.

Недѣли черезъ двѣ я пришелъ къ Дмитрію Борисовичу и хотѣлъ пройти къ нему въ кабинетъ уже безъ доклада; но человѣкъ сказалъ мнѣ, чтобъ я подождать, потому что въ кабинетъ какой-то генералъ, и что туда не приказано никому входить. Я какъ-то почувствовалъ, что это не даромъ, и сталъ дожидаться въ сосѣдней комнатѣ. Наконецъ дверь отворилась, и Дмитрій Борисовичъ, провожая генерала, спокойно, холодно и громко сказалъ: „И такъ доложите его сіятельству, что я не могу входить въ объясненіе по такимъ словеснымъ замѣчаніямъ. Если ему угодно будетъ сдѣлать ихъ на бумагѣ, то я стану оправдываться. Впрочемъ, зная, что я лично не правлюсь его сіятельству, я уже давно подалъ просьбу объ отставкѣ, которая лежитъ у министра. Я не хочу вредить мѣсту, которое занимаю, и губить себя безъ всякой вины“. — Дмитрій Борисовичъ разсказалъ мнѣ, что это уже не въ первый разъ, что его бывшій начальникъ имѣлъ дерзость дѣлать ему выговоры черезъ своего адъютанта, что, разумѣется, онъ его не сталъ слушать, и что вотъ наконецъ онъ прислалъ съ тѣмъ же своего фаворита, генерала Капцевича. „Дѣлать нечего, надо рѣшительно выйти въ отставку, сказалъ онъ, — тутъ пользы не сдѣлаешь, а только наживешь

больше враговъ и долговъ, а у меня и такъ уже довольно и тѣхъ и другихъ“. Дѣйствительно, Дмитрій Борисовичъ вскорѣ оставилъ службу.

Прошло нѣсколько лѣтъ, въ продолженіе которыхъ совершились вѣковыя, достопамятныя событія 1812-го года, и я даже не знаю, гдѣ жилъ въ это время мой крестный отецъ. Я увидѣлся съ нимъ уже въ 1816-мъ году, въ Москвѣ, въ собственномъ его домѣ, у Красныхъ воротъ, въ приходѣ Трехъ Святителей(*). Онъ не былъ еще тогда сенаторомъ; но говорилъ мнѣ, что желалъ бы занять эту должность. Всѣмъ извѣстно, что впослѣдствіи онъ занималъ ея. — Я уѣхалъ въ Оренбургскую губернію на десять лѣтъ и не видался уже болѣе съ моимъ крестнымъ отцомъ, скончавшимся въ 1824-мъ году.

Вотъ все, что сохранила моя память объ одномъ изъ достойнѣйшихъ людей прошедшаго времени.

1857 г. Января 20-го

Москва.

(*) Этотъ домъ стоитъ самымъ оригинальнымъ образомъ: онъ не на улицѣ, не въ переулкѣ и не на площади — къ нему ведетъ особый провѣздъ, точно какъ въ чувашскихъ деревняхъ. Въ этомъ домѣ, принадлежавшемъ послѣ кончины Дмитрія Борисовича Мертваго, сначала А. П. Елагинной, а потомъ покойному сыну ея, Ивану Васильевичу Кирѣевскому, домъ, воспѣтомъ звучными стихами Языкова, — много лѣтъ собирався извѣстный кругъ московскихъ литераторовъ и ученыхъ. Сколько глубокихъ мыслей, свѣтлыхъ взглядовъ, честныхъ порывовъ любви къ просвѣщенію и литературѣ было высказано и принято въ этомъ домѣ!..... И какъ не много осталось въ живыхъ изъ прежнихъ его посѣтителей! Въ числѣ самыхъ горькихъ и свѣжихъ утратъ находятся достойные и незабвенные братья, П. В. и П. В. Кирѣевскіе.

СОДЕРЖАНІЕ ЗАПИСОКЪ Д. Б. МЕРТВАГО.

I. *Пугачевщина.* Появленіе Пугачевскихъ шайкъ въ Алатырскомъ уездѣ, Симбирской губ. въ Іюль 1774 года. — Выѣздъ семьи Мертваго изъ ихъ имѣнія. — Трое сутокъ въ лѣсу. — Наставленія родителя. — Измѣна слуги. — Нападеніе крестьянъ. — 14 лѣтній Мертваго съ младшими братьями въ рукахъ возмущившихся крестьянъ. — Его везутъ въ секретари въ Пугачеву; хотѣли убить; онъ спасается бѣгствомъ. — Сострадательная Мордовка. — Вторичный плѣнъ. — Встрѣча съ матерью и своимъ въ Алатырѣ. — Подробности гибели отца. — Два воеводы, Бѣлокопытовы и Сердешевъ. — Помѣщеніе у подъячаго. — Гоненіе отъ воеводы. — Игра въ войну. — Бригадиръ Пиль. — Графъ П. И. Панинъ въ Алатырѣ. — Облегченіе участи, стр. 2 — 37.

II. *Служба въ Оренбургскомъ краю.* Первоначальное служебное прохожденіе. — Прокурорство. — Генераль-губернаторъ Игельстромъ. — Переходъ въ Уфу. — Совѣтничество въ губернскомъ правленіи. — Мѣры противъ Бухарскихъ лазутчиковъ. — Отъѣздъ Игельстрема въ Петербургъ. — Дѣла о мясномъ торгѣ въ Оренбургѣ. — Бухарскій посолъ. — Отъѣздъ Башкирскихъ степей. — Ссора съ губернаторомъ Неутлингомъ и чиновниками по дѣлу о мясномъ торгѣ. — Повѣзка въ Петербургъ. — Знакомство и дружба съ Державинимъ. — Возвращеніе въ Уфу. — П. И. Чичаговъ и его женитьба на сестрѣ Мертваго. — Другая повѣзка въ Петербургъ. — Е. Я. Державина. — Обезьяна князя Зубова. — Исходатайствованіе прощенія Чи-

чагову. — Уфимскій генер. губернаторъ С. К. Вязмитиновъ. — Снабженіе провіантомъ пограничныхъ войскъ и повѣзка для того къ Башкирамъ. — Отпускъ и переездъ въ Петербургъ. — Сотрудиничество Вязмитинову въ коммисариатскомъ департаментѣ. — Исканіе новаго мѣста по службѣ и переходъ въ провіантскую, стр. 37 — 97.

III. *Служба въ Петербургѣ въ провіантскомъ ведомствѣ.* Безпорядокъ въ провіантской экспедиціи. — П. Х. Оболяинновъ. — Общество кн. Лопухина. — Руководительство Оболяинновымъ и неловкія къ нему отношенія. — Пожалованіе землею. — Кончина императора Павла. — Арестованіе Оболяиннова. — Зубовы. — Событія въ царствованіе Павла. — Генераль-провіантмейстеръ Н. С. Свѣчинъ. — Повѣзка въ Литву и характеристика того края. — Экономическія отношенія къ Пруссіи. — Забота императора Александра о пресѣченіи злоупотребленій. — Оборона Оболяиннова. — Упорство въ безкорыстіи и правдѣ. — Отзывъ гр. Толстаго о генераль-провіантмейстерскомъ мѣстѣ. — Прошеніе объ отставкѣ. — Уговоры Ламба. — Отставка. — Отецъ, въ сонномъ видѣніи, предостерегаетъ отъ взятокъ, стр. 98 — 154.

IV. *Служба въ Крыму.* Сношенія съ Злобиннымъ. — Полученіе изъ казны денегъ за землю. — Лечение въ Сарептѣ. — Державинъ опредѣляетъ Мертваго надзирателемъ Крымскихъ соляныхъ озеръ. — Ссора съ Сафоновымъ. — Повѣзка въ Петербургъ. — Гр. Кочубей. — Полученіе аренды. — Склонность къ В. М. Под-

торацкой. — Ея мать. — Сватовство. — Засѣданіе у гр. Кочубея. — Габлицъ. — Женитьба и отправленіе въ Крымъ на губернаторскую должность. — Очеркъ исторіи Крыма въ политико-экономическомъ отношеніи. — И. В. Лопухинъ. — Сутяжничество. — Баязетъ-бей. — Борьба съ военнымъ губернаторомъ Розенбергомъ. — Подсылки въ Крымъ изъ Турціи. — Война и тяжкое положеніе Русской власти въ Крыму. — Назначеніе новаго мурты. — Образованіе войска изъ Татаръ. — Уничтоженіе попытокъ къ возмущенію. — Мѣры къ оборонѣ Крыма. — Тааръ-бей, его исторія, его поѣздка въ Петербургъ и политическіе замыслы. — Оставленіе Крыма, стр. 154 — 225.

V. *Служба въ должности генерал-провіантмейстера.* Тогдашнее состояніе провіантской части въ Россіи. — Столкновеніе съ В. С. Поповымъ и прошеніе объ отставкѣ. — Приготовленія къ Шведской войнѣ. — Біографія и характеръ графа Аракчеева. — Сухари для войскъ. — Копьевъ. — Вторичное прошеніе объ отставкѣ. — Разговоръ съ государемъ. — Извиненіе Аракчеева. — И. Я. Бухаринъ. — Гоненіе на чиновниковъ, получившихъ мѣсто отъ Мертваго. (Шишковъ). — Вторичная поѣзд-

ка въ Финляндію. — Опять прошеніе объ отставкѣ. — Выговоръ отъ государя и его неблаговоленіе. — Объясненіе съ Аракчеевымъ. — Требованіе законности въ дѣлахъ. — Работа по составленію законоположенія о провіантской части. — Поѣздка въ Прибалтійскій край и закупка провіанта у тамошняго дворянства. — 1808 годъ. Закупка провіанта въ Бѣлорусскомъ краю и Литвѣ. — Новыя формы шнуровыхъ книгъ. — Новое прошеніе объ отставкѣ. — Барклай де-Толли и его слабохарактерность. — Дѣло о ненужной закупкѣ провіанта. — Отставка, стр. 252—295.

VI. *Жизнь въ отставкѣ и сенаторство въ Москвѣ.* Дѣла хозяйственныя. — Покупка Клинского имѣнія, села Демьянова. — Поѣздка на родину. — Дѣло Лешерна и начѣты по оному. — Отношенія къ тещѣ. — 1812 годъ. — Разговоръ съ А. Д. Балашовымъ. — Спасеніе отъ Французовъ. — Поѣздка въ Петербургъ и сношенія съ властями о поступленіи опять на службу. — Посѣщеніе Демьянова импер. Марією Ѳеодоровною. — Письмо къ государю. — Сенаторство. — Местъ Аракчеева. — Ревизія Владимірской губерніи и Кавказа. — Ермоловъ, стр. 295—336.

ЗАПИСКИ Д. Б. МЕРТВАГО

Записки Д. Б. Мертваго обязательно сообщены въ Русскій Архивъ академикомъ В. П. Безобразовымъ, которому принадлежить самая рукопись. Начало Записокъ, именно рассказъ о Пугачевщинѣ, былъ уже напечатанъ въ Русскомъ Вѣстникѣ 1857. № 1, и тамъ же сообщено слѣдующее біографическое свѣдѣніе объ авторѣ Записокъ, составленное братомъ его, С. Б. Мертваго:

„Дмитрій Борисовичъ Мертваго родился 1760 года августа 5-го; въ службу вступилъ въ 1775 году. Съ 1787 по 1797 годъ былъ совѣтникомъ Уфимскаго Намѣстническаго Правленія; дѣятельность и справедливость его надолго сохранились въ памяти всѣхъ сословій губерніи. Съ 1797 по 1802 годъ былъ членомъ Провіантской Экспедиціи, гдѣ своими достоинствами и способностями обратилъ на себя вниманіе общества и сталъ извѣстенъ императору Павлу. Въ 1802 году опредѣленъ начальникомъ поступившихъ въ казенное управленіе Крымскихъ соляныхъ промысловъ, въ 1803 году Таврическимъ гражданскимъ губернаторомъ, 1807 генералъ-провіантмейстеромъ, 1810 уволенъ по прошенію отъ службы. Въ 1817 году, назначенъ сенаторомъ въ Москву, гдѣ и скончался 23-го іюня 1824 года.

„Пылкій и основательный умъ, чтеніе, наблюдательность и способность соображать происшествія замѣняли ему недостатокъ ученія при воспитаніи. Къ удивленію всѣхъ знавшихъ его, онъ, дѣйствительно, ничему не учился. Чувствительное и доброе сердце, которое отражалось на открытомъ благовидномъ лицѣ его, веселый нравъ, ласковость въ обхожденіи, даръ слова, твердость и справедливость во всѣхъ дѣлахъ и случаяхъ, непоколебимая честность, совершенное безкорыстіе при всегдашнемъ недостаткѣ и при

многихъ случаяхъ обогатиться недозволеннымъ образомъ, дѣятельность въ исполненіи должностей, усердіе къ распространенію добра, привлекали къ нему всеобщую любовь и уваженіе даже отъ недоброжелателей и завистниковъ.

„Оставшись четырнадцати лѣтъ по смерти отца, онъ былъ попечитель и наставникъ сестрамъ и братьямъ, а потомъ и дѣтямъ ихъ, и не только словами и письмами, но и дѣломъ всегда доказывалъ искреннюю дружбу и нѣжную любовь къ нимъ.

„Кроткое и челоуколюбивое обращеніе съ служителями и отеческое попеченіе о спокойствіи и даже удовольствіи ихъ возбуждали въ нихъ усердіе служить и угождать ему, и при кончинѣ его они почувствовали, что лишились въ немъ благодѣтеля.

„Дмитрій Борисовичъ въ 1804 году вступилъ въ бракъ съ Варварою Марковною Полторацкою, и имѣлъ трехъ сыновей и пять дочерей. Какъ истинно-нѣжный отецъ, онъ былъ обожаемъ въ своемъ семействѣ“.

1. Пугачевщина.

Извѣстно, что отдаленный край нашего отечества раздираемъ былъ волненіемъ народа, въ пользу бунтовщика, назвавшагося царскимъ именемъ. Зло, тогда распространенное, потрясло основаніе государства, и хотя искоренено, но многимъ оставило въ памяти неизгладимыя черты ужаса и скорби.

Отецъ мой и мать, имѣя одну деревню въ Оренбургской губерніи, въ краю, гдѣ начался бунтъ, а другую Симбир-

ской губернии, въ Алатырскомъ уѣздѣ, въ пятистахъ верстахъ оттуда, жили въ послѣдней. Зная только по слухамъ, что многіе изъ крестьянъ нашихъ вступили въ службу къ самозванцу и находятся при немъ, родители мои хотя и готовились потерять свое состояніе, но себя считали внѣ всякой опасности, принимая въ соображеніе разстояніе и мѣры, принятія правительствомъ; но воля судьбы, невѣдомымъ для смертнаго путемъ все ведущая, опредѣлила быть тому иначе.

Пугачевъ, то поражаемый войсками, посланными для усмиренія мятежа, то усиливаемый новыми толпами злоумышленниковъ, долго, какъ нѣкій вихрь, носился въ горахъ и степяхъ малообитаемыхъ, и лѣтомъ 1774 года двинулся на сѣверъ и обложилъ Казань. Оборона жителей заставила его промедлить; разграбленное и сожженое имъ предмѣстіе послужило къ его неудачѣ; многочисленная чернь, составлявшая его шайку, вдалась въ пьянство и грабежъ; въ это время войска Михельсона настигли и разбили его, но не схватили самого злодѣя; онъ съ большимъ числомъ злоумышленниковъ бѣжалъ за Волгу къ Алатырю, въ тотъ спокойный край, гдѣ мы жили. Сначала онъ былъ не извѣстенъ, но черезъ нѣсколько дней, по присоединеніи къ нему множества дворовыхъ людей и крестьянъ, явился близъ нашего селенія, знаменуя вездѣ свое шествіе кровопролитіемъ.

За три недѣли передъ этимъ матушка родила, и въ день, когда начались наши несчастія, 22-го іюля, праздновали мы ея именины. По деревенскому обыкновенію званы были гости, и уже столъ былъ накрытъ, какъ вдругъ отецъ мой получилъ письмо отъ пріятеля и сосѣда нашего, званого на праздникъ, который увѣдомлялъ, что

самозванецъ въ тридцати верстахъ отъ насъ, пришелъ въ господское селеніе, повѣсилъ прикащика и все имущество разграбилъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ писалъ батюшкѣ, что со всѣмъ своимъ семействомъ выѣхалъ, самъ не зная, куда судьба его поведетъ.

Собравшись на скоро, поѣхали мы въ городъ Алатырь, отстоящій въ сорока верстахъ отъ нашей деревни. Передъ вечеромъ, приближаясь къ городу, встрѣтили мы знакомаго, который сказалъ отцу моему, что Пугачевъ вступаетъ въ Алатырь, и народъ съ образами, хлѣбомъ и солью пошелъ ему на встрѣчу. Вѣсть эта была громовымъ для насъ ударомъ; надо было бѣжать, а куда, Богъ знаетъ. Усталость лошадей принудила насъ своротить въ сторону, мы вѣхали въ лѣсокъ, не далеко отъ дороги, гдѣ на пчельникѣ нашли одного только чело-
вѣка; у него въ избѣ провели ночь.

На разсвѣтѣ отправились мы, сами не зная куда. Пріѣхавъ въ первое селеніе, увидѣли множество народа, толпившагося по улицѣ. Окруживъ наши повозки, крестьяне остановили насъ и спросили, куда ѣдемъ и для чего; грубая ихъ рѣчи и наконецъ строгое требованіе, чтобы мы тотчасъ выѣхали изъ ихъ селенія, были для насъ первымъ знакомъ народнаго волненія и грозившей намъ опасности.

Выѣхавъ изъ села, поворотили мы въ маленькую мордовскую деревеньку, находившуюся близъ большого лѣса; остановившись у знакомаго намъ Мордвина, узнали мы, что вся чернь волнуется, ожидая Пугачева, и что, не подвергая себя крайней опасности, нельзя намъ останавливаться ни въ какомъ селеніи. Освѣдомившись о дорогѣ, ведущей въ чащу лѣса, взявъ у Мордвина хлѣба, сколько у него испечено было, и телѣги вмѣсто каретъ,

пустились мы въ лѣсъ, единственное наше тогда убѣжище.

Часу въ десятомъ утра пріѣхавъ къ мельницѣ, находившейся въ самой дремучей части лѣса, остановились мы кормить лошадей. Въ это время батюшка познакомился съ мельникомъ и узналъ отъ него, что въ глубинѣ лѣса есть полянка, близъ которой протекаетъ рѣчка, верстахъ въ осьми отъ мельницы, а отъ ближайшихъ селеній верстахъ въ пятнадцати, что дорога туда такъ дурна, что не легко доѣхать до поляны, и что не многіе эту дорогу знаютъ. Добрый мельникъ согласился проводить насъ, обѣщая клятвенно не разглашать о томъ никому.

Едва къ вечеру могли мы доѣхать до того мѣста, гдѣ мельникъ, простившись съ нами, подтвердилъ свое обѣщаніе и сдержалъ его.

На другой день, рано поутру, батюшка пошелъ осмотрѣть окрестности нашего убѣжища. Найдя въ нѣкоторомъ разстояніи другую полянку, приказалъ перевести туда лошадей; на той же, гдѣ сами остались, сдѣлали палашъ. Всѣмъ розданы были ружья и пистолеты, и положено было обороняться въ случаѣ нападенія.

Такъ пробыли мы трое сутокъ, не слыша ничего кромѣ птичьяго крику. Въ продолженіе этого времени почтенный родитель мой дѣлалъ намъ наставленія, основанныя на чистой добродѣтели; говорилъ намъ, что спокойствіе человѣка составляетъ все его блаженство, и что оно зависитъ отъ согласія поступковъ его съ совѣстію, что нарушивъ это согласіе для какихъ бы то ни было выгодъ, потрясаетъ онъ то драгоценное спокойствіе, котораго ничто замѣнить не можетъ. Примѣрами знакомыхъ намъ людей доказывалъ онъ, какъ приобрѣтающій однѣ временныя выгоды не наслаждается ими,

бывъ ежеминутно угрызаемъ совѣстію, еще не погасшею въ немъ.

Потомъ, прогуливаясь наединѣ со мною, говорилъ онъ, что если случится ему проститься со мной навѣки, то помнилъ бы я слова его, и наставлялъ бы братьевъ, которые были гораздо моложе меня, чтобы радѣлъ о своей душѣ и сердцѣ, и строго замѣчалъ свои склонности и поступки; совѣтовалъ не быть корыстолюбивымъ, говоря, что ни одинъ изъ предковъ нашихъ не былъ таковымъ, и наконецъ заклиналъ меня быть достойнымъ имени его, угрожая въ противномъ случаѣ Божескимъ наказаніемъ.

Единый Богъ можетъ быть свидѣтелемъ движенія сердечныхъ чувствъ, и только всесильная помощь Его въ состояніи сохранить человѣка отъ соблазновъ, дѣйствующихъ на сердце. Что желаю и стараюсь я быть достойнымъ моего родителя, это Богъ видитъ, но достоинъ ли и буду ли впредь достоинъ, того не знаю.

На четвертый день нашего пребыванія въ лѣсу, сталъ оказываться у насъ недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. Незнаніе обстоятельствъ того времени, надежда, что вслѣдъ за бунтовщикомъ идутъ войска, поражавшія его всегда и вездѣ, а болѣе всего болѣзнь матушки, причиною которой были душевныя и тѣлесныя безпокойства, заставили батюшку послать одного изъ людей нашихъ въ ближнее селеніе для покупки припасовъ и для развѣдыванія, что тамъ происходитъ. Человѣкъ этотъ казался намъ вѣрнымъ, и дѣйствительно, я думаю, въ началѣ онъ не имѣлъ злаго умысла.

Пріѣхавъ въ селеніе, прискивалъ онъ купить, что ему было приказано, и вмѣстѣ съ тѣмъ развѣдывалъ о Пугачевѣ. Крестьянамъ это показалось страннымъ; по причинѣ повсемѣстна-

го тогда волненія никто ничего не покупалъ, а все бралъ даромъ и убивалъ слабѣйшаго за неисполненіе его требованія. И потому задержавъ его, стали разспрашивать, что онъ за человѣкъ и откуда; вѣроятно, собственная опасность заставила его сказать истину; тогда человѣкъ двѣсти жителей того селенія собрались противъ насъ; а онъ, показывая имъ дорогу, довелъ до того мѣста, гдѣ мы скрывались.

Приблизившись къ нашему убѣжищу, раздѣлились они на нѣсколько партій, окружили насъ, и напали вдругъ со всѣхъ сторонъ съ большимъ крикомъ. Въ эту несчастную минуту батюшка отдыхалъ въ шалашѣ; люди оробѣли и побѣжали; сестры, схвативъ подъ руки матушку, побѣжали въ лѣсъ; злодѣи кинулись на батюшку. Онъ выстрѣлилъ изъ пистолета, и хотя никого не убилъ, но заставилъ отступить; и схвативъ ружье, лежавшее возлѣ него, и трость, въ которой была вдѣлана шпага, — не видя никого изъ своихъ около себя, побѣжалъ въ чащу лѣса, закричавъ намъ: «прощай, жена и дѣти.» Это были послѣднія слова, которыя я отъ него слышалъ.

Въ большемъ страхѣ бросился было я вслѣдъ за батюшкой, но чаща лѣса раздѣлила насъ; не видя его, я бѣжалъ, самъ не зная куда. Запнувшись объ обгорѣлое дерево, лежавшее поперекъ дороги, упалъ я, и въ эту минуту, увидѣвъ возлѣ себя просторное дупло, вползъ въ него; чрезъ нѣсколько минутъ, почувствовавшись отъ страха, я слышалъ стрѣляніе изъ ружей, и крикъ около себя: «ищите и бейте.»

Пролежавъ долгое время и не слыша болѣе никакого шума, рѣшился я выдти изъ дупла, долго оглядывался во всѣ стороны, прислушивался; наконецъ, не замѣчая никакого шума, пошелъ къ той полянѣ, гдѣ мы стояли.

Тутъ нашелъ я нѣсколько лоскутковъ изодраннаго бѣлья и окрававленный платокъ, по которому долженъ былъ заключить, что кто-либо изъ ближнихъ моихъ убитъ.

Теперь прошу читателя представить себѣ четырнадцатилѣтняго, избалованнаго и избѣженнаго мальчика, въ лѣсу, передъ вечеромъ, незнающаго дороги, безъ всякаго оружія для обороны. Тутъ-то въ первый разъ послужили мнѣ наставленія моего родителя. Я молился, поручая себя волѣ Господа, обѣщалъ хранить завѣщаніе отца моего, плакалъ, не какъ испугавшійся ребенокъ, но какъ плачетъ взрослый отъ сокрушенія сердца, цѣловалъ окровавленные лоскутки, прощался со всѣми мѣстами, гдѣ я сиживалъ съ родителемъ, слушая его наставленія, и гдѣ видѣлъ я его въ послѣдній разъ; потомъ, взявъ палку, пошелъ по дорогѣ, гдѣ видны были слѣды повозокъ, сталъ смѣлѣе, и твердо былъ увѣренъ, что не погибну.

Пройдя нѣкоторое разстояніе, и какъ стало уже смеркаться, слышалъ я шорохъ въ сторонѣ, и опросилъ. Голосъ мой узнали мои братья, изъ которыхъ одному было десять, а другому семь лѣтъ. Они приближали ко мнѣ, и съ ними наша няня; мы чрезвычайно другъ другу обрадовались, и не зная куда идти, остались ночевать подъ деревомъ.

Путру, лишь только стало свѣтать, пошли мы по дорогѣ, не зная куда она ведетъ. Уже солнце высоко поднялось, когда приблизились мы къ рѣчкѣ, берегомъ которой шла дорога; прелестныя мѣста кругомъ, небольшія полянки, пріятный утренній воздухъ и повсемѣстная тишина заставили было насъ забыть ужасное наше положеніе, но вдругъ услышали мы страшный крикъ: «ловите, бейте.» Я схватилъ за

руку одного брата, бросился къ рѣчкѣ и скрылся въ густой травѣ у береговъ, а няня съ меньшимъ братомъ моимъ побѣжала по дорогѣ. Злодѣи, принявъ ее за дворянку, погнались за нею, и одинъ изъ нихъ ударилъ ее топоромъ; въ испугѣ она подставила руку, которая однако ее не защитила; остріе, разрубивъ часть ладони, вонзилось въ плечо; страшный крикъ сильно тронулъ мое сердце. Въ то же время слышу я вопль брата, котораго схватили и спрашивали, куда мы побѣжали. Не зная, что я дѣлаю, я откликнулся и выскочивъ изъ травы, явился къ нимъ; они спросили мое имя, сказали, что знаютъ батюшку, но что съ нимъ сдѣлалось, не слышали; потомъ, сняли съ насъ все платье и обувь и не дѣлая болѣе никакихъ грубостей, отпустили въ однихъ рубашкахъ, показавъ дорогу на мельницу, которая была не далеко.

Обезсилѣвшую отъ раны, а болѣе отъ испуга няню нашу поднялъ я и повелъ подъ руку къ мельницѣ. Когда мы подошли къ плотинѣ, напали на насъ двѣ большія собаки, отъ которыхъ, конечно, мы бы не въ силахъ были защититься, если бы мельникъ не прибѣгалъ къ намъ на помощь. Этотъ добрый человекъ, узнавъ, что мы дворяне, откровенно сказалъ что нянюшка можетъ остаться у него, а насъ онъ принять не смѣетъ, боясь быть за то убитымъ со всѣмъ своимъ семействомъ. Но когда мы сказали ему, что сутки ничего не ѣли, то онъ пригласилъ насъ на мельницу и общалъ дать молока и хлѣба.

У мельничнаго анбара, намъ дали по большому куску хлѣба и по ложкѣ, и поставили крынку молока; лишь только принялись мы за пріятную для голоднаго работу, какъ вдругъ жена мельника закричала: «ай! казаки, казаки!»

Оглянувшись, мы дѣйствительно увидѣли толпу приближавшагося народа; я испугался чрезвычайно и не помню, какъ спрятался съ братьями подъ мельницу.

Толпа эта, увидя няню нашу, окровавленную, лежавшую на землѣ у мельничнаго анбара, спросила мельника, что это значитъ; онъ сказалъ всю правду и указалъ мѣсто, гдѣ мы спрятались. Двое изъ толпы спустились по лѣстницѣ и вынесли на рукахъ братьевъ моихъ; третій, взявъ меня за волосы, потащилъ за собою на лѣстницу, а четвертый въ это время билъ меня сзади палкою.

Я увидѣлъ всю толпу у мельничнаго анбара; насъ поставили въ средину ея и стали произносить приговоръ. Всякъ говорилъ свое и предлагалъ, какъ меня убить; а братьевъ, какъ малолѣтныхъ, отдать бездѣтнымъ мужикамъ въ пріемыши. Нѣкоторые предлагали бросить меня съ камнемъ на шею въ воду; другіе — повѣсить, застрѣлить или изрубить; тѣ же, которые были пьянѣе и старше, вздумали учить надо мною молодыхъ казаковъ, не привыкшихъ еще къ убійству. Слыша эти разсужденія и ругательства, я ничего не говорилъ и уже готовился къ смерти; но тутъ одинъ изъ толпы сказалъ, что будучи въ городѣ, получилъ онъ отъ самозванца приказаніе привести къ нему дворянина, мальчика лѣтъ пятнадцати, умѣющаго хорошо читать и писать, за котораго общалъ дать 50 рублей награжденія. Это предложеніе было всѣми тотчасъ принято, меня начали экзаменовывать, заставляли писать углемъ на доскѣ, задавали легкія задачи изъ аримететики, и наконецъ признали достойнымъ занять важное мѣсто секретаря у Пугачева. Снисходя на мою просьбу, они согласились не разлучать меня съ братьями.

Мы пробыли у мельницы все время, необходимое на кормъ лошадей и на отдыхъ пѣшимъ. Между тѣмъ, стали со мной обходиться почтительно, называли меня секретаремъ, рассказывали о разныхъ происшествіяхъ, относящихся до самозванца, о силѣ его и о намѣреніи истребить всѣхъ дворянъ, и наконецъ о приказаніи крестьянамъ защищаться всѣми силами отъ воинскихъ командъ, ожидаемыхъ вскорѣ.

Во время этихъ разсужденій и разказовъ, одинъ пьяный казакъ, взявъ меня за косу, сказалъ: «батюшка не любить долгихъ волосъ, это бабамъ носить прилично.» И тутъ же, прислонивъ меня къ близъ-стоявшему дереву, закричалъ другому: «руби, братъ!» Этотъ, будучи также пьянъ, отрубилъ мнѣ топоромъ косу вполоть къ затылку. Я чрезвычайно испугался, но имѣлъ столько присутствія духа, что шутилъ насчетъ своихъ волосъ, и благодарилъ этихъ пьяницъ.

Вѣсти о близости воинскихъ командъ обрадовали меня; я сталъ придумывать, какъ бы мнѣ укрыться отъ злодѣевъ на нѣсколько дней. Но между тѣмъ, надобно было отправляться съ ними въ путь пѣшкомъ, безъ одежды и обуви.

Во время нашего путешествія подружился я съ однимъ крестьяниномъ, приставшимъ къ толпѣ изъ близняго селенія. День уже склонился къ вечеру; мы стали выходить изъ лѣса; большія поляны, засѣянные хлѣбомъ, показывали близость деревни. Въ это время слышу я разсужденія злодѣевъ, ѣхавшихъ верхомъ, которые говорили, что сомнѣваются застать самозванца въ городѣ Алатырѣ, и что надобно будетъ вести меня далѣе, не зная, гдѣ найдутъ они Пугачева, и заплатитъ ли онъ обѣщанную сумму; другіе говорили, что когда доведутъ меня до селенія, и

я объявлю себя секретаремъ, они принуждены будутъ не оставлять меня и жертвовать своимъ трудомъ и временемъ, быть-можетъ понапрасну, и потому согласились убить меня, не выходя изъ лѣса, а братьевъ, какъ малолѣтныхъ, раздать въ пріемыши бездѣльнымъ мужикамъ.

Слыша эти разсужденія, я страдалъ; сердце неизъяснимо ныло, но дѣлать было нечего: надобно было молчать и притворяться еще, что не слышу. Въ это время крестьянинъ, подружившійся со мною и не вмѣшивавшійся въ разсужденія, отведя меня не много въ сторону, сказалъ: «или ты не слышишь, что ребята-то говорятъ?» Я отвѣчалъ: «слышу, и если можешь, Бога ради спаси меня и братьевъ». Онъ, взявъ съ меня слово, что я пойду къ нему въ работники, обѣщалъ усыновить меня; разказалъ, какъ найдти деревню и домъ его и потомъ, сказавъ злодѣямъ, что идетъ съ нами въ сторону, велѣлъ бѣжать въ кусты и тамъ скрыться.

Какъ стало уже смеркаться, вышелъ я изъ лѣса и увидѣлъ деревню, гдѣ былъ домъ моего избавителя, и возлѣ нея ту маленькую мордовскую деревеньку, гдѣ останавливались мы, ѣхавши лѣсъ. Я пошелъ въ послѣднюю, въ домъ къ Мордвину; его тогда не было дома, но жена его пригласила насъ, какъ знакомыхъ, благосклонно.

Черезъ нѣсколько минутъ собралось къ ней множество жителей того селенія; старшины, казалось, что-то грозно говорили хозяйкѣ по-мордовски, и одинъ изъ нихъ, подойдя ко мнѣ, сказалъ повелительно, чтобы тотчасъ вышелъ я съ братьями изъ деревни, потому что имъ не вѣрно принимать дворянъ.

Я повиновался, и выйдя за околицу, сѣлъ на землю; недоумѣніе сжимало мое сердце; я боялся идти въ ту дере-

вню, гдѣ жилъ крестьянинъ, пригласившій меня къ себѣ; между тѣмъ, ночь уже наступила; заунывные голоса людей, сгонявшихъ скотъ, ревъ и топотъ коровъ, вмѣстѣ съ темнотою ночи, произвели такое чувство въ напуганномъ моемъ воображеніи, что мнѣ казалось лучше быть убитымъ, чѣмъ терпѣть это страшное мученіе духа.

Вставъ поспѣшно, пошелъ я обратно въ деревню, гдѣ не встрѣтилъ никого на улицѣ; войдя въ домъ къ Мордвину, я не нашелъ въ избѣ жены его. Оставленный тутъ маленькій ребенокъ, сидя въ зыбкѣ, плакалъ; я сыскалъ въ столѣ хлѣбъ и ножъ, отрѣзалъ всѣмъ по куску и посадилъ братьевъ на полати, куда и самъ забрался.

По окончаніи домашнихъ работъ, хозяйка возвратилась въ избу, засвѣтила огонь, поужинала и, поигравъ съ своимъ ребенкомъ, собиралась уже идти спать. Въ эту минуту, поспѣшно сойдя съ палатей, бросился я предъ нею на колѣна, прося позволенія ночевать въ ея домѣ; по утру же, если ей угодно, сама бы насъ убила, или отдала бы на убійство... Долго не отвѣчала она ни слова, умильно смотрѣла на меня, покачивала головою; наконецъ слезы, покотившіяся по лицу, убѣдили меня, что жалость взяла верхъ надъ страхомъ. Она, поднявъ меня, говорила: «Если свѣдаютъ, что я скрыла у себя дворянъ, то меня, мужа моего и ребенка нашего убьютъ и домъ сожгутъ, но быть такъ.» Послѣ этого, снявъ съ палатей братьевъ моихъ, которые тамъ уже было заснули, одѣла всѣхъ насъ въ мордовскія платья, провела на задній дворъ въ сѣнницу; положивъ на землю подушку, велѣла намъ лечь, и одѣвъ шубою, накрыла насъ пошевнями. Отъ усталости я такъ сладко заснулъ, что ничего воснѣ мнѣ не грезилось.

Лишь только стало свѣтать, хозяинъ, снявъ пошевни, покрывавшіе насъ, разбудилъ меня, и убѣдительно просилъ не губить его, и пока люди еще спятъ, выйти изъ селенія. Въ краткихъ словахъ изъяснилъ онъ мнѣ всѣ опасности нашего положенія, говорилъ, что матушку и сестеръ провезли къ Пугачеву, и что, конечно, уже нѣтъ ихъ теперь на свѣтѣ. Этотъ честный человѣкъ самъ плакалъ, видя мои слезы. Когда я ему изъяснилъ, что желаю пробраться въ свою деревню, онъ совѣтовалъ, избѣгая встрѣчъ по дорогѣ, спуститься къ рѣкѣ и берегомъ ея добраться до мѣста; провель насъ за околицу и простился со слезами со мною, говоря, что во вѣки намъ не видаться.

Раставшись съ человѣкомъ, бравшимъ участіе въ моемъ несчастіи, и оставшись одинъ съ двумя младенцами-братьями, не имѣлъ я не только никакой помощи, но даже и надежды; единый Богъ оставался намъ подпорою... Подойдя къ крутому берегу рѣки, привидѣ восходящаго солнца, сталъ я на колѣна, молился Богу, и братьямъ велѣлъ тоже дѣлать; по окончаніи молитвы, спустились мы подъ яръ.

Мелкіе камешки на песчаномъ берегу рѣки несносно кололи ноги, которыя разцарапали мы до крови; меньшей мой братъ не могъ вовсе идти; я посадилъ его къ себѣ на плеча, а другому велѣлъ держаться за мою рубашку; такъ продолжали мы путь.

Слѣдуя наставленію Мордвина, шелъ я верстъ восемь берегомъ рѣки до моста, перейдя который, вышли мы по маленькой лѣсной дорогѣ на большую, никого не встрѣтивъ. Наконецъ, когда показались мѣста знакомыя, и осталось менѣе десяти верстъ до деревни, увидѣлъ я человѣка, лежавшаго подъ кустомъ, и привязанную подлѣ него лошадь. Поднявъ голову, онъ спросилъ

насъ, что мы за люди. Я отвѣчалъ: «Дворяне.» — «Стой! куда?» закричалъ онъ. Я бросился отъ него, но тяжесть на плечахъ, разбитыя, изцарапанныя и распухшія босыя ноги, изнеможеніе вслѣдствіе голода, все это лишило меня возможности спастись бѣгствомъ, и я былъ схваченъ крестьяниномъ, который, взявъ меня за воротъ рубашки, привелъ къ своей телѣгѣ и приказалъ лечь въ нее, мучительнымъ образомъ связалъ веревкою руки мои назадъ, локоть съ локтемъ, и загнувъ ноги, привязалъ къ рукамъ.

Въ то время, какъ вязалъ онъ меня, и я, чувствуя несносную боль, умолялъ его о помилованіи, подѣхалъ знакомый ему крестьянинъ, къ которому посадилъ онъ въ телѣгу моихъ братьевъ. Запрягая свою лошадь, онъ между тѣмъ говорилъ съ товарищемъ своимъ, что когда привезутъ они насъ въ городъ и представлять къ самозванцу, то получать за каждаго по десяти рублей.

По дорогѣ къ городу, не далеко отъ того мѣста, гдѣ я былъ взятъ и связанъ, находилось большое село, близъ котораго было убито большое число дворянъ, и крестьяне этого села болѣе другихъ участвовали въ этихъ злодѣйствахъ. Большой Алатырскій лѣсъ окруженъ многими селеніями; крестьяне, узнавъ, что дворяне, жившіе въ окрестности, скрываясь отъ самозванца, прячутся въ лѣсу съ своимъ имѣніемъ, ходили шайками по лѣсу, ловили дворянъ, раздѣляли ограбленное имущество между собою, а дворянъ отвозили къ Пугачеву. Возчики наши, остановясь въ селѣ близъ церкви, пошли къ толпѣ народа собравшейся на площади. Когда такимъ образомъ мы остались одни, старушка, жившая въ богадѣльнѣ, подойдя къ моей телѣгѣ, положила мнѣ облупленное яйцо и кусокъ хлѣба, сказавъ: «прими Христа ради»; спросила,

какъ зовутъ меня, и объявила мнѣ, что знаетъ насъ, что матушку и сестеръ провезли наканунѣ и убили недалеко отъ села, и маленькую трехнедѣльную сестру положили матушкѣ на грудь. Потомъ, увидя, что хозяйева нашихъ телѣгъ возвращаются, простилась со мною, сказавъ, что и меня на томъ же мѣстѣ убьютъ.

Отѣхавъ двѣ версты отъ села, увидѣлъ я, сквозь щели телѣги, брошенные близъ дороги тѣла убитыхъ дворянъ. Полагая, что между ними находятся и тѣла близкихъ моему сердцу, спросилъ я у крестьянина, куда везетъ онъ меня. — «Въ городъ, отвѣчалъ онъ; — потому что тамъ только велѣно убивать дворянъ.» Я сталъ просить, чтобы, развязавъ меня, онъ позволилъ найдти тѣла матушки и сестеръ, и проститься съ ними; но онъ сказалъ мнѣ презрительно: «ты сегодня же съ ними на томъ свѣтѣ увидишься.»

Отчаяніе привело меня въ ожесточеніе; я сталъ бранить его, укоряя, что онъ мучитъ человѣка, не сдѣлавшаго ему никакого зла, и продаетъ его на убійство за десять рублей, и что въ послѣдніе часы жизни лишаетъ его горестной отрады увидѣть и проститься съ тѣлами родныхъ; наконецъ, страшая гнѣвомъ Божиимъ, я достигъ того, что онъ сжалился надо мною: развязалъ мнѣ ноги, помогъ поворотиться и позволилъ сидѣть въ телѣгѣ.

Это снисхожденіе послужило мнѣ только къ большому мученію; я могъ не только видѣть, но и узнавать тѣла знакомыхъ и родственниковъ; сердце до того сжалось, что я уже не хотѣлъ оставаться въ живыхъ. Связанныя руки мои распухли; запонка, оставшаяся у одного рукава, давила мнѣ одну изъ нихъ; я попросилъ крестьянина отстегнуть ее, говоря: «она серебрянная, тѣбѣ годится». Исполнивъ мою просьбу и

любуюсь на запонку, онъ сказалъ: «ба, да ты, братъ, добрый, не сердись на меня». Я отвѣчалъ, что если все переѣдутся и будетъ по прежнему, и я останусь живъ, то даю ему слово, что не только не будетъ онъ наказанъ за поступокъ со мною, но что я постараюсь наградить его. На это грозно онъ возразилъ: «врешь, этому не бывать; прошла уже ваша пора.» Однако вскорѣ послѣ того развязалъ мнѣ руки.

По приѣздѣ въ городъ, представилъ онъ насъ въ канцелярію воеводы, гдѣ записали наши имена, заплатили ему за каждого изъ насъ по десяти рублей, высадили изъ телѣгъ и приказали отвести въ тюрьму, находившуюся близъ канцеляріи.

Насилу съ помощію какого-то чело-вѣка взобрался я на лѣстницу, и можно представить себѣ мое удивленіе и радость, когда увидѣлъ я матушку и сестеръ, посаженныхъ тутъ въ числѣ множества дворянъ. Я бросился съ восхищеніемъ къ матушкѣ, но она, холодно давъ мнѣ руку, спросила, «гдѣ отецъ?» Я отвѣчалъ, что не знаю. Послѣ этого во все продолженіе дня и слѣдующей ночи, она ни съ кѣмъ ни слова не говорила. Сестра мнѣ рассказала, что чело-вѣкъ, котораго батюшка посылалъ изъ лѣса, былъ въ толпѣ злодѣевъ, напавшихъ на насъ, что онъ былъ пьянъ и ударилъ матушку и ее дубиною по головѣ; окровавленные ихъ платья подтверждали истину этихъ словъ; разбойники, выбравъ всѣ вещи изъ повозокъ, раздѣлили ихъ между собою и собирались убить матушку и сестеръ; но люди наши умоляли о помилованіи, свидѣтельствуя въ томъ, что господа были добрые; выйдя изъ лѣса, они провожали до тѣхъ поръ, пока могли не отставать отъ повозокъ, ѣхавшихъ тихо, и во все это время оказывали матушкѣ и сестрамъ усердіе и

почтеніе; даже чело-вѣкъ, ударившій ихъ дубиною по головѣ, молчалъ и показывалъ видъ раскаянія. Все это было причиною того, что крестьяне учтиво съ ними поступали все время, и привезя въ городъ, объявили о томъ воеводѣ, опредѣленному отъ самозванца. Со слезами рассказывала мнѣ сестра, что матушка въ теченіи двухъ сутокъ ни съ кѣмъ не говоритъ, и что въ поступкахъ ея замѣтно помѣшательство.

На другой день поутру вошла къ намъ въ тюрьму, для подаенія милостыни, горничная двоюродной сестры нашей, убитой во время смятенія. Матушка спросила ее, не знаетъ ли чего о батюшкѣ. — «Его вчера повѣсили въ деревнѣ вашей», отвѣчала та хладнокровно. Услышавъ это, матушка упала въ обморокъ и долго пролежала безъ чувствъ; мы думали, что она скончалась, и окруживъ ее, рыдали; помочь же ей и не умѣли и не имѣли средствъ: у насъ и воды тогда не было.

Очуствовавшись отъ обморока, матушка, стоя на колѣняхъ, долго молилась Богу, потомъ просила горничную рассказать подробности нашего несчастія. Женщина эта рассказала намъ, что батюшка рано поутру прибѣжалъ къ околицѣ своей деревни, гдѣ встрѣтилъ дворовыхъ людей нашихъ и нѣкоторыхъ крестьянъ. Сказавъ имъ, что онъ трое сутокъ ничего не ѣлъ, разбросалъ свое платье полѣсу, будучи не въ силахъ нести его на себѣ, просилъ дать ему молока и хлѣба, что тотчасъ было исполнено; потомъ узнавъ, что матушку и сестру отвезли въ городъ, просилъ, чтобы и его туда же отправили; люди, исполняя его волю, запрягли парюю телѣгу, въ которой онъ выѣхалъ изъ деревни, но какая-то женщина, мывшая на рѣкѣ платья, увидя толпу злодѣевъ, ѣхавшихъ на другой сторонѣ рѣки, закричала имъ: «баринъ здѣсь». Эти люди

тотчасъ же переправились вплавь чрезъ рѣку, и не заставъ батюшку въ деревнѣ, поскакали вслѣдъ за нимъ. Нагнавъ его въ нѣсколькихъ верстахъ отъ селенія, заставили повернуть назадъ, и собравши всѣхъ дворовыхъ и крестьянъ нашихъ, объявили имъ, что, кто хочетъ, можетъ бить его. Когда же всѣ сказали, что довольны батюшкою, и просили ему помилованія, то злодѣи приказали везти его въ городъ. Но тогда тотъ самый человѣкъ, который ударилъ матушку и сестру дубиною по головѣ, сталъ бить батюшку плетью; послѣ чего казаки повѣсили его и стрѣляя въ него, ранили въ плечо и бокъ. Наконецъ, полагая, что онъ уже умеръ, снявъ съ висѣлицы, потащили за ноги къ рѣкѣ, и тамъ въ тинѣ оставили.... Но видно, онъ еще былъ живъ тогда, потому что преданные ему люди, чрезъ нѣсколько дней послѣ того выѣхавшіе изъ города, нашли тѣло его и свидѣтельствовали, что пальцы правой руки его были сложены для крестнаго знаменія.

Такова была кончина человѣка, котораго, по всей справедливости, можно было назвать честнѣйшимъ. Всѣ, знавшіе его, единогласно въ томъ удостовѣряютъ, и всѣ дѣла его подтверждаютъ тоже; твердый въ правилахъ, онъ былъ справедливъ и щедръ. Онъ погребенъ близъ церкви. Часто послѣ плакали мы на его могилѣ, и почтеніе къ его памяти вѣчно останется въ моемъ сердцѣ.

Часу въ десятомъ утра услышали мы шумъ народа, толпившагося около канцеляріи. Караульные наши смотрѣли за нами слабо, я сошелъ внизъ и слышу, всѣ кричать: «Воевода (!)

(!) Не задолго предъ бунтомъ, присланъ былъ въ Алатырь къ исправленію воеводской должности подполковникъ Бѣлокопытовъ; онъ узналъ о приближеніи самозванца, и замѣтивъ сильное

идеть, сѣчетъ и рубить.» Вскорѣ послѣ того показались бѣжавшіе окровавленные люди. За ними слѣдовалъ воевода Бѣлокопытовъ съ обнаженною шпагою въ рукѣ, и кругомъ его пять солдатъ штатной команды съ ружьями на плечахъ; двери предъ нимъ отворились; онъ вошелъ въ канцелярію; всѣ робко на него смотрѣли и готовы были ему повиноваться.

Войдя въ судейскую комнату, Бѣлокопытовъ засталъ на воеводскомъ стулѣ Сердешева, назначеннаго въ воеводу самозванцемъ. Тутъ начался споръ стараго воеводы съ новымъ (?); Сердешевъ говорилъ, что не отдастъ онъ Бѣлокопытову своего мѣста, потому что спасъ отъ смерти многихъ дворянъ; Бѣлокопытовъ, не отвѣчая ему, закричалъ своимъ солдатамъ: «возьмите его!» Солдаты, схвативъ Сердешева, кто какъ попало, стащили его со стула и отвели подъ стражу. Тогда Бѣлокопытовъ, открывъ окно на площадь, гдѣ много собралось народа, закричалъ повелительнымъ голосомъ, чтобы всѣ прежніе начальники въ городѣ и въ

волненіе въ народѣ, не имѣя никакой возможности сопротивляться, рѣшился спастись бѣгствомъ. Онъ ушелъ ночью съ шестью солдатами изъ города въ лѣсъ и унесъ съ собою всѣ деньги, кромѣ мѣдныхъ. Возвратясь въ городъ, оставилъ въ лѣсу при деньгахъ одного солдата, и такимъ образомъ спасъ и себя и казну.

(?) Пивалидной команды прапорщикъ Сердешевъ, не успѣвъ бѣжать, явился къ самозванцу, и присягнулъ ему. Онъ опредѣленъ былъ воеводою въ Алатырь, и ему данъ былъ указъ, состоявшій только въ томъ, чтобы възвать всѣхъ дворянъ. Сердешевъ объявилъ въ народѣ, что не позволяетъ убивать дворянъ въ увѣдѣ, и приказалъ возить ихъ для того въ городъ. Чтобы успѣшнѣе привести эту мѣру въ исполненіе, онъ платилъ за каждаго мужчину десять, а за женщину пять рублей, и такимъ образомъ спасъ многихъ отъ смерти.

предмѣстїи тотчасъ явились къ нему, что и было исполнено немедленно. Вышедъ на крыльцо, именемъ Государыни, объявилъ онъ всѣмъ, что преступленія ихъ прощаетъ, но только, чтобы жители поставили триста человѣкъ конныхъ и вооруженныхъ людей, которыми общалъ давать по одной копѣйкѣ въ день жалованья и назвалъ ихъ *копѣйщиками*. Требованіе его такъ скоро было исполнено, что онъ тутъ же успѣлъ осмотрѣть представленныхъ ему людей, записать ихъ имена, раздѣлить на команды и опредѣлить къ нимъ начальниками солдатъ, возвратившихся съ ними изъ лѣса. Узнавъ, что партія бунтовщиковъ пьянствуетъ въ дворянскомъ селеніи, въ восемнадцати верстахъ отъ города, онъ отрядилъ туда команду, которая взяла ихъ и привезла въ городъ; нѣкоторые изъ нихъ замучены были до смерти, а другіе посажены въ острогъ; по показанію послѣднихъ о другой партіи, находившейся въ другомъ селеніи, Бѣлокопытовъ отправилъ и за ними команду; все это исполнилъ онъ въ первый день своего воеводства.

Я былъ очевидцемъ всѣхъ этихъ происшествій. Воспользовавшись свободою и оставшись безъ надзора послушаю перемѣны властей, я, не теряя изъ виду воеводу, шатался съ прочими ребятишками, то по площади, то въ канцеляріи; когда уже стало смеркаться, возвратясь въ тюрьму, я нашелъ матушку, сестеръ и братьевъ въ большомъ страхѣ, отъ моего долгаго отсутствія. Со мною пришелъ подъячій, котораго мать была понадѣю въ нашемъ селѣ; онъ предложилъ намъ квартиру въ его домѣ; хромою и престарѣлымъ регистраторъ, отецъ подъячаго, сдѣлалъ тоже предложеніе, но съ тѣмъ, чтобы я просилъ дозволенія на то у воеводы, и не думая, что можетъ быть въ

томъ отказано, ушелъ домой приготовить намъ ужинъ.

Войдя въ судейскую комнату, увидѣлъ я воеводу съ перомъ въ рукахъ и что-то читавшаго; я подошелъ къ столу, имѣя на себѣ всей одежды одну только рубашку. Дождавшись, пока онъ взглянулъ на меня, я низко поклонился, объявилъ ему что я дворянинъ его провинціи, чудесно спасшійся отъ смерти, и просилъ позволить мнѣ съ семьей своей жить въ домѣ подъячаго. Воевода, не отвѣчая на слова мои, сказалъ: «пошолъ вонъ, теперь не до тебя.» Я вышелъ изъ судейской и объявилъ этотъ отвѣтъ молодому подъячему, который научилъ меня сказать часовому изъ ново-набраннаго войска, что воевода приказалъ насъ выпустить. Я исполнилъ совѣтъ этотъ успѣшно, и мы взявъ матушку подъ руки, увели изъ тюрьмы; наступившая темнота благоприятствовала нашему бѣгству, и когда мы пришли въ домъ подъячаго, вся семья его встрѣтила насъ со слезами, и послѣ ужина уложила насъ въ чистой комнатѣ.

На другой день предъ разсвѣтомъ сильное волненіе въ городѣ разбудило насъ; крикъ, шумъ, скачка по улицамъ навели на всѣхъ большой страхъ. Причина этого шума скоро объяснилась: сотня казачьяго полка, прискакавъ въ городъ, окружила канцелярію съ ужаснымъ крикомъ, и спрашивала: «кому вы служите?» Вновь набранное войско, думая, что это партія бунтовщиковъ, отвѣчало, что служить самозванцу; командиръ сотни, поставя часовыхъ, поскакалъ въ домъ къ воеводѣ Бѣлокопытову, который въ испугѣ спрятался въ огородѣ, гдѣ казаки наши его между двухъ грядъ гороха. Когда они привели его къ ротмистру, воевода, думая, что онъ стоитъ предъ Пугачевымъ, объявилъ себя слугою

самозванца; ротмистръ, давъ ему нѣсколько пощечинъ, вывелъ несчастнаго на площадь, и при множествѣ собравшагося народа выскъзъ плетью. Такимъ же образомъ поступилъ онъ съ воеводою Сердешевымъ и приказалъ связать имъ руки назадъ и посадить въ двѣ телѣги, запряженные парою.

Въ то время, какъ ротмистръ управлялся въ воеводами, казаки его команды бросились въ обывательскіе дома грабить. Хозяйка наша, обливаясь горькими слезами, просила помилованія у грабителей; но казаки брали всё вещи, которыя находили и могли взять, не отвѣчая ей ни слова. Жалость взяла меня; не говоря никому ни слова, я, надѣвъ старый набойчатый халатъ и туфли моего хозяина, отправился на площадь. Ротмистръ въ то время бранился съ связанными и посаженными въ телѣги, выскъзанными воеводами; я подошелъ къ нему, объявилъ, что я дворянинъ, потерпѣвшій несчастіе отъ бунта, лишился отца, и не имѣя пристанища, призрѣнъ со всею оставшеюся семьею моею подъячимъ, котораго ограбили казаки его команды. Ротмистръ, хотя былъ пьянъ, но сжалился надо мною, — приказалъ сыскать козаковъ и отдать мнѣ все взятое; въ мигъ возвратили мнѣ множество платя и вещей. И когда я объявилъ ротмистру, что я не въ состояніи поднять все принесенное, онъ приказалъ казакамъ тотчасъ отнести все обратно, что и было исполнено.

Я понравился пьяному ротмистру; онъ поцѣловалъ меня, объявилъ мнѣ, что выскъзъ воеводъ, и спрашивалъ, не досадили ли они мнѣ, обѣщая прибавить имъ по нѣскольку ударовъ. Потомъ онъ приказалъ привести на площадь бунтовщиковъ, привезенныхъ воеводою Бѣлокопытовымъ наканунѣ и посаженныхъ въ острогъ. Казаки,

поднявъ ихъ на пики, разстрѣляли. Совершивъ этотъ послѣдній подвигъ, собралъ онъ свою команду и съ обоими воеводами отправился изъ города, оставивъ насъ безъ всякаго начальства.

Возвратясь домой, я былъ принятъ подъячимъ и женою его съ почестями; они называли меня благодѣтелемъ, спасшимъ ихъ имѣніе, и въ награду за геройскіе подвиги подарили мнѣ взятые у нихъ халатъ и туфли. Но это торжество было не продолжительное, и я скорѣ былъ причиною многихъ ихъ горестей.

Въ тотъ же день вечеромъ вступилъ въ городъ гарнизонный баталіонъ изъ Симбирска, и скорѣ послѣ того возвратился и воевода Бѣлокопытовъ, у котораго ротмистръ просилъ прощенія, протрезвившись и чувствуя, что поступилъ съ нимъ неблагоразумно. Воевода, получивъ свободу, обѣщалъ ротмистру не разглашать, что былъ выскъзъ плетью.

По возвращеніи своемъ, Бѣлокопытовъ отправилъ нѣсколько солдатъ на мельницу богатаго купца привезти въ городъ его имущество, и разнеслась по городу вѣсть, что взялъ онъ за то съ купца пятьдесятъ рублей. Я полагаю, что если можно посылать команды, то воевода не откажетъ послать къ намъ въ деревню объявить людямъ, чтобы явились въ городъ и привезли все необходимое къ нашему содержанію.

На другой день поутру, не сказавшись никому, пошелъ я къ воеводѣ; я нашелъ его въ канцеляріи и изъяснилъ ему свою просьбу. Не отвѣчая на слова мои, онъ сказалъ грозно: «Какъ смѣлъ ты обмануть часоваго и увести свою мать, братьевъ и сестеръ изъ-подъ караула?» Я съ кротостію отвѣчалъ, что если бы увидѣлъ онъ положеніе матушки, то онъ самъ бы сжалился надъ нами и приказалъ бы вы-

пустить ее изъ тюрьмы. «Такъ нѣтъ тебѣ команды для посланки въ деревню», сказалъ онъ сурово. «Это отъ того, отвѣчалъ я, что нѣтъ у меня пятидесяти рублей.» — «Ахъ ты сарафаникъ, щенокъ!» закричалъ воевода. «Родился я съ тѣмъ, возразилъ я, чтобы носить кафтанъ лучше твоего, потому что я дворянинъ, а ты солдатскій сынъ.» Тутъ вскочилъ онъ со стула, затопалъ и закричалъ: «Розги! я выську тебя!» А я, подобравъ длинныя полы подъяческаго, набойчатого халата убѣжалъ домой, не сказавъ никому о своемъ приключеніи.

Воевода, озлобившись на четырнадцатилѣтняго мальчика, призвалъ старика подъячаго, и приказалъ ему, чтобы тотчасъ всѣхъ насъ выгнать изъ дома. Но нашъ добрый хозяинъ объявилъ Бѣлокопытову, что мой отецъ былъ его благодѣтель, и потому онъ никакъ не можетъ исполнить его приказаніе. Воевода спорилъ, подтверждалъ свои повелѣнія палочными ударами по спинѣ добраго подъячаго; но тотъ вытерпѣлъ наказаніе и не согласился выгнать насъ; его принесли домой на рукахъ, призвали цырюльника и пустили ему кровь.

На другой день воевода, узнавъ, что хозяинъ нашъ, сказавшись больнымъ, остался дома, приказалъ привести его въ канцелярію, и заковавъ въ желѣзы, посадилъ подъ караулъ будто бы за то, что онъ, бывъ приходорасходчикомъ, задержалъ казенныя деньги, показывая ложно, что онѣ похищены бунтовщиками; прислалъ описать все его имущество и сдѣлалъ въ домѣ строжайшій обыскъ, по которому однако же не найдено было ничего, что бы могло служить основаніемъ подозрѣнію, вымышленному съ такою злобою.

Эти происшествія терзали мое сердце; раскаяніе и жалость меня мучили:

упреки нашей хозяйки, гнѣвъ матушки и горькія слезы ея напоминали мнѣ поминутно мою вину и случившееся отъ того несчастіе людей, которые оказали намъ услугу, и безъ помощи которыхъ не знали бы мы, куда приклонить голову. Когда матушка пошла къ вечернѣ съ женою подъячаго, я взялъ съ собою братьевъ, которые были въ однѣхъ рубашкахъ, и пошелъ къ воеводѣ. Встрѣтивъ его на площади, когда онъ шелъ изъ дома своего въ канцелярію, я бросился предъ нимъ на колѣни и просилъ прощенія; онъ такъ было грубъ и золъ, что, не отвѣчая ни слова, едва не ударилъ меня въ лицо ногою. Я хотѣлъ было войти за нимъ въ канцелярію; но солдаты, поставленные у дверей, не впустили насъ.

Возвратившись домой, я рассказалъ о своей неудачѣ, и былъ наказанъ за то. Хозяйка наша возненавидѣла меня и бранила безпрестанно. Мужъ ея высѣченъ былъ въ тотъ же вечеръ, и ему сказано было, чтобы согналъ насъ со двора, но онъ не согласился на то и послѣ наказанія.

На другой день вечеромъ возвратился дворовый нашъ человѣкъ, котораго батюшка посылалъ въ Оренбургскую деревню узнать, что тамъ дѣлается, и собрать оброкъ. На обратномъ пути, узнавъ о возмущеніи, онъ отпустилъ бывшаго съ нимъ крестьянина, и одинъ, пѣшкомъ, въ разорванной одеждѣ, пошелъ насъ отыскивать. Вѣрность этого человѣка и радость его при свиданіи съ нами сладостна была опротивѣвшимъ сердцамъ нашимъ, а деньги, которыя онъ съ собою принесъ, дали намъ возможность не бояться нищеты. Узнавъ подробно о всѣхъ обстоятельствахъ, онъ нашелъ, что не нужно просить команды у воеводы, и вызвался самъ идти въ деревню и привезти людей и все нужное къ нашему содер-

жанію. Матушка удерживала его, боясь, чтобы и его тамъ не убили; но онъ не послушался, и въ ту же ночь отправился пѣшкомъ въ путь.

На другой день вечеромъ пришли къ намъ человекъ двадцать нашихъ людей, и въ числѣ ихъ тотъ, который указалъ мѣсто, гдѣ мы скрылись, ударилъ матушку и сестру, и одинъ изъ всѣхъ участвовалъ въ убійствѣ батюшки. Увидѣвъ его, матушка испугалась и вскричала: «Бога ради, не пускайте его ко мнѣ!» Я велѣлъ ему идти за собою, и взявъ двоихъ людей, пошелъ въ канцелярію. Въ то время воеводы тамъ не было. Вызвавъ караульнаго сержанта, я объявилъ ему о преступленіи этого человека, за которое онъ долженъ быть преданъ суду, и оставивъ его въ канцеляріи, возвратился домой.

Все это послужило воеводѣ, какъ видно, доказательствомъ, что мы не имѣемъ болѣе надобности просить его милости, и на другой день, когда я былъ посланъ къ нему матушкою объявить о поступкахъ человека, отданнаго подъ стражу, воевода, хотя и со злобою, но учтиво сказалъ мнѣ: «Не погрѣшите предъ Богомъ, если вы праваго дѣлаете виноватымъ.»—«Отъ васъ зависитъ оправдать его», отвѣчалъ я. Въ тотъ же день игуменья, двоюродная сестра батюшки, скрывавшаяся до того времени въ лѣсу, возвратившись въ монастырь, дала свою рясу нашему портному и приказала сшить мнѣ кафтанъ и прочія принадлежности одежды. Сапожникъ нашъ досталъ гдѣ-то кожи и сшилъ мнѣ сапоги. Все это сдѣлано было скоро, и я пересталъ быть сарафанникомъ, какъ называлъ меня Вѣлокопытовъ, видя въ подъяческомъ набойчатомъ халатѣ.

Я сталъ смѣлѣе въ новомъ нарядѣ. Хозяинъ нашъ, выпущенный изъ тюрьмы, оправился; жена его, со всею

своею семьей, пользуясь нашими припасами, стала веселѣе. Монахи, монахини, городскія богомольныя старушки, узнавъ, что у матушки водятся деньги, стали ласкаться къ ней больше прежняго. Она приказала служить по всѣмъ церквамъ панихиды по батюшкѣ, проводила все время въ молитвѣ и слезахъ, и совсѣмъ забыла насъ, ведя жизнь по обрядамъ монастырскимъ. Я могъ дѣлать, что хотѣлъ.

Часъ отъ часу дѣлаясь смѣлѣе, я скоро дошелъ до дерзости, и не пропускалъ случая, при встрѣчѣ съ воеводою, оказывать ему грубости, если не словомъ, то хоть миною. Однажды услышалъ я, что множество лошадей, отбитыхъ у бунтовщиковъ, за отсутствіемъ хозяевъ, отдаются на росписку городскимъ жителямъ, и что воевода извлекаетъ изъ того свои выгоды. Я явился въ канцелярію, объявилъ желаніе взять къ себѣ пять лучшихъ лошадей, хотя мнѣ въ нихъ не было никакой надобности, и въ разговорѣ не забылъ наговорить дерзостей Вѣлокопытову. Онъ выслушалъ меня хладнокровно и приказалъ дать мнѣ лошадей, которыхъ я просилъ.

Вскорѣ буйственныя эти склонности довели было меня до бѣды, которая могла бы сдѣлать меня навѣки несчастнымъ.

Матушка, сдѣлавшись до чрезвычайности богомольною, занималась нами, какъ выше я сказалъ, мало. Я дѣлалъ, что хотѣлъ, окружилъ себя мальчиками разнаго состоянія, и вскорѣ умѣлъ взять надъ ними большую власть.

Всѣ умы заняты были тогдашними суровыми происшествіями. Безпрерывные слухи о сраженіяхъ и убійствахъ, и почти ежедневное зрѣлище смертной казни, завели и у насъ тому подобныя игры. Мы раздѣлились на двѣ партіи, изъ которыхъ одной я былъ предводи-

телемъ, и играли въ войну. Однажды, собралось мало мальчиковъ моей партіи, и, видя невозможность защищаться на открытомъ мѣстѣ и напасть, какъ прежде бывало, на непріятеля, засѣлъ въ пустыхъ срубѣхъ сгорѣвшихъ избъ. Предводитель непріятельской партіи, сынъ ямщика, не зная, гдѣ мы скрывались, послалъ изъ партіи своей лазутчикомъ мальчика-дворянина ровестника мнѣ, и также какъ я чудеснымъ образомъ спасшагося отъ смерти, поручивъ ему развѣдать, откуда удобнее на насъ напасть. Этотъ мальчикъ, маленькій ростомъ, раздѣлся, и прикрывъ спину рогожею, поползъ на животъ исполнить данное ему порученіе. Непріятель нашъ не зналъ, что, для надзора за его движеніями, я поставилъ въ скрытыхъ мѣстахъ нѣсколько часовыхъ, которые поймали и привели ко мнѣ лазутчика. Я собралъ начальниковъ моей партіи, нарядилъ судъ, который рѣшилъ виновнаго повѣсить, и какъ ни любилъ я этого мальчика, но привелъ въ исполненіе приговоръ суда. Къ счастью нашему, петля, сдѣланная изъ той рогожи, которая покрывала лазутчика, слабо скрученная, была мягка и не сильно захватила горло; однако онъ переставалъ уже дышать, когда гарнизонный солдатъ, шедшій по пустырю, увидѣвъ наши продѣлки, прибѣжалъ, и вовремя снялъ повѣшеннаго, который долго лежалъ безъ чувствъ. Мы стали дышать ему въ ротъ и качать, — и кое-какъ оживили. Не могу передать, какъ сильно я почувствовалъ важность моего преступленія. Я сознался во всемъ предъ солдатомъ, просилъ его отвести меня, какъ убійцу, къ воеводѣ, говоря, что я достоинъ строгаго наказанія, что сгорѣвши я предъ Богомъ и предъ людьми, и не долженъ болѣе жить на свѣтѣ. Когда мальчикъ ожилъ, и солдатъ, только по-

журивъ меня, отпустилъ, я сильно обрадовался, тотчасъ помирился съ лазутчикомъ, и отыскавъ его платье, помогъ ему одѣться, а какъ все мальчики разбѣжались, видя бѣду, то и мы воротились домой; съ этихъ поръ я далъ себѣ слово не заводить впередъ подобной забавы, и игралъ только въ козлы и чушки.

Воевода не переставалъ насъ преслѣдовать, и хотя выпустилъ подъячаго изъ тюрьмы и не наказывалъ его, но всячески старался, чтобы онъ согналъ насъ со двора, на что хозяинъ нашъ однакоже не согласился. Упорство подъячаго, грубости, которыя продолжалъ я безпрестанно оказывать воеводѣ, и разлаженіе о поступкахъ его сердили Бѣлокопытова и вѣроятно убѣждали его въ необходимости удалить изъ города дерзкаго мальчишку, знавшаго многія его проказы.

Въ концѣ осени воевода получилъ приказаніе приготовить квартиры для пѣхотнаго полка. Онъ назначилъ двухъ офицеровъ въ домъ нашего хозяина, оставивъ безъ постоя многіе дома, гораздо болѣе нашего, который состоялъ всего изъ горницы, съ перегородкой, гдѣ мы жили, горницы, гдѣ жилъ хозяинъ съ своею семьей, и небольшой избы для людей на дворѣ: поэтому намъ невозможно было долѣе оставаться въ домѣ. Сколько ни искали мы нанять квартиру, никакая цѣна не могла соблазнить обывателей; никто, опасаясь гнѣва воеводы, не впускалъ насъ къ себѣ. Мнѣ приходилось плохо; опять начали бранить и бить меня. Матушка посылала меня почти каждый день къ воеводѣ просить о квартирѣ; сама къ нему ѣздила, но онъ былъ неумолимъ, говоря: «Вы можете жить въ своей деревнѣ.» Намъ нельзя было туда ѣхать, потому что матушка чувствовала къ ней обращеніе, да и жить тамъ было опасно.

Все это заставило насъ собраться ѣхать въ Пензу, за двѣсти слишкомъ верстъ отъ Алатыря. Трудное было наше положеніе; мы знали какія опасности предстояли намъ въ дорогѣ; но дѣлать было нечего, и мы выѣхали наканунѣ прибытія полка въ городъ, на крестьянскихъ лошадяхъ, въ простыхъ крестьянскихъ телѣгахъ, покрытыхъ кибитками. Грязь, проливной дождь, продолжавшійся цѣлый день, дурныя лошади и дурныя повозки были причиною, что, промокнувъ до костей, едва къ вечеру дотащились мы до села въ двадцати верстахъ отъ города, гдѣ расположился тогда полкъ на ночлегъ. Мы простояли нѣсколько часовъ на улицѣ подъ дождемъ, и насилу нашли квартиру; матушка проплакала цѣлую ночь; съ ней сдѣлался жаръ, и она занемогла.

На разсвѣтъ полкъ сталъ собираться въ свой путь, а мы въ свой. Тутъ осмѣлился я приступить къ матушкѣ съ просьбою возвратиться въ городъ, въ надеждѣ, что полковой командиръ за насъ вступится; если же онъ этого не сдѣлаетъ, то предлагалъ я матушкѣ съ сестрами и женскою прислугой помѣститься въ монастырь у игумены, а мнѣ съ братьями жить гдѣ день, гдѣ ночь. Послѣ долгихъ разсужденій и по совѣту одного человѣка, показавшаго къ намъ большое усердіе, матушка согласилась на это предложеніе. Всѣмъ за полкомъ пріѣхали и мы въ городъ и застали на дворѣ нашего хозяина офицерскія повозки; люди ихъ расположились уже въ той горницѣ, гдѣ мы жили. Добрый нашъ подъячій не отказался принять насъ и предложилъ намъ жить въ одной съ нимъ горницѣ. Я надѣлъ черный кафтанъ, и пошелъ къ командующему полкомъ бригадирѣ Пилю (²), у котораго тогда было много

офицеровъ и воевода Бѣлокопытовъ. Я подошелъ къ бригадирѣ и объяснилъ ему, что я дворянинъ, лишившійся отца, претерпѣвшій все возможные несчастія, и не имѣю съ цѣлою семьей пристанища по злобѣ воеводы; рассказалъ ему причину этой злобы, и не скрылъ того, что называлъ его солдатскимъ сыномъ. Бригадиръ казался чрезвычайно тронутымъ, и съ слезами на глазахъ, обратясь къ поблѣднѣвшему воеводѣ, сказалъ: «Боишься ли ты Бога!» позвалъ квартирмейстера, и приказалъ тотчасъ очистить нашу квартиру отъ постоя. Когда я прощался и благодарилъ его, онъ изъявилъ желаніе, чтобы я приходилъ къ нему почаще, позволилъ мнѣ обращаться къ нему со всякими просьбами, и обѣщалъ помогать во всемъ.

Я возвратился въ домъ къ хозяину нашему вмѣстѣ съ квартирмейстеромъ. Учтивость этого офицера, скорое исполненіе приказанія бригадира и увѣренность, что онъ уйметъ воеводу, оживили всѣхъ насъ. Вскорѣ мы убѣдились въ основательности этой надежды. Хозяинъ нашъ, большой охотникъ до водки, напившись не вовремя допьяна, ожидалъ неминуемаго наказанія; но воевода не только по обыкновенію, не побилъ его, а даже и не побранилъ. Это до того ободрило его, что мы часто бывало скучали его пьянствомъ, за которое онъ уже не опасался наказанія.

Матушка пришла въ себя, повидавшись съ пріѣхавшею къ намъ игуменьей и собравшимися богомольными старушками и на другой день, поутру, приказала мнѣ идти къ бригадирѣ благодарить отъ ея имени за оказанный намъ милости. Пилъ принялъ меня очень ласково, спрашивалъ о всѣхъ подробностяхъ нашего несчастія и о домашнихъ обстоятельствахъ, оставилъ у себя обѣдать, посадилъ подлѣ себя,

(²) Не дѣдъ ли это М. А. Дмитріева, мать котораго была урожденная Пилъ? *Н. Б.*

занимался болѣе мною, чѣмъ воеводою Бѣлокопытовымъ (который, какъ казалось, очень его боялся) и познакомилъ съ офицерами своего полка, которые были помоложе. Приглашеніе быть чаще у него въ домѣ было очень для меня пріятно.

Вскорѣ потомъ пріѣхалъ въ городъ графъ Петръ Ивановичъ Панинъ съ неограниченнымъ полномочіемъ для управленія краемъ. Узнавъ о нашихъ приключеніяхъ, графъ, на второй день своего пріѣзда, прислалъ мнѣ сказать, чтобъ я явился къ нему на другой день въ шесть часова утра. Цѣлый вечеръ у насъ продолжались толки, что это за вызовъ и для чего. Богомольныя старушки учили меня, каждая по своему, что дѣлать, и что говорить; но я ни одну изъ нихъ довольно не почиталъ, чтобы слѣдовать ихъ совѣтамъ.

Исполняя приказаніе графа, къ шести часамъ я явился и объявилъ о себѣ въ передней какому-то чиновнику, который провелъ меня до дверей кабинета, устроеннаго въ гостиной воеводскаго дома. На большомъ столѣ, заваленномъ множествомъ бумагъ, догорали двѣ свѣчи, тусклый свѣтъ которыхъ едва доходилъ до дверей, въ которыя я вошелъ. Графъ сидѣлъ за столомъ и занимался дѣлами; я видѣлъ, какъ внимательно читалъ онъ бумаги и писалъ на нихъ свои резолюціи; наконецъ, оборотясь ко мнѣ, спросилъ: «Ты Мертваго?» приказалъ подойти къ столу и пріятнымъ тономъ сказалъ: «Расскажи мнѣ, мой другъ, всѣ приключенія твои исторически.» Я рассказалъ ему все подробно, кромѣ того, что касалось до притѣсненія воеводы Бѣлокопытова: матушка мнѣ запретила строго говорить о томъ; впрочемъ я и самъ бы того не сдѣлалъ, зная, что графъ наканунѣ, въ присутствіи многихъ, не только что бранилъ его, но и грозилъ повѣсить.

Во время моего разказа графъ разчувствовался, плакалъ, нѣжно, какъ отецъ, цѣловалъ меня, и сказалъ: «Скажи мнѣ, чѣмъ могу облегчить несчастье ваше и поправить домашнее разстройство?» Я отвѣчалъ, что кромѣ Бога никто этого не можетъ сдѣлать, и что мы ни въ чемъ не нуждаемся. Отвѣтъ этотъ ему понравился. Онъ обнялъ меня и поцѣловалъ. Слезы его, катившіяся на мое лицо, были доказательствомъ участія, принятаго имъ въ нашемъ горѣ. Показывая мнѣ множество бумагъ, онъ сказалъ: «Вотъ дѣло о человѣкѣ вашемъ: онъ злодѣй; что хотите вы съ нимъ дѣлать?» ⁽⁴⁾ Я отвѣчалъ, что вина его не подлежитъ нашему суду. Но графъ возразилъ: «Я властенъ, что хочу, — и такъ спрости матушки своей, и скажи мнѣ; я такъ его накажу, какъ вамъ будетъ угодно.» На это я ему сказалъ, что и матушка ничего сказать не можетъ. Послѣ того онъ отпустилъ меня, пригласивъ къ себѣ обѣдать.

Возвратившись домой, я нашелъ всѣхъ старушекъ, ожидавшихъ меня съ нетерпѣніемъ; я рассказалъ, по приказанію матушки, все, что со мною случилось, и она осталась мною довольна.

Вслѣдствіе приказанія графа, я отправился къ нему обѣдать. Въ числѣ приглашенныхъ было множество чиновниковъ, пріѣхавшихъ для свиданія съ графомъ, — бригадиръ, насъ облагодѣ-

⁽⁴⁾ Человѣкъ этотъ, сдѣлавшій намъ много зла, при допросѣ показалъ, что, боясь пытки, объявилъ о мѣстѣ, гдѣ мы скрывались; матушку и сестру ударилъ дубиною по головѣ, чтобы доказать мятежникамъ, что онъ присталъ къ ихъ толпѣ; а участвовалъ въ убійствѣ, думая, что батюшка, узнавъ о его поступкѣ, не оставитъ безъ наказанія. Человѣкъ этотъ, такимъ образомъ вовлеченный изъ одного злодѣяства въ другое, кончилъ свою жизнь на висѣлицѣ.

тельствовавший, и воевода Бѣлопопытовъ. Когда я вошелъ, графъ выговаривалъ воеводѣ за безпорядки его управленія. Графъ очень милостиво меня принималъ, подозвавъ къ себѣ, поцѣловалъ, и обратившись къ бригадиру, сказалъ: «Вотъ герой и глава своей семьи». За обѣдомъ онъ посадилъ меня подлѣ себя, а по другую его сторону сидѣлъ бригадиръ Пиль. Графъ сказалъ Пилю, чтобы онъ записалъ меня къ себѣ въ полкъ. Пиль отвѣчалъ, что онъ давно мнѣ это предлагалъ, имѣя намѣреніе взять къ себѣ въ адъютанты на вакансію, которая вскорѣ откроется; но что матушка, не посовѣтовавшись съ дѣдушкою, на это не соглашается. Тутъ пошли объ этомъ толки; графъ доказывалъ, что матушка поступаетъ не хорошо, и видя что я молчу, приказалъ передать ей этотъ разговоръ. На другой день графъ выѣхалъ изъ города. Я сталъ чаще ходить къ бригадиру; благодаря хорошему обхожденію его со мною и ласкамъ офицеровъ, я проводилъ время пріятно; наступившая вѣсть съ тѣмъ зима разлучила меня съ мальчишками, прежними моими друзьями, и образъ моей жизни совершенно перемѣнился.

Вскорѣ пріѣхала жена бригадира. Узнавъ о нашихъ приключеніяхъ, она сказала мнѣ, что желаетъ познакомиться съ матушкою. Я отвѣчалъ, что матушка за долгъ почтетъ быть у нея и благодарить за милости, оказанныя намъ ея мужемъ. Возвратившись домой, я думалъ сообщить пріятную новость, и рассказалъ матушкѣ о разговорѣ съ бригадиршею. Но она побранила меня за то, что я осмѣлился давать за нее слово, и, какъ видно, не имѣла и намѣренія знакомиться съ бригадиршею.

Въ первое воскресенье послѣ того бригадирша поѣхала съ своимъ мужемъ къ обѣднѣ въ женскій монастырь, гдѣ

матушка была каждый день. Подозвавъ меня къ себѣ во время обѣдни, она просила меня указать ей матушку, которая стояла въ углу близъ игуменьи и молилась съ горькими слезами. По окончаніи службы, бригадирша подошла къ игуменѣ и познакомилась съ нею. Потомъ, когда игуменья увела матушку въ свою келью, бригадирша съ мужемъ своимъ пошли за нами, гдѣ Пиль, подошедъ къ матушкѣ, сказалъ ей, что онъ доволенъ моими посѣщеніями, и подвелъ къ ней познакомиться свою жену. Матушка, обливаясь слезами, сказала, что по постигшимъ насъ несчастіямъ, она въ такихъ обстоятельствахъ, что должна быть въ тягость людямъ, и только поэтому не была у нихъ, чтобы благодарить за все оказанныя намъ милости,—но что Богъ имъ и дѣтямъ ихъ за то заплатитъ. Сцена была чувствительная; все присутствующіе прослезились, слушая ихъ объясненіе.

Пробывъ нѣсколько времени въ кельѣ, бригадиръ съ женою поѣхали домой, а мы, нѣсколько погодя, потащились пѣшкомъ на квартиру. Только что успѣли воротиться, пріѣхала къ намъ бригадирша. Войдя въ комнату, она просила прощенія, выразила желаніе познакомиться съ матушкою, и все это такимъ обязательнымъ образомъ, понятнымъ чувствительному сердцу. Тутъ начались новыя слезы и изъясненія. Матушка объяснила ей, что она чувствуетъ цѣну ея поступка, благодарить за то Бога, и у Него просить ей возданія; что она не можетъ ни къ кому ѣздить, будучи увѣрена, что кромѣ тягости она собою никому ничего не принесетъ, и ищетъ только уединенія. Бригадирша доказывала матушкѣ, что шестеро малолѣтнихъ дѣтей требуютъ ея попеченія, и она въ исполненіи своихъ обязанностей долж-

на видѣть волю Божию, но матушка отвѣчала все одно и тоже: «Богъ имъ отецъ, и Онъ устроитъ ихъ участь.»

Однако вскорѣ она согласилась съ мнѣніемъ новой нашей попечительницы и общала къ ней пріѣхать, только не къ обѣду, потому что, слѣдуя монастырскимъ правиламъ, ѣла постное, никому о томъ не сказывая, хотя все это знали.

Послѣ обѣда мы все пошли къ бригадирѣ. Ласковый и почти родственныи пріемъ, казалось, былъ пріятенъ матушкѣ; но начавшійся благовѣстъ къ вечернѣ поднялъ насъ вскорѣ, и не слушая никакихъ просьбъ, она со всеми нами отправилась въ монастырь. Игуменья, узнавъ о нашемъ визитѣ, убѣдительно уговаривала матушку продолжать знакомство, говоря, что это нужно для дѣтей ея и не можетъ быть помѣхою любви ея къ молитвѣ.

На другой день бригадирша была опять у насъ и пригласила матушку къ себѣ. Онѣ вскорѣ сблизились; дружба эта заставила матушку придти въ себя и имѣть о насъ должное попеченіе, и можетъ-быть спасла насъ отъ гибели, которая легко могла случиться отъ непризнанія въ ребячествѣ.

II. Служба въ Оренбургскомъ краю.

По прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцовъ послѣ нашего несчастія, матушка стала приходить въ себя и потѣхала къ своему отцу. У него прожили мы почти всю зиму. Возвратясь въ Алатырь, она купила домъ, и перестроивъ его, начали мы жить, какъ слѣдуетъ. Родственница матушки, пріѣхавшая изъ Москвы, съ которою она была дружна, боясь возвратиться въ свою деревню, находящуюся недалеко отъ города, также купила домъ. Многіе дворяне, поселившись также въ городѣ,

составили очень пріятное общество и до того дружное, что казалось, что все были одной семьи⁽⁵⁾. Несчастіе всегда уничтожаетъ гордость и склоняетъ сердца къ снисхожденію и единомыслию.

Между тѣмъ записали меня унтер-офицеромъ въ гвардію, и прислали паспортъ на два года: въ началѣ 1777 я долженъ былъ явиться въ Петербургъ.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1776 г. матушкѣ представилось, что я могу уже быть способенъ къ дѣлу, и меня послали въ Оренбургскую деревню привести въ порядокъ дѣла и разстроенное тамъ хозяйство.

Пріѣхавъ въ 1777 году въ С.-Петербургъ на службу, я не явился въ полкъ. Покровители мои сочли за лучшее показывать меня малолѣтнимъ. Меня производили въ чины и выпрашивали мнѣ паспорта до совершеннаго возраста. Наконецъ, когда мнѣ минуло 19 лѣтъ, я вступилъ въ службу сержантомъ; и чрезъ два мѣсяца, въ которые одинъ только разъ былъ въ караулѣ, мнѣ исходатайствовали отпустить на годъ. По окончаніи отпуска покровители мои посовѣтовали мнѣ оставить военную службу и перейти въ статскую. На 22 году я былъ опредѣленъ прокуроромъ, съ чиномъ этому званію присвоеннымъ.

Все это время и пять лѣтъ, въ которые я былъ прокуроромъ, провелъ я самымъ празднымъ образомъ:

(5) Вотъ одна изъ причинъ заселенія дворянами нашихъ мелкихъ городовъ. Введенное вслѣдъ за угроженіемъ Пугачевщины Учрежденіе о губерніяхъ, въ соединеніи съ дарованною 13 лѣтъ тому назадъ свободою дворянамъ служить или оставаться дома, также много способствовало усиленію городской дворянской жизни и приготовило тотъ бытъ, который господствовалъ до нынѣшнихъ дней. II. Б.

ничему не учился, ни къ чему не прилежалъ, и не зналъ ничего, что касается до должности. Но будучи любимъ начальниками и находясь всегда въ ихъ обществѣ, я не только былъ терпимъ въ службѣ, но многіе даже меня уважали.

(1785) Когда мнѣ минуло 25 лѣтъ, назначенъ къ намъ былъ генераль-губернаторомъ нѣмецъ со всѣми качествами древняго рыцаря и новѣйшаго петиметра: влюбчивый, воинственный, вспыльчивый, хитрый, пріятный въ обществѣ и несносно гордый, щедрый и въ тоже время скупой, охотникъ наряжаться и видѣть предъ собою нарядныхъ, затѣвать великія дѣла, представлять малыя великими и покровительствовать всѣмъ страждущимъ ⁽⁶⁾. Новый генераль-губернаторъ, обладавшій умомъ болѣе чѣмъ обыкновеннымъ, сначала былъ предвзрѣнъ обо мнѣ невыгодно. Но вспыльчивый и избалованный мой нравъ послужилъ мнѣ въ пользу. Жаркое объясненіе о моей невинности ему понравилось, а скорое за тѣмъ открытіе клеветы глупыхъ и пристрастныхъ чиновниковъ обратило его совершенно на мою сторону. Въ началѣ я былъ принятъ въ его избранное общество, потомъ сталъ мнѣ покровительствовать.

Я провелъ нѣсколько времени какъ и прежде празднымъ, но поссорившись съ любовницею генераль-губернатора, которая взяла надъ нимъ большую власть, потерялъ его довѣренность. Мѣсто, къ которому я принадлежалъ по

(6) Графъ Осипъ Максимовичъ Игельстромъ (ум. 1817). Онъ былъ генераль-губернаторомъ Симбирскимъ и Уфимскимъ съ 1784 по 1792 годы. Въ послѣдствіи онъ прославился на войнѣ и особенно извѣстенъ своимъ посольствомъ въ Польшу во время Варшавскаго избиенія Русскихъ Поляками. П. Б.

службѣ, было въ областномъ городѣ. Со мною сдѣлалась лихорадка, которая вмѣстѣ со скукою, неизбѣжною въ дурномъ, отдаленномъ городѣ, такое навела на меня уныніе, что я послалъ просьбу объ отставкѣ. Я ее получилъ обратно вмѣстѣ съ представленіемъ губернскаго прокурора при письмѣ его письмоводителя, которымъ увѣдомлялъ онъ меня, что я произведенъ въ надворные совѣтники, и потому, хотя на нѣкоторое время, долженъ остаться въ службѣ.

Это происшествіе, служащее доказательствомъ выгоднаго обо мнѣ мнѣнія начальства, было причиною множества толковъ. Начальникъ губерніи снова и даже еще болѣе сталъ ко мнѣ внимателенъ, и предложилъ мнѣ ѣхать съ нимъ въ другую губернію, ввѣренную его начальству. Я согласился. Дорогою занемогаетъ его письмоводитель. Будучи принужденъ оставить его, онъ не зналъ, что дѣлать не умѣвъ писать по русски, и предложилъ мнѣ исправлять эту должность, на что я согласился. Слогъ мой ему понравился. Дѣла, сильно дѣйствовавшія тогда на его честолюбіе, открыли мнѣ всѣ тайны его намѣреній. Нѣкоторыя мои предположенія, приведенныя въ дѣйствіе и прославившія его въ послѣдствіи, доставили мнѣ полную его довѣренность и дружбу.

Городъ, гдѣ я прожилъ съ нимъ цѣлые два мѣсяца, мнѣ понравился. Скоро моя съ любовницею генераль-губернатора и вмѣстѣ съ тѣмъ женою глупаго губернатора не представляла мнѣ возможнымъ пріятно проводить время въ Оренбургѣ, и я вздумалъ проситься въ Уфу. Я написалъ къ генераль-прокурору ⁽⁷⁾ и просилъ опредѣ-

(7) Князю Александру Алексѣевичу Вяземскому. П. Б.

лить меня совѣтникомъ въ гражданскую палату. Мѣсто это мнѣ было обѣщано, и, очень довольный, отправился я ожидать повелѣнія о своемъ перемѣщеніи, что вскорѣ было и сдѣлано.

Пріѣхавъ въ Уфу, я вступилъ въ должность. Предсѣдатель палаты, человекъ не молодой, довольно честный, и гордясь знатностію рода и своимъ богатствомъ, считавшій присутствующихъ палаты своими подчиненными, обошелся со мною ласково, но съ видомъ покровительства. Честолюбіе мое было тронуто. Я былъ съ нимъ учтивъ, но сталъ удаляться отъ него, и обходился съ нимъ, какъ съ равнымъ. Мои товарищи, не смѣя поступать также, одобрили однако же мое поведеніе. Однажды, въ присутствіи, предсѣдатель сказалъ мнѣ, что я не знаю дѣла, и хочу быть тѣмъ, чѣмъ быть не умѣю. Больно мнѣ было это выслушать, и хотя на словахъ я ему не уступилъ, но самъ въ себѣ признавалъ преимущество его надъ собою. Послѣ этой ссоры онъ возложилъ на меня особое по дѣламъ порученіе, и мнѣ всякой день приходилось чувствовать свои недостатки. Униженіе, которое я терпѣлъ, и самолюбіе не давали мнѣ покоя. Я сталъ заниматься, познакомился съ старымъ и опытнымъ въ своемъ дѣлѣ честнымъ судьей. Онъ мнѣ ясно доказалъ, что путь къ знанію не труденъ и не далекъ, лишь бы охота была учиться. Полгода, проведенные въ серьезномъ занятіи, много научили меня, и дали мнѣ вкусъ любить дѣло.

(1787) Вскорѣ получено было повелѣніе о моемъ перемѣщеніи въ совѣтники губернскаго правленія. Имѣя надежду управлять дѣлами мѣста, начальствующаго въ цѣлой губерніи, я съ восхищеніемъ отправился къ новой должности. Похвальные отзывы на-

чальника поселили въ моемъ сердцѣ честолюбіе.

Вступивъ въ должность и входя въ дѣла, я съ радостію увидѣлъ, что въ состояніи вести ихъ, какъ слѣдуетъ. Самолюбіе внушило мнѣ, что я понимаю виды правительства лучше своихъ предмѣстниковъ; а совершенное во всемъ невѣжество губернатора, съ которымъ я присутствовалъ, еще болѣе вкоренило во мнѣ вредное о себѣ высокое мнѣніе. Въ это время пріѣхалъ ко мнѣ родной мой и другъ, Николай Александровичъ Чирковъ⁽⁸⁾, отправлявшійся въ походъ, которому надобно было дождаться пріѣзда нашего главнаго начальника и принять его приказанія. Онъ получилъ тогда изъ Петербурга вновь появившіяся книги — сочиненія *Merciera* ⁽⁹⁾. Драма его: Судья, сильно поразила меня. Читая ее съ слезами на глазахъ, Чирковъ говорилъ мнѣ: „счастливъ бы я былъ, еслибы ты былъ похожъ на этого судью!“ Воображеніе мое было воспламенено; честолюбіе, подстрекаемое успѣхами и всеобщимъ уваженіемъ, сдѣлалось во мнѣ страстію.

Дружба моя съ начальниками продолжалась не долго. Жена губернатора начала, не даромъ, покровительствовать одному богачу, который искалъ притѣснить бѣднаго, и съ тѣмъ вмѣстѣ разорить цѣлое общество добрыхъ поселянъ. Я за нихъ вступился, поссорился съ начальниками, и хотя не мнѣ защитить крестьянъ, но такъ повелѣть дѣло, что въ послѣдствіи они выиграли.

⁽⁸⁾ Отецъ Софіи Николаевны Давыдовой, нынѣ двовыизвѣстнаго партизана-поэта, женатый въ послѣдствіи на Елизаветѣ Петровнѣ Татищевой, дочери одного изъ основателей „Дружескаго ученаго общества.“ П. Б.

⁽⁹⁾ Судья, драма въ 5 дѣйствіяхъ Мерсье, переведена была А. Θ. Лабзинимъ и напечатана въ Москвѣ, въ 1788 году. П. Б.

Противодѣйствіе губернатору произвело то, что умный генераль-губернаторъ сталъ отзываться обо мнѣ, что я честолюбивый ребенокъ, который ищетъ славы во вкусъ романическомъ; а глупой губернаторъ сердился и бранилъ меня. Жена его внушала своему любовнику, что я стараюсь показать себя умнѣе и справедливѣе его, и употребляю во вредъ его довѣренность, а мужу своему говорила, что пора унять меня.

Между тѣмъ, послучая начавшейся въ 1787 году войны съ Турками, поступило въ губернское правленіе дѣло очень важное, и я выбранъ къ приведенію въ исполненіе предположенія генераль-губернатора.

Прежними примѣрами доказано было, что во время войны съ Турками всегда возмущались народы, исповѣдующіе Магометанскій законъ и обитающіе на Азіатской границѣ, что было всегда причиною, препятствующею успѣхамъ побѣдоноснаго нашего войска.

Бухарія, окруженная степями Киргизъ Кайсаковъ и Татаръ и граничащая съ Персією и Индією, славится своимъ духовенствомъ. Магометане, обитающіе въ Россіи, имѣютъ большее уваженіе къ тѣмъ духовнымъ особамъ, которыя воспитывались въ Бухаріи. По этому всякій мулла, выѣхавшій оттуда, объясняющій догматы религіи, признается суевѣрнымъ народомъ за святаго, — всевѣдущаго. Эти муллы употреблялись всегда Турками къ возбужденію Россійскихъ Магометанъ къ бунту. Генераль-губернаторъ, предугадывая, откуда должно ожидать грозу, и издерживая собственные свои деньги, послалъ въ степь своихъ шпионовъ, и успѣлъ перехватить письмо изъ Турціи въ Бухарію, изъ котораго видно было, что вскорѣ отправляется

паша съ большими подарками склонять Бухарцевъ противъ Россіи. Письмо это послано было въ оригиналѣ къ императрицѣ. Въ слѣдствіе того генераль-губернаторъ получилъ милостивый рескриптъ, въ которомъ хвалили его дѣйствія, и увѣдомляли, что подобное свѣдѣніе уже получено было изъ Персіи. вмѣстѣ съ тѣмъ приказано было, подъ видомъ ревизіи присутственныхъ мѣстъ, отправить по губерніи надежныхъ чиновниковъ, которымъ поручить, примѣняясь къ обстоятельствамъ каждаго края, дать наставленія уѣзднымъ начальникамъ о мѣрахъ, которыя слѣдовало принять, и въ случаѣ прибытія Бухарцевъ, препятствуя исполненію ихъ замысловъ, такъ поступать, чтобы не дать поводъ къ подозрѣнію и не возмущать права народныя. Это важное порученіе дано было мнѣ и одному моему пріятелю; я долженъ былъ объѣхать семь, а онъ шесть округовъ.

Исполнивъ порученіе, я явился въ Оренбургъ къ генераль-губернатору. Всѣ мои представленія на счетъ общихъ дѣлъ по губерніи были совершенно одобрены и приведены въ дѣйствіе. Въ разсужденіи же мѣръ, которыя слѣдовало принять противъ проповѣдыванія Бухарцевъ, я подалъ проэктъ, гдѣ предлагалъ учредить при губернскомъ правленіи духовное собраніе изъ двухъ или трехъ избраннѣйшихъ и въ вѣрности испытанныхъ духовныхъ особъ Магометанскаго закона, которые экзаменовали бы желающихъ поступать въ званіе муллъ и представляли бы ихъ на утвержденіе губернскаго правленія; правленіе же обязано было каждому дать указъ, безъ котораго, какъ безъ доказательства его званія, никто бы не смѣлъ учить въ школахъ и изъяснять законъ въ мечетяхъ. И какъ установленіе не

новое, но только не исполняемое, оно не могло причинить вредных въ народѣ толковъ, а между тѣмъ пресѣчетъ козни Бухарцевъ, распространяющихъ будто бы волю Пророка между простодушными Русскими Магометанами. Проектъ мой принять былъ генералъ-губернаторомъ съ большимъ уваженіемъ, и мнѣ было приказано, прибывъ въ Уфу, объяснить его въ губернскомъ правленіи, и потомъ представить по порядку, чтѣ было исполнено.

(1789) Когда генералъ-губернаторъ получилъ отъ губернскаго правленія мой проектъ, то, одобривъ его, представилъ императрицѣ. Въ слѣдствіе того учреждено было духовное собраніе Магометанскаго закона, и предсѣдатель онаго пожалованъ въ муфти. Права этого новаго мѣста опредѣлены были на основаніи моего проекта. Генералъ-губернаторъ написалъ мнѣ письмо, въ которомъ благодарилъ меня и представилъ къ награжденію орденомъ, но представленіе было сдѣлано слабо, и я его не получилъ.

(1790) Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ сего главный нашъ начальникъ получилъ повелѣніе ѣхать въ столицу и назначеніе командовать арміею противъ Шведовъ. Передъ отъѣздомъ онъ объяснялся со мною, обѣщалъ за меня ходатайствовать, далъ слово взять къ себѣ моего брата и заботиться о его возвышеніи. Онъ помирилъ меня съ мужемъ своей любовницы, и такъ устроилъ дѣло, что я снова всѣмъ сердцемъ сталъ желать ихъ пользы. Приѣхавъ въ столицу, онъ былъ очень милостиво принятъ императрицею. Пользуясь этимъ, онъ до того неумѣренно хвалилъ губернатора, обладателя красоты его любезной, что милости на него посыпались, и онъ былъ удостоенъ совершенной довѣренности, чтѣ возродило неслыханную гордость этого глу-

паго человѣка, и дѣлало его чась отъ часу несноснѣйшимъ. Между тѣмъ губернаторша, не подражая примѣру Пенелопы, чрезъ нѣсколько дней по отъѣздѣ своего героя прельстилась другимъ; извѣстіе о невѣрности ея, дошедшее къ рыцарю среди военныхъ дѣйствій, воспалило его яростію и мщеніемъ.

Въ это время возникло дѣло, сдѣлавшееся въ послѣдствіи важнымъ, которое мучило меня нѣсколько лѣтъ и грозило мнѣ большимъ несчастіемъ. Оренбургъ — коммерческій городъ въ лѣтніе мѣсяцы. Иногородные купцы, приѣзжавшіе на время ярмарки, мало по малу, пользуясь правомъ сильного, присвоили себѣ всѣ выгоды обывателей, которые, будучи бѣдны, терпѣли отъ дорогаго содержанія въ отдаленномъ городѣ на бесплодной землѣ, и отличаясь только отъ другихъ жителей налогами, купеческому званію присвоенными, были въ совершенной нищетѣ. Не въ силахъ будучи производить торгъ свѣжимъ мясомъ, требующимъ капитала на покупку и прокормленіе скота въ зиму, они производили дороговизну для всѣхъ, которые по службѣ должны были жить въ городѣ. Полиція, получивъ согласіе магистрата и дозволеніе губернскаго правленія, заключила контрактъ съ однимъ Оренбургскимъ купцомъ, обязавшимся продавать всегда свѣжее мясо по таксѣ, и за то съ своей стороны запретила иногороднымъ купцамъ, не имѣвшимъ права мелочной торговли въ городѣ, дѣлать подрывъ ему въ этомъ промыслѣ. Купцы сіи, съѣхавшіеся въ городъ къ ярмаркѣ и видя, что пресѣчена имъ большая отрасль барыша, стали просить губернатора, изясняя, что будто бы мясною торговлею держится вся коммерція, чего по справедливости совѣмъ не было. Они хо-

рошенько попросили его секретаря и губернаторшу и довели до того, что онъ, при предложеніи своемъ, прислалъ эти просьбы въ губернское правленіе (въ которомъ я тогда одинъ присутствовалъ), и требовалъ, разсмотрѣвъ дѣло, представить ему мнѣніе правленія. Между тѣмъ онъ остановилъ дѣйствіе контракта и дозволилъ иногороднымъ купцамъ пользоваться всѣми выгодами, принадлежавшими однимъ бѣднымъ обывателямъ. Повѣренный иногороднаго купечества привезъ предложение въ правленіе и подалъ мнѣ письмо, подписанное всѣми лучшими купцами. Въ письмѣ этомъ они выхваляли мою справедливость и, криво доказывая правоту своего дѣла, старались обратить меня на свою сторону. Въ тотъ же день по почтѣ получено было въ правленіи донесеніе магистрата, который просилъ утвердить и привести въ дѣйствіе контрактъ, какъ основанный на законѣ, и сдѣланный въ пользу городскихъ жителей; а начальникъ полиціи и вмѣстѣ съ тѣмъ областной оберъ-комендантъ,* командиръ и старшій членъ пограничной экспедиціи, рапортомъ изъясняли правленію, что если контрактъ будетъ нарушенъ, то полиція лишится всякаго довѣрія, что купецъ, заключившій контрактъ, употребивъ немалый капиталъ на всѣ необходимыя заведенія, раззорится, и городъ по прежнему не будетъ имѣть свѣжаго мяса во всѣ зимніе мѣсяцы. И только что приказалъ сообразить эти одно другому противорѣчащія требованія и выписать законы, относящіеся къ дѣлу, какъ въ тотъ же день получилъ два указа сената. Въ одномъ требовали объясненія о причинахъ медленности во взысканіи денежныхъ недоимокъ, и мнѣ поэтому надобно мнѣ было просмотрѣть до сорока дѣлъ, привести ихъ въ исполненіе и по всѣмъ

написать объясненіе. Вторымъ указомъ сенатъ требовалъ объясненія о причинахъ медленности рекрутскаго набора, которому давно минулъ срокъ. Для донесенія сенату мнѣ также необходимо было просмотрѣть огромную переписку по этому предмету съ казенною палатою.

На другой день я получилъ свѣдѣніе, что Бухарцы и Турки, не имѣя возможности дѣйствовать по прежнему для возбужденія Русскихъ Магометанъ къ бунту, посылаютъ къ двору посла, подъ тѣмъ будто бы предлогомъ, чтобы принести жалобу на Киргизцовъ, грабившихъ караваны и препятствующихъ тѣмъ роспространенію торговли. Посолъ, ѣхавши цѣлое лѣто чрезъ Киргизскую степь, собиралъ тамъ Киргизцовъ и Башкирцовъ, обитающихъ въ предѣлахъ Россіи; многіе изъ нихъ согласились быть готовыми къ бунту, и получили отъ посла обѣщаніе объ отводѣ имъ участковъ земли въ степи Киргизской въ случаѣ неудачи возмущенія. Взаимною присягою они утвердили обѣщаніе, и назначили день, въ который послѣ поминокъ богатыря ихъ, издревле славимаго, погребеннаго въ степи близъ линіи, должно было приступить къ дѣлу. Генераль-прокуроръ, увѣдомляя губернатора о вредныхъ замыслахъ Бухарскаго посла, предписывалъ тотчасъ по прибытіи его на линію, подъ видомъ почестей, удалить его отъ всякаго сообщенія съ народомъ, и на пути къ столицѣ, сколько можно, миновать Магометанскія селенія. Но губернаторъ удовольствовался только тѣмъ, что написалъ всѣмъ комендантамъ принимать посла съ почестями, и немедленно донести о его прибытіи; и потому, по пріѣздѣ въ Оренбургъ, онъ принятъ былъ отлично, и по изъявленному имъ желанію отведена была ему квартира въ Та-

тарской слободѣ, гдѣ, находясь безъ всякаго присмотра (до тѣхъ поръ, пока получено было повелѣніе объ отъѣздѣ его въ Петербургъ) недѣли съ двѣ принималъ у себя Магометанъ нашихъ всѣхъ сословій.

Въ это время получилъ я письмо отъ губернатора, въ которомъ уведомлялъ онъ меня, что, будучи боленъ, ѣдетъ въ Уфу⁽¹⁰⁾, и приказывалъ мнѣ, по окончаніи экстренныхъ дѣлъ и по прибытіи вновь опредѣленнаго совѣтника, выѣхать къ нему на встрѣчу. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ мнѣ давалъ знать о намѣреніи своемъ командировать меня въ округи, и назначилъ мнѣ свиданіе чрезъ четыре дня.

Въ это короткое время я исполнилъ указы сената, и собралъ всѣ свѣдѣнія, необходимыя для командировки; по дѣлу же о мясномъ торгѣ не обратилъ большаго вниманія и отвѣчалъ губернатору, что, по моему мнѣнію, онъ долженъ принадлежать городскимъ обывателямъ, а торгъ саломъ и кожами, какъ предметъ внѣ-

(10) Для болѣе яснаго пониманія, читатели припомнятъ, что недавнія отношенія между Оренбургомъ и Уфою, въ старину находились въ положеніи обратномъ: существовало Уфимское намѣстничество, и Оренбургъ подчинялся Уфѣ. Д. Б. Мертваго писалъ свои Записки уже въ XIX в. и называлъ должности новыми именами. По мѣсяцесловамъ 1789 и 1790 годовъ, къ коимъ относится этотъ разсказъ его, видно, что ни должности губернатора ни губернскаго правленія въ Уфѣ и въ Оренбургѣ тогда не было; подъ именемъ губернатора слѣдуетъ разумѣть правителя намѣстничества, т. е. помощника намѣстника или генералъ губернатора. Этими правителямъ состоялъ тогда генералъ-маіоръ Александръ Александровичъ Пеутлингъ. Совѣтникомъ *наместническаго* правленія, кромѣ Д. Б. Мертваго, показанъ въ мѣсяцесловахъ директоръ народнаго училища Андрейянъ Андреянъ Гагемейстеръ. П. Б.

шней нашей торговли съ Азіатцами, долженъ быть свободный, что предполагалъ представить на разсмотрѣніе сенату. Губернаторъ, или лучше сказать его секретарь, представилъ это дѣло сенату въ такомъ видѣ, что губернское правленіе дозволило заключить контрактъ; но онъ, пріѣхавъ въ Оренбургъ, найдя контрактъ вреднымъ для торговли и имѣющимъ видъ монополіи, остановилъ его дѣйствіе; что отъ существованія этого контракта произошли въ Киргизскомъ народѣ вредные толки, что скотъ ихъ идетъ въ одні руки, и отъ того цѣна ему упадаетъ; а потому прикочевывать на линію они стали меньше, и тѣмъ торговля уменьшилась; что по его мнѣнію должно вовсе уничтожить контрактъ, и позволить всѣмъ безпрепятственно производить всякіе промыслы; губернскаго же правленія, не соглашаясь съ мнѣніемъ его, полагаетъ, что по закону иногородные купцы не могутъ пользоваться правомъ Оренбургскихъ жителей. Иногородные купцы съ своей стороны не дремали. Выбравъ повѣреннаго, на общій счетъ, отправили его въ С.-Петербургъ съ просьбою къ президенту комерцъ-коллегіи⁽¹¹⁾, лично знакомому нѣкоторымъ изъ богатѣйшихъ купцевъ, къ которому писалъ объ этомъ дѣлѣ и губернаторъ.

Не предусматривая скопляющейся надомною тучи, я отправился по округамъ, получивъ отъ губернатора порученіе принимать всякія мѣры, которыя найду полезными. Оставалось безъ малаго два мѣсяца до времени поминокъ богатыря, и потому я началъ ревизію округовъ, къ тому мѣсту прилегающихъ, и занялся изслѣдованіемъ причинъ неуспѣшности рекрутскаго

(11) Графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ въ послѣдствіи канцлеръ (1741-1805) П. Б.

набора. Производя ревизію присутственных мѣстъ, я находилъ почти повсемѣстно притѣсненія и ябеды, раззоряющія бѣдныхъ поселянъ. Принимая сторону угнѣсненныхъ, я старался мирить тяжущихся, употреблялъ самыя жестокія мѣры къ искорененію грабительства, а грабителей вышедшихъ въ чины, которыхъ не возможно было исправить тѣлеснымъ наказаніемъ, заставлялъ подавать прошенія въ отставку; нѣкоторыхъ же въ высшей мѣрѣ преступныхъ отсылалъ къ губернатору для преданія суду. Дѣйствуя такимъ образомъ, я разсѣялъ повсюду такой страхъ, что въ концѣ втораго мѣсяца, пріѣзжая въ города, не находилъ ни жалующихся, ни нерѣшенныхъ дѣлъ, которыя слѣдовало бы окончить.

Слава о моемъ правосудіи и строгости распространилась повсюду. Добродушной Башкирской народъ, не обремененный образованіемъ своимъ никому кромѣ природы, дружелюбно тѣснился вокругъ меня. Смѣлость его обхожденія со мною и похвалы его, исходящія прямо отъ сердца, возвышали мою душу. Неблагодѣтельные же члены и чиновники присутственныхъ мѣстъ встрѣчали меня съ трепетомъ; мрачность ихъ лицъ доказывала черноту ихъ сердца. Отправившись изъ послѣдняго уѣзднаго города верстъ на 500 вдоль по Уральскимъ горамъ въ земли, обитаемыя кочующими Башкирцами, къ могилѣ богатыря, гдѣ долженъ былъ возгорѣться бунтъ, я рѣшился прибыть туда къ празднику поминокъ съ тѣмъ, что если (какъ доходили извѣстія) я найду скопище народа, которое силою укротить будетъ не возможно, то стараться успокоить ихъ. Личная привязанность ко мнѣ и добродушіе этого, повидимому, суроваго народа заставляли меня надѣяться успѣть въ томъ.

Этотъ планъ дѣйствій, задуманный мною въ самомъ началѣ моей поѣздки, я никому не открывалъ, и объявилъ только таможенному чиновнику, находящемуся въ послѣднемъ городѣ, которому прежній губернаторъ поручалъ пограничныя дѣла. Онъ одобрилъ мои предположенія, но при томъ сказалъ мнѣ, что въ слѣдствіе бывшихъ въ ордѣ сходбищъ, нѣсколькodesятковъ Киргизцовъ, какъ слышно, прокравшись чрезъ линію, находятся внутри Башкиріи, для узнанія мѣста, гдѣ удобнѣе переправиться чрезъ Уральскія горы, и потому совѣтывалъ мнѣ взять предосторожности, необходимыя въ такихъ обстоятельствахъ. Извѣстіе это тяжело мнѣ было слышать, но отстать отъ моего намѣренія казалось мнѣ уже невозможнымъ. Я поѣхалъ. Моя свита состояла изъ двухъ моихъ людей, одного унтеръ-офицера и одного переводчика; всѣ мы помѣщались въ двухъ телѣгахъ.

Проѣзжая мѣстами, гдѣ величественная природа представляется во всей красотѣ⁽¹²⁾, я видѣлъ людей совершенно счастливыхъ, живущихъ въ изобиліи и незнающихъ тѣхъ утонченностей образованія, которыя, обольщая, зарождаютъ въ сердцахъ зависть. Я встрѣчалъ всюду благорасположеніе этого простодушнаго народа. Однажды, ѣхавши ночью, я уснулъ въ повозкѣ; люди мои разбудили меня, чтобы перейти пѣшкомъ мостъ, дурно построенный; проснувшись, я увидѣлъ человекъ десять Башкирцевъ, которые сошли съ лоша-

(12) Этими строками невольно приводятся на память описанія того края въ сочиненіяхъ С. Т. Аксакова, который нарисовалъ намъ и картину тогдашней жизни въ городѣ Уфѣ, гдѣ служилъ дѣдъ его по матери Николай Ѳеодоровичъ Зубовъ (Семейная Хроника, изд. 1856, стр. 100 и 104). П. Б.

дей. Спросивъ чрезъ переводчика, что за люди, и какое до меня имѣють дѣло, одинъ изъ нихъ отвѣчалъ, что онъ Башкирецъ, который съ годъ тому назадъ подавалъ въ губернское правленіе просьбу, получилъ отъ меня скорое и справедливое удовлетвореніе и услышавъ въ кочевьяхъ своихъ о моемъ проѣздѣ, онъ выѣхалъ повидаться со мною, и взялъ съ собою своихъ родственниковъ, чтобы познакомить ихъ со мною. Сказавъ имъ нѣсколько дружескихъ словъ, я сталъ съ ними прощаться, совѣтуя имъ обратно ѣхать въ свои улусы, но они отвѣчали мнѣ: «здѣсь не смирно. Всѣ ли знаютъ, что ты добрый судья, и тебя не тронуть? Нѣтъ, мы проводимъ тебя верстъ тридцать до крѣпости, и дорогою поговоримъ съ тобою.» Это доказательство ихъ любви ко мнѣ такъ сладостно мнѣ было, что слезы умиленія покатались по лицу, и я благодарилъ Бога, споспѣшествовавшего мнѣ до сего достигнуть.

Въ слѣдствіе данныхъ мною приказаній капитанъ-исправники изъ двухъ пограничныхъ округовъ ожидали меня въ той крѣпости. Основанная издревле среди Уральскихъ горъ, она имѣла одно названіе крѣпости, находясь въ уступѣ между утесистыми горами; гарнизонъ ея состоялъ изъ 20 дряхлыхъ солдатъ. Исправники мнѣ донесли, что хотя прежде нѣсколько и было замѣтно волненіе въ народѣ, но никогда не доходило до той степени, какъ разсѣялись о томъ несправедливо слухи; теперь же, какъ можно думать, Башкирцы всѣ спокойны, устраиваются на зиму, и нисколько не видно, чтобы рѣшались на отчаянное предпріятіе. Посовѣтовавшись съ ними, я счелъ нужнымъ дать каждому письменное наставленіе, какъ поступать при первомъ усмирении мятежа, и ласково, но вмѣстѣ строго подтвердилъ о соблюде-

ніи справедливости и о скоромъ рѣшеніи дѣла. Затѣмъ я отправился по предназначенному мною пути, и пробывъ всего два съ половиною мѣсяца въ дорогѣ, возвратился въ Уфу.

Въ это время губернаторъ, получивъ нѣсколько милостивыхъ рескриптовъ отъ императрицы, возгордился, и видя изъ моихъ донесеній, что вѣсти о бунтѣ были несправедливы, принялъ меня довольно холодно, и не показавъ никакого вниманія къ хорошему исполненію данного мнѣ порученія. Въ слѣдствіе поданнаго отъ меня рапорта, онъ донесъ императрицѣ, что слухи о волненіи были совершенно несправедливы, въ чемъ удостовѣряють его трое чиновниковъ, посланныхъ имъ для развѣданія въ округи. Въ числѣ этихъ трехъ я показанъ былъ послѣднимъ, а первымъ помѣщенъ былъ чиновникъ, ѣздившій въ свою деревню поохотиться съ собаками, вторымъ же ѣздившій для покупки себѣ и губернатору лошадей. Эта несправедливость меня мало оскорбила, потому что я въ душѣ своей презиралъ начальника и не желалъ его одобренія.

Вскорѣ по возвращеніи моемъ открылись слѣдствія дѣла о мясномъ торгѣ.

Президентъ коммерцъ-коллегіи, получивъ жалобу купцовъ и письмо губернатора, представилъ императрицѣ, что полиція заключила контрактъ съ купцомъ, и предоставила ему одному право продавать въ городѣ мясо. Въ докладѣ онъ умалчалъ о томъ, что купецъ заключилъ контрактъ съ согласія всего общества, имѣющаго право на сію торговлю, и что этотъ контрактъ заключенъ былъ для пользы всѣхъ обывателей. Въ слѣдствіе доклада президента послѣдовалъ указъ генераль-губернатору, бывшему тогда въ Петербургѣ, въ которомъ, охудая распоряженія губернскаго правленія по сему

дѣлу, клонящемуся къ монополіи и притѣсненію народа; не только въ свободѣ торговли, но и въ пропитаніи, какъ сказано было въ указѣ, повелѣно ему принять мѣры къ искорененію этого злоупотребленія, и вытребовавъ, отъ кого слѣдуетъ, объясненіе, поступить съ виновными по законамъ. Генералъ-губернаторъ вмѣсто того, чтобы потребовать объяснительный рапортъ отъ губернскаго правленія и прочитавъ въ сенатѣ донесеніе начальника губерніи, полагая, что я одинъ, присутствуя въ правленіи, дозволилъ заключеніе контракта, предложилъ немедленно уничтожить его, и всѣхъ тѣхъ, которые заключили его и дали на то дозволеніе, предать уголовному суду, и поступить съ ними, какъ съ преступниками закона. Если же откроется, что въ слѣдствіе этого контракта было стѣсненіе въ торговлѣ, причинившее ущербъ казнѣ, или убытки частнымъ лицамъ, то задержать жалованье виновныхъ, на все недвижимое имѣніе ихъ наложить запрещеніе, а на движимое секвестръ.

Генералъ-губернаторъ, приславъ это строгое предписаніе съ нарочнымъ, вмѣстѣ съ тѣмъ писалъ къ губернатору, что, прочитавъ рапортъ его сенату, находитъ его мнѣніе справедливымъ, и полагаетъ, что губернское правленіе, дозволивъ заключеніе контракта, совершенно вышло изъ предѣловъ своей обязанности. Президентъ же комерцъ-коллегии писалъ губернатору, что при докладѣ императрицѣ этого дѣла было объяснено, что онъ въ томъ нисколько не участвовалъ. Показывая мнѣ эти письма, губернаторъ совѣтывалъ мнѣ впредь въ подобныхъ случаяхъ быть осторожнѣе.

Такъ какъ при предложеніи генералъ-губернатора приложена была копія съ именнаго указа, коимъ повелѣно было истребовать объясненіе, а потомъ уже

предать виновныхъ суду, то сдѣлавъ распоряженіе относительно уничтоженія контракта, я написалъ объяснительный рапортъ отъ имени губернскаго правленія, въ которомъ изложилъ причины, побудившія дозволить заключеніе контракта и объяснилъ, что свобода торговли онымъ не стѣснялась, монополіи никакой не могло быть, что обыватели отъ того выиграли и не понесено убытковъ ни казною, ни частными лицами. Въ заключеніи же рапорта я просилъ главнаго начальника губерніи вступить за подчиненное ему мѣсто и защитить оное отъ клеветы.

Я подалъ рапортъ на разсмотрѣніе губернатора, который, прочитавъ его, понялъ, какъ много разнится онъ съ рапортомъ, посланнымъ имъ въ сенатъ и когда я напомнилъ ему, что имъ дано было дозволеніе на заключеніе контракта, и что имъ подписанъ о томъ журналъ губернскаго правленія, онъ очень испугался и пересталъ дѣлать мнѣ наставленія. Онъ, хотя и согласился на журналъ объ объяснительномъ рапортѣ, но подписать самый рапортъ отказался, который за одной моею подписью и былъ отправленъ.

Генералъ-губернаторъ, получивъ объясненіе губернскаго правленія, прислалъ предложеніе, въ которомъ опочивая мое мнѣніе, приказывалъ поступить на основаніи перваго его предложенія, въ которомъ, изъяснена была высочайшая воля государыни императрицы.

Въ тотъ день, какъ это предложеніе было получено, я поутру заѣхалъ къ губернатору. Войдя въ кабинетъ, вижу, что лекарь и камердинеръ трутъ спиртомъ его руки, пораженные параличемъ; страшная блѣдность лица, глаза, налившіеся кровію, жена и дѣти въ слезахъ около постели — вотъ картина,

которая мнѣ представилась. Не понимая ничего, спросилъ я о причинѣ болѣзни; показывая мнѣ бумагу, лежащую на столѣ, онъ сказалъ: „Прочти ее: онъ, злодѣй, погубить насъ хочетъ.“ Я прочиталъ предложеніе, которое, вѣроятно тѣмъ сильнѣе на меня подѣйствовало послѣ картины печали, наполнившей уже уныніемъ мое сердце. Въ жару чувствъ я сказалъ губернатору: «за чѣмъ же такъ сильно огорчаться? Вся тяжесть наказанія, если дѣйствія губернскаго правленія найдены будутъ незаконными, должна пасть на меня, потому что генераль-губернаторъ, объявляя волю императрицы, опорочиваетъ мое мнѣніе, и потому сего дня же я подамъ объясненіе и наложу запрещеніе на свое мнѣніе, а въ получаемомъ жалованьи, безъ котораго служить не могу, представляю поручительство моего брата, который не откажется отвѣчать своимъ мнѣніемъ, если будетъ присуждено возвратить жалованье въ казну, или отдать кому въ удовлетвореніе за убытки».

Когда я это высказалъ, у губернатора покатались слезы по лицу; онъ говорилъ, что это жертва слишкомъ велика и не соглашался принять ее; но я находилъ, что, чувствуя себя правымъ, увѣренъ, что насъ невозможно обвинить за это дѣло; если же мы ничего не сдѣлаемъ по предложенію, въ которомъ изъяснена высочайшая воля, то генераль-губернаторъ, разсердившись, доложить о томъ императрицѣ: мы будемъ уже тогда поистинѣ виноваты, и насъ, отрѣшивъ отъ должности, за дѣло предадутъ суду; и хотъ послѣ и оправдаемся, и я, бывъ молодъ и въ маломъ чинѣ, если буду служить, могу еще догнать своихъ сверстниковъ, но онъ съ большимъ семействомъ, въ его лѣтахъ и чинѣ, можетъ потерять все невоз-

вратно; а преданіе одного меня суду не можетъ имѣть такого вліянія на дѣла губерніи, какъ когда предадутъ насъ вмѣстѣ. И потому, полагалъ я, наложивъ запрещеніе на мое мнѣніе, отослать все дѣло въ уголовную палату для отысканія и преданія суду виновныхъ.

Сдѣлавъ все такимъ образомъ, увѣдомили мы о томъ генераль-губернатора, который совершенно успокоился. Между тѣмъ совѣтывалъ я губернатору наблюдать за уголовною палатою, въ которой присутствующіе ни въ образѣ мыслей ни въ поведеніи не были со мною согласны, и всегда лично были на меня въ неудовольствіи. Я находилъ, что палата не должна никого допрашивать и если найдетъ нужнымъ пояснить дѣло, то относилась бы за справками въ губернское правленіе, которое, будучи мѣстомъ присутственнымъ и поставленнымъ выше палаты, можетъ отстранять несправедливыя требованія и давать дѣлу законный ходъ. Губернаторъ очень охотно принялъ этотъ совѣтъ, и понялъ, что въ исполненіи его заключается собственная его польза.

Вскорѣ послѣ этого я долженъ былъ ѣхать на нѣсколько дней въ свою деревню. Воспользовавшись моимъ отсутствіемъ, ассессоръ уголовной палаты ⁽¹³⁾, состоявшій при губернаторѣ пограничнымъ дѣламъ, свелъ его съ своимъ предсѣдателемъ ⁽¹⁴⁾, съ которымъ онъ былъ прежде въ ссорѣ. Они, посовѣтовавшись, рѣшили дѣло устроить такимъ образомъ: уголовная палата, на основаніи послѣдняго предложенія генераль-губернатора, считая одного меня виновнымъ, будетъ просить у губер-

⁽¹³⁾ По мѣсяцеслову съ росписью на 1791 г. стр. 271, это былъ капитанъ Федоръ Кабрить. *П. Б.*

⁽¹⁴⁾ По мѣсяцесловамъ, Матвей Евментьевичъ Мажаровъ. *П. Б.*

натора позволенія допросить меня, и признавъ за подсудимаго, постановить приговоръ, въ которомъ скажетъ, что по невѣдѣнію законовъ и неразумѣнію важности дѣла, я запуталъ губернатора, за что полагаетъ отрѣшить меня отъ должности съ тѣмъ, чтобы впредь никуда не опредѣлять. Этотъ приговоръ губернаторъ представитъ прямо императрицѣ, прося милосердія чиновнику, сдѣлавшему преступленіе по невѣдѣнію.

По возвращеніи моемъ изъ деревни, ассессоръ, вѣтренной и пьяной Французъ, самъ разсказалъ мнѣ все, что онъ придумалъ вмѣстѣ съ губернаторомъ и предсѣдателемъ уголовной палаты, думая, что я подобнымъ рѣшеніемъ останусь доволенъ. Но когда отвѣтъ мой показалъ ему ясно его заблужденіе, и когда онъ понялъ, что я почитаю себя правымъ и въ силахъ довести дѣло до свѣдѣнія императрицы, до того же времени буду защищаться отъ безчестнаго и глупаго нападенія, сколько законъ и право мое на справедливости основанное мнѣ дозволить, ассессоръ протрезвился, выслушалъ всѣ жесткія слова мои и, какъ видно, успѣлъ донести о томъ губернатору. Когда я, на другой день по утру, къ нему явился, онъ принялъ меня холодно и стыдился глядѣть мнѣ въ глаза. Не желая объясняться, я сколько могъ далъ ему почувствовать, что намѣренія его мнѣ извѣстны и презираю его отъ всего сердца. Потомъ поѣхалъ я въ правленіе, и болѣе съ губернаторомъ не видался, потому что онъ не ѣздилъ въ присутствіе подъ предлогомъ множества занятій по дѣламъ пограничнымъ, и чрезъ нѣсколько дней отправился на линію для назначенія новаго хана, который долженъ былъ жить въ Оренбургѣ.

Во время отсутствія губернатора,

уголовная палата, на основаніи предложенія его объ отобраніи отъ меня объясненія, прислала ко мнѣ вопросныя пункты. Отвѣтъ мой состоялъ только въ томъ, что изъ копій со всего производства палатѣ должно быть извѣстно, что журналы губернскаго правленія подписаны губернаторомъ и мною; что же касается до моего мнѣнія, на основаніи котораго составляемы были журналы, то оно не могло имѣть вліянія на самый ходъ дѣла. Потомъ, изъяснивъ смыслъ журналовъ правленія, я предоставлялъ палатѣ обратиться къ губернатору на счетъ донесенія его сенату и узнать отъ него причины, почему дѣло приняло совершенно другой видъ со времени этого донесенія.

Иногородное купечество, не ожидавшее, какъ видно, такихъ произшествій, показало мнѣ въ это время приверженность и усердіе. Я получилъ по почтѣ, не знаю отъ кого, множество копій съ писемъ губернатора къ знатымъ особамъ по этому дѣлу и съ рапорта его сенату. Изъ нихъ, хотя и поздно, узналъ я всю глупость и подлость этого труса и корыстолюбца; и когда уголовная палата два разъ подъ присягою допросила всѣхъ купцовъ, не послѣдовало ли отъ утвержденія губернскимъ правленіемъ контракта кому либо убытковъ, всѣ единогласно показали, что таковыхъ никому не было; казенная палата отвѣчала, что казна не понесла отъ того никакого ущерба.

Всѣ эти произшествія заставили меня, пока было еще время и возможность, собрать всѣ свѣдѣнія, необходимыя для моей защиты. На посланные отъ губернскаго правленія запросы пограничная таможенная отвѣчала, что уменьшеніе торга мясомъ произошло отъ небольшого пріѣзда Киргизцовъ; изъ вѣдомостей же, отъ нея доставленныхъ, въ которыхъ по-

казаны были ежедневный приход денег и число людей, бывших на торгу, видно было, что торговля стала уменьшаться десять дней послѣ уничтоженія губернаторомъ дѣйствія контракта. Экспедиція, завѣдывавшая пограничными дѣлами, въ отвѣтъ на сообщеніе губернскаго правленія о доставленіи свѣдѣнія объ обстоятельстве того времени, когда контрактъ существовалъ и въ послѣдствіи какъ ярмонка продолжалась, и не было ли какихъ особыхъ происшествій въ городѣ, на линіи и въ мѣновыхъ дворахъ, дала знать: что въ началѣ того мѣсяца, когда по увѣдомленію таможни торгъ сталъ уменьшаться, казачія команды, посланныя губернаторомъ въ Киргизскую степь, находились тамъ болѣе двухъ недѣль, награбили множество скота и имущества и взяли въ плѣнъ большое число людей. Въ началѣ того же мѣсяца, по жалобѣ, поданной двумя купцами губернатору, одиннадцать почетнѣйшихъ Киргизцовъ, пріѣхавшихъ на торгъ, взяты были подъ стражу и какъ преступники, посажены въ тюрьму за то, что будто бы родственники ихъ ограбили тѣхъ купцовъ въ городѣ. Когда они частію уплатили деньгами, а въ остальной суммѣ дали по себѣ поручительство въ уплатѣ всего иска, простиравшагося до семидесяти тысячъ рублей, то были выпущены изъ тюрьмы, и отправились въ свои улусы, и вѣроятно распространили тамъ страхъ пріѣзжать къ нашимъ мѣстамъ торговли. Къ довершенію всѣхъ этихъ происшествій Киргизскій ханъ въ то же самое время умеръ, и Киргизцы для выбора новаго хана собрались во внутрь степи, что совершенно объясняло уменьшеніе торговли.

Кто жила въ губернскомъ горо-

дѣ, знаетъ, какъ покидаютъ того, кто гонимъ начальствомъ и не въ связи съ судьями-корыстолюбцами: всякому дѣйствию его даютъ дурной видъ, предсказываютъ вредныя послѣдствія, на всякомъ шагу поставляютъ ему препятствія и показываютъ непріязненное расположеніе. Это дозналъ я на опытѣ. Бывъ въ должности совѣтника губернскаго правленія, требовавшей дѣятельности и быстроты въ рѣшеніи дѣлъ, въ такое время, когда встрѣчалось множество случаевъ необыкновенныхъ, я дѣйствительно чувствовалъ, что не въ состояніи былъ бы исполнить обязанность свою какъ слѣдуетъ, еслибы Господь не далъ мнѣ друга, умнаго и честнаго, заслужившаго всю мою довѣренность⁽¹⁵⁾. Его совѣты и одобренія не давали мнѣ впасть въ уныніе, возраждали бодрость и утверждали въ надеждѣ на Бога.

Губернаторъ находился въ Киргизской степи для поставленія новаго хана, а генераль-губернаторъ въ Петербургѣ. Присутствуя одинъ въ губернскомъ правленіи, не зналъ я, кому подать прошеніе объ увольненіи меня въ отпускъ. И потому, написавъ оное по формѣ, отправилъ при письмѣ къ генераль-губернатору, прося представленія о томъ сенату; но онъ приказалъ меня увѣдомить, чтобы просилъ я о томъ губернатора, который долженъ знать, могу ли я быть уволенъ до рѣшенія дѣла, производящагося въ уголовной палатѣ.

Оскорбившись этимъ отзывомъ и не теряя времени, отправилъ я съ нарочнымъ мое прошеніе къ губернатору, который представилъ объ увольненіи моемъ сенату и увѣдомилъ меня о томъ.

(15) П. И. Чичагова.

Когда я получилъ свѣдѣніе, что прошеніе мое отправлено уже въ сенатъ, я написалъ къ генераль-губернатору письмо, въ которомъ просилъ его ходатайства къ скорѣйшему моему увольненію и изъяснилъ, что гонять меня за дѣло ничтожное, что я считаю себя невиннымъ, нѣсколько разъ обращался къ нему, надѣясь на милость его и доброе обо мнѣ мнѣніе и начальническую справедливость; но видя гоненіе судьбы, потерялъ всякую надежду, и теперь все мое желаніе состоитъ въ томъ, чтобы явиться къ нему въ С.-Петербургъ и лично оправдаться въ преступленіяхъ, которыя несправедливо мнѣ приписываютъ. Между тѣмъ губернаторъ, возвратившійся изъ Киргизской степи, получившій орденъ въ награду за его тамъ дѣйствія, уже болѣе мѣсяца гордился въ губернскомъ городѣ. Я не имѣлъ случая его видѣть, потому что онъ въ правленіи не присутствовалъ, и въ праздничные дни уѣзжалъ въ свою деревню. Мнѣ казалось непристойнымъ, да и не хотѣлъ я, быть у него поутру, когда долженъ былъ быть въ правленіи, ѣхать же послѣ обѣда или къ обѣду было бы знакомъ пріязни, которой я къ нему имѣть не могъ.

Услужливые чиновники, его окружающіе, зная нашу ссору, переносили съ разными прибавленіями тѣ непріязненные отзывы, отъ которыхъ не могъ я удержать себя и письменно и словесно. До меня доходили уже извѣстія, что онъ раскаивается въ томъ, что сдѣлалъ, представленіе о моемъ отпускѣ, и что согласно мнѣнію генераль-губернатора онъ хочетъ не отпустить меня и тогда, какъ получитъ о томъ указъ сената. Я старался показывать видъ, что онъ не въ силахъ это сдѣлать и переносив-

шимъ ему всякія вѣсти изъяснялъ способы, которые могутъ служить къ моей защитѣ противъ его притѣсненій; но, понимая неравенство власти, чувствовалъ свою слабость и часто приходилъ въ недоумѣніе, не зная, что мнѣ предпринять, какъ вдругъ неожиданно въ губернскомъ правленіи, при многихъ чиновникахъ, получилъ я по почтѣ письмо отъ генераль-губернатора. Письмо это начиналось тѣмъ, что онъ обиженъ изъясненными мною подозрѣніями, что онъ никогда не имѣлъ причины дурно обо мнѣ подумать, и что дѣло, такъ сильно меня занимающее, совершенно ничтожное; далѣе просилъ онъ меня не переставать изъяснять къ нему довѣренность и дружбу, и совѣтовалъ поспѣшить пріѣздомъ въ С.-Петербургъ, гдѣ общалъ за меня ходатайствовать. Это письмо, прочитанное мною въ слухъ, произвело такое дѣйствіе, что не только прекратились всѣ недоброжелательныя противъ меня козни, но многіе стали брать мою сторону, и просить моего покровительства: жаловались мнѣ на глупости и пристрастіе губернатора, и учтивость и уваженіе ко мнѣ заступили мѣсто прежнему ихъ нерасположенію. Вскорѣ за тѣмъ полученъ былъ указъ объ моемъ отпускѣ, и я въ тотъ же день выѣхалъ изъ Уфы.

Мое намѣреніе было явиться къ генераль-губернатору и просить оправдать меня предъ императрицею и исходатайствовать повелѣніе въ томъ, что я въ дѣлѣ правъ. Прекратившіяся его любовныя связи съ губернаторшею давали мнѣ надежду, что онъ разсудитъ дѣло какъ должно и согласится въ томъ, что губернаторъ дѣйствительно глупъ и нисколько не заслуживаетъ его довѣренности и отличій, полученныхъ имъ вслѣдствіе его

ходатайства, и что дѣйствіями своими, (что дѣйствительно и было) наносить вредъ собственной его славы. На этомъ убѣжденіи основывалъ я свою надежду на успѣхъ; въ противномъ случаѣ, еслибы генераль-губернаторъ не уважилъ моего представленія, я рѣшался подать просьбу императрицѣ съ изъясненіемъ всего дѣла и тѣхъ обстоятельствъ, которые были причиною несправедливыхъ представленій, послужившихъ къ моему обвиненію.

По пріѣздѣ въ Москву я узналъ, что нашъ генераль-губернаторъ переведенъ въ другія губерніи ⁽¹⁶⁾. Въсть эта, разстроившая мой планъ, горестна была для меня; но одумавшись, разсудилъ я, что всякой другой, назначенный на его мѣсто, не будетъ имѣть причины быть предупрежденнымъ противъ меня и скорѣе окажетъ мнѣ справедливость.

Не бывъ въ Петербургѣ 10 лѣтъ, я пріѣхалъ въ совершенно незнакомый городъ. Я остановился у родственниковъ, которые не въ состояніи были оказать мнѣ никакого пособія въ моемъ дѣлѣ, и потому я рѣшился, чтобъ не показаться преступникомъ, молчать обо всемъ, со мною случившемся, говоря, что пріѣхалъ для знакомства съ людьми, отъ которыхъ завишу по службѣ.

Я имѣлъ случай познакомиться съ Державинымъ, состоявшимъ при императрицѣ для принятія прошеній, человѣкомъ извѣстнымъ отличной добротою сердца, острою разума и сочиненіями. Онъ съ перваго раза обошелся со мною хорошо и дозволилъ мнѣ имѣть свободный входъ въ его домъ. Вскорѣ случилось мнѣ разсуждать съ нимъ о дѣлахъ; понятія мои ему понравились; онъ откровенно мнѣ

это высказалъ и изъявилъ желаніе быть чаще со мною.

Пользуясь этимъ дозволеніемъ, я, часто бывая у него въ домѣ, познакомился съ нимъ коротко ⁽¹⁷⁾. Вкусъ этого истинно-необыкновеннаго чело-вѣка есть уединеніе, а любимое занятіе — придумывать средства къ укорененію добродѣтели. Однажды, бывъ съ нимъ наединѣ въ кабинетѣ, разсуждая о томъ, что губернаторы часто употребляютъ во зло монаршую къ нимъ довѣренность, онъ показалъ мнѣ свои объясненія суду, который былъ надъ нимъ установленъ за то, что въ званіи губернатора, желая обуздать мздоимство, болѣе поступалъ по чувствамъ своимъ, чѣмъ по правиламъ закона. Этими поступками онъ поставилъ противу себя генераль-губернатора и нѣсколько вельможъ въ столицѣ, и едва не погибъ по пристрастію корыстолюбцевъ ⁽¹⁸⁾. Прочитавъ эти объясненія, дѣйствительно ясно написанныя, и отдавая ихъ ему, я сказалъ, что могу заплатить тою же монетою, прочитавъ ему мое дѣло, которое тутъ же ему разсказалъ и изъяснилъ мои намѣренія. Державинъ отвѣчалъ, что времени моего отпуска не достанетъ мнѣ на ожиданіе новаго начальника, потому что нельзя ожидать, чтобы новый генераль-губернаторъ вскорѣ былъ опредѣленъ. «Если же вы хотите дать дѣлу ходъ, сказалъ онъ, то я сегодня вечеромъ доложу о семъ императрицѣ и увѣрю васъ, Боже ихъ упаси, если она узнаетъ все то, что вы мнѣ сказали.» Я, подумавъ нѣсколько минутъ, спросилъ: «Что же вы мнѣ

(17) Въ семействѣ Д. Б. Мертваго извѣстно, что самыя эти Записки были написаны по совѣту и дружескому настоянію Державина. П. Б.

(18) Все это подробно изложено въ Запискахъ Державина. П. Б.

(16) Въ Псковѣ (1792).

совѣтуете?»— «Если мщенія нежелаете, то бросьте все это, потому что дѣло пустое.» Я согласился, и онъ, очень довольный моимъ добрымъ расположеніемъ, обѣщалъ стараться вывести меня изъ той губерніи.

День ото дня дѣлаясь знакомѣе съ этимъ человѣкомъ, достойнымъ всякаго почтенія и бывая съ нимъ часто по нѣскольку часовъ наединѣ, я наслаждался умными его разсужденіями, клонящимися къ добру, восхищался его довѣренностію и былъ счастливъ знаками его ко мнѣ дружества. Жена ⁽¹⁹⁾ подобно ему не родилась обыкновенною въ свѣтѣ женщиною; пылкость ея разума и воображенія и обширныя познанія украшали прекрасное ея тѣло и давали блескъ великодушному и щедролюбивому ея сердцу. Страстная ея любовь къ мужу, а еще болѣе къ славѣ, возвышала душу Державина, дѣлала разумъ его дѣятельнѣйшимъ къ добру. Съ этою, можно сказать, небесною на землѣ четою, въ городѣ, зараженномъ сладострастіемъ, проводилъ я время въ тихой бесѣдѣ, разсуждая о пользѣ ближняго.

Молодой человѣкъ ⁽²⁰⁾, бывшій тогда весьма важнымъ при дворѣ, по случаю отъѣзда правителя кабинетскихъ дѣлъ ⁽²¹⁾ на конгрессъ, назначенъ былъ исправлять его должность. Ему нуженъ былъ письмоводитель. Въ это званіе ему предложили меня. Я считалъ это мѣсто выгоднымъ, и сказалъ о томъ новому моему благодѣтелю. Державинъ одобрилъ мое намѣреніе, и сталъ хлопотать о моемъ помѣщеніи; но какъ нельзя было думать, чтобы эта должность была постоянная, то онъ хотѣлъ помѣстить меня въ какое-

нибудь званіе при кабинетѣ, чтобы при перемѣнѣ начальника я могъ въ службѣ остаться. Это до того не понравилось вновь произведенному правителю кабинетскихъ дѣлъ, что онъ отказалъ мнѣ въ мѣстѣ письмоводителя; и потому согласно моему желанію меня представили кандидатомъ къ опредѣленію вице-губернаторомъ въ одну изъ отдаленныхъ губерній, доложили о томъ императрицѣ, и она, по представленію Державина и на основаніи хорошаго отзыва обо мнѣ, приказала написать о томъ указъ.

Польскія области, присоединенныя къ Россіи, назначены были къ раздѣленію на три губерніи ⁽²²⁾, но были еще подъ военнымъ управленіемъ. Устройство ихъ по образцу прочихъ губерній, составляющихъ имперію, и опредѣленіе гражданскихъ чиновниковъ замедлялись потому, что по политическимъ обстоятельствамъ нельзя еще было ихъ считать всегдашнимъ приобрѣтеніемъ. И для того, чтобы не имѣть стыда, въ случаѣ необходимости, возвратить завоеванныя области, и чтобы скрыть отъ всѣхъ планъ раздѣленія ихъ на три губерніи, всѣ дѣла, касающіяся до опредѣленія чиновниковъ и до внутренняго устройства ихъ, были остановлены. Эти обстоятельства, бывшія причиною отстрочки моего вызвышенія по службѣ, я хотѣлъ употребить въ пользу и отправился къ прежней должности, чтобы привести въ это время въ порядокъ мои разстроенныя дѣла.

Губернаторъ, имѣя свѣдѣніе объ успѣхахъ моихъ въ Петербургѣ, принялъ меня съ уваженіемъ. Утихли всѣ злонамѣренія моихъ гонителей, и я, занимаясь своею должностію, имѣлъ возможность сдѣлать всѣ распоряженія по своимъ дѣламъ: раздѣлился съ брать-

⁽¹⁹⁾ Первая его жена, Екатерина Яковлевна.

⁽²⁰⁾ Zubovъ, тогда еще графъ.

⁽²¹⁾ Графа Безбородки.

⁽²²⁾ Волынскую, Кіевскую и Каменецъ-Подольскую.

ями, долги, по соразмѣрности своего имѣнія, перевелъ на себя и, сколько можно было, обезпечилъ. Въ это время, вмѣсто ожидаемаго указа о моемъ перемѣщеніи, получилъ я извѣстіе, что правитель кабинетскихъ дѣлъ, гр. Безбородко, вступивъ въ должность, успѣлъ перемѣнить всѣ представленія своего предмѣстника, и въ слѣдствіе того, доклады объ опредѣленіи чиновниковъ переданы въ совѣтъ, который долженъ былъ представить своихъ кандидатовъ. Вскорѣ послѣ того полученъ былъ указъ объ опредѣленіи на обѣщанное мнѣ мѣсто вице-губернатора другаго. Наконецъ Державинъ пожалованъ былъ сенаторомъ, и слѣдовательно, оставивъ кабинетъ, не имѣлъ доклада у императрицы, отъ чего прекратилось его вліяніе на общія государственныя дѣла.

Всѣ сіи произшествія очень были мнѣ чувствительны, тѣмъ болѣе, что раздраживъ зависть моихъ непріятелей, я подстрекнулъ ихъ къ сильнѣйшей злобѣ. Но, не смотря на все, я твердо рѣшился не поддаваться гоненію судьбы, и противъ желанія губернатора остаться въ службѣ, идти прямымъ путемъ, противиться, если нужно, начальнику и по прежнему не давать воли корыстолюбивымъ чиновникамъ, какія бы не произошли для меня послѣдствія.

Вскорѣ возникло дѣло, довершившее нерасположеніе ко мнѣ губернатора. Богатый купецъ, жаждущій корысти, за нѣсколько времени предъ тѣмъ пріѣхалъ въ городъ, подарилъ и заподличивалъ всѣхъ; сталъ часто ко мнѣ ѣздить, и старался чрезъ всѣхъ моихъ знакомыхъ и короткихъ пріятелей обратить меня на свою сторону. Всѣ стали меня убѣждать, что онъ правъ, доказывая только тѣмъ, что у него лучшіе въ городѣ—поваръ, столъ и вино, и много

денегъ, которыя онъ дарить и даетъ въ займы. Предчувствуя всю непріятность для меня этого дѣла, я молчалъ; но когда по приказанію губернатора, я долженъ былъ написать свое мнѣніе, то вывелъ всѣ плутни, придуманныя повѣренными въ пользу богача, и невинность его соперника, пришедшаго въ несостоятельность, а болѣе еще поселянъ, которые бѣды своей и не могли предвидѣть; и наконецъ изъяснилъ, какъ должно производить дѣло и ограничить право богача, такъ незаконно ему данное. Слѣдствіемъ того была открытая противъ меня злоба богача и нападенія пользовавшихся его угощеніями. Губернаторъ въ предложеніи губернскому правленію, не согласившись съ моимъ мнѣніемъ и изъяснивъ законы и обстоятельства дѣла въ пользу богатаго купца, приказалъ отослать все дѣло на опредѣленіе судебного мѣста, которое приступило было къ рѣшенію онаго, основываясь на моемъ мнѣніи; но губернаторъ, остановивъ все производство, представилъ сенату съ жалобою на судъ и съ просьбою о наказаніи за то виновныхъ. Въ слѣдствіе этого состоялся указъ, въ которомъ охуждены дѣйствія губернатора, а мое мнѣніе признано законнымъ и утверждено.

Это произшествіе усилило злобу противу меня начальника и возстановило всѣхъ чиновниковъ, преданныхъ богатому купцу. Не имѣя возможности сдѣлать мнѣ законныя придирки, цѣлые два года всѣ они искали случая представить меня въ чемъ либо виновнымъ, и не было ни одного дѣла, въ которомъ бы не поставляли мнѣ всякія препятствія. Около тысячи предложеній я получалъ каждый годъ отъ губернатора, въ слѣдствіе которыхъ долженъ былъ объяснять по дѣламъ свое мнѣніе и смыслъ cadaго слова. Переписка эта до того увеличила мнѣ дѣла, что я при-

нужденъ былъ заниматься не менѣе десяти часовъ въ сутки. Въ это же время губернской стряпчій, подъ предлогомъ своей должности, подалъ протестъ, въ которомъ доказывалъ, что я отступаю отъ порядка, указанного закономъ и не слушаюсь губернатора. Протестъ этотъ представленъ былъ генералъ-прокурору, бывшему нѣкогда любовникомъ прекрасной моей командирши и переданъ отъ него въ сенатъ. По истребованіи моего объясненія, слишкомъ черезъ два года и уже при новомъ губернаторѣ, жалоба и доносы найдены были несправедливыми, но мнѣ никакого удовлетворенія не было сдѣлано.

Въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ, сверхъ оскорбленій, переносимыхъ мною по службѣ, были еще тягостнѣйшія для меня домашнія обстоятельства.

Возвратившись изъ Петербурга и думая навѣрное получить мѣсто вице-губернатора и жить далеко отъ своихъ, я желалъ остальное время быть съ ними вмѣстѣ. Матушка согласилась пріѣхать ко мнѣ. Другомъ моимъ былъ въ это время Чичаговъ, человѣкъ честный и умный, но имѣвшій несчастье въ молодости сдѣлать преступленіе, не причинившее никому никакого зла. Ссоры людей сильныхъ сдѣлали его жертвою ихъ мщенія. Онъ былъ судимъ и по строгости законовъ наказанъ лишеніемъ чиновъ, дворянства и сосланъ на житье въ Уфу. Въ него влюбилась сестра моя. Взаимная ихъ страсть, замѣченная матушкою, до того ей была противна, что мы боялись, что съ ней сдѣлается ударъ. Удаленіе Чичагова, котораго при всѣхъ непріятностяхъ я любилъ душевно, такъ было тягостно влюбленной сестрѣ моей, что часъ отъ часу худѣя, она стала кашлять кровью. Докторъ мнѣ сказалъ, что вскорѣ надобно ожидать чахотки.

Въ тоже самое время, меньшей мой братъ Иванъ возвратился изъ арміи больнымъ и помѣшался въ умѣ. Влюбчивость его во всѣхъ женщинъ получила собою, и которыхъ мужья были познатнѣе, дерзкое со всѣми обхожденіе и увѣренность, что всѣ влюблены въ него, были первымъ знакомъ его помѣшательства; но прежде, чѣмъ обнаружилась болѣзнь, онъ мнѣ сдѣлалъ много непріятностей. Къ довершенію же разстройства, онъ сталъ играть въ карты, и нѣсколько разъ рисковалъ проиграть часть ему принадлежащую изъ общаго имѣнія.

Терзаемый всѣми этими несчастными обстоятельствами, я проводилъ время мучительнѣйшимъ образомъ. Ежедневно рано поутру, приходя въ губернское правленіе, находилъ такое множество дѣлъ, что видѣлъ себя въ совершенной невозможности быть исправнымъ. Зная нерасположеніе ко мнѣ губернатора и окружающихъ его чиновниковъ, я былъ увѣренъ, что малѣйшая моя ошибка будетъ ими увеличена и можетъ быть причиною моего несчастья.

Возвращаясь къ обѣду домой, находилъ всегда или матушку, или сестру, а часто и обѣихъ, въ слезахъ. Тутъ долженъ былъ забывать собственныя скорби, быть ихъ утѣшителемъ, или плакать вмѣстѣ съ ними. Вскорѣ послѣ обѣда отправлялся опять въ правленіе заниматься дѣлами часу до десятаго вечера, и приходя усталый домой проводилъ еще часъ съ матушкой или сестрой, стараясь успокоить ихъ мысли. Кромѣ того, ложась спать, придетъ, бывало, братъ Иванъ, съ которымъ часто долженъ былъ спорить и доказывать ему непристойность его поступковъ.

Страсть сестры моей къ человѣку, къ которому матушка имѣла отвращеніе, не давала мнѣ покоя, потому что

я не могъ имѣть никакой надежды соединить ихъ. Однажды въ вечеру, когда стало смеркаться, я шелъ въ спальню сестры, нахожу ее на диванѣ, и хотѣлъ сѣсть возлѣ нея. Она привстала, чтобы дать мнѣ мѣсто; я спросилъ, за чѣмъ она всегда одна, и поцѣловалъ ее въ щеку. Слезы ея брызнули мнѣ въ глаза. Тутъ въ избыткѣ чувствъ, сказалъ я ей: чего ты хочешь? — Умереть, и больше ничего, отвѣчала она. Долго мы вмѣстѣ плакали, наконецъ спросилъ я ее: хочеть ли она за него замужъ? Она отвѣчала: что не только готова быть женою ссыльнаго, но и жить съ нимъ въ тюрьмѣ, если бы только матушка дозволила. Въ эту минуту счастливая мысль пришла мнѣ въ голову, и мнѣ представилось возможнымъ соединить влюбленныхъ и устроить ихъ счастье. Я сталъ веселъ и успокоилъ сестру, общая склонить матушку на свадьбу. Весь вечеръ я болѣе ни о чемъ не думалъ, какъ о томъ, какъ бы лучше привести въ исполненіе мои предпріятія. На другой день по утру, я пришелъ къ матушкѣ, и засталъ ее еще въ постелѣ; я завелъ разговоръ о больной сестрѣ, сталъ говорить объ опасности, которой подвержена ея жизнь, доказывалъ ничтожность состояній въ отношеніи къ счастью, которое должно заключаться въ нашемъ сердцѣ, а не во вѣншихъ предметахъ. И когда слезы матушки показали мнѣ, что она смягчилась, то я сказалъ: право бы, я думалъ, лучше женить ихъ. Она воскликнула: Ахъ, что ты хочешь! Но я возражилъ: стоитъ ли того наше честолюбіе, чтобы приносить ему въ жертву жизнь той, которая, покоряясь обязанностямъ дочери, не находитъ въ жизни никакого удовольствія, и кромѣ смерти ничего не желаетъ, и не будетъ ли грѣшно предъ Богомъ, если мы ихъ обоихъ погубимъ для своего честолю-

бія? Горькія слезы матушки были слѣдствіемъ этого разговора; въ это время сестра, ничего не зная, входитъ въ спальню и видя насъ плачущихъ, думая, что это отъ сожалѣнія къ ней, цалуя у матушки руку, заплакала сама. Матушка, также не зная о разговорѣ моемъ съ сестрою, сказала ей: Знаешь ли ты, что мы думаемъ? Я хочу тебѣ совѣтовать выйти за него замужъ; положишься на волю Божию, начни жить согласно желанію твоего сердца. Безмолвная благодарность сестры, изъясняемая лишь горчайшими слезами, была для меня краснорѣчивѣе всѣхъ словъ на свѣтѣ; долго плакали мы всѣ трое вмѣстѣ, но эти слезы облегчали печаль сердца и успокоили насъ.

Въ тотъ же самый день подавъ просьбу объ отпускѣ на четыре мѣсяца, я рѣшился сыграть свадьбу въ деревнѣ, и потомъ отправиться въ С.Петербургъ, и чрезъ Державина или чрезъ кого поможетъ Богъ, испросить прощеніе зятю; а какъ по нерасположенію губернатора я не могъ болѣе оставаться совѣтникомъ губернскаго правленія и рисковалъ въ случаѣ новой ссоры повредить своему зятю, я рѣшился, испросивъ ему прощеніе, когда кончится срокъ моего отпуска, выйти въ отставку. Въ тотъ же день отыскалъ я случай продать свой домъ въ Уфѣ и всѣ ненужныя мнѣ болѣе вещи; съ нѣкоторою уступкою въ цѣнѣ, я скоро все дѣло кончилъ.

Между тѣмъ обстоятельства мои были въ самомъ затруднительнѣйшемъ положеніи; долги превосходили цѣну имѣнія, собственно мнѣ принадлежащаго, которое было еще подъ запрещеніемъ по дѣлу о мясномъ торгѣ. Поэтому я долженъ былъ обезпечить часть долговъ имѣніемъ матушки и братьевъ, и сверхъ того остался еще

многимъ долженъ по векселямъ. До меня стали доходить слухи, что мои кредиторы, по совѣту губернатора и недоброжелавшихъ мнѣ чиновниковъ, намѣревались, послѣ отъѣзда моего, послать векселя ко взысканію въ С. Петербургъ, и тамъ посадить меня въ тюрьму. Слухи эти, сильно дѣйствуя на мое воображеніе, не давали мнѣ покоя; но какъ я не въ состояніи былъ ничего сдѣлать, то скрывая грусть въ своемъ сердцѣ, я имѣлъ надежду на одну только невидимую помощь Господа, и не напрасно.

Богатый купецъ, содержавшій за три года передъ тѣмъ винный откупъ въ Оренбургской губерніи, былъ въ Уфѣ. Ему нужна была по дѣламъ моя помощь; онъ искалъ тогда моей дружбы, никогда не обижалъ меня предложеніемъ подарка, но совѣтовалъ завести винный заводъ въ моей деревнѣ. Онъ предлагалъ мнѣ въ займы денегъ на устройство завода, обѣщая покупать вино, и доказывая, что я въ теченіи четырехъ лѣтъ его откупа буду имѣть пятьдесятъ тысячъ руб. барыша, что увеличило бы въ пять разъ цѣнность моего наслѣдственного имѣнія. Находя непристойнымъ челоуѣку, находящемуся въ службѣ, вести торговые дѣла и пользоваться услугами людей, съ которыми по службѣ имѣешь дѣло, я не принялъ этаго предложенія; но тѣмъ не менѣе старался, сколько справедливость то позволяла, оказывать этому откупщику всякую помощь.

Сей купецъ, неожиданно пріѣхавшій въ городъ, узналъ отъ своего повѣреннаго, что я продалъ домъ, распродалъ всѣ ненужныя вещи и, пославъ просьбу объ отпускѣ, не намѣренъ болѣе возвращаться къ прежней должности, часто бывая у меня, благодарилъ за доброе къ нему расположеніе. Однажды, оставшись съ нимъ на единѣ,

сталъ я говорить о домашнихъ своихъ обстоятельствахъ, и изъяснилъ ему, какъ тяжело для меня видѣть разореніе всей своей семьи, которая должна послѣдовать отъ сдѣланныхъ мною долговъ. Находя, что долги мои не такъ велики, чтобы могъ имѣть я это опасеніе, онъ сказалъ: «Позвольте мнѣ имѣть удовольствіе васъ выкупить». Я спросилъ его, какимъ образомъ. «Я деньги вамъ дамъ», отвѣчалъ онъ. Я очень благодаренъ былъ ему за его предложеніе, и представилъ ему условія, на основаніи которыхъ почиталъ возможнымъ принять его благодѣяніе. Я хотѣлъ, чтобы взялъ онъ отъ меня заемныя письма съ поручительствомъ матушки и братьевъ, и съ залогомъ ихъ имѣнія до совершенной уплаты всего долга, платить же мнѣ ему ежегодно по 2.000 рублей. Но онъ возразилъ, что все это не нужно, что онъ желаетъ мнѣ сдѣлать услугу, и тѣмъ доставить собственно себѣ удовольствіе. Этимъ кончился нашъ разговоръ и болѣе не возобновлялся. Купецъ уѣхалъ изъ города. Полагая, что это было пустое предложеніе, я пересталъ о томъ и думать, какъ вдругъ съ почтою получилъ десять тысячъ рублей. Отдавъ 2.000 р. его повѣренному, я взялъ изъ 10.000 только 8.000, выдалъ заемныя письма съ залогомъ 150 душъ и расплатившись со всѣми, избавился отъ страха Петербургской тюрьмы.

По полученіи указа о моемъ отпускѣ, я тотчасъ отправился въ путь. Губернаторъ, сдѣлавшійся ко мнѣ ласковымъ, просилъ меня заѣхать къ нему въ деревню, которая была почти по дорогѣ. Я принялъ приглашеніе и совѣтовалъ будущему своему зятю ѣхать туда за нѣсколько часовъ до насъ, и испросить дозволенія проводить меня до моей деревни. Губернаторъ, согласившись на эту просьбу, спросилъ его,

справедливъ ли слухъ, что онъ женится на сестрѣ моей. Чичаговъ сказалъ всю истину. Когда мы пріѣхали въ деревню губернатора, онъ очень учтиво насъ принялъ и сѣлъ играть въ карты съ матушкою. Послѣ обѣда, посадивъ за себя жену, онъ позвалъ меня въ кабинетъ; затворивъ двери и убѣдившись, что никого нѣтъ въ сосѣднихъ комнатахъ, онъ сталъ увѣрять, что всегда уважалъ и искренно любилъ меня. Не зная, къ чему ведетъ этотъ разговоръ, я молчалъ. Наконецъ спросилъ онъ меня, можетъ ли онъ сдѣлать мнѣ вопросъ и ожидать откровеннаго отвѣта; я тотчасъ общалъ ничего не таить отъ него. Онъ тогда сказалъ, что не вѣрить словамъ Чичагова, будто онъ женится на моей сестрѣ; я отвѣчалъ: напрасно не вѣрите, потому что это правда. Тогда, съ видомъ удивленія, онъ воскликнулъ: вы ли это говорите, и какъ этому быть? Тутъ я сталъ доказывать необходимость этой свадьбы, чтобъ сохранить жизнь сестры и составить ей счастье, говоря, что она въ совершенныхъ лѣтахъ и можетъ имѣть право располагать собою. «Номатушка знаетъ ли?» спросилъ онъ. — Не только знаетъ, но и желаетъ окончанія этого дѣла, отвѣчалъ я. Послѣ этого отвѣта, перемѣнивъ тонъ, онъ объявилъ мнѣ, что, какъ начальникъ отдаленнаго края, онъ долженъ донести о томъ вышему начальству. Я спросилъ: кому же онъ писать намѣренъ? Онъ отвѣчалъ, что генераль-губернатору. Я изъяснилъ ему тогда, что если онъ хочетъ заставить меня не только забыть всѣ вынесенныя мною непріятности, но остаться вѣчно ему обязаннымъ, то написалъ бы такимъ образомъ: во первыхъ бы изъяснилъ ничтожность преступленія, за которое Чичаговъ такъ строго наказанъ, упомянулъ бы, что прошло уже десять лѣтъ

его ссылкѣ, и присовокупилъ бы, что доброе поведеніе его, давъ ему входъ въ дома начальниковъ и всѣхъ чиновниковъ въ городѣ, было причиною, что дворянка идетъ за него за мужъ, и семья ея на то соглашается. Все это общалъ сдѣлать губернаторъ и простился со мною самымъ дружескимъ образомъ.

Пріѣхавъ въ деревню, на другой день обвинчали мы влюбленныхъ, а на третій день я отправился въ путь.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, я нашелъ благодѣтеля своего Г. Р. Державина въ самомъ грустномъ положеніи. Жена его — больная при смерти, и черезъ нѣсколько дней при мнѣ скончалась; онъ въ ссорѣ со всѣми знатными боярами; императрица была имъ недовольна. Разсказывая ему всѣ несчастныя мои обстоятельства, я просилъ добраго его совѣта, не ожидая отъ него никакой помощи; но онъ, движимый великодушіемъ, придумывая разные способы, чрезъ нѣсколько дней, не смотря на болѣзнь жены, ему милой, поѣхалъ на праздникъ въ Царское Село ⁽²³⁾ только для того, чтобъ узнать, получилъ ли генераль-прокуроръ донесеніе губернатора, и что думаетъ онъ сдѣлать. Донесеніе было получено, но не такъ написанное, какъ мнѣ было общано. Губернаторъ, очень дурно обо мнѣ отзываясь, изъяснялъ, что вышедшая замужъ се-

⁽²³⁾ Катерина Яковлевна Державина, уже смерти ожидавшая, лежала въ постель; я сидѣлъ возлѣ нея держа ее за руку; мужъ, ходя близь кровати, говоритъ: „Какъ мнѣ поѣхать въ Царское Село, и оставить ее на два дни!“ Она, его подозвавъ, сказала: „Ты не имѣешь савору, но есть къ тебѣ уваженіе; поѣзжай, мой другъ, ты можешь говорить за него; Богъ милостивъ, можетъ я проживу столько, что дождусь съ тобой проститься“. Гаврило Романовичъ страстно любилъ свою жену, но поступилъ великодушно.

стра моя имѣть собственное имѣніе, то какъ приказано будетъ поступить съ нимъ, взять ли его въ казну или отдать въ вѣдомство дворянской опеки.

Державинъ, не имѣя возможности просить генераль-прокурора, отписалъ одного довольно уважаемаго чиновника, хорошо ко мнѣ расположеннаго, изъяснилъ все дѣло, и чрезъ него устроилъ все такъ, что генераль-прокуроръ обѣщалъ не обратить вниманія на представленіе губернатора.

Вскорѣ скончалась Катерина Яковлевна Державина, женщина дѣйствительно отличныхъ достоинствъ. Онъ предался горчайшей печали, и я не отходилъ отъ него. Дѣло мое, разумѣется, въ это время было забыто.

Прежде еще 6 недѣль послѣ смерти Державиной, императрица, неожиданно по случаю дурной погоды, въ Августѣ мѣсяцѣ переѣхала въ Петербургъ. Державинъ для меня сталъ стараться сойтись съ тогдашнимъ любимцемъ, и скоро достигъ до того, что онъ, выслушавъ мое дѣло, дозволилъ мнѣ ему представить записку для доклада императрицѣ. Въ запискѣ этой я старался изъяснить, что воспитаніе зятя моего въ чужихъ краяхъ, молодая лѣта его и обстоятельства вовлекли въ преступленіе дѣйствительно ребяческое⁽²³⁾; что наказаніе, подобное тому, которому подвергаются тяжкіе преступники, хорошее поведеніе и умъ его обратили на него общее вниманіе; что я былъ его другомъ, и допустилъ, что сестра моя въ него влюбилась; что отвращеніе ма-

тушки къ этой свадьбѣ и покорность влюбленной сестры едва не довели послѣднюю до чахотки; что тогда я склонилъ матушку выдать сестру за Чичагова, и преступленіе и несчастіе его перешло и на нашу семью; наконецъ заключилъ записку свою тѣмъ, что родственникъ и однофамилецъ его Василій Яковлевичъ Чичаговъ⁽²⁵⁾, оказавшій нѣкогда большія услуги государству, ходатайствовалъ о его прощеніи.

Эту записку, написанную на одномъ листѣ, Державинъ отдалъ Зубову и на другой день меня ему представили. Я введенъ былъ въ спальню⁽²⁶⁾. Я нашелъ тутъ множество людей, знатныхъ и въ чинахъ, стоявшихъ работѣ передъ фаваритомъ. Онъ въ халатѣ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, грызъ ногти, и кое съ кѣмъ свысока поговаривая, не дожидаясь ни отъ кого отвѣта. Малорослая съ голымъ хвостомъ обезьяна прыгала по ширмамъ и у одного изъ вельможъ испортила буклю, въ каковомъ упражненіи по приказанію хозяина онъ помѣшать ей не смѣлъ. Обезьяна стала приближаться ко мнѣ и пристально на меня смотрѣть; убоясь, чтобъ невольнымъ какимъ движеніемъ не сдѣлать противнаго боярину, ретировался я, не дождавъ счастья услышать къ себѣ голосъ человѣка, отъ коего просилъ и ожидалъ милости и спокойствія всей своей семьѣ.

Зубовъ отдалъ мою записку секретарю императрицы, который, не при-

(23) Извѣстный адмиралъ.

(26) Преданіе рассказываетъ, что по утрамъ, выходя пудриться въ уборную свою комнату, Зубовъ находилъ ее биткомъ набитую посвѣтелями; прямо шелъ къ зеркалу, не обращая вниманія ни на кого; и если, пока убираютъ ему голову, онъ, глядя въ зеркало, милостиво кивнетъ кому нибудь, тотъ считалъ себя уже счастливымъ. П. Б.

(24) 17 лѣтъ отъ роду онъ влюбился въ дѣвушку, и по желанію отца ея подалъ въ отставку. Не дождавшись указа объ отставкѣ, онъ объявилъ всѣмъ, что уволенъ съ повышеніемъ чина; не получивъ этого чина, онъ на указѣ самъ это переправилъ, и вмѣсто поручика сталъ называть себя капитаномъ.

нимая во мнѣ участія, доложилъ ее въ праздникъ. Императрица за туалетомъ прочитала мою записку, и, какъ мнѣ говорили, наше несчастіе ее тронуло: она приказала мнѣ объявить, что проститъ моего зятя при первомъ торжествѣ. На другой день я подалъ прошеніе въ отставку, говоря всѣмъ, что остаюсь въ Петербургѣ ожидать этаго случая; многіе выхваляли мой поступокъ и обѣщали свою помощь.

Всякому извѣстно непостоянство человѣческихъ чувствъ, и рѣдко кому не приходилось дознать на опытъ, какъ несчастіе человѣка мало занимаетъ людей, мечтающихъ только о своихъ забавахъ. Вскорѣ всѣ забыли свое обѣщаніе, и я, боясь быть въ тягость, пересталъ говорить о томъ, и только старался какъ можно болѣе понравиться лицамъ, которыя въ состояніи были перемѣнить мое положеніе. Державинъ, не похожій на другихъ, заботился обо мнѣ не менѣе самаго меня. Онъ употреблялъ всѣ способы, чтобы меня не забыли, помирился съ секретаремъ императрицы, и достигъ до того, что чрезъ мѣсяцъ опять доложили о моемъ дѣлѣ. Императрица въ этотъ разъ не была милостива, говорила, что она почитаетъ людей наказанныхъ, какъ Чичаговъ, выключенными изъ общества, предвидитъ, что ее будутъ просить о дозволеніи вступить ему вновь въ службу и производить въ чины, чего она не хочетъ. Кончилось тѣмъ, что она простила Чичагова; но въ указѣ приказала дополнить, чтобы въ службу его не опредѣлять и не имѣть ему вѣзда въ обѣ столицы. Чрезвычайно довольный, что успѣлъ успокоить свое семейство, я явился къ Зубову и секретарю императрицы, чтобы поблагодарить ихъ и потомъ сталъ собираться ѣхать въ деревню. Докладъ императрицы и указъ о прощеніи состоялся въ день памяти

св. Дмитрія чудотворца, и я далъ обѣщаніе захватить въ Ростовъ и у мощей угодника отслужить молебень за здравіе Державина, моего благодѣтеля, оказавшаго мнѣ такъ много усердія и такого пріятнаго благотворенія. Но къ несчастію у меня не доставало денегъ; надобно было расплатиться съ мелкими долгами и имѣть съ чѣмъ доѣхать домой. Я сказалъ объ этомъ повѣренному нашего откупщика, который такъ благородно меня одолжилъ, и который въ это время былъ въ Петербургѣ. Я не могъ вновь обратиться къ откупщику съ своею просьбою, тѣмъ болѣе, что повѣренный мнѣ говорилъ, что они въ то время нуждались въ деньгахъ, и что по первому моему заемному письму наступилъ срокъ, и не всѣ деньги заплачены. Я старался занять у многихъ знакомыхъ, но всѣ отказывали за неимѣніемъ денегъ. Возвратившись домой, мнѣ доложили, что какой-то купецъ ждетъ меня въ моей комнатѣ; то былъ повѣренный нашего откупщика, который подалъ мнѣ 500 рублей, что совершенно достаточно было, по моимъ расчетамъ, на дорогу, и сказалъ мнѣ, что хозяинъ его, имѣя всего только 800 рублей, узнавъ о моей нуждѣ, прислалъ эти 500 руб., чтобы не искалъ я занять у кого либо кромѣ его эту сумму. Новое это одолженіе еще болѣе увеличило мою благодарность къ нему, потому что въ прежней должности моей я оказывалъ ему столько же содѣйствія, какъ и всѣмъ другимъ, имѣвшимъ до меня надобность; теперь же въ отставкѣ, въ небольшомъ чинѣ, я уже и не могъ ему быть полезенъ и заплатить за сдѣланное мнѣ одолженіе. Многіе изъ покровителей моихъ совѣтовали мнѣ опять вступить въ службу и поступить на прежнее мѣсто, которое было еще не замѣщено; но какъ гоненія глупаго губернатора, подлость раболѣпствовав-

шихъ ему чиновниковъ давно уже мнѣ надобѣли, къ тому же я раздраженъ былъ несправедливымъ отзывомъ губернатора о Чичаговѣ и извѣстіями, что послѣ моего отъѣзда, онъ хотѣлъ отяготить еще его участь, а потому благодарилъ своихъ покровителей за ихъ предложенія, говоря, что радъ служить вездѣ и во всякомъ званіи, куда бы ни вздумали меня назначить, но только не тамъ, гдѣ перенесъ такъ много оскорбленій.

Въ день отъѣзда моего изъ Петербурга, назначенъ былъ въ Уфимскую губернію генераль губернаторомъ С. К. Вязмитиновъ, который былъ сенаторомъ въ одномъ департаментѣ съ Державинымъ и очень былъ съ нимъ друженъ; въ тотъ же день уволенъ былъ отъ службы нашъ губернаторъ. Вязмитиновъ въ Петербургѣ раза два видѣлъ меня въ обществѣ и со мною познакомился; на другой день послѣ назначенія своего встрѣтилъ Державина и просилъ его уговорить меня возвратиться въ Петербургъ и вступить опять въ службу. Я получилъ это приглашеніе на дорогѣ въ Москву, по совѣту Державина тотчасъ воротился, и принять былъ какъ нельзя лучше. По представленію Вязмитинова, я былъ опять опредѣленъ совѣтникомъ губернскаго правленія, и занимавшій мѣсяцъ съ новымъ своимъ начальникомъ, съ полною его довѣренностію отправился къ своей должности.

Распутица на нѣсколько времени задержала меня въ Москвѣ; я исполнилъ обѣтъ свой, заѣхалъ въ Ростовъ, и довольно скоро доѣхалъ до Уфы. Гонителей своихъ я нашелъ совсѣмъ другими: они приписывали паденіе губернатора моему вліянію, что было совершенно не справедливо, и когда я это доказывалъ, то считали

слова мои хитрою скромностію. Словомъ, я сталъ большимъ человѣкомъ въ понятіи этихъ негодяевъ, которые боялись, что я о всѣхъ ихъ проступкахъ могу довести до свѣдѣнія генераль-губернатора.

Совѣтникъ уголовной палаты, заступавшій мое мѣсто, изъ подлаго угожденія губернатору, старался найти меня въ чемъ нибудь виновнымъ, но къ счастью не успѣлъ, потому что я былъ правъ и довольно остороженъ; между тѣмъ задержалъ онъ на расходы много денегъ, не принадлежавшихъ правленію. Когда я сталъ отъ него принимать должность, то привелъ въ извѣстность всѣ незаконные расходы и заставилъ его заплатить все то, что онъ неправильно задержалъ. По пріѣздѣ генераль-губернатора, я его не предупреждалъ противъ этихъ негодяевъ, но онъ самъ, скоро узнавъ ихъ, умѣлъ оцѣнить каждый. Совѣтникъ уголовной палаты, зная, что онъ умѣе многихъ, и думая, что Вязмитиновъ не знаетъ о дурномъ его поведеніи, просилъ о перемѣщеніи его совѣтникомъ въ губернское правленіе на мѣсто старика, дѣйствительно неспособнаго; но генераль-губернаторъ сказалъ ему, что, какъ солдатскій сынъ, онъ занимаетъ мѣсто уже для него слишкомъ высокое. Это очень огорчило совѣтника, и какъ онъ никогда со мною не былъ хорошъ, а за нѣсколько дней предъ тѣмъ я имѣлъ съ нимъ непріятное объясненіе, то и заключилъ онъ, что одинъ я, какъ короткій знакомый Вязмитинова, далъ ему дурное о немъ мнѣніе. Это его раздражило и чрезвычайно озлобило противъ меня. Между тѣмъ уголовная палата, по дѣлу объ одномъ исправникѣ, отданномъ подъ судъ за взятки, вытребовала для допроса до семидесяти государственныхъ крестьянъ, и замедляя дѣло, для оправданія взяточника, дол-

го продержала въ городѣ бѣдныхъ поселянъ. Наступившая рабочая пора приводила ихъ въ отчаяніе; они пришли ко мнѣ и просили о защитѣ; я доложилъ генераль-губернатору, который, призвавъ всѣхъ присутствующихъ уголовной палаты къ себѣ, долго бранилъ ихъ и хотѣлъ донести о беззаконныхъ ихъ поступкахъ государынѣ императрицѣ. Чтобы уничтожить эти безпорядки, онъ приказалъ председателю подать въ отставку, а совѣтника перевелъ въ такое мѣсто, гдѣ не было никакого дѣла.

Пока они оставались еще присутствующими въ уголовной палатѣ, то искали случая метить мнѣ и нашли въ томъ возможность по неоконченному дѣлу о мясномъ торгѣ. По этому дѣлу палата нашла меня виновнымъ; но какъ ни казнѣ, ни частнымъ людямъ убытковъ отъ того не произошло, то присудила, на основаніи всемилостивѣйшаго манифеста, простить меня, съ подтвержденіемъ впредь быть осмотрительнѣе; совѣтникъ же, по этому дѣлу, подалъ мнѣніе, чтобы лишить меня двухъ чиновъ. Подавъ это мнѣніе, онъ послалъ просьбу на высочайшее имя, въ которой жаловался, что генераль-губернаторъ отъ излишняго ко мнѣ расположенія притѣсняетъ его и представилъ къ перемѣщенію на мѣсто, которое занимать онъ не желаетъ. Когда уголовная палата представила свой приговоръ на утвержденіе губернатора, то онъ прислалъ мнѣ его съ своимъ секретаремъ, и приказалъ сказать, чтобы я рѣшилъ, что долженъ и можетъ онъ сдѣлать. Видя доброе расположеніе ко себѣ начальника, не имѣющаго ни силы, ни сердца, соотвѣтствующихъ его званію, я отправился къ нему, благодарилъ за его расположеніе, и спросилъ, находитъ ли онъ виновнымъ меня. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что этого не

находить, но не согласившись съ палатою, долженъ представить дѣло на разсмотрѣніе сенату, гдѣ не надѣется, чтобы мнѣніе его утвердили, и потому во избѣжаніе стыда и желая кончить дѣло на мѣстѣ, полагаетъ удобнѣйшимъ согласиться съ рѣшеніемъ палаты. Я возразилъ, что считаю это для меня унижительною, и для самаго правосудія непристойною, и что если вѣрнѣе дѣлу дать тотъ ходъ, который оно прежде имѣло, то есть представить его императрицѣ, то желаю и прошу перенести его въ сенатъ, или позволить мнѣ жаловаться. Въ слѣдствіе того Вязмитиновъ представилъ дѣло въ сенатъ и донесъ, что по его мнѣнію уголовная палата не имѣла права присуждать меня къ наказанію, ибо я не былъ отданъ подъ судъ, и не я одинъ рѣшалъ это дѣло въ губерискомъ правленіи. Въ донесеніи своемъ онъ изъяснилъ, что ни казнѣ, ни частнымъ людямъ убытка отъ дѣйствія контракта о мясномъ торгѣ не произошло.

Въ это время дано мнѣ было порученіе, при исполненіи котораго я имѣлъ случай понравиться генераль-губернатору, и видѣть на опытъ вліяніе, которымъ пользовался я въ народѣ.

Провіантскіе комиссіонеры, надѣясь получить хлѣбъ изъ сельскихъ запасныхъ магазиновъ, не сдѣлали достаточно заготовленія провіанта для продовольствія войскъ, расположенныхъ на линіи. Казенная палата, при производствѣ торговъ, думала только о собственныхъ своихъ выгодахъ. Дѣло замедлялось еще и отъ того, что генераль-губернаторъ былъ въ то время въ другой губерніи, ввѣренной его начальству; цѣны, состоявшіяся на торгахъ, были высоки и не могли быть утверждены, а между тѣмъ проходило время, удобное для перевозки хлѣба. Въ этомъ положеніи дѣла генераль-гу-

бернаторъ узнаеть, что оказался недостатокъ провіанта въ одной изъ пограничныхъ крѣпостей, по неимѣнію въ магазинѣ на лицо того количества хлѣба, которое значилось по вѣдомостямъ. Гарнизонъ вышелъ изъ повиновенія, отправился въ ближнія Башкирскія деревни, и нагребилъ тамъ скота и съѣстныхъ припасовъ. Это происшествіе встревожило Вязмитинова. Онъ бросилъ всѣ дѣла и прискакалъ въ Уфу, пославъ приказаніе провіантскому комиссіонеру, имѣвшему пребываніе въ той пограничной крѣпости, явиться къ нему. Генераль-губернаторъ, человѣкъ не молодой, слабаго здоровья и до такой степени осторожный, что можно назвать его трусомъ, заболѣлъ отъ безпокойствъ душевныхъ и тѣлесныхъ; нѣсколько дней онъ былъ въ опасности, кончилась болѣзнь однакоже рожью на ногѣ, препятствовавшей ему встать только съ постели. Явившійся провіантскій комиссіонеръ ни въ чемъ не умѣлъ дать отвѣту. Вязмитиновъ призвалъ меня, поручилъ повѣрить его отчеты и сдѣлать распоряженіе о перевозкѣ хлѣба, который еще былъ въ нѣкоторыхъ магазинахъ, чтобы сколько нибудь помочь наиболѣе нуждающимся. По повѣркѣ моей оказалось, что хлѣба, состоявшаго на лицѣ, во всѣхъ линейныхъ магазинахъ на продовольствіе войскъ едва доставало на мѣсяць и нѣсколько дней. Сельскіе запасные магазины устроены были въ селеніяхъ земледѣльческихъ, отстоящихъ на 400 верстъ отъ линіи; Уральскія горы и степи кочующихъ народовъ, гдѣ устроена была линія, представляли для перевозки хлѣба величайшее препятствіе, увеличившееся еще отъ необыкновенно суровой и снѣжной зимы такъ, что горы и степи были почти непроходимы. Къ довершенію же всего не доставало сѣна; Башкирцы кормили свой

скотъ прутьями, что ясно показывало невозможность найти достаточное число подводъ, необходимыхъ для перевозки провіанта. Наступилъ февраль (1795), а въ концѣ марта надо было ожидать, въ продолженіи 2-хъ мѣсяцевъ, распутицы и совершенной невозможности переѣхать горы. Эти обстоятельства грозили неминуемою бѣдою, если хлѣбъ для продовольствія войскъ не будетъ въ скорости доставленъ на линію. Подводъ ни за какую цѣну достать было невозможно, и потому самая необходимость заставила Вязмитинова приступить къ крайнимъ средствамъ. Онъ приказалъ мнѣ нарядить обывательскія подводы, и перевезти хлѣбъ изъ запасныхъ магазиновъ на линію. Поручивъ мнѣ это дѣло, онъ далъ мнѣ открытое предписаніе всѣмъ военнымъ и гражданскимъ начальствамъ исполнять всѣ мои приказанія безпрекословно.

Исчисливъ въ губернскомъ правленіи, со сколькихъ душъ приходилось нарядить подводъ и сдѣлавъ распоряженіе, изъ какаго магазина, куда и чрезъ какія именно мѣста надо везти хлѣбъ, я послалъ эти исчисленія и маршрутъ исправникамъ и хлѣбнымъ приставамъ, приказавъ во избѣжаніе притѣсенія обывателей, чтобы при каждомъ транспортѣ, въ 50 подводъ, находился засѣдатель земскаго суда и офицеръ или унтеръ-офицеръ, на которыхъ возложить пріемъ и сдачу хлѣба и отвѣтственность въ томъ, чтобы никому не сдѣлано было притѣсенія. Я избралъ себѣ въ помощники одного изъ губернскихъ чиновниковъ, и послалъ его въ округи для наблюденія за дѣйствіями исправниковъ и хлѣбныхъ приставовъ, которые должны были, не упуская удобнаго времени, принимать мѣры къ поспѣшному отправленію хлѣба, и наблюдать, чтобы при пріемѣ его не сдѣлано было ни-

какихъ обидъ обывателямъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ, я предписалъ исправникамъ горныхъ и степныхъ округовъ, чтобы они дали знать поименованнымъ въ предписаніи чиновникамъ Башкирскаго народа о моемъ желаніи видѣться съ ними на назначенныхъ мною мѣстахъ.

Черезъ нѣсколько дней отправился я самъ и предположилъ переѣхать по разнымъ дорогамъ три раза Уральскія горы, чтобы лично видѣть, какія предстоятъ затрудненія при перевозкѣ черезъ горы хлѣба, и какія мѣры принять противъ того. Въ проѣздѣ свой я убѣдился, какъ трудно и даже невозможно переѣхать обозамъ черезъ горы безъ пособія Башкирцевъ. По дорогамъ къ мѣднымъ и желѣзнымъ заводамъ построены были казармы на каждахъ 20, а гдѣ и 30 верстахъ; въ 2-хъ или 3-хъ избахъ этихъ казармъ можно было устроить помѣщеніе для людей, бывшихъ при подводахъ, но главное затрудненіе состояло въ присканіи сѣна. Чрезвычайно суровая зима того года заставила жителей свой скотъ, обыкновенно находящій пищу въ горахъ, кормить дома; многіе, у которыхъ не доставало корма, покупали сѣно по неслыханной, въ тѣхъ мѣстахъ, цѣнѣ: 50 к. за пудъ. Къ довершенію же всѣхъ затрудненій, дорога совершенно испортилась, вся выбита была ухабами, и небольшія рѣчки въ горахъ тронулись.

На всякой станціи я находилъ множество Башкирскаго народа. Я съ ними ласково говорилъ, рассказывалъ имъ всю необходимость доставленія хлѣба въ линейные магазины на обывательскихъ подводахъ, изъяснялъ, какъ тяжела эта повинность для крестьянъ, и сказалъ, что надѣюсь, что Башкирцы, какъ добрые люди, безъ всякаго приказанія окажутъ имъ помощь, доставивъ на станціи необходимое количество сѣна,

поправлять дороги, устроить переправы черезъ рѣчки и заборы, и наконецъ поставить необходимое число лошадей съ хомутами и веревками, чтобы припречь ихъ къ крестьянскимъ возамъ при перевозкѣ провіанта черезъ Уральскія горы. Башкирцы охотно обѣщали все исполнить, кромѣ поставки сѣна, увѣряя, что и для продовольствія своего скота они его не имѣютъ и кормятъ прутьями; что всякой заготовляетъ сѣно близъ селенія, изъ которыхъ нѣкоторыя находятся въ 200 верстахъ отъ дороги.

Оправданія Башкирцевъ, хотя и заслуживали уваженіе, но я не могъ ихъ принять и согласиться съ ними. Требуя непремѣнной поставки сѣна и обѣщая платить по 10 коп. за пудъ, я спрашивалъ ихъ, имѣлъ ли я случай по службѣ сдѣлать имъ полезное? Всѣ закричали мнѣ въ отвѣтъ, что я ихъ отецъ, и что почти всѣ они были произведены въ чины при мнѣ и указы о томъ получены за моею подписью. Тогда я сказалъ имъ: взяли ли я съ кого что нибудь и могъ ли взять? Они отвѣчали, что нѣтъ, а могъ бы это сдѣлать. Слѣдовательно теперь, сказалъ я, могу я требовать тѣ подарки, которые не принималъ отъ васъ при пожалованіи васъ въ чины, при раздѣленіи вашихъ командъ, при нарядѣ васъ на службу и когда принималъ ваши прозбы. Я прошу отдать это сѣномъ тѣмъ крестьянамъ, которые безъ того поморятъ своихъ лошадей и разорятся. Они захохотали, и, потрепавъ меня по плечу, кричали: все будетъ, на головахъ ихъ перенесемъ, и всѣ они будутъ сыты даромъ. Я возразилъ имъ, что крестьяне за провозъ получаютъ плату, а потому и сами должны платить за сѣно, но не болѣе какъ по 10 к. за пудъ, другія же пособія слѣдуетъ имъ дѣлать даромъ. Почти на каждой станціи я долженъ

былъ повторять подобныя убѣжденія и вездѣ успѣвалъ въ томъ.

Осмотрѣвъ нѣсколько линейныхъ крѣпостей, я поѣхалъ другою дорогою чрезъ Уральскія горы и вездѣ находилъ, что приказанія мои исполняются какъ должно. На каждой станціи было по два Башкирскихъ чиновника съ достаточнымъ числомъ людей для исправленія дороги, по два чиновника при запасныхъ лошадяхъ и столько же при большихъ ометахъ сѣна, которое безпрестанно подвозили. Вездѣ поставлены были вѣсы и вмѣсто гирь положены каменья, приведенныя въ надлежащій вѣсъ. Я встрѣтилъ въ горахъ нѣсколько обозовъ и слышалъ благодарность крестьянъ за оказанныя имъ пособія, которыхъ они не ожидали.

Въ половинѣ марта я возвратился на короткое время въ Уфу. Принятый ласково генераль-губернаторомъ, узнавъ все, что мнѣ нужно было, я отправился по третьей дорогѣ, идущей въ степи, которая была отъ того лучше; но близъ хребта Уральскихъ горъ пересѣкало ее множество быстрыхъ рѣчекъ, и весна, тутъ наступающая ранѣе, заставляла всякаго останавливаться ожидать лѣтняго пути.

Я приказалъ остановить всѣ обозы 25-го марта, тамъ гдѣ случится и отпустить всѣхъ подводчиковъ домой, кромѣ крестьянъ, нанявшихъ за большую плату, чтобы могли они поспѣть къ яровой пашнѣ, и поправить лошадей своихъ, изнуренныхъ дорогою. Распоряженіе одобрено было Вязмитиновымъ; нѣкоторая часть хлѣба доведена была Башкирцами на саниахъ, брошенныхъ крестьянами, другую приняли полки, чтобы перевести весною на подъемныхъ лошадяхъ. Я вездѣ бралъ офицеровъ изъ полковъ для приѣмки хлѣба, оставленнаго обозами. Изъ всего количества хлѣба только нѣсколько де-

сятковъ четвертей не достало отъ раструски. Не пропало ни одного куля; болѣе двухъ третей доведено до самыхъ магазиновъ, и ни одинъ крестьянинъ не завесновалъ въ пути.

Вязмитиновъ чрезвычайно былъ мною доволенъ, перевозилъ меня привсѣхъ, и общалъ сдѣлать для меня все, что я ни потребую.

Мнѣ случилось напомнить ему это обѣщаніе; онъ сдержалъ слово, но съ большимъ неудовольствіемъ. Просьба моя состояла въ томъ, чтобы онъ не преслѣдовалъ моего пріятеля, котораго ненавидѣлъ изъ ревности.

Вскорѣ мы получили извѣстіе о кончинѣ императрицы, и Вязмитинову повелѣно было немедленно ѣхать въ Малороссію принять начальство надъ тремя ея губерніями и соединить ихъ въ одну. Очень довольный новымъ назначеніемъ и показывая указъ, Вязмитиновъ объявилъ мнѣ, что онъ беретъ меня съ собою, общая дать мнѣ хорошее мѣсто. Я тѣмъ охотнѣе принялъ это предложеніе, что давно желалъ оставить край, гдѣ такъ много перенесъ оскорбленій, и гдѣ большая часть людей мнѣ не нравилась.

Я долженъ былъ проситься въ отпускъ. Вязмитиновъ послалъ мое прошеніе съ нарочнымъ и просилъ всѣхъ, кого могъ, скорѣе исходатайствовать мнѣ увольненіе, и какъ мы разчитывали, что нашъ нарочный привезетъ мой указъ и должны мы его встрѣтить въ Казани, то онъ далъ мнѣ отпускъ на восемь дней, и я поѣхалъ съ нимъ. Мы дѣйствительно встрѣтили нашего нарочнаго въ Казани, но вмѣсто указа о моемъ отпускѣ, онъ привезъ извѣстіе, что безъ доклада императору меня нельзя отпустить; впрочемъ это будетъ сдѣлано безъ замедленія. Опасаясь дурныхъ послѣдствій за самовольную от-

лучку, я отправился обратно въ Уфу, проѣхавъ по напрасну 1000 верстъ.

Простившись съ Вязмитиновымъ, я отдалъ ему всѣ приготовленные мною по его приказанію бумаги, необходимыя ему при вступленіи въ новую должность, и далъ слово, получивъ указъ о моемъ отпускѣ, немедленно пріѣхать къ нему; онъ же обѣщалъ мнѣ стараться помѣстить меня на хорошее мѣсто и сдѣлать меня извѣстнымъ государю.

Тяжело мнѣ было возвратиться въ Уфу, многіе стали посмѣиваться надо мною; наконецъ чрезъ мѣсяцъ я получилъ указъ и тотчасъ отправился прямо въ Малоросію.

Пріѣхавъ въ Москву, узналъ я, что Вязмитиновъ назначенъ комендантомъ въ Петербургъ, и долженъ былъ туда ѣхать. По случаю новаго назначенія Вязмитинова, я не могъ служить подъ его начальствомъ; всѣ знатныя лица, которыхъ могъ бы я просить о своемъ опредѣленіи въ службу, уѣхали тогда, или отправлялись на коронацію въ Москву. Я остановился въ домѣ знакомаго мнѣ сенатора, человѣка совершенно празднаго и рѣшилъ ожидать случая.

Государственный казначей графъ Васильевъ, знакомый мнѣ прежде, и котораго я отыскалъ наканунѣ его отъѣзда въ Москву, узнавъ, что я желаю оставить Уфу, предложилъ мнѣ мѣсто совѣтника въ экспедиціи государственныхъ доходовъ; я принялъ предложеніе, и онъ обѣщалъ устроить это дѣло по возвращеніи изъ Москвы.

Вскорѣ послѣ того Вязмитинову повелѣно было управлять комиссаріатскимъ департаментомъ, который совершенно былъ преобразованъ и переведенъ изъ Москвы въ Петербургъ. Дѣла департамента были въ самомъ дурномъ положеніи; вещей для обмундированія арміи не доставало, а которыя и были,

не подходили къ образцамъ, вновь утвержденнымъ. Обмундировывая наскоро нѣсколько полковъ, находящихся въ столицахъ, надо было платить за все необыкновенно дорого, и департаментъ издержалъ сумму, превосходившую въ нѣсколько разъ ту, которая была ему ассигнована. Кредита не было никакого, ходъ дѣла и люди, совершенно неизвѣстные, словомъ совершенный хаосъ, который надо было привести въ порядокъ и вести скоро дѣло такое, которое, еслибы и устроено было, представляло немаловажныя затрудненія.

Сначала Вязмитиновъ былъ доволенъ довѣренностію и милостивымъ къ нему письмомъ императора, но когда увидѣлъ это множество дѣлъ, не зналъ, какимъ образомъ все это исполнить. Не имѣя помощника, получая ежедневно множество приказаній, требующихъ немедленнаго исполненія, онъ предложилъ мнѣ вступить подъ его начальство и обѣщалъ мѣсто военнаго совѣтника экспедиціи. Я еще на это не рѣшался, но переѣхалъ къ нему, сталъ заниматься дѣлами, и въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ былъ вмѣстѣ его другомъ, совѣтникомъ и секретаремъ.

Устроивая комиссаріатскія комиссіи, надо было составлять штаты и писать инструкціи для каждой должности; это дѣло Вязмитиновъ поручилъ мнѣ. Я долженъ прочитать всѣ повелѣнія и комиссаріатскіе уставы, чтобы ближе познакомиться со всѣми частями, составляющими департаментъ: работа скучная и трудная, но она послужила мнѣ въ пользу. Я узналъ эту часть, и составилъ себѣ репутацію дѣловаго человѣка. Между тѣмъ отпускъ мой кончился, и мнѣ сказали, что если я просрочу, то рискую, что вышлютъ меня изъ Петербурга подъ карауломъ. Но что было дѣлать! Прошенія въ отставку не принимали, потому что не приказано

было никого увольнять безъ доклада его величеству, а государь уѣхалъ въ Ревель. Государственный же казначей, предложившій мнѣ мѣсто, не возвращался еще изъ Москвы.

Вязмитиновъ тогда рѣшился просить генераль-прокурора объ увольненіи меня изъ статской службы съ тѣмъ, чтобы донесъ онъ государю, что я ему необходимъ для исправленія дѣлъ, на него возложенныхъ, которыя ему трудно вести безъ надежнаго помощника. Эта просьба много послужила къ моей славѣ, а между тѣмъ съ своей стороны онъ сдѣлалъ представленіе государю объ опредѣленіи многихъ чиновниковъ, а въ томъ числѣ и меня военнымъ совѣтникомъ въ комиссаріатскую экспедицію.

Долго не выходило мое назначеніе. Между тѣмъ генераль-провіантмейстеръ Оболяниновъ, бывшій задва года предъ тѣмъ въ одномъ со мною чинѣ, а теперь сдѣлавшійся сильнымъ человѣкомъ при дворѣ, предложилъ мнѣ мѣсто въ провіантской экспедиціи. Не имѣя охоты служить подъ начальствомъ человѣка, къ которому трудно мнѣ было имѣть чувство повиновенія, я отказался, говоря, что зоветъ меня къ себѣ прежній мой начальникъ, у котораго я теперь и занимаюсь дѣлами. Графъ Васильевъ, возвратившись изъ Москвы, также звалъ меня, говоря, что мѣсто совѣтника еще не занято.

Представленіе Вязмитинова возвращено было безъ утвержденія, потому что государь находилъ, что управляющій департаментомъ не имѣетъ права опредѣлять въ комиссаріатъ офицеровъ изъ полковъ. Тогда сдѣланы были два представленія, одно о производствѣ на вакансіи чиновъ комиссаріатскаго штата, а другое о назначеніи меня военнымъ совѣтникомъ въ комисса-

ріатскую экспедицію, а секретаря Вязмитинова казначеемъ.

Слишкомъ мѣсяцъ мы не имѣли никакого отвѣта; генераль-провіантмейстеръ, по прежнему знакомству, ласково со мною обходился, и нѣсколько разъ повторялъ свое предложеніе, утверждая, что меня не опредѣлятъ въ комиссаріатъ, потому что представленіе сдѣлано чрезъ президента военной коллегіи⁽²⁷⁾, котораго государь не жалуется. Я сказалъ это Вязмитинову, подстрекнулъ его самолюбіе, которое въ немъ сильнѣе было осторожности; онъ осмѣлился написать къ генераль-адъютанту, просилъ доложить государю о его представленіи и вновь ходатайствовалъ о производствѣ чиновниковъ комиссаріатскаго штата и о принятіи меня и бывшего его секретаря въ службу.

На другой день вышелъ приказъ о производствѣ всѣхъ чиновниковъ; о насъ же ничего не было сказано. Вязмитиновъ писалъ къ генераль-адъютанту, и просилъ доложить государю, что я ему нуженъ; но ему отвѣчали, что нѣсколько разъ было о томъ доложено, но государь изволилъ отозваться, что ему не угодно переводить изъ статской службы въ военную. Вязмитиновъ показалъ мнѣ много вниманія, и говорилъ, чтобы я назначилъ самъ, куда онъ долженъ ѣхать, и кого просить о моемъ помѣщеніи. Въ тотъ же день онъ послалъ письмо къ государю, въ которомъ, изъяснивъ, что разстроенное его здоровье и глазная болѣзнь дѣлаютъ его совершенно неспособнымъ къ исправленію должности, и онъ, опасаясь сдѣлать упущенія, и невинно обратить на себя гнѣвъ его величества, просить увольненія отъ службы.

(27) Н. И. Салтыкова.

Помня обѣщаніе государственнаго казначея и хорошіе его обо мнѣ отзывы, я поѣхалъ къ нему, и сказаъ, что не удалось мнѣ служить у бывшаго своего начальника, и я готовъ принять мѣсто, которое онъ мнѣ предлагалъ. Графъ Васильевъ, принявъ меня холодно, говорилъ, что у него нѣтъ вакансіи, и что онъ обѣщалъ уже двумъ дать мѣсто совѣтника, и потому, если я хочу дожидаться третьей вакансіи, то онъ очень радъ имѣть меня подъ своимъ начальствомъ. Я очень былъ недоволенъ этимъ отзывомъ и по совѣту Державина написалъ къ генералъ-провіантмейстеру, находившемуся тогда съ государемъ въ Гатчинѣ, что я готовъ вступить въ службу въ провіантскую экспедицію.

На другой день Вязмитиновъ получилъ милостивое письмо отъ государя; въ отставкѣ ему отказано, и объявлено желаніе его величества, чтобы онъ остался въ службѣ, а я переведенъ безъ переименованія въ военный чинъ военнымъ совѣтникомъ провіантской экспедиціи. вмѣстѣ съ тѣмъ я получилъ приказаніе пріѣхать въ Гатчину.

Явившись къ Оболянинову, я очень былъ обласканъ; онъ предлагалъ мнѣ мѣсто начальника Казанскаго депо, и поручилъ мнѣ покупку хлѣба и поставку оттуда въ Петербургъ. Это порученіе, доказывавшее большую его ко мнѣ довѣренность, было мнѣ пріятно; но, боясь опять жить въ провинціи и желая сдѣлаться извѣстнымъ государю и главнѣйшимъ сановникамъ, я отклонилъ это предложеніе и объяснилъ Оболянинову, что считаю себя неспособнымъ къ этому дѣлу, но желаю и могу быть полезнымъ въ службѣ, состоя при немъ, и онъ согласился дать предложеніе о допущеніи меня въ засѣданіе экспедиціи.

III. Служба въ Петербургѣ

въ провіантскомъ ведомствѣ.

1797 года Сентября 21 дня я вступилъ въ должность совершенно для меня новую. Не имѣя понятія объ обширныхъ занятіяхъ провіантскаго департамента, который имѣлъ дѣло со всѣми государственными чинами, губернскими начальниками и земскими полиціями, я обязанъ былъ знать всѣ подробности каждаго мѣста на всемъ пространствѣ государства. Я не зналъ къ кому обратиться и просить изъяснить мнѣ дѣло. Я въ первый разъ пріѣхалъ въ экспедицію рано по утру. Присутствующихъ еще никого не было; разговорился съ секретарями и узналъ, что по повелѣнію государя департаментъ раздѣленъ на семь депо или отдѣленій, но штатъ еще не былъ утвержденъ, и не опредѣлены еще были ни должность, ни степень подчиненія и отчетности каждаго. Въ экспедиціи не было не только что описанія каждаго мѣста, гдѣ расположены были войска и откуда доставляемъ былъ провіантъ, но даже и Россійскаго атласа.

Когда присутствующіе съѣхались, то они стали мнѣ говорить о неудовольствіяхъ своихъ на Оболянинова, потому что не печется онъ о ихъ счастья, что спѣсиво обходится и бранныя присылаетъ предложенія. Просмотрѣвъ бумаги, я убѣдился, что дѣйствительно нѣкоторыя предложенія написаны такъ грубо, что непристойно хранить подобные документы въ архивѣ; ему отвѣчаютъ также; дѣла со всѣмъ недвижимы. Журналы за спорами не подписывались нѣсколько мѣсяцовъ. Протоколистъ увѣрялъ, что прежде мѣсяца не возможно и приготовить

журналъ къ подписи и когда я спросилъ, какъ же посылаются исходящія, мнѣ отвѣчали, что это дѣлается неожиданно скрѣпленія журнала. Секретари писали резолюціи, ссорили присутствующихъ, которые между собою бранились и болѣе ничего не дѣлали.

Когда занятія распределены были между присутствующими, и ко мнѣ поступили С. Петербургское и Казанское депо, я приказалъ вносить всѣ входящія въ докладной регистръ и подавать его ко мнѣ для отмѣтки резолюцій. Товарищи мои увѣряли меня, что это не прилично моему званію, но я на основаніи закона продолжалъ это дѣлать. Зная, что журналы въ свое время не подписываются и не могутъ быть изготовлены, потому что кромѣ моего отдѣленія резолюціи, написанныя секретарями въ докладныхъ регистрахъ, не сдаются по нѣсколькимъ дней протоколисту, я приказалъ по всѣмъ статьямъ, по которымъ надо было написать исходящую, составлять особую журнальную записку и подавать ее всѣмъ къ подписи. Присутствующие не соглашались съ начала на это распоряженіе, говоря, что подписывать записку излишній трудъ, но какъ я не соглашался посылать исходящихъ до тѣхъ поръ, пока резолюція не будетъ подписана, то и рѣшились они исполнить мое требованіе, которое въ послѣдствіи имъ очень понравилось.

Черезъ нѣсколько дней, познакомясь съ дѣломъ, я писалъ Оболянинову, что, желая быть полезнымъ въ должности, на которую опредѣленъ по его представленію и споспѣшествовать его славы и намѣреніямъ, стремящимся къ добру, я осмѣлился составить записку о настоящемъ положеніи провіантскаго департамента, и изложить мѣры, которыя нахожу возможными для при-

веденія дѣлъ въ порядокъ. Въ этой запискѣ я объяснилъ необходимость имѣть ясное понятіе о состояніи всего государства, составить вѣрную карту съ описаніемъ судоходныхъ рѣкъ и каналовъ, утвердить штатъ департамента и написать инструкціи съ изъясненіемъ обязанностей и правъ cadaго мѣста и лица. Оболяниновъ поручилъ мнѣ написать положеніе объ устройствѣ департамента, прислалъ карту соединенія Балтійскаго моря съ Каспійскимъ, взятую имъ изъ кабинета государя, позволилъ купить атласъ Россійской имперіи и приступить къ сочиненію предположенной мною карты о судоходныхъ рѣкахъ.

Приступивъ немедленно къ этому дѣлу, я составилъ инструкціи для экспедицій, комиссій, провіантскихъ депо и комиссіонеровъ, какъ постоянныхъ, такъ и находящихся при отдѣльныхъ командирахъ войскъ, опредѣлилъ ихъ взаимныя права и обязанности, и изложилъ отчетность въ дѣлахъ и суммахъ. Въ письмѣ къ Оболянинову я изъяснилъ, что готовъ ѣхать всюду, чтобы узнать лучше всѣ подробности дѣла и сообразить требованія провіантскаго департамента съ мѣстными обстоятельствами cadaго края. Я получилъ самый ласковый отвѣтъ отъ Оболянинова; онъ благодарилъ меня за представленіе, но писалъ, что послать меня не можетъ, потому что я ему нуженъ въ экспедиціи. Все это видно изъ черновыхъ копій съ моихъ представленій, и изъ подлинныхъ писемъ Петра Хрисановича.

Вскорѣ послѣ того государь возвратился въ Петербургъ. Мнѣ приказано было надѣть военный мундиръ, представиться на разводѣ и благодарить за принятіе въ военный штатъ. Послѣ того, по опредѣленію коллегіи, я пере-

именованъ былъ военнымъ совѣтникомъ.

Въ день пріѣзда государя въ Петербургъ послѣдовалъ указъ о составленіи военного комитета, подъ предсѣдательствомъ великаго князя Александра Павловича. Всѣ начальники военныхъ департаментовъ и нѣсколько заслуженныхъ генераловъ назначены были членами комитета. Обязанность его была составить штаты, изыскать средства содержать армію какъ можно дешевле и расположить войска на непремѣнныя квартиры, сообразно мѣстнымъ обстоятельствамъ и потребностямъ государства.

Обольяниновъ, который долженъ былъ въ этомъ случаѣ быть государственнымъ человѣкомъ и заслужить довѣренность государя, по какимъ-то придворнымъ проискамъ былъ въ немилости, и въ первый день засѣданія комитета, не явившись въ назначенный часъ, получилъ выговоръ, о которомъ отдано было въ приказъ и напечатано въ газетахъ.

Всякой, бывшій при дворѣ самодержавнаго государя, знаетъ, сколько подобное событіе унижаетъ человѣка, занимающаго значительную должность, какія ведетъ за собою послѣдствія, а наипаче тогда, когда гнѣвъ постигнетъ человѣка, не давно еще изъ ничтожности возвышеннаго и возбудившаго зависть и негодованіе всѣхъ придворныхъ.

Комитетъ сталъ требовать отъ Обольянинова разныхъ свѣдѣній, дѣйствительно необходимыхъ для разсужденія о томъ, гдѣ лучше и удобнѣе содержать армію. Свѣдѣнія эти получить было не откуда, потому что экспедиція никогда ни къ чему не приготовлялась.

Правитель канцеляріи Обольянинова, ожидая неминуемаго его паденія

и своей гибели, сказался больнымъ и подалъ прошеніе въ отставку. Довѣренность къ нему Петра Хрисанеовича и мысль, что онъ все знаетъ, заставила его употреблять ласки и разныя предложенія, которыя могли удержать его въ службѣ; но ничто не подѣйствовало: съ перваго дня онъ отказался отъ дѣлъ и ни за что не принимался.

Ежедневно бывая у Обольянинова и докладывавъ ему дѣла какъ экспедиціи, такъ и вносимыя имъ въ комитетъ, я успѣлъ заслужить полную его довѣренность. Желая знать всѣ обстоятельства того времени, я, безъ затрудненія, этого достигнулъ, благодаря откровенности Петра Хрисанеовича, бывшаго близкимъ у государя и знакомымъ со всѣмъ, что окружаетъ дворъ. Я зналъ, что все зависитъ отъ каприза, и слѣдовательно нѣтъ ничего вѣрнаго. Но сія самая ненадежность, подвергающая людей ежеминутной перемѣнѣ, даетъ возможность каждому войти на стезю знатности,....

Оцѣняя качества и способности своего начальника, я находилъ, что онъ имѣетъ сердце, склонное къ добру, много природнаго ума, слишкомъ много смѣлости, но не доставало въ немъ просвѣщенія и знанія, даже до того, что, практически зная употребленіе многихъ вещей, не могъ припомнить имена ихъ, и переоверкивалъ многія непонятнымъ образомъ. Въ отношеніи къ дѣлу, порученному ему, онъ зналъ и судилъ о немъ, какъ коммиссіонеръ, а не какъ начальникъ, и совершенно не видѣлъ пути, по которому долженъ идти человѣкъ государственный.

Я заболѣлъ и принужденъ былъ принимать такія лекарства, которыя не позволяли мнѣ выѣзжать въ зимнее время. Обольяниновъ изрѣдка пріѣзжалъ ко мнѣ и совѣтовался о дѣлахъ, которыми я продолжалъ заниматься;

онъ мнѣ рассказывалъ обо всемъ, что происходило въ засѣданіяхъ комитета. Я старался внушить ему, какъ надо ему дѣйствовать, чтобы возвысить важность его должности и поставить себя на степень государственнаго чловѣка; но видѣлъ, что онъ не имѣлъ успѣха, соотвѣтствующаго обстоятельствамъ того времени. При томъ опасаясь, чтобы онъ не подумалъ, что я желаю быть его наставникомъ, я рѣшилъ письменно изъяснить ему то, что трудно было сказать на словахъ, предупредивъ о намѣреніи моемъ составить записку о положеніи дѣлъ провіантскаго департамента, которая бы могла служить для объясненій по всѣмъ требованіямъ комитета. Онъ на это согласился и благодарилъ меня.

Черезъ нѣсколько дней я препроводилъ къ нему эту записку. Въ видѣ предисловія, я изложилъ, что Россія, изобилующая хлѣбомъ и металлами по судоходнымъ рѣкамъ, текущимъ изъ центра государства къ границамъ, имѣетъ способы доставлять въ каждое мѣсто свои богатства; описалъ теченіе всѣхъ судоходныхъ рѣкъ и связь ихъ между собою; изчислилъ время, необходимое для перевозки тяжестей; изложилъ раздѣленіе департамента на семь депо или отдѣленій, сколько каждое изъ нихъ продовольствуетъ войскъ и въ какомъ числѣ людей или лошадей, откуда и куда доставляется хлѣбъ и какія правила слѣдуетъ издать для провіантскихъ комиссій, депо и коммисіонеровъ; наконецъ въ подробности изложилъ обязанность генераль-провіантмейстера, указавъ на что именно надо обратить вниманіе, какую пользу онъ можетъ оказать всѣмъ частямъ государственнаго хозяйства и какія должны имѣть права.

Я заслужилъ совершенную довѣренность и дружбу своего начальника,

который повѣрялъ мнѣ всѣ связи и обязательства государственныхъ дѣлъ. Я почти съ нимъ былъ неразлученъ, и прослылъ у всѣхъ знатныхъ лицъ за дѣловаго чловѣка. Оболяниновъ, имѣя много здраваго ума и догадливости, говоря о дѣлахъ, изъяснялъ часто мнѣніе, которое не ожидали отъ него слышать; все это приписывали мнѣ, что придавало мнѣ славы болѣе, чѣмъ я заслуживалъ. Все дѣльное, имъ самимъ придуманное, относили ко мнѣ, всѣ же мои ошибки приписывали ему. Замѣтивъ это, я употреблялъ всѣ способы для уничтоженія подобнаго мнѣнія публики; пересталъ при постороннихъ людяхъ говорить съ нимъ о дѣлахъ, сталъ играть въ карты, часто говорилъ о дѣлахъ экспедиціи не такъ, какъ думалъ, и выслушивалъ при другихъ наставленія его, которыя внушены ему были мною словесно и письменно; словомъ, употреблялъ все, чтобы возвысить въ мнѣніи другихъ своего начальника, вліяніемъ котораго хотѣлъ самъ возвыситься. Но ничто не дѣйствовало: всѣ понимали мое поведеніе и не давали вѣры моимъ словамъ.

Согласно предположенію моему, по которому провіантской департаментъ ежегодно обязанъ былъ давать отчетъ въ издержанныхъ суммахъ, съ показаніемъ на какіе именно предметы что употреблено и что осталось къ будущему году, Оболяниновъ приказалъ мнѣ составить формы, которыя и разсланы были во всѣ провіантскія комиссіи и депо. Большое было затрудненіе привести это все въ порядокъ; департаментъ, со времени существованія его, не дававший отчета, составленный изъ людей не привыкшихъ къ тому, едва могъ это исполнить, и то съ большими неисправностями. Составляя изъ отчетовъ комиссій, депо

и комиссіонеровъ генеральный отчетъ, я боялся впасть въ ошибку, долженъ былъ рыться въ старыхъ бумагахъ и по многимъ статьямъ ожидать объясненія; словомъ, на силу окончилъ это дѣло въ Августѣ 1798 года.

Обольяниновъ, находившійся тогда при дворѣ въ Гатчинѣ, представилъ государю краткую выписку отчета. Въ ней выведено было, что изъ ассигнованной въ 1797 году суммы сбережено до 1,700,000 рублей. Государь благодарилъ Обольянинова расхвалилъ его въ приказѣ, пожаловалъ ему брилліантовые знаки ордена св. Александра Невскаго, а мнѣ и тремъ другимъ данъ былъ орденъ св. Анны 2-й степени, многіе же провіантскіе чиновники произведены въ слѣдующіе чины.

Сіе событіе, возродивъ зависть первенствующихъ властей, отъ которыхъ государь сталъ требовать отчета, вооружило всѣхъ: на содержаніе провіантскаго департамента въ 1799 году ассигновано было двумя милліонами менѣе противъ сдѣланнаго изчисленія и употреблено было все, что только можно чтобы привести дѣла въ замѣшательство. Безпрерывное передвиженіе войскъ увеличивало издержки, а несвоевременный отпускъ суммъ изъ казенныхъ палатъ подрывалъ кредитъ департамента.

По возвращеніи государя изъ Гатчины, Обольяниновъ былъ не въ милости; стали объ немъ распространять дурные слухи, явились доносы, начались слѣдствія, и по одному дѣлу департаментъ былъ обвиненъ совершенно несправедливо, и наложено было взысканіе на экспедицію.

Въ это время, совершенно неожиданно, я коротко познакомился съ генераль-прокуроромъ княземъ Л. бывшимъ при дворѣ въ большой милости. Это казалось мнѣ тогда лестнымъ и

могло быть полезно, но какъ случай къ этому знакомству основанъ былъ на порокѣ, то и радъ я былъ, между нами будь сказано, прекратить его.

Жена Вязмитинова, гораздо моложе и глупѣе его, и не воспитанная въ хорошихъ правилахъ, созналась мнѣ, что ей нравится одинъ полубояринъ, глупый, какъ и она, но жившій роскошно и дававшій праздники. Сначала изъ шутки слушалъ я эти объясненія и училъ ее, какимъ образомъ пользоваться пріятностями жизни, не возмущая домашняго покоя; но вскорѣ, не знаю какъ, я сдѣлался повѣреннымъ въ ея любовныхъ интригахъ, которые могли дурно кончиться. Мужъ сталъ ревновать ее, она не успѣла быть осторожною. Сильную и явную страсть ея къ любовнику замѣтили въ обществѣ, и видя ихъ общее ко мнѣ довѣріе, стали говорить, что я устроиваю имъ свиданія. Любовникъ употреблялъ всѣ средства, чтобы чаще съ нею видѣться, давалъ концерты и приглашалъ лучшихъ артистовъ, чтобы угодить мужу, охотнику до музыки. Удачный составъ этихъ концертовъ и множество хорошихъ женщинъ, къ нему ѣздившихъ, привлекли все лучшее общество и въ томъ числѣ и генераль-прокурора. Онъ плѣнился красотою Вязмитиновой, и люди, готовые угодить сильному боярину, стали для свиданія его съ нею давать праздники и сдѣлались его друзьями. На эти праздники по желанію Л-а и согласно обычаю, принятому при дворѣ, приглашали только немногихъ; я попалъ въ число избранныхъ.

Почти ежедневно бывая съ нимъ въ обществѣ, я къ несчастію могъ видѣть, какъ человѣкъ, обязанный заниматься государственными дѣлами, отъ котораго и по званію и по особенной къ нему довѣренности государя зависить благополучіе и несчастіе многихъ, уби-

ваетъ время въ платонической любви къ молодой женщинѣ, не имѣющей и понятія о его обязанностяхъ. Ребяческія ея требованія онъ исполнялъ безпрекословно, часто не занимался дѣлами, или оканчивалъ ихъ кое-какъ, спѣша по приказанію ея пріѣхать къ ней, или куда было назначено, чтобы взглянуть на начатую ею картину или новый узоръ, и просиживалъ иногда до двухъ часовъ по полуночи.

Положеніе мое было несносное. Надобно было имѣть большую осторожность, и не знаю, что удерживало меня оставить этотъ домъ. Оболюяниновъ, бывшій тогда въ большомъ гоненіи (дѣла его поручены были разсмотрѣнію генераль-прокурора) сталъ уважать меня еще болѣе, хотя выговаривалъ мнѣ, что отъ вечеровъ и ужиновъ разстройваю свое здоровье; но я могъ замѣтить, что скучное общество, въ которомъ я находился, придавало мнѣ въ его глазахъ цѣну, и не смотря на то, что со всею откровенностію я рассказывалъ ему и многимъ другимъ, что генераль-прокуроръ никогда не говоритъ о дѣлахъ, и какъ кажется, объ нихъ и не думаетъ, — нигде не хотѣлъ вѣрить моимъ словамъ.

Черезъ нѣсколько времени открылась вакансія губернатора въ Петербургѣ, который получалъ 5000 руб. жалованья и домъ казенный для житья. Герой, въ прежнюю командиршу мою влюбленный, объявляетъ мнѣ, что хочетъ опредѣлить меня на это мѣсто и требуетъ рѣшительнаго отвѣта. Подумавъ нѣсколько и сообразивъ обстоятельства того времени, я видѣлъ, что предлагаемое мѣсто дѣйствительно самое для меня лестное, и могло мнѣ открыть путь возвыситься по службѣ, но какъ оно должно возбудить общую зависть, какъ я могъ чрезъ то показаться въ обществѣ негодеемъ, получающимъ чины чрезъ любовную связь генераль-

прокурора, то и рѣшился я отказаться отъ предложенія. Я отвѣчалъ, что не хочу перемѣнять мѣста безъ согласія своего начальника, чтобы онъ не подумалъ, что я его оставляю въ непріятное для него время. Требованіе мое на другой же день было исполнено. Оболюяниновъ объявляетъ мнѣ, что меня хотятъ назначить Петербургскимъ губернаторомъ, говоря, что это для меня выгодно, и онъ готовъ тому содѣйствовать. Я откровенно изъяснилъ ему, что если бы генераль-прокуроръ, зная меня по службѣ и находя способнымъ, опредѣлилъ въ высшую должность, я бы былъ доволенъ; но какъ онъ хочетъ возвысить меня за то, что я бываю въ его обществѣ, то мнѣ кажется неприличнымъ воспользоваться этою милостию, тѣмъ болѣе, что оставилъ бы своего начальника во время для него непріятное, и когда я ему нуженъ по дѣламъ. Оболюяниновъ былъ очень доволенъ моимъ объясненіемъ, обнималъ, цаловалъ меня, и съ того времени сталъ оказывать мнѣ свою дружбу.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ дѣла его при дворѣ поправились; гоненія нѣсколько утихли, но въ слѣдствіе прежнихъ козней не отпущены были провіантскому департаменту большія суммы на содержаніе его необходимыя, а отъ непрерывнаго передвиженія войскъ расходы превосходили смѣту. Надо было опасаться недостатка въ запасахъ, и, пропустивъ время заготовленія хлѣба, причинить вредъ, который могъ имѣть важныя послѣдствія для государственныхъ дѣлъ, и потому я рѣшился вновь пустить въ ходъ составленную мною записку о положеніи департамента. Оставивъ тоже введеніе, я изложилъ порядокъ, принятый для производства дѣлъ съ изданія высочайше утвержденнаго штата, обстоятельства каждой комиссіи

и депо, и исчислилъ, какія суммы по мѣстности края необходимы для безосновочнаго дѣйствія каждаго мѣста, подвѣдомственнаго департаменту. При этомъ изчисленіи я показалъ о количествѣ неотпущенныхъ по ассигновкѣ суммъ и о дурныхъ послѣдствіяхъ, если хлѣбъ не будетъ во время купленъ и лѣтомъ доставленъ на мѣсто. Я пустилъ по рукамъ эту записку, и она дошла до свѣдѣнія государя. Между тѣмъ Оболяниновъ успѣлъ лично все объяснить. Вслѣдствіе того переменились дѣла департамента; деньги были отпущены, и даже болѣе чѣмъ слѣдовало, и начальникъ мой сталъ сильнѣе прежняго. Государь, увидя его невинность и зная о несправедливомъ на него гоненіи, въ знакъ своего благоволенія, пожаловалъ ему богатую табакерку съ портретомъ. Я былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, и мнѣ было приказано пріѣхать въ Гатчину благодарить государя на разводѣ.

На представленіи я имѣлъ счастье слышать лестные отзывы государя, и между прочимъ изволилъ онъ сказать, что онъ радъ со мною лично познакомиться и повторилъ это за обѣдомъ Оболянинову. Мы опять были въ милости и славѣ, но завистниковъ нажили много.

По возвращеніи его величества изъ Гатчины, Оболяниновъ, подъ большимъ секретомъ, сказалъ мнѣ о намѣреніи государя опредѣлить его генералъ-прокуроромъ. Мнѣ очень пріятно это было узнать, потому что, желая идти впередъ по службѣ, я могъ надѣяться на повышение, когда начальникъ мой будетъ такъ высоко поставленъ. Я сталъ заниматься разными проектами устройства государственныхъ дѣлъ и передавалъ ихъ Оболянинову, который, измѣнивъ нѣсколь-

ко слогъ и выдавая за свое сочиненіе, отдавалъ ихъ Кутайсову для доклада государю.

Много времени прошло въ неизвѣстности; переменчивый нравъ государя заставлялъ насъ задумываться. Кутайсовъ между тѣмъ усиливался и очень расположенъ былъ къ моему начальнику. Оболяниновъ, узнавая отъ него о намѣреніяхъ государя, говорилъ о томъ со мною, и мы придумывали, въ случаѣ назначенія его, что можетъ быть сдѣлано, что не возможно, и какъ дѣйствовать согласно волѣ государя, и какъ отклонять мысли его отъ предпріятій бесполезныхъ, не оскорбляя самолюбіе властителя. Въ это время я убѣдился, что Оболяниновъ честенъ, смѣлъ, уменъ и готовъ быть полезнымъ, не смотря на то, что можетъ тѣмъ причинить себѣ вредъ.

Осенью, когда государь былъ въ Гатчинѣ и мой начальникъ при немъ находился, стали говорить въ городѣ, что онъ подалъ прожектъ объ устройствѣ народныхъ магазиновъ. Съ этимъ прожектомъ государь повелѣ Оболянинова въ первый департаментъ сената, вызванный въ то время для засѣданій въ Гатчину и пожаловалъ его сенаторомъ. Всѣ находили прожектъ не удобнымъ и отяготительнымъ для народа, и вездѣ бранили моего начальника. Государственный казначей ⁽²⁸⁾, не любившій Оболянинова, сказалъ въ обществѣ, что я сочиняю законы. Многіе, раздѣляя это мнѣніе, стали мнѣ говорить, что я отягощаю народъ, и безъ того уже бѣдный. Не имѣя никакого понятія о прожектѣ, я сколько ни увѣрялъ, что не имѣю ни малѣйшаго участія въ этомъ дѣлѣ, никто мнѣ не хотѣлъ вѣрить. Поздравляя Оболянинова съ званіемъ сенатора, я написалъ

(28) (Графъ) А. И. Васильевъ. II. Б.

ему, что прожектъ его производить не-удовольствіе въ публикѣ, и просилъ дать мнѣ знать о содержаніи онаго. Оболяниновъ на другой же день доставилъ мнѣ копію съ прожекта, описывалъ случившіяся съ нимъ произшествія, увѣдомлялъ, что прожектъ написанъ имъ по волѣ государя, и требовалъ, чтобы я изложилъ свое мнѣніе. Прочитавъ со вниманіемъ прожектъ, я нашелъ, что дѣйствительно многое въ немъ было не удобно къ исполненію и отяготительно для народа безъ всякой надобности и пользы. Я послалъ къ нему записку, въ которой объяснилъ тѣ статьи прожекта, которыя необходимо было перемѣнить и изложилъ свое мнѣніе, какимъ образомъ можно было это устроить. Моя критика не понравилась. При свиданіи нашемъ въ Гатчинѣ, онъ сказалъ женѣ своей, что я хорошій фруктъ, но не поспѣлъ; объясняться болѣе не хотѣлъ; а я, слѣдуя правиламъ благопристойности, не начиналъ о томъ и разговора. Хотя онъ продолжалъ быть со мною откровеннымъ, поручилъ мнѣ написать прожектъ о устройствѣ коммерческой части, но я могъ замѣтить, что по мѣрѣ увеличенія его власти онъ отъ меня удалялся.

Вскорѣ получены были въ экспедиціи отчеты за 1798 годъ. Я составилъ изъ нихъ генеральный отчетъ и отправилъ къ Оболянинову, который приказалъ мнѣ пріѣхать въ Гатчину. Онъ хвалилъ меня за помѣщеніе всего отчета на одномъ листѣ, и очень былъ доволенъ, что изъ ассигнованной суммы уменьшено издержекъ слишкомъ на 1,200,000. Онъ совѣтывался со мною на счетъ наградъ, и мы составили списокъ о представляемыхъ къ орденамъ и чинамъ. Обо мнѣ не было рѣчи, и я молчалъ, полагая, что долженъ быть представленъ съ прочими, заслу-

жившими награжденіе за усердіе къ службѣ. Кончилось тѣмъ, что отчетъ поданъ государю, который былъ имъ доволенъ, пожаловалъ моему начальнику Малтійскій крестъ, осыпанный богато брилліантами и домъ въ городѣ. Всѣ представленные получили награды, а я остался ни при чемъ. Признаюсь, досадно мнѣ было, но я это скрывалъ, отъ гордости, боясь показаться обиженнымъ.

По возвращеніи Оболянинова въ Петербургъ, желая скрыть отъ него и отъ всѣхъ другихъ свое неудовольствіе, я продолжалъ быть въ домѣ его, и онъ по прежнему былъ со мною ласковъ и откровененъ. Но какъ онъ на вѣрное ожидалъ назначенія въ генераль-прокуроры, то стараясь привыкать къ новымъ дѣламъ, сталъ ежедневно ѣздить въ сенатъ, а провіантскую экспедицію оставилъ моему попеченію, подписывалъ всѣ наши журналы и опредѣленія, но почти совсѣмъ ими не занимался. Наконецъ онъ былъ опредѣленъ генераль-прокуроромъ съ оставленіемъ въ должности генераль-провіантмейстера. Съ тѣхъ поръ имѣя много занятій, онъ пересталъ заниматься провіантскими дѣлами, и я управлялъ одинъ департаментомъ.

Съ каждымъ днемъ становясь сильнѣе, онъ скорѣ уподобился великому визиру. Всѣ лично имѣвшіе докладъ у государя получили приказаніе присылать свои представленія чрезъ генераль-прокурора и были принуждены объясняться по всѣмъ дѣламъ съ Оболяниновымъ, соображаться съ его мнѣніемъ или лучше сказать съ его приказаніемъ, которое казалось всѣмъ волею царя. Множество дѣлъ, быстрота, которую государь требовалъ въ ихъ исполненіи, непривычка заниматься важными дѣлами, а болѣе все

го дурное воспитаніе и грубость его обхожденія восружили противъ него всѣхъ имѣвшихъ дѣло съ нимъ.

Вскорѣ послѣ назначенія его генераль-прокуроромъ, по рѣшенію сената, отобраны были земли у многихъ помѣщиковъ въ Саратовской и другихъ губерніяхъ, которыя поступили въ казну. Оболяниновъ, желая поощрить своихъ подчиненныхъ, исходатайствовалъ многимъ сенатскимъ и нѣкоторымъ провіантскимъ чиновникамъ пожалованіе отъ тысячи до пяти тысячъ десятинъ. Это было во время лѣтнихъ мѣсяцевъ, когда государь не жилъ въ Петербургѣ. Генераль-прокуроръ былъ при немъ, но, по заведенному порядку, пріѣзжалъ еженедѣльно на два дни въ городъ для присутствованія въ общемъ собраніи сената, и для окончанія дѣлъ, требовавшихъ личнаго его присутствія. Онъ привезъ съ собою указы о пожалованіи землями, о чемъ въ городѣ были уже слухи и нашелъ въ своемъ домѣ множество съѣхавшихся благодарить, и тѣхъ, которые по дѣламъ должны его видѣть. Онъ думалъ, какъ говорили мнѣ его домашніе, найти меня въ досадѣ, и ожидалъ моихъ упрековъ, а я нисколько не показалъ неудовольствія и при короткихъ его знакомыхъ, въ разговорѣ объ этомъ по пожалованіи хвалилъ его справедливость. И когда Оболянинова, въ присутствіи его мнѣ сказала, что милость государя еще не кончилась, и я съ другими генералами провіантскаго штата будемъ также награждены, я отвѣчалъ, что, не оказавъ никакого отличія, не за что и ожидать мнѣ милости, и стыдно было бы принять ее.

Вскорѣ послѣ того Оболяниновъ, пріѣхавъ въ городъ, при многихъ сталъ мнѣ выговаривать, что дѣла провіантской экспедиціи идутъ медленно, и что онъ при первомъ случаѣ поступитъ

начальнически, не смотря на пріязнь ко мнѣ, и присовокупилъ: „дружба дружбою, а служба службою“. Я возражилъ, что дѣла идутъ какъ было прежде и далъ ему почувствовать, что когда онъ присутствовалъ, все я же дѣлалъ. Разговоръ на томъ остановился, но когда многіе вышли изъ комнаты, я спросилъ о причинѣ подобнаго выговора. Много онъ мнѣ называлъ дѣлъ, которыя не возможно было рѣшить за неполученіемъ справокъ, и когда я это ему объяснилъ, онъ, не смотря на то, говорилъ, что я слабъ съ подчиненными, не умѣю заставить себя повиноваться, и не въ состояніи никогда быть начальникомъ. Я отвѣчалъ ему рѣзко и въ заключеніе сказалъ, что онъ, кажется возвысился такъ высоко, что не имѣетъ надобности соиздать свою репутацію на развалинахъ моей. Съ этого времени я убѣдился, что не годится мнѣ быть близкимъ въ его домѣ, и я сталъ удаляться; но дружеская ласка добродушной его жены заставляла меня быть у него чаще, чѣмъ я хотѣлъ.

Это стеченіе обстоятельствъ поставляло меня въ большое затрудненіе. Мнѣ казалось, что хорошее мнѣніе, которое я заслужилъ, унижало моего начальника, породило въ немъ зависть и желаніе выказать, что я ему не такъ необходимъ, какъ полагали другіе. Я примѣчалъ, что по мѣрѣ умноженія его власти, увеличивается въ немъ самолюбіе и гордость; и, боясь быть жертвою человѣка, изъ добраго и честнаго преобразившагося въ обыкновеннаго боярина, я не зналъ, что дѣлать. Это убѣжденіе основано было и на томъ, что при самомъ вступленіи его въ должность генераль-прокурора, онъ самъ мнѣ рассказывалъ, что государь хотѣлъ назначить меня генераль-аудиторомъ; но Оболяниновъ на это не

согласился, и объявилъ, что если меня уволить изъ провіантскаго департамента, то онъ не можетъ имъ болѣе управлять, слѣдовательно, въ глазахъ государя я былъ ему необходимъ. Въ послѣдствіи неосмотрительные его доклады по дѣламъ сената и постоянное благоволеніе за порядокъ въ провіантскомъ департаментѣ вѣроятно унижали его и заставляли говорить, что я былъ хорошъ только тогда, когда онъ мною руководилъ.

Я занемогъ въ это время рожью на лицѣ. Оболяниновъ, пріѣхавъ изъ Гатчины, чрезвычайно занятый дѣлами, навѣстилъ меня однако съ женою своею и многими значительными людьми, искавшими его милости. Двѣ комнаты, которыя я занималъ, были наполнены разноцвѣтными лентами.

Въ это время получены были отчеты за 1799-й годъ. Больной и развлекаемый гостями, я исполнялъ однако свое дѣло. Изъ составленнаго мною генеральнаго отчета, который я послалъ къ Оболянинову, оказалась передержка 1,700,000-хъ противъ ассигновки суммъ, и капиталъ на столько же уменьшился. Но изъ объясненія о причинахъ передержки видно было, что если бы войска, находившіяся въ походѣ, были на непремѣнныхъ квартирахъ, и провіантской департаментъ не принужденъ былъ производить расходы не исчисленные въ смѣтѣ, то не вышелъ бы изъ ассигнованной суммы, не смотря на то, что повсемѣстно возвысились цѣны на хлѣбъ и сѣно.

Хотя и старался я оправдать передержку суммъ, но какъ капиталъ департамента былъ тронутъ, то и не ожидалъ ничего хорошаго, тѣмъ болѣе, что начальникъ ко мнѣ былъ не расположенъ; но совершенно неожиданно получилъ въ награду пять тысячъ десятинъ земли и пожалованъ почетнымъ

командоромъ ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго. Мой начальникъ написалъ мнѣ поздравленіе въ пышныхъ выраженіяхъ, и пріѣхавъ въ городъ, при свиданіи, сказалъ, что очень мною доволенъ. Жена его рассказала знакомымъ моимъ и мнѣ подтвердила, что государь, разсматривая отчетъ, изволилъ отозваться, что по обстоятельствамъ прошедшаго года онъ не надѣялся, что такъ мало будетъ передержано противъ ассигновки, благодарилъ Оболянинова и приказалъ представить къ наградѣ тѣхъ, кого онъ считаетъ достойными, прибавя, чтобы не забылъ меня. Въ слѣдствіи этого я и пять генераловъ провіантской экспедиціи были представлены, и государь назначилъ намъ ордена, но начальникъ нашъ доложилъ, что мы всѣ не богаты, и что мнѣ не на что купить карету, на что государь сказалъ: „что же имъ дать?“ и общалъ исполнить по назначенію Оболянинова. Тогда онъ выпросилъ намъ въ Саратовъ земли, и приказано было написать указъ о пожалованіи намъ по пяти тысячъ десятинъ.

Оболянинову извѣстны были всѣ подробности моихъ домашнихъ обстоятельствъ. Онъ зналъ, что я былъ долженъ около 15,000 руб., которые, если не превосходили, то ужъ вѣрно были равны цѣнѣ принадлежащаго мнѣ имѣнія. Я никогда не жилъ въ роскоши и терпя всегда нужду, сдѣлалъ этотъ долгъ на службѣ, потому что однимъ жалованьемъ жить было не возможно, незаконныхъ же доходовъ никогда не имѣлъ, не имѣю и не буду имѣть. Прежде, когда казался я ему нуженъ, онъ дѣлалъ мнѣ разныя предложенія для поправленія моихъ обстоятельствъ, но я всегда отказывался. Однажды, принимая во мнѣ большое участіе и узнавъ, что я сильно беспокоюсь о своихъ долгахъ, которые могли нарушить

покой матушки, онъ далъ мнѣ свидѣтельство на свое имѣніе и предлагалъ заложить его въ банкъ и расплатиться съ кредиторами. Я не принялъ этого предложенія, и потому теперь, когда онъ сталъ первымъ наперсникомъ государя, чрезвычайно щедрого и выпрашивалъ всѣмъ царскія милости, я могъ надѣяться, что онъ выведетъ меня изъ отяготительнаго моего положенія. Однажды въ разговорѣ я сказалъ ему, что почелъ бы себя счастливымъ, если бы могъ продажею пожалованной мнѣ земли расплатиться съ моими заимодавцами, и освободить отъ залога имѣніе, въ которомъ живетъ матушка. Онъ холодно отвѣчалъ: „вѣрно выручишь денегъ болѣе, чѣмъ долженъ“. И конечно я бы выручилъ болѣе, если бы получилъ землю, какую онъ могъ мнѣ назначить по указу государя; но вмѣсто того онъ приказалъ всѣ земли, вновь дошедшія казнѣ въ Саратовѣ, раздѣлить на участки и прислать описаніе ихъ въ сенатъ съ тѣмъ, чтобы жребій рѣшилъ, кому достанется какой участокъ. Онъ этимъ распоряженіемъ поставилъ меня на ряду со всѣми чиновниками, которые себя не забывали, и не имѣя наслѣдственнаго имѣнія, жили въ роскоши, и которыхъ поведение прежде онъ часто оуждалъ въ разговорахъ со мною. Такъ-то перемѣняются люди по мѣрѣ перемѣны съ ними обстоятельствъ. Я однакоже не обвинялъ своего начальника за то, что онъ не старался устроить мое состояніе. Мнѣ казалось, что онъ имѣетъ большіе на меня виды. Я слышалъ отъ многихъ, что онъ желаетъ опредѣлить меня секретаремъ государя на мѣсто Н.....⁽²⁹⁾ котораго должность была самая важная изъ секретарскихъ мѣстъ, и что онъ намѣренъ устроить такимъ

образомъ это дѣло, чтобы ни просить ни рекомендовать меня, а заставить взять меня въ секретари какъ бы противъ моего желанія, уговоривъ меня принять это назначеніе, и угодить тѣмъ государю. Онъ мнѣ нѣсколько разъ говорилъ, что мнѣ надо перемѣнить мѣсто своей службы; я всегда отвѣчалъ, что я готовъ на все, лишь бы не служить безъ пользы и прилично моему званію.

Время это было самое ужасное. Государь былъ на многихъ въ подозрѣніи. Тайная канцелярія была занята дѣлами болѣе вотчинной; знатныхъ сановниковъ почти ежедневно отставляли отъ службы и ссылали на житье въ деревни. Государь занялся дѣлами церковными, преслѣдовалъ раскольниковъ, разбиралъ основаніе ихъ секты, многихъ брали въ тайную канцелярію, брили имъ бороды, били и отправляли на поселеніе. Словомъ, ежедневный ужасъ. Начальникъ мой сталъ инквизиторомъ, все шло чрезъ него. Сердце болѣло, слушая шопоты, и радъ бы не знать того что разказываютъ.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1801 года государь скоростижно скончался. Событіе это и безъ меня извѣстно. Я разскажу только что случилось со мною. Поутру, до разсвѣта, я слышу, сильно звонять у моихъ дверей. Приѣхалъ мой знакомый и входя въ спальню, сказалъ мнѣ, чтобы я скорѣе одѣвался, и объявилъ, что государь скончался. Только что я сталъ одѣваться, приходитъ провіантской унтеръ-офицеръ съ рапортомъ, и боязливо отзывая меня въ сторону говорить, что войска собираются и съ чѣмъ-то другъ друга поздравляютъ. Потомъ вскорѣ приѣхалъ экзекуторъ и объявилъ приказаніе вице-президента тотчасъ явиться въ военную коллегію.

(29) Нелединскаго? Н. Б.

Одѣвшись какъ можно скорѣе, я поѣхалъ къ Оболянинову. Но кругомъ его дома я нашелъ множество солдатъ съ ружьями, и офицеръ запретилъ мнѣ войти. Я отправился въ коллегію, и нашелъ множество военныхъ, ожидавшихъ пріѣзда вице-президента. Наканунѣ я видѣлся со многими у генераль-прокурора, и они, полагая, что я его пріятель, учтивы были со мною до невозможности; но тутъ не смотря на меня и стараются быть отъ меня подальше. Зная чистоту своего поведенія, я нисколько не смутился, и видя въ нихъ эту крутую переменъ въ обращеніи, вмѣсто оскорбленія или досады, смѣшны и жалки мнѣ были эти люди, во всякомъ случаѣ одинаково подлые. Хотя изъ любопытства я и желалъ вступить въ разговоръ съ кѣмъ нибудь изъ нихъ; но зная, что они мнѣ ничего не скажутъ, а подумаютъ, что я на нихъ похожъ, я удержался. Наконецъ приходитъ военный совѣтникъ Б***⁽³⁰⁾, бывший правителемъ канцеляріи Оболянинова, и говоритъ мнѣ шопотомъ, что въ часъ пополудни арестовали генераль-прокурора, войска разставлены были въ домѣ и кругомъ его, чтобы никого не впускать, а Оболянинова повели пѣшкомъ въ ордонансъ-гаузъ, откуда онъ уже отпущенъ и теперь находится въ своемъ домѣ подъ карауломъ.

Вице-президентъ⁽³¹⁾, войдя въ присутствіе военной коллегіи, прочелъ манифестъ о кончинѣ государя Павла Петровича и о вступленіи на престолъ Александра Павловича, и по приводѣ насъ къ присягѣ, приказалъ всѣмъ начальникамъ департаментовъ идти въ свои экспедиціи и привести

къ присягѣ всѣхъ подчиненныхъ имъ. Подозвавъ присутствовавшего въ провіантской экспедиціи генераль-лейтенанта Ханыкова, вице-президентъ поручилъ ему принять въ управленіе провіантской департаментъ.

Я попросилъ позволенія новаго моего начальника и поѣхалъ къ Оболянинову. Не доѣзжая до дома, увидѣлъ я кругомъ его войска, и потому, выйдя изъ саней, пошелъ пѣшкомъ. Чрезъ дворъ и по маленькой лѣстницѣ я вошелъ въ домъ, и засталъ въ столовой офицера, который къ счастію зналъ меня. Онъ спросилъ меня, зачѣмъ я пришелъ, и позволилъ мнѣ идти къ вчерашнему моему начальнику. Я нашелъ его въ постелѣ, съ совершенно-спокойнымъ лицомъ. Жена, сестра и другія женщины, живущія въ домѣ, сидѣли возлѣ. Онъ очень мнѣ обрадовался и рассказалъ о происшествіяхъ, съ нимъ случившихся. Въ часъ пополудни, когда онъ еще не заснулъ, пришелъ къ нему плацъ-маіоръ съ командою, объявилъ, что онъ арестованъ, но не сказалъ, по чѣму повелѣнію, позволилъ ему одѣваться въ столовой, окруживъ его солдатами съ ружьями и съ примкнутыми штыками.

Зная переменчивый нравъ покойнаго государя, Оболяниновъ думалъ, что это все происходитъ по его повелѣнію, несмотря на то, что только вечеромъ въ девять часовъ отъ него уѣхалъ, и государь былъ очень къ нему милостивъ. Думая о томъ, чѣмъ онъ могъ провиниться и вспоминая все то, что онъ говорилъ и дѣлалъ, онъ не понималъ причины такой сильной строгости.

Когда онъ одѣлся и плацъ-маіоръ приказалъ ему идти за нимъ, Оболяниновъ отдалъ ему свою шпагу, объявивъ, что, занимаясь государ-

(30) Василій Кирилловичъ Безродный. *И. Б.*

(31) Генераль отъ инфантеріи Ламбъ. *И. Б.*

ственными дѣлами, у него есть бумаги, заключающія въ себѣ тайну, заперъ при немъ свой кабинетъ и ключи взялъ съ собою. Его привели въ ордонансъ-гаузъ, гдѣ онъ легъ на канapé, и уснулъ. Я считалъ это важнымъ доказательствомъ чистоты его сердца, а многіе за то его осуждали, говоря, какъ можно уснуть спокойно подъ арестомъ, когда въ ту же ночь онъ засыпалъ, воображая себя полномочнымъ довѣреннымъ царя. Когда разсвѣло, ему объявили о кончинѣ государя, и дозволили возвратиться домой, гдѣ оставленъ былъ одинъ офицеръ для надзора.

Послѣ обѣда я поѣхалъ домой узнать, нѣтъ ли какого приказанія по дѣламъ, которыми я завѣдывалъ. Я возвратился къ Оболянинову, часа черезъ два, нахожу его блѣднымъ, пожелтѣвшимъ, а жену его въ другой комнатѣ, въ пресильной истерикѣ. Онъ спросилъ меня, можетъ ли надѣяться, что я не откажу сдѣлать ему большое одолженіе? И когда я отвѣчалъ, что готовъ на все, онъ просилъ меня съѣздить во дворецъ, отыскать тамъ одного изъ Зубовыхъ, и просить ихъ ходатайства, чтобы посадили его въ тюрьму, если онъ виноватъ или это необходимо, но избавили бы домъ отъ караула, потому что жена его, лишь увидитъ офицера къ нему приставленнаго, падаетъ въ обморокъ и съ нею дѣлаются сильныя истерическіе припадки. Недавно еще Зубовы были въ гоненіи; жили подъ присмотромъ въ своихъ деревняхъ, имъ было запрещено видѣться другъ съ другомъ и пожалованныя имъ императрицею имѣнія были конфискованы; имъ оставили только родовыя, обремененныя долгами. Оболяниновъ изъ тщеславія и желая показать свою силу и обязать людей, бывшихъ въ

большой силѣ, успѣлъ отсовѣтывать государю пожаловать эти имѣнія герцогу Александру Виртембергскому, отдалъ ихъ въ управленіе человѣку извѣстному, привелъ эти разстроенныя имѣнія въ порядокъ, приказалъ окончить дѣла по спорамъ о земляхъ, которыя могли стоить Зубовымъ большихъ хлопотъ и издержекъ, исходатайствовалъ имъ прощеніе, и возвративъ имѣнія, сдѣлалъ ихъ богаче прежняго. Но они забыли цѣну благотворенія, основаннаго единственно на одномъ тщеславіи.

Пріѣхавъ во дворецъ, я увидѣлъ князя Зубова у подъѣзда. Я нагналъ его на лѣстницѣ, и когда онъ увидѣлъ меня и спросилъ, что мнѣ нужно, и каковъ Петръ Хрисанѣовичъ, я передалъ ему просьбу Оболянинова. Онъ отвѣчалъ, что государь не имѣетъ къ нему довѣренности, и потому онъ не можетъ быть генераль-прокуроромъ, что караулъ приставленъ не къ нему, а къ дѣламъ, находящимся у него. Я сказалъ тогда, что за дѣла должны отвѣчать чиновники, и они находятся не у него, потому что всякое представленіе, утвержденное государемъ, передано въ сенатъ; въ тайной экспедиціи есть сенаторъ, завѣдывающій этими дѣлами, генераль-прокурорскія у экспедиторовъ, а у Оболянинова въ кабинетѣ могутъ быть только одни прожекты для доклада. Но если даже и предположить, что у него въ кабинетѣ есть важныя дѣла, которыя надо сохранить, то предосторожность пустая, приставивъ къ нимъ офицера, котораго Оболяниновъ можетъ увести въ дальнія отъ кабинета комнаты, и въ это время можно истребить все, что необходимо. А потому если некому поручить должность и принять дѣла, бывшія въ производствѣ генераль-прокурора, то лучше

все запечатать до этого назначенія и самого Оболянинова заставить быть хранителемъ печати. Зубовъ общалъ мнѣ тотчасъ доложить государю, и вечеромъ прїѣхать къ Петру Хрисановичу.

Не успѣлъ я отдать отчетъ въ своемъ порученіи, какъ прибылъ посланный государя, который выговаривалъ офицеру за то, что онъ входилъ во внутреннія комнаты, и приказалъ ему быть въ передней. Вскорѣ потомъ прїѣхалъ главно-управляющій кабинетными дѣлами. Онъ посмотрѣлъ всѣ бумаги въ кабинетѣ, и видя, что дѣйствительно хранить нечего, отослалъ караульнаго офицера. Князь Зубовъ также прїѣзжалъ, но Оболяниновъ не приказалъ его принимать. На другой день, когда позволено было ему прїѣхать во дворецъ, всѣ Зубовы подходили къ нему, и хотѣли съ нимъ объясниться, но онъ отклонилъ это.

Послѣ милостиваго пріема государя былъ большой сѣздъ у Оболянинова, такъ что ему прислали сказать, чтобы онъ много къ себѣ не принималъ, и чтобы поменьше болтали въ домѣ его. Это сказано было на счетъ его жены, которая дѣйствительно позволяла себѣ говорить много лишняго. Военный генераль-губернаторъ графъ Паленъ, бывшій съ Оболяниновымъ въ открытой враждѣ, сталъ письменно требовать отъ него объясненія. Петръ Хрисановичъ отвѣчалъ дѣйствительно самъ и изложилъ всю истину, которая всегда была для него похвальна. Вскорѣ онъ потребовалъ, чтобы я къ нему не ѣздилъ, потому что это можетъ быть вредно для меня, а для него опасно. Онъ рассказывалъ мнѣ, что записываютъ, когда и долго ли я у него бываю, и требовалъ, чтобы я прекратилъ свои

посѣщенія, сказавъ: „Видишь, братъ, думаютъ, что ты меня учишь.“

Я провелъ вечеръ и слѣдующій день дома и въ экспедиціи. Признаюсь, тяжело мнѣ было. Зная, что графъ Паленъ, бывшій тогда въ большой силѣ, подозрѣвалъ меня близкимъ къ Оболянинову, котораго онъ ненавидѣлъ, и который обращалъ на себя большое вниманіе по тогдашнимъ обстоятельствамъ, что онъ легко можетъ сдѣлать со мною все, что захочетъ, я рѣшился не показываться въ обществѣ. Дружба, которую я прежде питалъ къ прежнему своему начальнику, возродилась съ большею силою въ сердцѣ, когда я увидѣлъ его сильное паденіе. Къ этому присоединилась мысль, что, покинувъ Оболянинова, я могу показаться трусомъ или чловѣкомъ неблагодарнымъ. Я на третій день пришелъ къ нему пѣшкомъ, и узналъ, что онъ получилъ отставку, и, очень довольный, уѣзжаетъ въ деревню. Я провелъ съ нимъ все это время; мы разстались друзьями, съ тѣхъ поръ ведемъ между собою переписку, и желаемъ увидѣться, но Богъ знаетъ, когда это случится. Когда я прощался съ нимъ и благодарилъ за всѣ сдѣланныя мнѣ одолженія, онъ сказалъ, что чувствуетъ себя обязаннымъ, и не знаетъ, кто изъ насъ кого болѣе одоужалъ. Одно мнѣ только показалось смѣшно: передъ самымъ отъѣздомъ, разбирая книги и бумаги, бывшія въ его кабинетѣ, ему попалось описаніе мною составленное о состояніи провіантскаго департамента. Онъ положилъ его къ тѣмъ бумагамъ, которыя бралъ съ собою, и сказалъ: я это здѣсь не оставляю, пусть назначенный на мое мѣсто потрудится самъ собрать всѣ содержащіяся тутъ свѣдѣнія. Еслибы онъ не былъ въ гоненіи, я бы не вытерпѣлъ дать ему хо-

рошій урокъ, но тутъ промолчалъ, подумавъ только, до чего человекъ можетъ забыться, когда обстоятельства возведутъ и низведутъ его гораздо далѣе черты, предназначенной ему судьбою.

Послѣ отъѣзда Петра Хрисанювича я почти нигуда не ѣздилъ, болѣе прежняго занимался дѣлами, стараясь все привести въ такой порядокъ, чтобы новый генераль-провіантмейстеръ не могъ выговаривать намъ за неисправность, исправилъ составленное мною прежде описаніе о состояніи департамента, дополнилъ его новыми свѣдѣніями, словомъ, приготовилъ множество дѣлъ, чтобы встрѣтить какъ должно новаго начальника. Долго не выходило это назначеніе, и слухъ, что будетъ опредѣленъ генераль-провіантмейстеромъ человекъ, давно мнѣ знакомый, и хотя гордый, но умный и безкорыстный, заставлялъ меня съ большимъ удовольствіемъ заниматься этими приготовленіями.

Прошелъ мѣсяцъ, и всѣ забыли о прежней моей силѣ у начальника. Наступила Святая Недѣля, а съ нею и необходимость ѣхать съ визитами. Я имѣлъ удовольствіе видѣть, что меня хорошо принимаютъ, былъ и у Зубовыхъ, которые были со мною очень учтивы, но сдѣлалъ этотъ визитъ изъ одного приличія: я не желалъ бы съ ними сблизиться, не имѣя къ нимъ уваженія, и по истинѣ не принялъ бы повышенія, которымъ бы могъ быть имъ обязанъ.

Обстоятельства послѣднихъ четырехъ лѣтъ, которыя были мнѣ довольно извѣстны, заслуживаютъ того, чтобы сохранить ихъ надолго въ памяти..... Послы за границу чрезъ фельдфебелей проваживались какъ бы подпорутчики гарнизонныхъ полковъ. Французская революція потрясала

троны. Покойная императрица, искусно пользуясь смятеніями, присоединила нѣсколько губерній отъ Польши, и объявила войну противъ Персіи. Войска наши перешли черезъ Кавказскія горы и приблизились къ Анатоліи; это сдѣлано было, какъ говорятъ, для того, чтобы поступить съ Турціею, какъ поступлено было съ Польшею, и возстановить всеобщій миръ въ Европѣ. Государь оставилъ завоеванный мѣста Персіи, отозвалъ войска, объявивъ, что не хочетъ никакой войны, не желаетъ никакого приобрѣтенія, а намѣренъ беречь своихъ людей, не мѣшаться въ чужія дѣла, и имѣть попеченіе о томъ, чтобы внутреннее устройство государства доведено было до степени желаемого имъ совершенства.

Чрезъ годъ по вступленіи его на престолъ великая княжна Александра Павловна помолвлена была за эрцгерцога Іосифа, брата Австрійскаго императора. Государь сталъ мѣшаться въ дѣла сосѣда, бывшаго тогда въ войнѣ съ Французскою республикою. Онъ послалъ въ Австрію вспомогательный корпусъ, и по представленію полномочнаго посла Римскаго императора, вызвалъ изъ деревни знаменитаго фельдмаршала Суворова, и назначилъ его главнокомандующимъ. Вскорѣ потомъ на основаніи трактата, заключеннаго съ Англіею, посланы были противъ Франціи еще два вспомогательныхъ корпуса, одинъ въ Швейцарію, а другой въ Голландію. Войска, подъ предводительствомъ фельдмаршала Суворова, прославили Россію, въ одно лѣто вытѣснили Французовъ изъ Италіи, перешли Альпійскія горы, выиграли много сраженій, и подошли къ границамъ самой Франціи; другіе два корпуса дѣйствовали неуспѣшно и при первыхъ встрѣ-

чахъ съ непріятелемъ, проиграли сраженіе и потеряли много людей. Государь возымѣлъ подозрѣніе, что союзники, желая загребать жаръ чужими руками, дурно вспомошествовали общимъ предпріятіямъ. Это сдѣлало совершенный разрывъ, всѣ войска безъ всякихъ предварительныхъ сношеній отозваны были въ Россію. Возвращеніе ихъ было затруднительно, но общее почтеніе къ храбрости и честности Русскихъ отверзало имъ повсюду путь, и недоброжелательные намъ бывшіе союзники доставляли войскамъ продовольствіе.

Небольшое число нашихъ плѣнныхъ, взятыхъ Французами, должны были быть вымѣнены на плѣнныхъ, находившихся у Австрійцевъ и Англичанъ, но какъ внезапный разрывъ съ союзниками не позволялъ требовать этого обмѣна, то всѣ плѣнные выключены были изъ службы, что возбудило общее негодованіе, и много добрыхъ искръ загасило въ сердцахъ.

Я забылъ упомянуть о главномъ поводѣ объявленія войны. Союзники, не имѣя въ Средиземномъ морѣ достаточныхъ морскихъ силъ, предложили императору Павлу I-му принять подъ покровительство Россіи островъ Мальту, предательски занятый Французами. По совершеніи церемоніи онъ принялъ отъ бродящихъ безъ пристанища кавалеровъ званіе великаго магистра ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго, назначилъ въ Мальту гарнизонъ и коменданта и приказалъ внести городъ въ календарь, наравнѣ съ губернскими городами. Англичане въ это время заняли островъ и, продолжая переговоры до прекращенія союза, присоединили его потомъ къ своимъ владѣніямъ.

Франція въ это время была въ затруднительномъ положеніи; лучшія войска ея почти въ плѣну, въ Египтѣ, у Турокъ и Англичанъ; она была въ войнѣ со всею Европою. Первый консулъ Бонапартъ, желая вступить въ союзъ съ Россіею, написалъ письмо къ государю, въ которомъ, называя его неограниченнымъ монархомъ, увѣдомлялъ, что 5000 нашихъ, зная, что они исключены изъ службы, не принимаютъ никакихъ выгодныхъ предложеній Французскаго правительства и остаются вѣрными своему государю, и что Франція готова отпустить ихъ безъ вымѣна, желая тѣмъ показать свое желаніе быть союзницею Россіи. Это письмо было прислано съ маіоромъ, бывшимъ въ плѣну, который рассказывалъ, что наши плѣнные одѣты по новой формѣ, установленной государемъ, что изъ нихъ составлены баталіоны, которыми командуютъ Русскіе офицеры и генералы и обучаютъ ихъ согласно вновь изданному уставу. Государь такъ плѣнился и такъ чувствительно принялъ это извѣстіе, что, говорятъ, плакалъ и болѣе сутокъ не могъ ничего ѣсть; съ этого времени началась дружеская переписка съ Бонапартомъ, и наши плѣнные выступили въ Россію.

На основаніи союза, заключеннаго съ Французами, конфискованы были всѣ Англическія суда въ нашихъ портахъ; конторы ихъ въ Петербургѣ и другихъ приморскихъ городахъ подвергнуты были осмотру, и сочтены были ихъ капиталы. Думали этими мѣрами получить большія выгоды, но обманулись. Нарушили только довѣріе, которое должно быть свято почитаемо просвѣщенными народами, а дѣло показало, что конторы существовали однимъ кредитомъ, и что нацѣго капитала въ чужихъ краяхъ бо-

лѣе, чѣмъ Англичане въ Россіи имѣютъ его. Этотъ поступокъ послужилъ лишь къ явному разрыву съ Англіею. Въ слѣдствіе того заключенъ былъ оборонительный сѣверный союзъ съ Датчанами и Шведами, получающими хлѣбъ изъ Россіи. Начались приготовленія къ защитѣ береговъ Балтійскаго моря, построены были батареи, маяки, и разстановлены всюду войска; все это стоило большихъ издержекъ казнѣ и изнурило только людей.

Чтобы Англичанамъ причинить чувствительное зло, которое бы могло ихъ раззорить совершенно, приказано было 40 Донскимъ полкамъ со всею конною ихъ артиллеріею совершить удивительное предпріятіе. Они должны были отъ Оренбургской линіи, чрезъ Киргизскую степь, проникнуть въ Бухарію и Хиву, освободить тамъ нашихъ плѣнныхъ, слѣдовать чрезъ степи въ Индію и разорить Англіискія поселенія. Бонапартъ въ это время долженъ былъ послать часть Французскихъ войскъ изъ Египта чрезъ Сирію для соединенія съ Донскими казаками. Англичане, послѣ совершеннаго пораженія Типо Саиба, имѣли мало войска въ Индіи; при помощи Русскихъ и Французовъ, возстали бы всѣ недовольные, и можно было надѣяться лишить Англичанъ этой отхожей ихъ пустоши, составляющей все ихъ богатство и силу, и если бы войска перенесли вліяніе климата и преодолѣли трудный путь, то возвратились бы съ большимъ богатствомъ.

Всѣ эти предположенія не осуществились по случаю кончины государя. Англіискій флотъ перешелъ чрезъ Зундъ, сильно при томъ пострадалъ, но причинилъ большой вредъ Датчанамъ. Донскіе казаки уже были на Оренбургской линіи, пройдя болѣе

тысячи верстъ. Въ это время имъ велѣно было идти назадъ, и Англіискій флотъ пошелъ обратно къ своимъ берегамъ.

Много я распространился въ описаніи произшествій, до меня не касающихся; пора приняться за себя.

Чрезъ мѣсяцъ послѣ кончины государя назначенъ былъ въ генералъ-провіантмейстеры Свѣчинъ⁽³²⁾, котораго я совершенно не зналъ, и который имѣлъ большія непріятности съ Оболяниновымъ. Извѣстіе объ этомъ назначеніи не могло мнѣ быть пріятно. Я ожидалъ до того времени служить подъ начальствомъ челоуѣка давно мнѣ знакомаго, и приготовилъ для него всѣ свѣдѣнія по провіантской части. Узнавъ о назначеніи Свѣчина, вмѣсто того, котораго ожидалъ, я рѣшился не представлять ему мою работу, чтобы мое усердіе о пользѣ службы не показалось желаніемъ подслуживаться.

Я приготовилъ заранѣе всѣ свѣдѣнія, которыя провіантская экспедиція должна была представить новому начальнику и пересмотрѣлъ все то, что можно было потребовать изъ канцеляріи генералъ-провіантмейстера. Узнавъ поутру о назначеніи Свѣчина, я успѣлъ въ тотъ день снова все пересмотрѣть и повѣрить и со всѣми этими свѣдѣніями и донесеніями, послѣ того полученными, нѣсколько разъ заѣзжалъ къ заведывавшему экспедиціею старшему члену генералу Ханыкову, но не заставлялъ его. На другой день, пріѣхавъ къ нему поутру, мнѣ сказали, что онъ еще спитъ. Я отправился въ экспедицію, пересмотрѣлъ вновь полученные рапорты и предписанія

(32) Николай Сергѣевичъ, мужъ извѣстной отступницы отъ православнаго закона, Софьи Петровны Свѣчиной, урожд. Соймоновой. II. Б.

военной коллегіи и опять поѣхалъ къ Ханыкову передать ему всѣ бумаги и просилъ представить всѣхъ членовъ экспедиціи и въ томъ числѣ и меня новому начальнику. Ханыковъ, очень недовольный назначеніемъ Свѣчина, не торопился одѣваться, и принудилъ меня съ досадою ему напомнить многія мои услуги, которыя дѣйствительно онъ долженъ былъ считать за одолженіе, и за которыя я требовалъ только того, чтобы избавилъ онъ меня отъ непріятности получить выговоръ или быть дурно принятымъ начальникомъ за то, что по обязанности своей къ нему не явился. Ъхать же одному безъ бумагъ, которыя надо было ему представить, мнѣ казалось не пристойнымъ. На силу дождавшись окончанія туалета, мы пріѣхали къ Свѣчину, и застали его на крыльцѣ, когда онъ хотѣлъ садиться въ карету. Онъ сказалъ Ханыкову, что давно его ожидая, онъ уже думалъ ѣхать къ нему, чтобы получить необходимыя свѣдѣнія прежде представленія государю, потомъ онъ мнѣ поклонился и просилъ извиненія, что принимаетъ меня на крыльцѣ; я принялъ это тогда за учтивый выговоръ, но послѣ узналъ, что это было такъ сказано.

Въ первые дни вступленія своего въ должность, Свѣчинъ обращался съ вопросами къ старшему члену Ханыкову, который ничего не зналъ, кромѣ придворныхъ связей и способовъ наживаться службою, и потому онъ вскорѣ привыкнулъ разсуждать со мною о дѣлахъ, и показалъ мнѣ желаніе со мною сблизиться. Видя, что онъ имѣетъ доброе сердце, и по воспитанію своему получилъ многія полезныя свѣдѣнія, хотя и не дальняго ума, я находилъ, что онъ можетъ быть полезнымъ начальникомъ обширной провіантской части. Узнавъ, что онъ хочетъ устро-

ить главные магазины въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ назначены были депо и доказывая ему невозможность этого дѣла, я ему отдалъ всѣ свѣдѣнія, изготовленные мною прежде, и карту судовыхъ рѣкъ и всѣхъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ существовали магазины, и гдѣ необходимо было оныя устроить.

Познакомясь съ нимъ короче и часто разсуждая съ нимъ, я видѣлъ, что онъ добръ, но по простотѣ своей не можетъ быть твердъ въ своихъ мнѣніяхъ. Хорошее воспитаніе давало ему вѣсъ въ глазахъ людей неосновательныхъ, и потому я видѣлъ его въ одно время и полезнымъ и ненадежнымъ. До меня дошли слухи, что хотятъ прежняго моего начальника обвинити, чтобы оправдать въ публикѣ сдѣланное ему оскорбленіе. Свѣчинъ мнѣ подтвердилъ эти слухи и сказалъ, что государь спрашивалъ о всѣхъ его подчиненныхъ, и въ томъ числѣ обо мнѣ, и онъ отзывался, что всѣ дѣла экспедиціи производятся мною, и что онъ находитъ мое поведеніе согласнымъ съ обязанностію благороднаго человѣка; и, потому обязанный ему за этотъ отзывъ, и видя, что чрезъ него я могу защитить прежняго моего начальника, я всячески старался быть ему полезнымъ. Я былъ у него ежедневно и изяснялъ, какимъ образомъ привести дѣло въ должную исправность; въ свободное время я не ѣздилъ въ общество, а сидѣлъ дома и составлялъ для новаго начальника записки.

Въ это время вздумали послать инспекторовъ по провіантской части, и меня назначили освидѣтельствовать Рижское и Кіевское депо. Я готовился уже ѣхать, но въ самой день отъѣзда прислалъ мнѣ Свѣчинъ два секретныхъ предписанія, въ которыхъ, описывая дороговизну хлѣба, огромныя издержки по продовольствію войскъ

въ губерніяхъ, присоединенныхъ отъ Польши, свѣдѣнія о неурожаѣ въ томъ краю и трудностяхъ перевозки, далѣе объясняя, что Польша всегда считалась землею хлѣбородною и могла продовольствовать цѣлыя арміи, онъ поручалъ мнѣ вникнуть во всѣ подробности этого дѣла, обнаружить злоупотребленія военныхъ и губернскихъ начальниковъ и провіантскихъ коммисіонеровъ, просилъ меня увѣдомлять его письменно о средствахъ, которыя могутъ искоренить это зло; заключилъ тѣмъ, что отъ усердія моего и искусства будетъ зависеть польза, которую ожидаютъ и государь и отечество.

Подобная довѣренность лестна была моему честолюбію и открывала мнѣ возможность показать себя и сдѣлаться дѣйствительно полезнымъ; но я въ то же время предвидѣлъ опасность гоненія отъ множества людей, противу которыхъ долженъ былъ дѣйствовать. Изъяснивъ Свѣчину всѣ мои опасенія и взявъ съ него слово, что будетъ защищать меня отъ нападеній, я рѣшился поступать какъ должно — по совѣсти.

Я поѣхалъ по берегу Балтійскаго моря до самой Прусской границы. Я нашелъ тутъ злоупотребленія, не заслуживающія большаго вниманія, видѣлъ бѣдность крестьянъ, управляемыхъ алчными помѣщиками, богатство торговли, доставляющей мало пользы государству, потому что выгоды купцовъ были велики; бесполезныя издержки казны для защиты береговъ отъ ожидаемой высадки Англичанъ, количество войска, несоразмѣрное ни съ необходимостію, ни съ возможностію содержать его, которое терпѣло во всемъ недостатокъ и размѣщено было до того тѣсно, что негдѣ было укрыть людей и защитить ихъ отъ суровости климата; вмѣстѣ съ тѣмъ оно стѣсняло обы-

вателей, распространяло въ недостаточной землѣ голодъ и мѣшало имъ обрабатывать неблагодарный грунтъ ихъ земли. Я донесъ о своихъ замѣчаніяхъ начальнику и представилъ изчисленіе, сколько содержали здѣсь войскъ при покойной императрицѣ, когда Курляндія и Литва только что были присоединены къ Россіи, и когда помѣщики этихъ мѣстъ и всей вообще Польши, имѣя въ совершенномъ повиновеніи народъ, волновали его противъ насъ, не желая изъ аристократическаго правленія подчиниться самодержавному. Я доказывалъ, что Россія, во время раздѣленія Польши, домогаясь для живаго по рѣкѣ Нѣману урочища, завладѣть Мемелемъ и готовясь объявить войну Пруссіи, вмѣстѣ съ тѣмъ по случаю несостоявшейся свадьбы короля Шведскаго съ Россійскою великою княжною, ожидая войны со Швеціею (которая всегда имѣла великое вліяніе на Лифляндцевъ и Эстляндцевъ) содержала въ томъ краю въ половину менѣ войска, чѣмъ въ теперешнее спокойное время.

Проѣзжая Литву, надеждалось сердце отъ жалости и досады. Богатая земля населена людьми, томящимися въ рабствѣ, и глупые паны, водимые жидовскими плутнями, управляются необузданною властію крестьянами доведенными до совершенной нищеты. Обычай отдавать имѣніе въ аренду уничтожилъ всякое челоуѣколюбіе и промышленность. Нѣтъ никакихъ заведеній, которыя приносили бы пользу и распространяли изобиліе. Много набѣжалъ я такихъ селеній, гдѣ нельзя было достать кусокъ хлѣба, а между тѣмъ въ городахъ царствовали безпутная роскошь и сластолюбивая праздность. Жиды всему злу корнемъ, и все исправляется чрезъ нихъ. Грабежъ безсовѣстный и безстрашный. Провіант-

скіе комиссіонеры, совокупясь интересами съ чиновниками губернскими, бравъ въ часть или обманывая военныхъ, воруютъ безпутно-смѣло. Жиды маклерствуютъ и у всѣхъ въ части. Однимъ словомъ, совершенное распутство.

Запрещеніе вывозить изъ Россіи хлѣбъ обратили Прусакіи для обогащенія себя; рѣка Нѣманъ, съ Пруссіею граничушая, передавала Россійской хлѣбъ Пруссіи, которая продавала его Англичанамъ, Датчанамъ и Шведамъ до 15 руб. за четверть по курсу на наши деньги. Хлѣбъ въ томъ краю отъ многоаго собранія войскъ, отъ непомѣрнаго куренія вина и отъ предательства жидовъ цѣною возвышался, и сіе возвышеніе, облегчая способы къ большимъ грабежамъ казны, было одобряемо всѣми большими нашими боярами, по раздѣленіи Польши имѣнія получившими въ Литвѣ, коимъ чрезъ то доходы возвышались. Деньги, серебряною монетою тамо ходящія, привозимы обозами изъ Москвы и Риги въ Вильну, отколѣ чрезъ жидовъ и многихъ пановъ, задолжавшихъ Мемельскимъ, Данцигскимъ и Кенигсбергскимъ купцамъ, передавались въ Пруссію. Словомъ, видѣлъ я, что Литва остается Прусскою провинціею, отданною Россіи на аренду. Все сіе во всей подробности, основываясь на доказательствахъ, описалъ я моему начальнику.

Изыскивая средства къ уменьшенію расходовъ въ Литвѣ и поставленію хотя нѣсколько преграды выходить Россійской монетѣ въ Пруссію, вздумалъ я испытать, нельзя ли доставлять ей хлѣбъ изъ Малороссіи, дабы деньги, на то употребляемыя изъ казны, разсыпались подалѣе отъ границъ; платежъ же за провозъ входилъ бы мелкими частями въ карманы обыва-

телей того голоднаго края. Давно уже мнѣ извѣстно было о каналѣ, иждивеніемъ польскаго маршала Огинскаго выкопанномъ, который соединяетъ рѣки Шару въ Нѣманъ и Припеть въ Днѣпръ текущія. Съ кѣмъ ни разговаривалъ о семъ въ Литвѣ, кого ни спрашивалъ, никто ничего не знаетъ; а нѣкоторые смѣялись заблужденію моему, говоря, что то вещь не возможная, и сумашедшій Огинской, издержавъ на копаніе канала много денегъ, не пользовался имъ. Хотя отзывы сихъ людей приводили меня нѣсколько въ сомнѣніе, но однакожъ не отвратили отъ намѣренія. Свидѣтельствуя магазины, доѣхалъ я до мѣстечка Слонима, на берегу рѣки Шары находящагося, до коего безпрепятственно плаваютъ отъ Нѣмана, съ довольнымъ грузомъ, суда. Тутъ, взявъ двухъ чловѣкъ нижнихъ провіантскихъ служителей, исходатайствуя отъ земскаго исправника обывателямъ приказъ, чтобы давали мнѣ работниковъ, я отправился вверхъ по Шарѣ, чрезъ мѣста дѣйствительно не обитаемыя, а потому никому неизвѣстныя. Въ пять дней совершилъ я путь и удостовѣрился собственнымъ опытомъ о возможности сей коммуникаціи. Изъ Пинска я отправилъ лодку въ Кіевъ, а самъ поѣхалъ въ Брестъ Литовской и послѣ на Волынь. Въ Кіевѣ купленный хлѣбъ со всѣми издержками при доставленіи обошелся менѣе трехъ рублей за четверть, будучи доставленъ въ тѣ мѣста Литвы, гдѣ ниже десяти рублей никогда покупаемъ не былъ. Все сіе также со всею откровенностію донесъ я начальнику съ приобщиеніемъ моего мнѣнія о способахъ къ сбереженію казны. Будучи на Волыни, разстояніемъ отъ Петербурга за 1800 верстъ, получилъ я съ нарочнымъ ордеръ. Начальникъ мой, описывая

надобность моего возвращенія, назначаетъ мнѣ срокъ чрезъ двѣнадцать дней. Исполняя въ точности предписанное, успѣлъ я захватить въ Кіевѣ, посмотрѣть рѣдкости сего древняго Русскаго города, и сдѣлать распоряженіе о покупкѣ хлѣба въ Литву, какъ выше сказалъ, доставленнаго.

Претерпя безпокойство продолжительной дороги, явился я къ начальнику точно въ назначенный день. Онъ удивился, встрѣтись со мною, объявляя, что совсѣмъ не ждалъ меня такъ скоро; положилъ же срокъ для того, чтобы старался я поспѣшить. Признаюсь, досадно мнѣ было, тѣмъ паче, что узналъ причину, для коей призванъ былъ. Она состояла въ томъ, что бы старшаго члена, прежде должность начальника исправлявшаго, потѣшить отпускомъ въ Москву, а меня на время отлучки ген. провіантмейстера оставить управляющимъ экспедиціею. Попенялъ я командиру, сказавъ столько правды, сколько благопристойность и осторожность позволяла, принужденъ былъ проглотить пилюлю, уже не въ первые мнѣ чрезъ франта подносимую. Начальникъ мой, хотя увѣрялъ меня, будто причиною сего со мною поступка есть слѣдствіе довѣренности; но я все таки ему твердилъ: когда я больше довѣренности имѣю, за чѣмъ же тотъ меня старѣе?

Дни чрезъ два по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ явился я у вице-президента, въ большой довѣренности у государя находящагося. Послѣ ласковаго пріема позвалъ онъ меня въ особую комнату. Тамо, затворя двери, началъ предисловіе объявленіемъ, будто государь имѣетъ выгодное обо мнѣ мнѣніе, и чтобы для укорененія онаго, общалъ я ему скромность и точное исполненіе того, о чемъ просить бу-

детъ. За все благодаря и все общая, узналъ я, будто государь имѣетъ намѣреніе обуздать прихоти военныхъ начальниковъ и пресѣчь злоупотребленія провіантскихъ и губернскихъ чиновниковъ; а потому желаетъ найти благовидное средство возложить продовольствіе войскъ на дворянство и купечество; на семъ основаніи приказываетъ мнѣ написать примѣчанія мои, соображаясь обстоятельствамъ мнѣ извѣстнымъ.

Возражая на сіе предложеніе, представилъ я, что главное число войскъ, содержимыхъ во всегдашней готовности къ походу, находится и по обстоятельствамъ государственнымъ находится должно въ такихъ мѣстахъ, гдѣ мало, а индѣ и совсѣмъ нѣтъ ни дворянъ ни купечества. Хлѣбъ же для продовольствія ихъ доставляется изъ отдаленности чрезъ продолженіе не малаго времени; слѣдовательно, возложивъ сіе на частныхъ людей, не отягочить бы ихъ чрезъ мѣру и не рисковать бы иногда невозможностію содержать и умножить войско тамъ, гдѣ оно понадобится. Таковой отзывъ принялъ онъ съ уваженіемъ, и очень учтиво мнѣ поклонясь, сказалъ, чтобы написалъ я все, что я думаю за полезное, подтверждая притомъ быть скромну, и что тогда только будетъ мнѣ благодаренъ, когда сіе останется въ тайнѣ.

По вновь сдѣланному о непремѣнныхъ квартирахъ росписанію сдѣлавъ вѣдомости съ показаніемъ числа людей и лошадей и годовой имъ пропорціи провіанта и фуража, противу каждой дивизіи написалъ я о обстоятельствахъ помѣстныхъ и способахъ нынѣ употребляемыхъ, и какіе полагаю я лучшими для общей пользы государя, войска и обывателей. Гдѣ

можно было слѣдовать изъясненному мнѣ предположенію государя, тамъ я ему старался слѣдовать.

При сочиненіи сей вѣдомости канцелярія экспедиціи не знала причины. Противу каждой дивизіи оставленный бѣлый листъ употребилъ я на примѣчанія, написавъ ихъ своею рукою. Вицепрезидентъ, прослушавъ и просмотря всю вѣдомость, расположеніемъ оной и моимъ мнѣніемъ показался быть доволенъ. Очень учтиво поблагодаря, сказалъ мнѣ, что какъ вѣдомость ему подана, такъ и онъ отдастъ ее государю.

По случаю отбытія государя для коронованія въ Москву, поѣхали туда же всѣ, что называютъ знатными господами, а въ числѣ ихъ и ген. провіантмейстеръ. Я, оставшись старшимъ въ экспедиціи, сдѣлался управляющимъ дѣлами всего департамента и больше затрудняемъ естли бы былъ онаго начальникъ, потому что не имѣю ни силы ни способствъ, сему званію принадлежащихъ. Будучи обязанъ о всѣхъ дѣлаемыхъ распоряженіяхъ доносить генералъ-провіантмейстеру и на многое ожидать его резолюціи, остерегаясь, чтобы приказаніями своими не сдѣлать противорѣчій, могущихъ послѣдовать отъ него, сдѣлался въ необходимости употреблять излишній трудъ и имѣть много попеченія. На сіе слагаясь, отдался я склонности своей сидѣть дома. Утренняго времени довольно, чтобы исправить всѣ дѣла по должности, а вечеромъ, вспоминая прошедшее, продолжаю писать о происшествіяхъ со мною бывшихъ.

Бурливое время, когда бывший начальникъ мой П. Х. Об... представлялъ перваго чиновника и великаго властелина при государѣ наисамовластѣйшемъ, сдѣлало меня извѣстнымъ подъ именемъ его ближняго

пріятеля, каковымъ ни для пользы своей ни для удовольствія я не былъ. Къ стыду своему былъ работникъ грубаго человѣка, интриговавшего по состоянію того времени мастерски. Поступки мои, если могутъ быть извинительны, то потому только, что по истинѣ желалъ я способствовать распространенію добра, и сколь можно было уменьшенію зла, не выгадывая ни въ чемъ собственной корысти.

Правленіе теперь отъ прежняго во всемъ отмѣнно. Государь кротокъ, снисходителенъ; уваженіе къ чиновникамъ, знаменитыя должности отправляющимъ, дѣлаетъ ихъ знатными боярами; изъ нихъ большая часть имѣли причины къ неудовольствіямъ на Об... Грубость обхожденія и кичливая его надменность, а нѣкоторымъ и явное гоненіе, не удивительно, что располагаетъ ихъ къ злобѣ и мщенію.

Въ первые дни сдѣлавшейся перемѣны почти повсемѣстно при всякихъ разговорахъ, встрѣчалось имя Об... Извѣстныя насмѣшки мѣшались были съ жалобами; устоять противу ихъ мнѣ было не возможно. Оставаться равнодушнымъ свидѣтелемъ казалось подло. И такъ избралъ я лучшимъ удалиться отъ такихъ обществъ, гдѣ бы на пробу стать могъ, и очень радъ, что будучи посыланъ инспекторомъ, былъ два мѣсяца въ отсутствіи, да и теперь благопріистойной имѣю случай рѣдко быть въ компаніяхъ многочисленныхъ.

Нынѣ сильнѣйшій представляется опытъ: нападаютъ на дѣла его по провіантской части. Знаю, сколь желаютъ найти вину достойную наказанія; говорятъ, будто для того, чтобы унижить прощеніемъ, а можетъ быть и раззорить взысканіемъ. Вижу много прорѣхъ, въ которыя коварство удобно заползти и многія ему пакости надѣлать можетъ! Не столько по чувствамъ

сколь по разсужденію употребляю всѣ свои силы защищать его, конопачу дыры сплетеніями, на канцелярскомъ обрядѣ основанными, и боюсь, чтобы самому не попасть въ яму, а что больше не втащить бы простодушнаго теперешняго начальника, не чувствующаго, что собою его обороняю.

Таковая смѣсь чувствъ и разсужденій кружитъ мою плѣшивую голову, и примѣтно уменьшая волосъ, умножаетъ морщины, округъ глазъ располагающіяся.

По симъ причинамъ знаю, что я не милъ людямъ, въ знатности теперь сущимъ; но думаю, что за то уважаютъ они меня. Добрая о мнѣ слава поставила меня въ число людей, нужныхъ для службы. Начальникъ мой мною кажется быть доволенъ, превозноситъ меня похвалами и слышу, будто старается исходатайствовать мнѣ отличіе. Но я онаго не желаю, для того что, получа награжденіе, стануть многіе, завидуя, злословить, и отнимуть у меня возможность защищеніемъ прежняго начальника показать постоянство въ превратностяхъ свѣта.

Должность, мною теперь исправляемая, дѣйствительно велика и удобна доставить совершенное познаніе о состояніи государства, и многія дать свѣдѣнія о политическихъ его основаніяхъ. Когда исполнится желаніе мое быть послану инспекторомъ въ Сибирь, на Кавказъ и въ Крымъ, и когда кончатся всѣ дѣла, касающіяся до прежняго начальника, то все стараніе употреблять буду избавиться сего мѣста, толико не согласнаго ни съ образомъ мыслей моихъ, ни съ расположеніемъ воровать. Я не хочу богатства, совсѣмъ не желаю; слѣдовательно, можетъ ли быть сносно всякой день видѣть воровъ, чувствовать воровство, и знать навѣрно, что ни-

какаго нѣтъ способа не только изкоренить, ниже умѣрить онаго?

Чувствуя въ себѣ непреодолимую склонность прославиться добрыми дѣлами, готовъ я употреблять на то не только трудъ всего моего времени, но не пощадить и самой жизни. Признаю Божескимъ промысломъ, что всегда обстоятельства поставляли мнѣ препятствія возвышаться прежде, нежели научусь быть тѣмъ, чѣмъ сдѣлаться долженъ. Волненіе страстей, чрезъ мѣру чувствами завладѣющее, укрощается недостатками и притѣсненіями, а гордость, претимая непозволенными ей путями, находитъ себѣ отраду. И такъ томлюсь, стражду и притворяюсь философствовать тогда, когда ни малаго нѣтъ спокойствія въ сердцѣ. Если отнять у меня химерическія воображенія, я совсѣмъ несчастенъ. Мнѣ часто представляется, будто слава ожидаетъ меня на краю совершенной гибели и несчастія, что уничтоженіемъ всего, чѣмъ въ свѣтѣ благополучіемъ называють, возродится она и возгремить о мнѣ. Сумасшествіе въ семъ случаѣ до такой степени простирается, что желая достигъ сего назначенія судьбы, какъ будто вижу состояніе нищеты и поруганія, и трепещу на него смотря.... Слезы катятся изъ глазъ, прошу милосердія Божія, да ниспошлетъ мнѣ силы къ пренесенію тяжести несчастія, къ показанію собою добраго примѣра, могущаго распространить добрыя въ людскихъ сердцахъ склонности и къ прославленію меня на пользу потомковъ, мнѣ одноимянныхъ. При такихъ чувствахъ овладѣваетъ мною сильное желаніе имѣть дѣтей, но какъ вспомню, что для сего надобно имѣть жену, къ которой, судя по чувствамъ, сдѣлаюсь столько привязанъ, что перемѣнитъ она все мое расположеніе и сдѣлаетъ обыкновеннымъ въ свѣтѣ

человѣкомъ, карману угождающимъ, то какъ паръ исчезаетъ желаніе. Пусть братнины дѣти пользуются моими за-слугами. . .

По возвращеніи генераль-провіантмейстера изъ Москвы, обстоятельства мои во многомъ перемѣнились.

Во время отсутствія его, изъ полученныхъ отъ комиссій провіантскихъ и депо за минувшій 1800 г. отчетовъ, сочиня въ экспедиціи генеральный отчетъ, сдѣлавъ о томъ опредѣленіе, отнесся я къ нему съ прошеніемъ дозволенія представить оный въ военную коллегію. Вѣроятно, что не оставилъ я въ молчаніи всѣхъ тѣхъ обстоятельствъ, которыя могли оправдывать расходъ въ минувшемъ году, въ превосходствѣ противу отпущенной на то суммы сдѣланный. Симъ отчетомъ и рѣшеніемъ многихъ уже дѣлъ, кажется мнѣ, должны кончиться всѣ подѣски къ прежнему командиру моему. Но генераль-провіантмейстеръ не сдѣлался тѣмъ доволенъ. Не отвѣтствуя на отношеніе, ему отъ экспедиціи сдѣланное, партикулярнымъ письмомъ увѣдомилъ меня, будто находитъ многое несогласнымъ съ тѣми записками, кои прежде для свѣдѣнія ему я далъ, а потому хочетъ прежде подачи въ коллегію разсмотрѣть сочиненный въ экспедиціи отчетъ обще со мною.

По просьбѣ его сочинилъ я новый штатъ провіантскаго департамента, гдѣ, примѣняясь настоящимъ обстоятельствамъ и раздѣленію вмѣсто прежнихъ семи на восемь депо или частей съ описаніемъ должности каждаго чиновника, въ Москву къ нему доставилъ съ требованіемъ незамедлительнаго отвѣта, дабы по новому росписанію можно было сочинить требовательную на будущій годъ вѣдомость; но онъ не отвѣтствовалъ мнѣ на то ни словомъ.

Во время отлучки моей для свидѣтельства Ригскаго и Кіевскаго депо, сдѣлано было опредѣленіе въ экспедиціи и предписано всѣмъ комиссіямъ, чтобы для покупки посылаемымъ комиссіонерамъ довѣрять число денегъ соразмѣрно собственному ихъ имѣнію. Въ небытность уже начальника получены рапорты, что богатыхъ комиссіонеровъ нѣтъ, и потому довѣренность дѣлать не кому. А дабы не оставить производство заготовленій, испрашивали отъ экспедиціи приказанія. Число ежегоднаго расхода, до пятнадцати милліоновъ рублей простирающееся, само собою показываетъ невозможность исполнить таковое поставленіе. Боясь дѣлать оскорбленіе начальнику, не подумавши оное сдѣлавшему, оставилъ я до возвращенія его. Изъясненія мои, что въ подлой комиссіонерской должности нельзя полагать человѣка, собственнаго капитала на полмилліона рублей имѣющаго, довольно убѣдительными ему сдѣлались; въ слѣдствіе чего и подписалъ онъ со мною новое опредѣленіе: что когда богатыхъ нѣтъ, то довѣряли бы комиссіи испытаннымъ въ вѣрности ихъ вѣдомства комиссіонерамъ. Съ самыхъ первыхъ дней по возвращеніи начальника примѣтилъ уже я, что завистливо онъ на меня смотритъ. Будучи въ присутствіи, при многихъ, началъ, будто совѣтуясь со мною, сказывать, какой намѣренъ онъ сдѣлать провіантскому департаменту штатъ, и представить на утвержденіе государю чрезъ военную коллегію. Я, одобряя его мнѣніе, признаюсь, не стерпѣлъ, далъ ему примѣтитъ, что говоритъ онъ то, что я написалъ, по его просьбѣ. Послѣ сего, приласкавшись, сказывая намѣреніе государя учредить запасы, сообразно нынѣшнему расположенію войскъ и надобностей государствен-

ныхъ, кое что для сихъ обстоятельствъ надобное мнѣ открывъ, просилъ написать о томъ мое мнѣніе. На другой же день сіе исполня, ему представилъ; вмѣсто благодарности съ довольною надменностію онъ мнѣ сказалъ, что онъ точно такъ думалъ. Ісѣякой день видаясь, яственно я вижу, что кто нибудь заряжаетъ его. Начало свиданія всегда открываетъ мнѣ непріятность, но чрезъ часъ мы согласимся и разстанемся друзьями. Наконецъ сталъ я требовать окончанія остановившимся дѣламъ. Нѣсколько дней сряду объявлялъ онъ новое сумнѣніе о отчетѣ и всегда оставался со стыдомъ. Чрезъ двѣ недѣли съ великой лѣнью подписалъ его для представленія въ военную коллегію.

Сдѣлалъ онъ размѣщеніе чиновниковъ провіантскаго департамента совершенно прихотливѣйшимъ образомъ безъ добрыхъ качествъ и безъ знанія. Определенныя начальниками комиссій вѣроятно надѣлаютъ много хлопотъ, а можетъ быть и бѣдъ. Присутствующаго въ экспедиціи генераль-маіора графа Т—ова помѣстилъ онъ управляющимъ С. Петербургскаго депо Сей человекъ, довольно невыгодно въ публикѣ примѣченный, при мнѣ разговаривая съ нимъ, утверждалъ, будто глупо не пользоваться временемъ возможности обогатиться. А командиръ ему рассказывалъ, что бабушка жены его ей, а она ему толкуетъ, что прежніе генераль-провіантмейстеры покрайней мѣрѣ сто тысячъ рублей въ годъ воровали, и что дуракъ онъ будетъ, когда пропуститъ сей случай. Я, войдя въ разговоръ, сталъ имъ противорѣчить, но гр. Т. мнѣ сказалъ: „вотъ ты чистъ, а знаешь ли что про тебя говорятъ: вѣдь-де онъ не дуракъ, онъ знаетъ какъ поступить“. Все это такое мнѣ омерзѣніе сдѣлало,

и такой страхъ въ сердцѣ поселило, что я затѣялъ, во что бы ни стало, оставить сіе поганое мѣсто, кромѣ непріятности ничего мнѣ не принесшее, и чрезъ которое могу я потемнить доброе имя, о которомъ такъ прилежно хлопочу.

Генераль-провіантмейстеръ въ время отлучки моей взялъ изъ казны 10,000 рублей, въ замѣнъ коихъ положилъ вексель. Зналъ я, что стыдился онъ меня. При отѣздѣ его въ Москву предложилъ экспедиціи отпустить съ нимъ 50,000 рублей на случай надобности для снабденія комиссіонеровъ, проходящихъ гвардейскіе полки довольствующихъ. Отпуская сіи деньги, въ счетъ оныхъ я отпустилъ его вексель. Изъ нихъ употребилъ онъ 22,000 рублей, а за тѣмъ 28,000 руб. остаются въ рукахъ его. И вотъ уже три недѣли какъ онъ молчитъ, а мнѣ напомнить ему не пристойно и опасно, зная силу его у государя!

На сихъ дняхъ разговаривая съ нимъ, сколь самое существо провіантскихъ дѣлъ подло и несносно человеку, интересоваться не желающему, и изысканія, сколь обидно мнѣ слышать сомнѣніе о себѣ, просилъ я исходатайствовать мнѣ отставку, и если можно съ половиннымъ жалованьемъ. Онъ много мнѣ лестнаго глупымъ образомъ наговорилъ: что трудно ему меня лишиться, кто жъ будетъ управлять дѣлами экспедиціи, что пятеро меня не замѣнятъ. Словомъ, все мнѣ показывается рабственность моего состоянія, — но что дѣлать? Должно покоряться своей участи.

Чрезъ нѣсколько дней собрался онъ изъ сочиненнаго отчета краткую вѣдомость представить государю. Много разъ совѣтуясь со мною, согласился подать точную копію съ доставленной къ нему отъ экспедиціи, гдѣ на

одномъ листѣ ясно видны всѣ приходы и расходы, и количество провіанта и фуража, къ нынѣ текущему году оставшагося, и какой суммы денегъ оный стоитъ. Слѣдовательно, присовокупляя къ тому число наличныхъ и отъ казенныхъ палатъ недосланныхъ денегъ, открывается, что распоряженія предмѣстника были не худы, и департаментъ, въ началѣ сего года имъ принятый въ управленіе, достался ему въ порядкѣ.

Такимъ образомъ исполня всю свою обязанность, введя новаго начальника въ познаніе всего, что для пользы службы понять онъ могъ, конча весь отчетъ за дѣла прежняго начальника, доказавъ, что порядокъ при немъ введенный перемѣнять не нужно, пожелъ я за необходимое предупредить предстоящія хлопоты отъ разстройства, неминуемо быть долженствующаго, котораго отвратить я не въ состояніи. И потому въ тотъ часъ, какъ подписалъ онъ отчетъ и готовился ѣхать съ онымъ къ государю, подалъ я ему просьбу о отставкѣ. Прочитавъ и повторяя прежнія слова, но тономъ гораздо прежняго умѣреннѣе, онъ отправился во дворецъ, а я домой.

На другой день по утру пріѣхалъ я къ нему, долго стоялъ въ кабинетѣ, смотря, какъ утопаетъ онъ въ мелочныхъ счетахъ и на аспидной доскѣ пишетъ цифры, выводя число домашнихъ его издержекъ, послѣ коихъ распечатывалъ онъ пакеты, читалъ рапорты въ нихъ къ нему завернутые, и приказывалъ своему секретарю писать его резолюціи. Наконецъ отправивъ всѣхъ, оставшись одинъ со мною, объявилъ, что докладывалъ государю о моей просьбѣ, рассказывалъ многія подробности бывшихъ съ нимъ разговоровъ. Между прочимъ государь ему говорилъ, что много значилъ я во вре-

мя случая Об. и потому нельзя полагать, чтобы разстроенныя обстоятельства заставили меня идти въ отставку. Коли хочетъ, то дасть мнѣ пансіонъ, но если я ему нуженъ, то сказалъ бы мнѣ, чтобы остался въ службѣ.

Разумѣется, что сіи вѣсти несносно мнѣ тяжелы были. Боясь помѣшать удивительной откровенности его, стараясь я скрывать чувствуемое мною. Наконецъ, поблагодаря за добрые его обо мнѣ отзывы, просилъ дозволенія поѣхать домой, потому что нахожу себя не въ состояніи упражняться въ дѣлахъ.

Въ жару чувствъ написалъ я къ нему письмо, гдѣ, повторяя прежде поданную объ отставкѣ просьбу, изъяснялъ, что чувствую себя по совѣсти правымъ; желаю, чтобы приказано было испытать все мое поведеніе, не только во время продолженія службы, но и во время всей моей жизни и если найдется, что какимъ бы-то образомъ ни было я корыстовался или во зло употреблялъ довѣренность званію моему присвоенную и пріязни людей значившихъ по дѣламъ, то хочу себя примѣрнаго наказанія. Затѣмъ, прося доложить о семъ государю, сказалъ, что, терпя отъ недостатковъ нужду, отягощая неминуемыми издержками свое семейство, бывъ много разъ въ возможности перемѣнить бѣдность на избыточество, думалъ я сими жертвами быть извѣстну въ числѣ безкорыстныхъ и государю вѣрныхъ людей, но когда не успѣлъ въ томъ, ничего кромѣ отставки не желаю.

На другой послѣ сего день получилъ я отъ начальника письмо, гдѣ въ пышномъ, нескладномъ стилѣ изъясняется желаніе отвратить меня отъ моего намѣренія. Посланный мой отвѣтъ былъ подобенъ прежнимъ просьбамъ.

Всѣ сіи письма служатъ доказательствомъ здѣсь писанному.

За симъ на другой день возвращается изъ отпуска вице-президентъ военной коллегіи Ламбъ. Лишь услышалъ отъ кого то, что прошусь я въ отставку, прислалъ ко мнѣ (больнымъ уже двѣ недѣли рапортующимся) сказать, что желаетъ повидаться со мною прежде нежели поѣдетъ онъ къ государю. Будучи принужденъ одѣться, поѣхалъ я къ нему. Чиновникъ, отъ него ко мнѣ присланной, мнѣ объявилъ, что хочетъ онъ непременно удержать меня въ службѣ.

Началъ онъ разговоръ требованіемъ сказать точную причину, для коей хочу оставить службу. (о всею откровенностію отвѣтствовалъ я, что, терпя во всемъ недостатокъ, отягощая свое семейство присылкою мнѣ денегъ больше нежели состояніе наше позволяетъ, накопиль я на себя долговъ столько, что превосходятъ они цѣну имѣнія, мнѣ принадлежащаго. И такъ хочу служить своему семейству, и тѣ деньги, кои здѣсь проживаю, обратить на уплату долговъ, нажитыхъ во время службы. Онъ, возражая, что это не причина, что я изъ числа такихъ людей, кои на щедрость государя надѣяться могутъ, требовалъ, чтобы остался я служить, говоря при томъ, будто я нуженъ вспомоствовать начальнику моему совѣтами. Отвѣчалъ, что нужды я въ себѣ не вижу, что совѣты не всегда спрашиваются и не всегда хорошо приемятся, и что на моемъ мѣстѣ всякой быть можетъ, и тоже что я дѣлать можетъ. Онъ горячася доказывалъ мнѣ, что я дѣйствительно нуженъ для пользы государя и отечества; а я спорилъ, что нужнѣе того я для себя и для своей семьи. убѣряя, что ни для чего не останусь въ провіантскомъ штатѣ, гдѣ потерялъ и доб-

рую о себѣ славу, за которою такъ прилежно во всю мою жизнь гонялся. А онъ кричалъ, будто слава о мнѣ идетъ хорошая. — Разстались мы съ тѣмъ, что онъ будетъ препятствовать увольненію меня, и если не будетъ въ состояніи оставить въ службѣ, такъ какъ онъ располагаетъ, то будетъ способствовать, чтобы данъ мнѣ былъ пансіонъ, и тогда самъ онъ тоже предприметъ. Словомъ, чѣмъ-то все это дурачество кончится, а идетъ для честолюбія моего полезно, но для прямой пользы вредно! Слышъ очень выгодные о мнѣ отзывы, авось переимѣнать ложное о мнѣ мнѣніе, авось за все мое терпѣніе дадутъ мнѣ доброе имя безкорыстнаго, и выведутъ изъ поганой провіантской службы, ворами преисполненной.

Цѣлый мѣсяцъ и пять дней оставался я неизвѣстнымъ о своей участи; сказавшись больнымъ, не выходилъ изъ своей квартиры, объявляя всѣмъ меня навѣщавшимъ, что лучше въ тюрьмѣ сидѣть буду, нежели въ провіантской экспедиціи. Въ продолженіе сего времени чрезъ генералъ-адъютанта приказано было меня спросить, хочу ли я быть въ отставкѣ и тогда, если мнѣ государь пансіона не пожалуетъ. Я отвѣтствовалъ, — что всячески прошу отставки.

Изъ сочиненнаго за минувшій годъ отчета вѣдомость и копію съ опредѣленія (гдѣ прописывались причины издержекъ, превзошедшихъ сумму на расходъ отпущенную, послалъ я при письмѣ къ прекнему начальнику моему Оболянинову. Онъ по несмысленности ли, по трусости ли, только сдѣлалъ было мнѣ большую пакость, препроводя вѣдомость при письмѣ къ вице-президенту Ламбу, изъясняя, что какъ уже онъ теперь во всемъ сочтенъ, то просить дать ему о томъ свидѣтель-

ство. Сей, будучи ему недоброхотенъ, показалъ государю и далъ толкъ для меня и для него невыгодный. Начались о томъ разсужденія, въ слѣдствіе коихъ спрошенъ я былъ, для чего поступилъ столь откровенно въ дѣлахъ до должности относящихся, съ человекомъ въ службѣ не находящимся. Я отвѣтствовалъ, что сдѣлалъ то изъ осторожности, дабы г-нъ Оболяниновъ, получавшій повелѣнія покойнаго государя, и въ слѣдствіе оныхъ распоряженія дѣлавшій, могъ заблаговременно объясниться съ генераль-провіантмейстеромъ, если бы напелъ, что обстоятельства прошедшаго времени, мною изъясняемыя, темно или превратно показаны. А потому считалъ я себя обязаннымъ снестись съ нимъ о томъ. Когда же бы онъ случился въ Петербургѣ, то призвалъ бы я его въ экспедицію, и показавъ всѣ документы, потребовалъ бы его мнѣнія, дабы оградить себя отъ укоризнъ и жалобъ, могущихъ быть отъ него приносимыми на отчетъ, дѣлаемый за время его начальства.

Господа чиновники, думавшіе проглотить меня, сдѣлались симъ отвѣтомъ убѣжденными. Началось толкованіе, что поступилъ я смѣло, но дѣльно. Генераль-провіантмейстеръ прислалъ своего правителя канцеляріи спросить меня, за чѣмъ же я не спросился его о томъ, чтобы снестись съ Оболяниновымъ. Я отвѣтствовалъ, что спрашиваться времени не было, да и не нужно; потому что, оставаясь старшимъ въ экспедиціи, когда признано уже, что имѣлъ я право приступать къ сочиненію отчета и опредѣленія о томъ: то какъ же можно ограничивать меня въ правѣ сноситься съ кѣмъ нужно по дѣламъ? И сей удовольствовался симъ отвѣтомъ. Слышу, начались толкованія, что я поступилъ

излишне смѣло, но благородно, а Оболяниновъ дурно и Богъ знаетъ какъ понесли его вездѣ бранить. А до того располагались отдать меня подъ военный судъ, какъ человека, секреты государственные продающаго.

Оставленъ я 9-го Декабря 1801 года съ половиннымъ жалованьемъ. Остаюсь въ Петербургѣ дожидаться приѣзда зятя моего.

Примѣчаніе. Во всей полнотѣ чувствуя Божескій о себѣ Промыслъ, долженствую, давая свѣдѣніе о жизни моей, объявить первую причину, послужившую основаніемъ спасенія моего отъ злѣйшаго въ мірѣ порока — корыстолюбія.

Наставленіе моего родителя⁽³³⁾, въ послѣднія минуты говоренное, разумѣется сильно поразило мое ребяческое сердце; ибо въ тѣ страшные часы, лишаюсь всякой человѣческой помощи, присягалъ я оное исполнить. Но сіе исчезло изъ памяти, какъ вещь, долго въ употребленіи не бывшая.

Чрезъ 13 лѣтъ, будучи 27 лѣтъ отъ роду, былъ я опредѣленъ совѣтникомъ Уфимскаго губернскаго правленія въ совершенной довѣренности горделиваго и многомогншаго генераль-губернатора Игельстрома, при губернаторѣ глупомъ и ничего не разумѣющемъ. И сдѣлался я властелиномъ сего главнаго мѣста, всею губерніею управляющаго. Въ губерніи много находится богатыхъ людей желѣзные и мѣдные заводы имѣющихъ. Въ тогдашнее время они много завистли отъ власти полицейской и имѣли въ благорасположенія управляющихъ нужду, ибо много дѣлывали злоупотребленій.

Заводы богатѣйшихъ Лугинныхъ управляемы были г. Ахматовымъ, весьма умнымъ и богатымъ человекомъ.

(33) См. выше стр. 6.

Въ вечерней бесѣдѣ разсказывали мнѣ, что Ахматовъ прїѣхалъ въ вечеру и привезъ много подарковъ и между прочимъ мнѣ соболей мѣха на шубу. Склонность къ щегольству давно рождала въ воображеніи моемъ желаніе о хорошей шубѣ, которую купить не находилась я въ состояніи. Сія вѣсть тѣшила мои чувства; уже размышлялъ я о покровѣ шубы и веселился, воображая себя въ ней на катаньи съ моею любовью. По истинѣ увѣряю, что въ мыслѣ мнѣ не входило о моемъ почтенномъ родителѣ.

Но за нѣсколько часовъ до свѣта разбудило меня сновидѣніе. Я вижу родителя моего въ томъ одѣяніи, въ коемъ видѣлъ его въ послѣднюю минуту, будто онъ вошелъ въ комнату, гдѣ я сидѣлъ. Я всталъ предъ нимъ. Онъ, проходя въ довольномъ отъ меня разстояніи чрезъ комнату, погрозилъ мнѣ пальцемъ, сказавъ: „не забывай, что я тебѣ приказывалъ“.

Проснувшись, чувствовалъ я, что всѣ члены мои трепетали. Не могъ я болѣе заснуть. Въ началѣ дня объявляютъ мнѣ о прїѣздѣ г. Ахматова. Онъ тотчасъ входитъ, неся въ платкѣ завязанный соболей мѣхъ, торчащій изъ угловъ платка. Съ торопливостью спросилъ я: что это? Онъ отвѣтствуетъ, что домашнее его произведеніе, что онъ въ Сибири торгуетъ въ большомъ количествѣ, покупаетъ шкуры и у себя собираетъ мѣха, и мнѣ желаетъ услужить. Я просилъ избавить меня отъ подарковъ, что буду я исполнять все возможное. Онъ, огорчась, говоритъ, что въ таковой бездѣлицѣ никто ему не отказывалъ. Тутъ начались скорые разговоры. Онъ хотѣлъ развязать платокъ, чтобы показать мнѣ искусство собирать мѣха; но я, взявъ изъ его рукъ, велѣлъ вынести въ другую комнату и, прося его садиться, объявилъ, что прошу у него извиненія, имѣя важныя причины отказать ему въ принятіи.

Съ сего времени, благодаря Бога, не былъ я въ подобномъ сему смятеніи, и

терпя много нищенскаго недостатка, не поползнулъ на корысть.

IV. Служба въ Крыму.

Долго я замѣшкался писать о произшествіяхъ со мною. Начиная при досугѣ въ 1807 году, когда совѣзмъ перемѣнились мои обстоятельства, долженъ вспоминать минувшее.

Получа отставку безъ мундира съ половиннымъ жалованьемъ, дожидаясь въ Петербургѣ зятя моего, должно мнѣ было прожить нѣсколько мѣсяцевъ. Домашнія мои дѣла были тогда весьма трудны. Я былъ долженъ слишкомъ 16 т. рублей, а имѣнія — 50 душъ, которое нераздѣльно съ матушкой и замужнею сестрою, и которое по состоянію своему не можетъ быть раздѣляемо. Выдумывая средства, какъ бы выпутаться и подъ старость имѣть покой, рѣшился было я пойти въ прикащики къ купцу Злобину. Онъ предлагалъ мнѣ, за управленіе въ теченіи четырехъ лѣтъ дѣлами его въ Астрахани, перевести на себя всѣ мои долги, и въ это время доставить мнѣ порядочное содержаніе.

Чтобы подлостью званія купческаго прикащика сколь можно украсить видами государственнаго человѣка, преклонялъ я его на предпріятіе отважное: начать торгъ съ Индіею, изъ Астрахани въ Астрабадъ, отколѣ ходятъ караваны въ Дели. Я полагалъ возможнымъ достать образцы вещей желѣзныхъ и мѣдныхъ, дѣлаемыхъ въ Англіи для Индѣйцовъ изъ нашихъ матеріаловъ, ихъ сдѣлать на Оренбургскихъ заводахъ, Англичанину Кнауфу доставшихся отъ Лугинина, куда отправляться готовился Англичанинъ Гатенбергъ, доказавшій уже искусство преобразовать изъ желѣза скованныя вещи въ сталь.

Богатой мужикъ прежде большое одолженіе мнѣ сдѣлавшій, будучи чванъ, показаль желаніе отличиться новымъ предпріятіемъ. Но тутъ надобно было съ нимъ много толковать, чтобы до понятія его дошла весьма сумнительная возможность исполнить сіе дѣло съ пользою. Однакоже онъ рѣшился и назначаль капиталъ въ мою диспозицію. Разговоры его о семъ съ знатными господами и хвастливость, что будетъ меня имѣть прикащикомъ обратили на меня вниманіе. Съ разныхъ сторонъ доходили ко мнѣ извѣстія, что государь желаетъ знать причину, для чего оставилъ я службу. Въ совѣтъ было разговариваемо обо мнѣ, и министры между собою разсуждали, что полезно бы было опредѣлить меня губернаторомъ. Генераль-прокуроръ Беклешовъ предлагаль о томъ въ сенатѣ, и заготовленъ былъ докладъ о помѣщеніи на вакансію въ Оренбургскую губернію. Услыша сіе отъ герольдмейстера, я просилъ его объявить генераль-прокурору, что не прійму службы, и такъ избавилъ бы себя отъ труда докладывать дважды по напрасну.

Чтобы избавиться отъ жалованной мнѣ земли, которая ничего не стоила, подалъ я государю просьбу, прося взять ее обратно, потому что селить мнѣ некого, и въ замѣну ее испрашиваль милости — пожаловать, сколько угодно, денегъ, дабы я могъ хотя нѣсколько расплатиться съ долгами, въ Петербургѣ нажитыми, коихъ показаль по чистой правдѣ 5600 рублей.

Препоручено сіе было генераль-прокурору Беклешову, и по докладу его дано мнѣ 10/т. руб. И такъ я, сдѣлавшись весьма доволенъ, отсталъ отъ обязательства быть прикащикомъ у купца, и отправился въ Мартѣ мѣсяцѣ домой.

Пріѣхавъ въ Москву, застала меня распутица; тутъ, проживъ мѣсяцъ, часто видался я съ прежнимъ моимъ начальникомъ Оболяниновымъ; чрезмѣрная его ласковость и дружество ясно мнѣ показывали, что ему совѣстно передо мною. Тутъ же я видѣлся съ возвращавшимся въ Петербургъ Гав. Ром. Державинымъ⁽³⁴⁾, всегда мнѣ много доброжелавшимъ. Онъ хотѣль знать, какой бы родъ службы избрать я хотѣль. Охота путешествовать заставила меня предложить о желаніи быть послану по мѣстамъ мало извѣстнымъ и могущимъ быть для государства полезнѣйшими, нежели онъ есть, — и именно начиная отъ Царицына чрезъ Астрахань и Кавказъ въ Тифлисъ, оттолѣ, возвращаясь изъ Георгіевска, проѣхать по всей линіи въ Азовъ и чрезъ Харьковъ, Кременчугъ и Херсонъ въ Крымъ. Я желаль имѣть право требовать свѣдѣнія, которыя бы нужны были для соображенія по части хоййственной, военной и до внутренняго управленія касающейся. Онъ требоваль отъ меня записки, которую я вручилъ ему, и которую онъ представилъ государю, и меня о томъ увѣдомилъ.

Пріѣхавъ домой, почувствовалъ я, что чрезъ продолженіе времени укorenившіяся привычки сдѣлали меня не способнымъ быть счастливымъ и въ томъ краѣ, среди того общества и въ томъ состояніи, въ которомъ я находился: Я предположилъ пробыть одинъ годъ въ своей семьѣ, отправиться заводить себѣ гнѣздо въ Кіевѣ, гдѣ хотѣль предаваться ученію и писанію; а до того времени, которое назначилъ

(34) Онъ возвращался изъ Калуги, куда ѣздить производить слѣдствіе надъ губернаторомъ Лопухинымъ. Это было во второй половинѣ 1802 г. См. *Записки Державина, стр. 445 и далѣе. II. Б

себѣ чертою старости, кромѣ горницы своей нигдѣ и ни въ чемъ не упражняться; сдѣлавшись не въ силахъ, хотѣлъ воспитывать сына брата моего и поѣхать съ нимъ въ Лейпцигъ или Дрезденъ.

Чтобы очистить соки и поправить развалившееся тѣло, а также, чтобы провести время, дѣлавшееся мнѣ скучнымъ, отправился я въ Сарпу. Провѣзжая недостаточному человѣку приличнымъ образомъ, ѣхалъ я въ умѣренномъ экипажѣ, то на наемныхъ, то на почтовыхъ лошадяхъ, степями, гдѣ раскольничьи скиты и потомъ колоніи Нѣмецкія; разность видѣлъ достойную примѣчанія.

Предъ отъѣздомъ въ Сарпу, я получилъ отъ Гавр. Ром. Державина письмо, гдѣ, шутя надъ намѣреніемъ моимъ жить философскимъ образомъ, предлагалъ, не лучше ли идти въ службу и быть полезнымъ въ государствѣ членомъ. Въ такомъ случаѣ написалъ бы я къ нему письмо, которое бы онъ могъ показать. Я отвѣтствовалъ, что, будучи доволенъ состояніемъ моимъ, служба мнѣ не надобна; но если бы сочли меня надобнымъ службѣ, то я готовъ быть вездѣ. При чемъ изъяснилъ, что губернаторомъ быть не могу, потому что не богатъ, жалованья мало: неприличное содержаніе унижаетъ начальника и дѣлаетъ ему разныя неудобства при исполненіи его должности.

Пребываніе въ Сарпѣ были пробою, до какой степени можетъ простираться умѣренность моя. Я жилъ у колодца въ маленькой комнатѣ, а другую такую жъ занимали мои люди, лечиться со мною поѣхавшіе. Передняя моя была обширнѣйшая степь. Горница, изъ тонкихъ брусковъ сдѣланная, и коей дверь въ степь отворялась, худо защищала меня отъ суровости возду-

ха. Дожди, тогда часто бывшіе, не все катились по крышѣ: многія капли являлись то на плѣшивую мою голову, то на разныя утвари, въ пятиаршинной комнатѣ разложенныя. Любопытство манило часто въ колонію; чрезъ день, когда не садился я въ теплую ванну, ходилъ туда пѣшкомъ чрезъ пространство семи верстъ и нѣсколькихъ сажень. Жить въ Сарептскомъ выгодномъ трактирѣ я не могъ, потому что надобно бы было нанимать лошадей ѣздить къ колодцу, а у меня денегъ по ясному изчисленію, самымъ событіемъ доказанному, оставалось для экстраординарныхъ расходовъ только семь рублей. Проживъ у колодца Сарептскаго все время по предварительному назначенію, то есть до 1-го ч. Октября, поѣхалъ чрезъ Саратовъ въ Симбирскую губернію къ родственнику и другу моему Николаю Александровичу Чиркову. Онъ много мнѣ пѣнялъ, для чего не написалъ ему, чтобы прислалъ мнѣ денегъ. Но я не хотѣлъ, и впередъ полагаю такъ себя учредить, чтобы жить 900-ми руб. пансіона.

Будучи у Чиркова, вижу я въ газетахъ, что будто бы, согласно желанію моему, опредѣленъ я главнымъ надзирателемъ Крымскихъ соляныхъ озеръ чего, конечно желать не могъ.

Надобно знать, что въ теченіи того времени, какъ находился я въ Сарептѣ, сдѣлалась великая перемѣна: въ правленіи государственномъ установлены министерства; Гаврила Романовичъ Державинъ, участвовавшій въ основаніяхъ сего новаго порядка, назначенъ былъ министромъ юстиціи⁽³⁵⁾ и сдѣлался въ большой довѣренности и силѣ. Будучи сенаторомъ, спорилъ онъ съ сенатомъ, утверждая, что для поль-

(35) 8 Сент. 1802 года. II. Б.

зы государственной и блага народнаго надлежить Крымскую соль не отдавать на откупъ, и сію часть, елико можно, принаровить на пользу промышленности народной. Откупщиками наушаемые бояре съ нимъ не соглашались. Онъ довелъ сіе до свѣдѣнія государя и удостовѣря о истинѣ своего понятія укрѣпился его согласіемъ. Все сіе зная прежде, могъ я понимать причину моего опредѣленія къ должности.

Пріѣхавъ домой, нашелъ я большую кучу бумагъ, бывшихъ съ эстафетою посыланнѣми въ Сарепту, и по отъѣздѣ моемъ оттолѣ возвращенными въ Петербургъ и потомъ съ нарочнымъ ко мнѣ въ деревню присланными, гдѣ присоединено еще партикулярное отъ Державина письмо, коимъ дружески онъ мнѣ совѣтуетъ и проситъ не отказаться исполнить препорученное дѣло и скорѣе ѣхать въ Крымъ. На проѣздъ и заведеніе пожаловано мнѣ отъ государя три тысячи рублей (отправлены въ Перекопъ), на счетъ коихъ взялъ Гаврило Романовичъ письмо отъ Злобина къ его прикащикамъ, чтобы давали мнѣ сколько потребую. Взявъ 600 руб. на счетъ доходовъ домашнихъ, поѣхалъ я къ должности.

По примѣрному штату, еще не сфирмованному и для начальнаго только вступленія для руководства данному, назначено мое мѣсто 4-го или 5-го класса. По проѣкту, со штатомъ совокупленному, назначенъ мнѣ въ помощь коллежскій совѣтникъ Сафоновъ, которому въ томъ же указѣ, гдѣ дано мнѣ 3000 руб., дано 6000 руб. Съ нимъ вмѣстѣ долженъ я по разсмотрѣніи обстоятельствъ составить штатъ, сочинить правила и представить на утверждение. Сіе дѣло, по учрежденію министерства вѣдомству министра внутреннихъ дѣлъ принадлежащее,

поручено до времени его устроенія министру юстиціи. Я опредѣленъ въ должность меня унижающую, не хотя служить въ военномъ штатѣ генералъ-майоромъ. Публиковано, что согласился принять совѣтничью должность на жалованье 1875 руб. и при такомъ дѣлѣ, гдѣ все прежде меня бывшіе много воровали. Что это значило въ глазахъ публики? Не сущій ли подкочъ подъ добрую мою славу, для которой переносилъ я всегда все, что переносить человѣчество можетъ?

Продолженіе пути изъ Оренбургской губерніи въ Крымъ употреблено было на размышленіе и соображеніе всего, что есть и быть можетъ. Одному въ кибиткѣ лежащему ничто не мѣшало предаваться неудовольствіямъ, досадѣ и всему отъ нихъ поражающемуся.

Безпокойства физическія и моральныя сдѣлали, что я занемогъ и пріѣхалъ въ Перекопъ 18 Декабря 1802 года больной. Не заставъ своего помощника (онъ поѣхалъ осматривать внутри Крыма соленныя озера), я получилъ отъ него письмо, гдѣ въ дерзкомъ и глупомъ стилѣ совѣтуетъ мнѣ быть согласнымъ съ представленіемъ, отъ него уже посланнымъ. Разсматривая его бумаги, нахожу, что, получа отъ Державина письмо, увѣдомляющее, что посыланнѣй ко мнѣ въ Сарепту эстафетъ возвращенъ ему обратно, что по неизвѣстности, гдѣ я нахожусь, скоро ли получа вторично посланныя бумаги, могу пріѣхать въ Крымъ, принялъ бы онъ (Сафоновъ) всѣ мѣры къ образованію сего дѣла, за которое отвѣчать будетъ долженъ. На сіе опираясь, Сафоновъ сдѣлалъ штатъ безъ показанія, для чего и куда опредѣляются чиновники и служители; написалъ вмѣсто правилъ проѣкты, нелѣпыми бреднями и доносами преисполненные. Словомъ, ясно

что сей человек и не понимает, что такое организовать какую нибудь часть и думает о себѣ несравненно болѣе, нежели онъ есть.

Опасаясь, если подтвердится такой штатъ и неимовѣрные прожекты, правилами названные, и я буду долженъ по онимъ дѣйствовать (ибо Сафоновъ велѣно, науча меня, возвратиться) то сдѣлаюсь въ большихъ затрудненіяхъ, рѣшился я на всѣ статьи посланнаго отъ него представленія написать мое мнѣніе, изъясня, какъ понимать тѣ вещи, и отправилъ съ эстафетою къ Державину, написать, что, не видя удобства дѣйствовать по видамъ Сафонова, прошу, не лзя ли меня освободить отъ сей коммисіи, приславъ другаго болѣе меня знающаго сіе дѣло.

Представленный Сафоновымъ штатъ и правила присланы ко мнѣ съ повелѣніемъ, чтобы я вмѣстѣ съ нимъ свидѣтельствовалъ соль, къ сдачѣ откупщикомъ предъявляемую, которую Сафоновъ назвалъ негодною на пищу человѣческую, и сочиня также вмѣстѣ штатъ и правила, представилъ на утверждение.

Исполняя приказанное при свидѣтельствѣ постороннихъ чиновниковъ, раздробилъ я дѣло, какъ можно, на мелкія части, постепенно подписывая о всякой вещи порознь. Сафоновъ наконецъ самъ увидѣлъ, что совершенно изобличенъ въ ложномъ доносѣ, и не обдуманнныя его правила и штатъ выведены наружу. И такъ, разруша его надежду обогатиться взятками съ откупщика, заставилъ я самаго торопиться скорѣе уѣхать въ Петербургъ. Сочиненный мною штатъ и правила, ни въ какія подробности не вводящія, онъ подписалъ безъ противорѣчія, но послалъ тайно отъ меня рапортъ, что, будучи не въ силахъ противостоять,

рѣшился согласиться; но думаетъ, что то не сообразно состоянію дѣла и пользамъ казны.

По разсмотрѣніи сихъ бумагъ, нашли лучшимъ возвратить мнѣ мои представленія, и опредѣля все представляемое мною число людей, ассигновавъ всю сумму денегъ 200 т. руб., препоручить, чтобы дѣйствовалъ я въ теченіи одного года хозяйственнымъ образомъ, испытывалъ бы удобства и возможности, и наконецъ по опытамъ и лучшему разсмотрѣнію сего дѣла, сочинилъ бы правила и штатъ и представилъ на утверждение.

Довѣренность, показующая доброе о мнѣ мнѣніе, была ласкательна. Я поступилъ такъ какъ бы въ собственномъ своемъ имѣніи, и дѣйствительно открылъ возможность, что съ великимъ противу прежняго облегченіемъ народу, получать стала и будетъ получать казна вмѣсто получаемыхъ отъ откупщика 280 т., болѣе 500 т. руб. въ годъ. Маленькихъ кражъ остановить нельзя, но большимъ, подобно бывшимъ, никакъ не можно вкрасться, если не разрушать всѣхъ уже утвержденныхъ правилъ.

Сначала цѣлый край, привыкшій видѣть богатѣющихъ правителей соляныхъ озеръ, смотрѣлъ на меня, какъ на вора, коему благодѣтели дали средство, какъ они говорили, поправить состояніе. Но потомъ сдѣлался я въ великомъ уваженіи и производилъ удивленіе. При открытіи Таврической губерніи, когда гражданскій губернаторъ объявилъ желаніе просить увольненія, все дворянство отзывалось военному генералъ-губернатору Беклешову, что безпорядки въ Тавридѣ укоренившіеся истребить развѣ я только буду въ состояніи. Онъ, мнѣ о семъ объявляя, дружественно упрасивалъ принять губернаторскую должность и

писалъ о томъ министру внутреннихъ дѣлъ.

Не имѣя знакомства съ министромъ внутреннихъ дѣлъ графомъ Кочубе-емъ, и думая, что онъ молодой чело-вѣкъ-франтъ (при томъ же онъ въ большомъ былъ несогласіи съ Державинымъ, по протекціи коего я вошелъ въ службу), боялся я принять сію должность. Увѣдомя Державина о сдѣланной мнѣ пропозиціи, просилъ я его ходатайства, не лзя ли мнѣ прежде пріѣхать въ Петербургъ, и поосмотряся на все, рѣшиться, принять ли губернаторскую должность или нѣтъ. Онъ былъ въ силахъ остановить опредѣленіе. Но между тѣмъ желаніе графа Кочубея увеличилось: по видимо-му заключать должно, и государь былъ въ такомъ же расположеніи. И такъ мѣсто губернаторское въ Крыму оставлено празднымъ. Въ сіе время Державинъ отставленъ отъ службы⁽³⁶⁾. Дѣло, мнѣ порученное, поступило къ Кочубею, а я отъ него получилъ предписаніе, что по представленію моему къ Державину о дозволеніи пріѣхать въ Петербургъ съ отчетомъ и предста-вить штатъ и правила по соляной части, докладывалъ онъ государю и получилъ приказаніе объявить мнѣ соизволеніе его величества. При увольненіи Державинъ исходатайствовалъ мнѣ аренду на двѣнадцать лѣтъ, приносящую дохода 1100 руб. въ годъ, которую я послѣ продалъ за 16 т. руб.

Во время пребыванія моего въ Петербургъ правилась мнѣ очень теперешняя моя жена Варвара Марковна Полторацкая. Суровое воспитаніе и хорошо образованный умъ составили въ ней правила, могущія сдѣлать

счастливымъ честнаго челоуѣка, мирно въ своемъ домѣ жить желающаго, и чрезъ жену въ люди выходить не до-бивающагося. По всѣмъ видамъ я былъ увѣренъ, что пойдетъ она за меня, и мать ея⁽³⁷⁾ и вся родня охотно на то со-гласается. Но я никакъ не хотѣлъ по-слушаться своихъ чувствъ въ обстоя-тельствахъ непріятныхъ, когда не значу я ничего, не имѣю никакихъ видовъ по службѣ, кои въ самодержав-номъ государствѣ часто въ большой цѣнѣ ходятъ, хотя очень часто ложною монетою являются. Нѣтъ у меня имѣ-нія и столько, чтобы исправно запла-тить долги. Будучи при томъ старѣе ея 18 годами, казалось мнѣ унизи-тельнымъ и для себя и для нея. Вся-кой почелъ бы меня обыкновеннымъ челоуѣкомъ, женитьбою долги платя-щимъ. При томъ же думалъ я, что не я правлюсь, но мирной мой нравъ. Молодая дѣвушка, непріятно въ домѣ материнскомъ живущая, можетъ быть, хочетъ выдти за мужъ для того, чтобы жить по своей волѣ, а не для того, чтобы сообразоваться обстоятельствамъ и нраву мужа и стараться дѣлать его счастливымъ. Предъ отъѣздомъ изъ Петербурга много примѣтилъ я ея склонности ко мнѣ, много сочувство-валъ ей; но разсудокъ заглушалъ чув-ства, и я поѣхалъ, не сказавъ ни ей и никому ни слова.

Послѣдующее за тѣмъ время, боль-шею частью проводимое въ скукѣ и уединеніи, не уничтожало, но укореня-ло привязанность. Варвара Марковна мечталась въ умѣ, вспоминались ма-ленькія бездѣлицы, поставлялись въ число доказательствъ любви. Словомъ, я чувствовалъ себя совсѣмъ не равно-

⁽³⁶⁾ Т. е. вышелъ въ отставку изъ должности министра юстиціи. Это было въ Октябрѣ 1803 г.

Н. Б.

⁽³⁷⁾ Агабоклія Александр., въ то время вдова д. ст. сов. Марки Ѳеодоров. Полторацкаго (+1795), урожд. Шишкова, знаменитая своимъ скопидомствомъ. Н. Б.

душнымъ. Проѣзжая въ Крымъ, увидѣлся я въ Тамбовѣ съ однимъ моимъ пріятелемъ, коего жена въ дружбѣ съ сестрою Варвары Марковны, Олениной и съ которою бывалъ я часто вмѣстѣ. Рассказывая объ общихъ знакомыхъ нашихъ, сказала она, что Варвара Марковна въ жалкомъ состояніи, что она больна, грустна и принуждена ѣхать въ деревню, куда мать ея, собраніе богатства больше всего любящая, поѣхала содержать винный откупъ, и употребляетъ дочь-дѣвку въ дѣла, совсѣмъ для нея неприличныя.

Таковые разговоры произвели чувство, коего скрыть не умѣлъ. Донкишотское участіе и готовность защищать невинность и добродѣтель являлись на лицѣ и языкѣ. Умная слушательница о нихъ пересказала. А между тѣмъ, по отѣздѣ моемъ изъ Петербурга, Варвара Марковна грустя занемогла. Докторъ объявилъ, что надобно быть чему нибудь моральному, которое разстроиваетъ ея здоровье; братья и сестры стали добиваться толку. Одному изъ братьевъ, болѣе любимому, она открыла тайну своего сердца; тотъ сказалъ нѣсколькимъ изъ многочисленной ихъ семьи, и наконецъ Оленину⁽³⁸⁾, бывшему всегда со мною особенно въ пріязни. Онъ предпринялъ атаковать меня безъ всякихъ околичностей; и точно напалъ на сторону, отколѣ трудно мнѣ было защищаться.

Когда жилъ я въ Перекопѣ одинъ, не было у меня ни одного человѣка, съ коимъ бы одно слово кромѣ солидныхъ дѣлъ сказать было можно. Когда грусть, досада и уныніе свили гнѣздо въ моемъ сердцѣ, получилъ я письмо отъ Оленина. Онъ пишетъ, что Варвара Марковна меня любитъ и ничего

не желаетъ кромѣ какъ быть моею женой; что она была больна, призналась ему въ своихъ чувствахъ, сказала, будто бы ей какія то слова я сказалъ, по коимъ заключаетъ, что и я ее люблю; и такъ, какъ честному человѣку сіе объявляя, требуетъ рѣшительнаго отвѣта, и если я жениться не намѣренъ, то увѣренъ, что сіе объявленіе останется между нами.

Размышляя нѣсколько времени, видѣлъ я, что прощай мои правила жить ни отъ кого и ни отъ чего въ независимости. Отвѣтствую въ полной откровенности, чтобы обдумались хорошенько, сообразили бы, что я бѣденъ, что правилъ своихъ никогда не перемѣню, и слѣдовательно не обогатиться, а промотаться могу, что я старѣе ея несоразмѣрно; и такъ она, находясь въ заблужденіи, можетъ сдѣлаться несчастною на вѣкъ. На сіе получилъ я отвѣтъ, что ни старость моя, ни бѣдность не ужасаютъ. На вопросъ, что захочетъ ли она жить всегда въ Крыму, гдѣ предлагается мнѣ мѣсто губернаторское, отвѣтствовали, что всюду со мною готова. И такъ я сдѣлался женихъ.

Все это дѣлалось въ секретѣ отъ матери, которая всегда и всѣмъ вопреки дѣлать хочетъ и имѣетъ гордость располагать склонностями и участіями дѣтей своихъ и всѣхъ ей принадлежащихъ людей. Будучи всегда весьма отъ нея уважаемымъ и любимымъ, надлежало поступить съ нею особливимъ образомъ.

Проѣзжая въ Петербургъ и думая, что невѣста моя тамо, не заботился я навѣдываться. Старинное желаніе на вѣкъ остаться холостымъ все еще боролось со склонностію къ женидбѣ. Мнѣ кажется, даже радъ бы я былъ, если бы что нибудь небезчестное съ моей стороны помѣшало исполненію

(38) Алексѣй Николаевичъ Оленинъ, женатый на Елизаветѣ Марковнѣ Полторацкой. *Н. Б.*

сего намѣренія, уже далеко доведеннаго. Наконецъ пріѣхалъ я въ Торжокъ вечеромъ. По причинѣ бывшего холода я спалъ въ закрытой моей кибиткѣ; уже лошади вновь запряжены были, какъ я проснувшись спросилъ гдѣ мы? Мнѣ отвѣчали: въ Торжкѣ. Зная, что теща моя содержится на откупѣ весь уѣздъ, я спросилъ ямщика, кто здѣсь содержитъ откупъ; онъ отвѣчалъ: генеральша Полторацкая. На вопросъ, гдѣ она живетъ, отвѣчалъ: въ городѣ. Вышедъ изъ кибитки, вошелъ я въ трактиръ; по нѣсколькихъ вопросахъ узнаю, что не только теща, но и невеста моя въ томъ же городѣ. Я, посмотрѣвъ на часы и видя, что уже десять часовъ, послалъ ямщика осведомиться, не спятъ ли въ домѣ и можно ли мнѣ пріѣхать повидаться. Лишь уѣхалъ мой посланной, почталіонъ прибѣгаетъ и подаетъ письмо отъ г. Бакунина, тутъ же живущаго. Онъ пишетъ, что въ какое бы время я ни ѣхалъ чрезъ Торжокъ, проситъ меня остановиться для свиданія съ нимъ. За тѣмъ вскорѣ онъ является, даетъ мнѣ письмо отъ Олениной, совѣтующее поѣхать къ матушкѣ ея въ деревню⁽³⁹⁾, пробыть нѣсколько времени, и сдѣлать ей предложеніе о женитбѣ. Между тѣмъ и посланной мой ямщикъ является, сказывая, что лишь услышала о мнѣ госпожа, призывала его къ себѣ и велѣла звать меня повидаться съ нею.

Въ дорожномъ платьѣ, съ небритою бородою, вхожу въ комнату, гдѣ по крайней мѣрѣ десять женщинъ сидѣли вокругъ кровати, на коей лежала больною объявляющаяся моя теща. Принимаетъ меня съ распростертыми

руками, спрашиваетъ, гдѣ я жилъ, что я дѣлалъ; рассказываетъ, будто много о добрыхъ дѣлахъ моихъ слышала, пѣняетъ правительству, для чего мало меня награждаютъ; справедливые мои отвѣты принимаетъ хитростию и скромностию; журитъ, для чего не пользуюсь случаями, коли не красть, то приневоливать государя награждать болѣе; однимъ словомъ, осыпаетъ знаками дружества. По нѣсколькихъ разговорахъ начинаетъ шутить, какъ прежде почти всегда случалось; спрашиваетъ, долго ли тебѣ не жениться, долго ли волочиться; женись хоть на мнѣ. Я отвѣчалъ: теперь хочу жениться. Она замолчала и скоро прервала разговоръ. Изъ сего я заключилъ, что и у нея тоже было и есть на умѣ, о чемъ мы безъ нея вѣдома согласились.

Множество уѣздныхъ барынь и барышень не давали мнѣ простору поговорить съ ней серьезнѣе о женитбѣ. Уже часу въ первомъ сдѣлалось ей желаніе встать съ постели; она просила меня выйти. Варвара Марковна, какъ хозяйка, позвала въ гостинную. Мы сдѣлались одни. Ту минуту я спросилъ ее, думала ли она о всемъ хорошенько и подлинно ли рѣшилась за меня выйти за мужъ. Томное да было отвѣтомъ; я поцѣловалъ ее обнявъ, и сказалъ ей: сдѣлай, чтобы остался я одинъ съ матушкой. Поздній вечеръ и ея стараніе исполнили вскорѣ мое требованіе.

Позванъ будучи въ спальню, принявъ прежнее мѣсто на стулѣ близъ кровати, лишь остался я одинъ, спросилъ: „скажите мнѣ правду, хорошо ли вы обо мнѣ думаете“. Она отвѣчала: „очень хорошо, да что это значить?“ Я, протянувши къ ней руку, сказалъ: „коли хорошо думаете, отдайте мнѣ Варвару Марковну“. Тутъ въ

(39) Село Грузинъ, не подальше отъ Торжка. II Б

мигъ слезы у нея покатились, и она, обѣ руки подавая, сказала: „изволь, батюшка, отдамъ тебѣ обѣими руками“. Тутъ позвали Варвару Марковну, спросили ее, получили ли ея согласіе, и я сдѣлался совершенный женихъ.

Поелику сіе происходило въ концѣ послѣдней недѣли предъ Рождествомъ, и мнѣ надобно было пріѣхать въ Петербургъ до воскресенія, чтобы успѣть прежде праздниковъ въ воскресной день, какъ то обыкновенно, представиться государю и императрицамъ, то и не лѣзя было мѣшкать. Пробывъ до пятого часа по полуночи, поѣхалъ я въ путь—съ обѣщаніемъ, что на обратномъ пути окончимъ мою свадьбу безъ церемоній.

Пріѣхавъ въ Петербургъ въ домъ стариннаго пріятели (дѣлающагося мнѣ роднею) Оленина, имѣлъ я удовольствіе видѣть радость всѣхъ до единого всей многолюдной ихъ семьи.

Дворъ, окружающее его и всѣхъ дѣйствующихъ лицъ увидѣлъ я новыхъ и совсѣмъ другимъ манеромъ поступающихъ. Въ теченіе менѣе двухъ лѣтъ отсутствія моего изъ Петербурга, столько сдѣлалось перемѣны, что, кажется, надобно бы было сто лѣтъ. Образъ жизни, порядокъ въ дѣлахъ, обхожденіе начальниковъ съ подчиненными, все новое, все мнѣ необыкновенное. Ко всему надобно стало примѣняться и самому совершенно перемѣниться. Пріѣхавъ въ субботу, нѣсколько разъ пріѣзжалъ къ министру внутреннихъ дѣлъ и не могъ его видѣть. Являсь по утру рано въ воскресенье, былъ тотчасъ позванъ въ кабинетъ; подавъ кучу бумагъ, получилъ приказаніе явиться уоберготмаршала⁽⁴⁰⁾, который представитъ меня государю.

При прощаніи спрося, гдѣ живу, объявилъ, что по прочтеніи бумагъ позоветъ меня къ себѣ.

Слѣдуя порядку, принятому за правило, не являлся я къ министру. Наконецъ черезъ четыре дни прислана была мнѣ записка, что министръ проситъ меня въ 8 часовъ вечера. Являсь въ назначенный часъ, увидѣлъ я его, товарища его гр. Строганова, управляющаго экспедиціею Габлица и начальника отдѣленія по соляной части. Сѣли всѣ, какъ бы въ присутственной комнатѣ, за столъ. Онъ началъ вопрошать меня о моемъ дѣлѣ похоже на катихизисъ. Отвѣчая на нѣсколько вопросовъ, я призналъ, что испытываетъ меня, я ли или секретарь мой писалъ ему поданное; наконецъ я сказалъ, что все о чемъ его сіятельство спрашиваетъ написано самимъ мною въ поданныхъ ему толстыхъ тетрадахъ. Тутъ, окончивъ испытаніе ребяческое, начинается разсужденіе о правилахъ. Я примѣтилъ, что министр углубляется въ подробности и такія мелочи, коихъ ему знать не можно. Всѣ разсужденія его клонились къ опороченію того порядка, который дѣйствительно съ опытовъ я написалъ и пользу онаго математически доказалъ. Тотчасъ я заключилъ, что это не онъ говоритъ, а Габлицъ, который былъ въ Крыму вице-губернаторомъ, правилъ симъ дѣломъ, и за то, что вмѣсто 500/т. сдѣлалъ 100/т. рублей дохода, награжденъ былъ. Тѣмъ больше подозрѣніе мое увеличивалось, что онъ молчалъ. Я, утверждая свои правила, старался ввести его въ разсужденіе, и наконецъ придравшись къ слову, сталъ доказывать явственнѣе, какъ что прежде было и какъ нынѣ есть, и что порядокъ, откупщикомъ заведенный, хорошъ, перемѣнять его не должно и надобно благодарить, что не казна, а частный че-

(40) Графа Н. А. Толстаго. II. Б.

ловѣкъ ввелъ оный; слѣдовательно не-удовольствія богатившихся богатыхъ на счетъ неимущихъ бѣдныхъ обращались на него, а не на правителей, поставленныхъ отъ государя; и что теперь люди уже отвыкли отъ безпорядка, во вредъ казны существовавшего.

Надобно знать, когда Крымомъ вла-дѣлъ ханъ, хозяйство его было управ-ляемо такимъ образомъ: Татары вы-волакивали соль даромъ, и не пла-тили ничего за землю, ими владѣ-мую; соль тогда не вѣсили, а счита-ли возами; Малороссіяне, за нею при-ѣзжавшіе, платили за взятую изъ буг-ровъ по десяти, а изъ озера самими ими вывощенную по шести рублей за фуру; имъ не препятствуемо было положить столько, сколько вести мо-жетъ пара воловъ. Когда Крымъ при-соединенъ къ Россіи, принято въ ос-нованіе, будто фура вмѣщаетъ въ себя 73 пуда, и потому велѣно про-давая соль по 14 $\frac{1}{2}$ р., брать съ фу-ры по 10 рублей. Извѣстно, что есть такіе волаы, что везутъ около 200 п., и есть такіе, что болѣе 50 пуд. везти не могутъ. Сей порядокъ, увеличивая прибыль богатыхъ, отягощая бѣдныхъ, и произвелъ, что зажиточ-ные, добрыхъ воловъ имѣющіе, ѣздя къ озерамъ, привозили соль въ Пере-конъ и тутъ, пройдя чрезъ ворота, заплатя деньги по пяти копѣекъ за пудъ, продавали бѣднымъ по 15 и болѣе. Сіи злоупотребленія породили другія и расплодили такое число, что сотни тысячъ рублей воровали чинов-ники, симъ дѣломъ управлявшіе. Мнѣ извѣстно, что г. Габлицъ не бралъ, но не умѣлъ оберечь казну отъ расхи-щенія. Онъ, пресѣкая маленькія плут-ни, умножилъ доходъ въ двое, а не дошелъ до корня зла, исторгнувъ который, можно его удесятить.

Вѣроятно, что доказательства мои обратили министра, честно свою долж-ность исполняющаго, на мою сторону, также и графа Строгонова; а Габлицъ, у коего мое дѣло въ производствѣ, на меня озлобился.

День ото дня дѣлаясь знакомѣе съ министромъ, отличаемо я былъ обхож-деніемъ его. Вскорѣ онъ мнѣ предла-гаетъ должность губернаторскую съ тѣмъ, что къ обыкновенному губер-наторскому жалованью буду я полу-чать 2400 рублей за управленіе со-ляною экспедиціею. Я согласился и скорѣ былъ опредѣленъ.

Проходитъ много времени и уже при-ближается постъ, когда вѣнчаться не можно. Меня не отпускаютъ для того, не окончено разсмотрѣніе представ-ленныхъ мною бумагъ и не опредѣле-но, чему какъ быть. Габлицъ медлилъ сочиненіемъ отъ него зависящаго до-клада государю. Нѣсколько разъ на-поминалъ я, что по собственнымъ мо-имъ обязательствамъ пора мнѣ ѣхать въ деревню къ тещѣ, и для дѣла по службѣ надобно поспѣшить въ Крымъ. Видѣлъ я желаніе министра удовле-творить моему требованію и видѣлъ безсиліе его заставить дѣлать скорѣе.

Однажды, долго пробывъ у него въ кабинетѣ и уже прошло время обык-новеннаго обѣда, оставилъ онъ меня у себя. Пришедъ въ домашнія комна-ты предъ каминомъ въ кабинетѣ же-ны его ⁽⁴¹⁾, спросилъ онъ меня: какъ намѣренъ я жить въ Крыму? Я отвѣт-ствовалъ: какъ могу и по мѣрѣ, какое содержаніе государь опредѣлитъ, раз-суждая, что пышность не умножаетъ уваженія къ начальнику, и много то-му подобнаго. Наконецъ онъ мнѣ сказалъ, что „не далѣе какъ сегодня разговаривалъ я о васъ съ госуда-

(41) Маріи Васильевны, ур. Васильчиковой. Б. П.

ремъ. Онъ признаеть, что ваша служба полезнѣе бы ему была здѣсь". И такъ, не совѣтуя заводитья домомъ, требоваль, чтобы, осмотря всѣ части, привелъ я въ извѣстность о всемъ, что есть въ Крыму, и потомъ готовъ былъ возвратиться и жить съ ними неразлучно. Я очень его благодарилъ и былъ доволенъ.

Вскорѣ за тѣмъ вышло производство всѣхъ представленныхъ мною чиновниковъ, и я былъ отпущенъ къ должности, съ обнадеживаніемъ, что штатъ и правила будутъ присланы въ слѣдъ за мной.

Пріѣхавъ въ деревню къ тещѣ моей, женился я 14 февраля 1804 года. Слово, мнѣ данное, теща моя не сдержала: я былъ въ церемоніяхъ сколь скучныхъ, столь же и смѣшныхъ; но, рѣшась на все, сохранилъ въ себѣ спокойствіе, сдѣлавъ тѣмъ удовольствіе женщинѣ, въ своеправіи закоренѣлой. Она отъ часу болѣе показывала любовь и расположеніе; и я слышалъ отъ всѣхъ, что и не воображали ее видѣть въ такихъ пріятныхъ чувствахъ. Вся семья восхищалась мною. всѣ умны, всѣ дружны, я очень былъ доволенъ. Жена моя день ото дня милѣе мнѣ становилась. Я нашелъ ее гораздо умнѣе и въ правилахъ тверже, нежели воображалъ.

Скоро отправясь въ Крымъ, старался я поспѣшать, хотя распутица и большой обозъ много дѣлали препятствія. Пріѣхавъ въ Симферополь 29 марта, не зная обстоятельствъ губерніи, ни людей, дѣлами управляющихъ, долженъ былъ я много упражняться.

Чтобы объяснить тогдашнія наши обстоятельства, надобно сказать историческимъ порядкомъ о губерніи и довести до того состоянія, въ которомъ я ее принялъ. Исторія Крыма въ отдаленныхъ временахъ довольно из-

вѣстна всѣмъ, кто читать умѣеть. Надобно только примѣтить, что древніе писатели говорили о немъ слегка; а новѣйшіе бумагомаратели, вытаскивая изъ пыли лоскутья Страбона и протчихъ, и раздувая каждое слово, увеличивая хорошее, умалчивая худое, затмили истину. Причина сему тотчасъ извѣстна, какъ скоро кто примѣтитъ ее захочетъ. При покойной императрицѣ Екатеринѣ II, управляющій кормиломъ государства и дающій всякой вещи смыслъ по своему произволению, любимецъ ея князь Потемкинъ, названный послѣ Таврическимъ, хотѣлъ славы. Миръ съ Турками, достойнымъ вѣчныя славы графомъ Румянцевымъ заключенный въ 1774 году, доставилъ возможность присоединить Крымъ къ Россіи. Князь Потемкинъ воспользовался симъ. Получа въ неограниченную власть войско, сдѣлавшись генераль-губернаторомъ содѣствующей съ Крымомъ губерніи, интриговаль онъ посѣять въ немъ междоусобія и безпорядки. Ханъ ожесточенный началъ свирѣпствовать съ подвластными ему. Угнетаемое человечество, до отчаянія доводимое, поднимало погибающую голову и помышляло о правахъ естественныхъ. Ханъ, сдѣлавшись въ опасности, просилъ пособія отъ Русскаго двора; разумѣется, сіе тотчасъ исполнено. Отборныя войска, уже приуготовленные на границѣ, вошли въ Крымъ, содѣйствуя къ утверженію ханской власти, остались въ немъ и скоро надобѣи всѣмъ жителямъ. Чрезъ деньги найдены люди, могущіе толковать, что ханъ всему виною. Народное противу его волненіе увеличивалось. Онъ, видя себя между двухъ огней, показаль желаніе передаться подъ протекцію Турокъ, у коихъ глубокая рана, войною сдѣланная, еще была свѣжа. Собравъ, сколь-

ко могъ, военныхъ округъ себя людей, жилъ въ лагерѣ или лучше сказать кочевалъ, по обыкновенію степныхъ жителей, близъ берега Чернаго моря, между Керчи и Феодосіи; все что имѣлъ драгоцѣннаго и женъ своихъ отправивъ въ Анатолію, и какъ кажется, изыскивалъ возможность освободиться отъ Русскихъ войскъ силою, которой не имѣлъ. Будучи обманутъ командовавшимъ въ Крыму генераломъ барономъ Игельстромомъ, взять благопристойнымъ образомъ подъ караулъ, отправленъ будто для объясненія въ Петербургъ, но вмѣсто того остановился въ Воронежѣ.

Интриги дѣйствовали, Крымцы просили быть подданными Россійской императрицы, и яко люди, ни отъ кого не зависящіе, приняты. Открыта губернія Таврическая. Генералъ-губернаторъ ея князь Потемкинъ получилъ названіе Таврическаго ⁽⁴²⁾.

Поелику сіе происшествіе сдѣлалось собственнымъ дѣломъ князя Потемкина, коему конечно хотѣлось прославиться въ Россіи услугою, имперіи оказанною, и слѣдовательно нужно было всѣхъ елико можно познакомить съ Крымомъ, онъ сталъ одобрять путешественниковъ и писателей о Крымѣ. Всякаго званія, всякой націи люди, осматривая его красоты, въ самое лучшее время года, описывали нагорныя мѣста, гдѣ, проѣзжая верхомъ по десяти верстѣ въ день, не упоминали о тѣхъ степяхъ, чрезъ кои двѣсти верстѣ въ сутки проскакивали.

Генуезцы и Греки имѣли крѣпости и колоніи въ нагорной части. Они торговали съ кочевавшими по степямъ народами, вымѣнивали на товаръ

хлѣбъ и невольниковъ, правомъ войны пріобрѣтаемыхъ. Сии Европейцевъ заведенія были, какъ кажется, безъ старанія дѣлать прочное. Торгомъ обогатившіеся возвращались обратно; обогащеніе ихъ служило для обогащенія кореня ихъ въ Европѣ, подобно какъ нынѣшнихъ временъ Европейцы имѣютъ заведенія въ Индіи, съ тою только разницею, что сила и просвѣщеніе на лучшей теперь степени. Древнія въ Крыму строенія большею частию изъ поздраватаго известковаго камня, сложенные на глиняхъ, жителями оставленныя, развалились, показывая намъ безобразныя кучи. Крѣпости имѣютъ стѣны, спаружы только на извести кладенныя, по въ срединѣ на глиняхъ и землѣ. Въ сводахъ есть мелкой въ Италіи употребляемый кирпичъ, всѣ же связи изъ деревянныхъ брусевъ.

Когда основалась Греческая имперія, тогда сосѣдство съ столичнымъ городомъ начало поболѣе укоренять въ Крыму людей. Малое число строеній того времени лучше и прочнѣе.

По уничтоженіи Турками Греческой монархіи нѣсколько крѣпостей и колоній, Грекамъ и Генуезкой республикѣ принадлежавшихъ, все еще сохраняли свою независимость. Крымъ, обладаемый Татарами, отъ Золотой Орды оторвавшимся, не распространялся до нагорнаго морскаго берега. Ханъ, находя себя безсильнымъ вытѣснить или поработить Европейцевъ, просилъ помощи Турецкаго султана. Присланный съ войскомъ паша исполнилъ свое дѣло, и оставя въ крѣпостяхъ гарнизонъ, остался начальникомъ. Ханъ учинился подъ протекцію Турокъ, султанъ располагалъ землями, Европейцами владѣемыми. Колоніи, въ Крыму оставшіяся, сдѣлались подчиненными пашѣ Турецкому. Христіане

(42) Это обратная сторона картины, начертанной гр. А. Н. Самойловымъ, см. Р. Архивъ 1867 года, стр. 1220—1225. II. Б.

утѣсняемые по маленьку стали принимать законъ магометанскій, перемѣшались съ Турками Анатольскими, изъ коихъ гарнизонъ былъ составленъ. И такимъ образомъ нагорная часть Крыма приросла къ Анатолиі. Оставшіеся въ христіанскомъ законѣ Греки и Армяне несли всю тяжесть Турецкой власти.

Мирный трактатъ, въ 1774 году съ Турками Россіею сдѣланный, освободилъ Крымъ отъ власти Турецкой; крѣпости и колоніи, а съ тѣмъ вмѣстѣ и все земли нагорной его части учинились собственностію хана. Онъ, будучи Россіи обязаннымъ, согласился всѣхъ Грековъ и Армянъ выслать для поселенія въ Россію. Неудобопонятная политика, раззоря ихъ корень, служащій пользою и украшеніемъ Крыма, водворила ихъ въ окрестностяхъ Азова близъ береговъ Азовскаго моря. Люди, садоводствомъ, издѣліями и шелководствомъ промышляющіе, сдѣлались принужденными быть рыболовами и скотоводцами. Перемѣна климата и образа жизни много въ числѣ ихъ уменьшила.

По переселеніи Армянъ и Грековъ, ханъ началъ жаловать землями мурзъ, стараясь привлечь ихъ съ собою. Многолюдныя селенія, большое садоводство имѣющія, начали быть обитаемы малымъ числомъ бессмысленно-лѣнныхъ Татаръ, не разумѣющихъ содержать деревья, изъ южныхъ странъ перевезенныя и съ большимъ тщаніемъ выращиваемыя.

Доколѣ оставался ханъ въ Крыму, Русскіе, будучи гостями, занимали квартиры въ селеніяхъ Татарскихъ. Ревнивость магометанъ увеличивала ихъ неудовольствіе противу хана, Русскія войска призвавшаго. По отъѣздѣ его, предложено подданство; обѣщано поступать, какъ съ своими, бе-

режливѣе и слѣдовательно освободить отъ постоя. Дѣло сдѣлано, Крымцы присягнули на подданство, и общаіе исполнено. Не смотря на глубокую осень, полкамъ приказано было строить землянки вмѣсто зимнихъ квартиръ. Для столь важной операціи не только благовременныхъ приуготовленій, ниже распоряженій отъ начальства дѣлаемо не было, лишь показаны мѣста въ долинахъ. Солдаты начали работу, надобный для землянокъ лѣсъ стали рубить безъ разбору. Тутъ погибли высокія раины и развѣсистые тополи, Крымскіе сады украшающіе. Не пощажены огромныя деревья ореховыя, грушевыя, яблонныя и прочія. Дерево безъ фруктовъ и безъ листьевъ не знакомо Русскому; какъ осину и березу рубили они все что находилось поближе. Офицеры, разлакомившіеся имѣть походныя мебели изъ ореховаго дерева, много ихъ истребили.

Вблизи рѣчекъ устроенныя землянки, въ осенніе дни сдѣланныя, были пагубны для здоровья людей; великое число Русскихъ, къ Крымскому климату не привыкшихъ, погребено въ пловато-известковую землю. Чума, можетъ быть завезенная, но симъ еще увеличившаяся, довершила истребленіе.

Большіе рекрутскіе наборы укомплектовали полки, въ Крыму расположенные. Извѣстія отъ возвращавшихся полумертвыми офицеровъ распространили слухи о тяжести климата. Россіяне ужасались Крыма; но писатели, подстрекая лѣбопытство увеличенными красами, манили въ него, поддѣрживаемые силою великомощнаго боярина. Могли ли они противустать общему понятію, на событіяхъ основанному?

Принято намѣреніе населять Крымъ Русскими людьми. Бояринъ, кромѣ забавъ и честолюбія ничѣмъ не зани-

мавшійся и ничто въ цѣну не полагающій⁽⁴³⁾, сталъ жаловать землями. Почти все достались шутамъ и угодикамъ, коимъ селить было некого. Удовлетворяя ихъ выбору, отводились дачи, на которыхъ побольше было людей. Сии помѣщики, силу въ губернскомъ правленіи имѣвшіе, чтобы умножить себѣ доходы, начали стѣснять древнихъ обитателей, произвели неудовольствіе, ропотъ и опасность. За симъ послѣдовало уменьшеніе людей: многіе были высланы за границу, многіе уволены по просьбѣ, а нѣкоторые бѣжали въ Турецкія области. И такимъ образомъ остались въ Крыму только тѣ Татары, коимъ дѣваться было не куда, то есть негодяи или тѣ, которые, жительствова на мѣстахъ невыгодныхъ, не подпали подъ иго милостей.

Для заведенія Русскихъ селеній, исходатайствованъ манифестъ, коимъ прощаются бѣглецы, изъ заграницы возвращающіеся, и всякаго рода и званія люди, скитающіеся подъ именемъ не помнящихъ родства. Имъ дозволялось избрать состояніе по ихъ желанію. Новые помѣщики, симъ воспользуясь, подговаривали солдатъ къ побѣгамъ. Бѣжавшіе изъ полковъ на другой день являлись къ пограничнымъ начальникамъ, объявляли себя выходцами изъ за границы или не помнящими родства. Желаніе ихъ быть записанными по ревизіи въ крестьянство помѣщика, ихъ подговарившаго, тотчасъ было удовлетворяемо. Они, будучи водворяемы въ селеніяхъ, гдѣ оставались Татары, на землѣ, помѣщику пожалованной, способствовали къ скорѣйшему первобытныхъ жителей удаленію.

Со всего государства велѣно было собрать солдатскихъ женъ и отправить къ мужьямъ. Подъ присмотромъ привезенныя въ Крымъ женщины, коихъ мужья давно померли, разбираемы были солдатами, коимъ тотчасъ давалась отставка и снабденіе отъ казны, и лишь объявить желаніе поселиться на земляхъ, къ тому назначенныхъ въ Крыму. Взявъ незнакомую и въ пути, да и дома еще, избалованную жену, получа все, что крестьянину имѣть надобно, оставшись на свободѣ безъ всякаго присмотра, предавались они распутству, и большая часть исчезла.

Такое основаніе конечно должно было принести вредные плоды. Бродяги, бездѣтно умершіе, а большая часть разбѣжавшіеся, отягощая оставшихся чрезъ умноженіе податей, вносимыхъ за убылыхъ, отяготили край на многіе годы и пресѣкли путь къ приведенію его въ лучшее состояніе; ибо никто изъ добропорядочныхъ поселенцевъ не захотѣлъ водвориться въ таковыя селенія. Всего же злѣе, что бродяги, промотавшіе данное имъ снабженіе, не жалѣя ничего, истребили лучшія деревья, продавая все что можно. Потомъ они же ввели въ обыкновеніе всякія мошенничества и скверныя дѣла.

Въ Турецкія области удаляющіеся изъ Крыма Татары жалобами и воплемъ возбудили общее негодованіе. Народная готовность къ войнѣ давала правительству надежду возвратитъ потерянное. Начались съ обѣихъ сторонъ пріуготовленія. Новые помѣщики и судьи, взятые изъ полковыхъ офицеровъ, большею частію солдатскіе дѣти, разогнавшіе и ожесточившіе Татаръ, искали возможностей къ снабженію принимаемыхъ и на пожалованныхъ имъ земляхъ водворяемыхъ бродягъ. Они умыслили и исходатайствовали приказаніе отобрать у Татаръ оружіе и

⁽⁴³⁾ Мы уже знаемъ, что это отзывъ пристрастный. П. Б.

скоть ихъ перегнать на степь, за Перекопомъ простирающуюся до береговъ рѣки Днѣпра. Сіе дало возможность, отбирая оружіе, отобрать и все, что можно было взять. Татары, коихъ скоть удаляемъ былъ за 100 и болѣе верстъ, полагая его погибшимъ, старались его наперерывъ продавать. Дворяне и судьи, за порядкомъ смотрѣть и сосчитывать опредѣленные, много даромъ отсчитывая себѣ, покупали гуртомъ по рублю лошадь и рогатый скоть.

Война, въ 1787 году наченшаяся, кончилась для Россіи счастливо. Предѣлы ея распространились, прежнее приобрѣтеніе сдѣлалось надежнѣе по мѣрѣ ослабленія Турковъ. Но Крымъ, выше объявленными происшествіями изнеможенный, показывалъ опустошеніе и ужасные слѣды безпорядковъ.

По смерти князя Потемкина, Крымъ, какъ бы удѣлъ фаворитовъ, достался подъ начальство князя Зубова. Молодой человѣкъ, женоподобнаго права, ничѣмъ никогда не управлявшій, никакихъ дѣлъ не знающій, опираясь на власть, безразсудно ему данную, хотѣлъ быть милостивъ. Чтобы сдѣлать благодѣяніе новымъ его подчиненнымъ и окружающимъ государыню служителямъ, исходатайствовалъ дозволеніе жаловать не дачами (какъ прежде князь Потемкинъ дѣлывалъ), а числомъ десятинъ. Сіе дѣло, чрезъ безсовѣстнаго губернатора въ дѣйство произведенное, довершило гибель Крыма.

Судьи и придворные камердинеры, камеръ-юнкеры и прочіе такового рода люди, желая получить не земли для водворенія обывателей, но возможность собрать деньги, взяли имъ пожалованное число раздробительно въ разныхъ дачахъ; словомъ, вездѣ распространили и пустили глубже корень безпорядка и утѣсненія первобытныхъ жителей.

Кончина императрицы Екатерины II перемѣнила видъ всѣхъ дѣлъ. Губернія Таврическая уничтожена. Крымъ, обратившійся въ уѣздъ, причисленъ къ Екатеринославской губерніи, переименованной тогда Новороссійскою. Суровость правленія произвела страхъ. Сократились притѣсненія обывателямъ, и умолкли ихъ жалобы. Уничтоженные присутственные мѣста, оставя многое число въ чины выведенныхъ негодяевъ, составили корпусъ нищихъ въ старинныхъ намѣстническихъ мундирахъ. Ябедничество оставалось имъ средствомъ къ содержанію себя. Съмена зла, гнѣздящагося въ сердцахъ и умахъ ихъ, подобно морозу, скрѣпляемы были строгостію тогдашняго правленія. Надобна была теплотворная кротость, чтобы возникли онѣ, и явились на поверхности съ плодами.

Судьи и подъячіе, отъ службы уволенные, никакого имѣнія нигдѣ не имѣющіе, разбрелись по дачамъ, имъ пожалованнымъ.

Они жили съ Татарами мирно, по братски; нѣкоторые жъ, въ число получившихъ помѣстья не попавшіе, поступили въ волостные писари, а иные упражнялись въ писаніи прошеній къ мѣстнымъ начальникамъ. Между тѣмъ всѣ между собой завидовали, враждовали и спознавая тонкости минувшихъ плутней, готовились къ доносамъ.

По кончинѣ Павла I-го, бывшаго въ нынѣшнія времена подобнымъ царю Іоанну Васильевичу Грозному, явилась на престолѣ Россійскомъ благодать въ лицѣ Александра I-го. Снисхожденіе ко всему и кротость начали смягчать суровую кору, и добро и худо въ нѣдрахъ содержавшую. Любимецъ его Новосильцевъ, ни въ какихъ дѣлахъ не упражнявшійся, захотѣлъ научиться и подобно Некеру нагрузилъ свой кабинетъ чужими идеями.

Изданъ указъ, чтобы всѣ, съ полезными проектами явиться могущіе, представили къ сему молодому патріоту. Первые проекты, ободреніе и награду получившіе, расплодили людей сего рода. За недостаткомъ выдумать полезное, явились допущики, бывшее зло объявляющіе. Начались изслѣдованія, учреждались для разсмотрѣнія комитеты, умножилось число дѣлъ, и зло, въ другомъ только образѣ, размножилось. Крымъ сдѣлался въ страшномъ потрясеніи; старинные безпорядки, въ извѣстность приводимые, виновниковъ ужасали. Они ожидали подобаго страшному суду Божию, въ Евангеліи обѣщанному.

Для разсмотрѣнія на мѣстѣ о земляхъ, вопреки справедливости и порядка розданныхъ, и для разрѣшенія споровъ между старыхъ и новыхъ помѣщиковъ и простыхъ Татаръ, учреждена и отправлена въ Крымъ коммиссія. Сенаторъ Лопухинъ назначенъ предсѣдателемъ; съ нимъ отправлены и именитые и чиновные четыре члена ⁽⁴¹⁾. Всѣмъ дано большое жалованье и столовые деньги.

*⁽⁴¹⁾ См. Записки Н. В. Лопухина М. 1860 года стр. 117 и д. Лопухинъ говоритъ: „Причиной учрежденія сей коммиссіи были жалобы Татаръ, подстрекуемыхъ завистью, неприязнью между собою и разными личностями дворянъ и чиновниковъ, начиная отъ нижнихъ до самыхъ высшихъ, такъ что сіе касалось и до игранія знатнѣйшихъ ролей при дворѣ. Однимъ словомъ, сія коммиссія родилась больше отъ споровъ на паркетѣ, по которому охотники ходятъ всегда тѣпятся и скользятъ, нежели въ обильныхъ долинахъ и великолѣпныхъ горахъ романтической Тавриды: потому что, при отправленіи ко мнѣ указа, ближайшіе по государственнымъ дѣламъ къ государю писали ко мнѣ, что его величество изволилъ поручить мнѣ сію коммиссію, зная мое безпристрастіе, опытность и особливо твердость.“ Указъ объ этой коммиссіи, данный

Пышная коммиссія, поселившаяся въ уѣздномъ городѣ, понятно, какой громъ сдѣлала. Явные отзывы начальника, что присланъ защитить угнетенныхъ, манили къ нему толпами людей. Мелкіе прежніе судышки, секретари и подъячіе, завидуя получившимъ имѣнія, и знавшіе всѣ ихъ пакости, открываютъ свое ремесло, пишутъ всѣмъ прошенія; за недостаткомъ просителей пишутъ отъ имени такихъ людей, коихъ вовсе нѣтъ и не было, съ жалобою на тѣхъ, которыхъ не любить, изъясняя злые поступки и дѣла, достойные строгаго наказанія. Сенаторъ, безъ прочтенія отъ всѣхъ принимающій, накопилъ необъятную кучу бумагъ: истребуя отъ всѣхъ мѣстъ всѣ дѣла, до раздачи земель, до споровъ и жалобъ касающіяся, нагрузилъ коммиссію баластомъ болѣе, нежели было въ Поевомъ ковчегѣ.

Приступаютъ къ разсмотрѣнію общаго плана, къ раздачѣ земель относящагося; проходитъ въ семъ упражненіи цѣлый годъ, а между тѣмъ помѣщики, кои побогатѣе и поболѣе прочихъ виноватые, примѣти склонность

государственному казначею 19 мая 1802 года, находится въ Полн. Собр. Законовъ, № 20.270. Изъ него видно, что Лопухинъ получалъ въ этой коммиссіи, кромѣ жалованія по чину, ежемесячно 500 р. столовыхъ, да на путевыя издержки ему выдано 5000 р. Членами коммиссіи назначены: оберъ-прокуроръ временнаго межеваго департамента Ланской, д. ст. сов. Михаилъ Туманскій (родственникъ кн. Кочубея), оберъ-секретарь Крейтеръ и ст. сов. Павелъ Сумароковъ (напечатавшій въ 1803 — 1805 гг. извѣстные „Досуги Крымскаго судьи“). Тамъ же, отъ того же 19 мая, подъ № 20.276 напечатанъ подробнѣе указъ о коммиссіи, данный сенату, съ приложеніемъ правилъ оной, которыя, какъ свидѣтельствуется Лопухинъ, изданы были и на Татарскомъ языкѣ. *П. Б.*

сенатора къ пьянству ⁽⁴⁵⁾ и чванству, сопутствуя ему и угождая, приобрѣли его благорасположеніе. Онъ представилъ о неудобствахъ исполнить на комиссію возложенное по правиламъ, ей начертаннымъ и исходатайствовалъ дозволеніе пріѣхать въ Петербургъ для объясненія. Поѣхалъ ⁽⁴⁶⁾ и черезъ годъ привезъ дополненія, коими укоренились права помѣщиковъ, для поселенія людей не имѣющихъ. Крымъ, лишившійся надежды приходить въ лучшее состояніе, терпѣлъ болѣе прежняго. Неизвѣстность кому что принадлежать можетъ, остановила хозяйство. Медленность комиссіи и порядокъ, несносно отяготительный, причиною, что въ три

⁽⁴⁵⁾ Сочинитель вѣроятно думалъ сказать: въ хо- рошему столу и удобствамъ житейскимъ. Между тѣмъ самъ Лопухинъ (Записки, стр. 119) въ просьбѣ своей о денежномъ вспоможеніи, говорить государю: «Не только не любилъ я пировъ и праздниковъ и никогда не давалъ ихъ, но можетъ быть слишкомъ всегда былъ противъ ихъ предубѣжденъ.... Не проигрывалъ я, конечно, никогда нѣсколькихъ рублей безъ сожалѣнія, какъ, напротивъ, никогда не подавалъ я бѣдному безъ нѣкотораго безпокойства о томъ, что не мало ли даю ему. Были обстоятельства, въ которыхъ разумъ мой считалъ должнымъ и силился удерживать мою руку, но ни одного, конечно, раза не успѣлъ.» Въ преданіи утвер- ждѣнъ въ искренности послѣднихъ словъ памятнаго Москвы мартиниста. Онъ дѣйствительно помогалъ неимущимъ щедро; но для своихъ по- даваній бралъ взаймы у людей достаточныхъ, не платилъ этихъ долговъ и тѣмъ разорилъ мно- гихъ. Старожилы подтверждаютъ и отзывъ Д. Б. Мертваго о наклонности И. В. Лопухина къ чувственнымъ удовольствіямъ; см. Р. Арх. 1864, изд. 2-е, стр. 588 *И. Б.*

⁽⁴⁶⁾ Лопухина, Записки, стр. 118: «За особы- ми, кромѣ комисіи, отъ государя порученіями, не успѣвъ до позднихъ чиселъ февраля выѣхать изъ Крыма, пріѣхалъ я... въ Петербургъ... въ мартъ 1803 г., выѣхалъ изъ него въ августъ 1804 года.» *И. Б.*

года ея существованія ни одного дѣла не рѣшено, и даже половины бумагъ не разобрано и не прочтено.

До пріѣзда моего безъ мала годъ су- ществовавшая губернія не имѣла на- чальника. Всякаго рода злоупотребле- нія укоренились и распространяли въѣтъ. Нетолько воровства, грабитель- ства, но и смертныя убійства остава- лись необнаруженными, ненаказан- ными, и дѣла предавались суду Бо- жію. Присутствующіе гражданскаго и уголовнаго суда явно торговались съ подсудимыми. Правосудіе продавалось, какъ вещь въ торговлѣ обыкновенная.

При вступленіи въ должность, вся- кой день по нѣскольку десятковъ жа- лобъ мнѣ подавалось. О всякой без- дѣлкѣ, не стоящей цѣны написать прошеніе, люди шли ко мнѣ. Я, начавъ каждадневно присутствовать въ гу- бернскомъ правительствѣ и каждаднев- но побывая во всѣхъ судебныхъ мѣ- стахъ, началъ самъ писать резолюціи по дѣламъ просительскимъ и направ- лялъ поемножку на порядокъ закон- ный. Потомъ, видя, что ябедники, воз- буждая народъ къ тяжбамъ, питаются отъ того, придравшись къ тому, что многіе просители признавались въ не- знаніи написаннаго, а другіе совѣмъ другой смыслъ и уменьшенные пре- тензіи объявляли чрезъ переводчика, я публиковалъ, чтобы всякой Тата- ринъ, желающій мнѣ жаловаться или доносить, писалъ бы на своемъ языкѣ, дабы не могъ отзываться незнаніемъ. Представленіе о семъ министру вну- треннихъ дѣлъ удостоено апробаціею государя.

Начавъ строго поступать съ писа- телями прошеній и наблюдать, чтобы градскія и земскія полиціи были не- правны, утишилъ я сѣволненіе; много- кратно представляя, наконецъ достигъ, что присутствующихъ гражданскаго

и уголовного суда отрѣшили отъ должностей и на мѣсто ихъ опредѣлили другихъ. Всѣхъ капитанъ-исправниковъ, многихъ засѣдателей также и полицеймейстеровъ перемѣнили. Теперь сдѣлалось, что жалобщиковъ почти нѣтъ, дѣла идутъ скорѣе; обыватели довольнѣе и трудолюбивѣе становятся. Не только смертныя убійства прекратились, но и воровства мало слышно. Тотчасъ все находится, и виновные наказываются.

Сенаторъ Лопухинъ, въ концѣ 1805 года, возвращенъ въ сенатъ. Предсѣдательство въ комиссіи препоручено мнѣ. Сокращая порядокъ въ производствѣ дѣлъ, и вмѣсто прежнихъ въ губернскаго правительстве посылаемыхъ толстыхъ сообщеній, принявъ на себя предписывать градскимъ и земскимъ полиціямъ о призывѣ просителей и отвѣтчиковъ, или о спросѣ, кого о чемъ спросить надобно, облегчилъ правительство, и дѣло пошло успѣшнѣе.

Въ послѣдствіи открылось, что проситель, отъ имени коего жалоба подана, и не зналъ о ней и не имѣлъ надобности просить. Отвѣтчики, на коихъ жаловались съ изъясненіемъ поступковъ безчеловѣчныхъ и непростительныхъ, вовсе не имѣли той земли. Словомъ, по прежнему порядку, въ комиссіи заведенному, напрасно въ газетахъ публиковались люди въ обидныхъ для нихъ выраженіяхъ, и общая молва удостовѣрила о истинѣ, что ябедники, желая обидѣть, писали прошенія отъ людей, коихъ нѣтъ и, ложно описывая беззаконія и мерзости, искали только оклеветать имъ противнаго челоуѣка. Къ подачѣ прошенія дешево нанимали они Татаръ, ничему не подвергающихся, ибо сенаторъ и никто изъ членовъ его и секретарей не читалъ прошеній, а, только принимая, клали въ кучу.

Поелику въ правилахъ сказано, что всякой долженъ быть вопрошенъ и всякой долженъ представить права на землю, которую считаетъ своею, или въ замѣну документовъ присягнуть тяжкою для Татаръ клятвою; притомъ же дана воля всѣмъ мириться, и комиссіи не велѣно доискиваться остатковъ казнѣ принадлежать могущихъ: то, полагая, что невозможно простому поселянину ходатайствовать по своему дѣлу, тѣмъ менѣе нанять стряпчаго, и никакъ не можно сдѣлать, чтобы всѣ истцы и отвѣтчики въ одно время явились въ комиссію; слѣдовательно примирять нѣтъ средства, я предложилъ членамъ, что полезно бы было имъ ѣздить на мѣста споровъ, гдѣ всѣ участвующіе люди безъ отягощенія могутъ быть собраны вмѣстѣ. По измѣненіи спорныхъ участковъ и по принятіи документовъ, явно будетъ, кому что присуждено быть должно. И такъ, избѣгая производства и судебного рѣшенія, можно соглашать спорящихся къ примиренію, которое навсегда утверждать комиссія должна. Симъ не только облегчается она въ дѣлахъ, но и укоренять можетъ согласіе людей, вражду миролюбно прекращающихъ.

Члены мои, большое жалованье и столовые деньги получающіе, примѣтили близость конца комиссіи, имъ любезной, будучи при томъ подстрекаемы отъ прежняго ихъ начальника, мѣсто сіе имъ давшаго, и который удостовѣрялъ, что комиссія очень тяжкая, четырнадцать лѣтъ существовать долженствующая, достойна великаго вниманія и милости государственной, и что члены, въ ней находящіеся, несутъ трудъ чрезмѣрный. И такъ, опираясь на мнимую его силу, начали (члены комиссіи) явно противиться моимъ распоряженіямъ: никто ничего

не сталъ дѣлать; на всякомъ шагу споры, голоса; словомъ, совершенная остановка.

Долго я страдалъ, будучи въ недосугахъ по другимъ мнѣ порученнымъ дѣламъ. Нѣсколько времени спорилъ я съ членами, желая имъ доказать пользу отъ скорого окончанія комиссіи; цѣлые дни просиживая въ присутствіи съ ними, видѣлъ невозможность успѣть. Наконецъ многія ихъ непослушанія противузаконныя, въ журналахъ записанныя, представилъ я на разсмотрѣніе министру внутреннихъ дѣлъ, и представилъ ему о порядкѣ, который мнѣ кажется способомъ прекратить споры скорѣе, и сверхъ общаго добра окончить существованіе комиссіи, коей содержаніе не мало денегъ стоитъ.

За споры приказано было военному губернатору Дюку де-Ришелье попенять моимъ членамъ, а о порядкѣ, мною представленномъ, получилъ я именный указъ, коимъ велѣно все то дѣлать, что отъ меня къ министру писано было. Унятые члены и облегченный порядокъ причиною, что съ сентября 1806 года по апрѣль 1807 рѣшено дѣлать 105, разсмотрѣніемъ приведено къ окончанію 116, остается 173, которыя уповаю кончить въ теченіи сего года.

Народъ сдѣлался спокойнѣе и трудолюбивѣе. Примѣръ рѣшенныхъ дѣлъ показываетъ путь къ примиреніямъ. Казна доннынъ бережена отъ общаппыхъ вознагражденій за отчужденныя земли. Всякой входитъ въ черту, справедливостію назначенную.

Распространяясь о дѣлахъ комиссіи, прервалъ я изъясненіе о состояніи губерніи и вообще о дѣлахъ мнѣ порученныхъ; возвращаясь, начну по порядку.

Входя въ состояніе дѣлъ губернскихъ, нашелъ я, что во время войны съ Турками, въ 1787 году наченшей-

ся, переселенные изъ Бессарабіи Ногайцы, коимъ отведена обширная земля по берегу Азовскаго моря до Молочныхъ водъ, будучи управляемы плутомъ Баязеть-беємъ (всѣхъ начальниковъ подарками, подлостями и всѣмъ чѣмъ можно улецававшимъ) разсыпаясь по всѣмъ того края степямъ, производятъ воровства, злодѣйства и причиняютъ совершенное препятствіе умноженію переселенія порядочныхъ людей на обширныя и добраго качества земли Диѣпровскаго и Мелитопольскаго уѣздовъ. Изслѣдуя о томъ подробно, обнаруживаю пакости, представилъ я министру. Доведено сіе до свѣдѣнія государя и поручено военному губернатору генералу Розенбергу⁽⁴⁷⁾, тогда въ Петербургъ пріѣхавшему, войти въ разсмотрѣніе, удалить Баязеть-бея и сдѣлать полезную въ Ногайскомъ народѣ перемѣну.

Розенбергъ, до подарковъ лакомый, былъ знакомъ съ Баязеть-беємъ. Безграмотный сей генералъ мастеръ только былъ подписывать свое имя; имъ управляли секретари (равно какъ и онъ деньги, лошадей и всякаго рода подарки любящіе, съ тою только противу него отмѣною, что имѣли знанія больше, а совѣсти, можетъ быть, меньше). Гордость нѣмецкая, усиленная давностію службы и многими знаками отличія, была подстрекаема и тѣмъ, что, не свидавшись съ нимъ, вступилъ я въ должность, сталъ строго поступать со многими чиновниками, изъ коихъ нѣкоторые имъ опредѣлены были, и пользуясь временемъ его отсутствія и правами, закономъ данными, перемѣнилъ, выгналъ и вновь опредѣлилъ людей въ мѣстахъ полицейскихъ.

(47) См. о немъ въ Запискахъ гр. Комаровскаго, Р. Архивъ 1867, стр. 531, 553 и др. II. Б.

По приѣздѣ въ Крымъ, встрѣча наша была настоящая баталия словесная. По нѣсколькихъ стычкахъ, я сталъ побѣдителемъ. Онъ ретировался; пошли мирные переговоры, и наконецъ приняты взаимно кондіціи, чтобы не слушать никакихъ разсказовъ и не ссориться намъ ни въ чемъ; что мысль, въ его отношеніяхъ содержащуюся, стану я принимать происходящею отъ него; слова же буду понимать происходящими отъ секретаря. Онъ обѣщалъ не мѣшаться въ мелочи, коими усиливаться и ослабляться можетъ моя власть, для утвержденія порядка и правосудія нужная, и содѣйствовать мнѣ будетъ силою довѣренности, которою онъ удостоенъ отъ государя; а я стану обо всемъ къ нему относиться и чтить его, какъ слѣдуетъ начальника.

Поелику сей договоръ не былъ утвержденъ поручительствомъ его секретарей, то лишь разстались мы, былъ нарушенъ. Всѣ приходящія отъ него бумаги были вопреки моимъ представленіямъ. Скоро онъ пожаловался, что опредѣлялъ я чиновниковъ и представлялъ для опредѣленія къ министру безъ его согласія, и исходатайствовалъ повелѣніе у государя, чтобы я представлялъ къ нему объ опредѣленіи и удаленіи отъ должностей чиновниковъ. Потомъ сталъ онъ, или лучше сказать, секретари его брать сторону судей гражданскаго и уголовного суда. Всѣ, мною одобряемые, люди подвергались бѣдамъ, всѣ жъ преданные суду являлись правы. Розенбергъ утверждалъ рѣшеніе, а я былъ долженъ исполнять, ибо противу всякаго дѣла заводить тяжбу нельзя и успѣть не можно. Между тѣмъ сенатору Лопухину при мнѣ начало быть стыднѣе, коего перестали чествовать, встрѣчать и провожать, и коему часто я говорилъ при

многихъ, что пора комиссіи начать свое дѣло, а что безъ того нельзя быть никакому въ губерніи порядку. Все сіе его вооружило противу меня, онъ соединился съ Розенбергомъ, и начали умышлять, какъ бы отъ меня избавиться.

Одобреніе моимъ поступкамъ, похвала отъ министра и полученіе 1-й степени ордена Св. Анны сокращало стараніе. Они явно показывали злобу, но въ тоже время ласкались ко мнѣ и терпѣли слова мои, безъ всякой запинки имъ по правдѣ говоренныя. Въ продолженіи сего времени получилъ я именной указъ, коимъ въ двусмысленномъ штилѣ дозволялось увольнять Татаръ для переселенія въ Турецкія области. Великое число ихъ просилось, и болѣе тысячи душъ переселилось; а въ тоже время переселились къ намъ изъ Турецкихъ областей Булгары и Греки.

Полагая, что сіе есть тайное условіе правительства, я старался содѣйствовать полезной мнѣи, но послѣ открывается мое заблужденіе. Сколько ни писалъ я партикулярно и по формѣ императору, всегда исправно отвѣтствующему, не получилъ отвѣта, должно или нѣтъ увольнять множество Татаръ безъ разбора и опустошать Крымъ. Розенбергъ, симъ воспользуясь, писалъ, что непомѣрная моя строгость разгоняетъ людей и совершенно опустошаетъ край, хотя самъ зналъ, что строгость моя — противу судей и противу воровъ и злодѣевъ, отъ коихъ добрые люди удаляются, а не противу обывателей честно живущихъ; что Татары мною довольны, и что переселенію ихъ причина суевѣріе: Магометъ налагаетъ проклятіе на тѣхъ, которые могутъ присоединиться къ вѣрнымъ и остаются подъ властію невѣрныхъ. Кончилось сіе тѣмъ, что не

приказано увольнять Татаръ безъ разбора, предоставлено оное военному губернатору, и въ самомъ томъ указѣ поступки мои одобрены.

Наскуча безпрестанною подъяческою войною и видя себя не въ силахъ воздерживать безпорядки и беззаконія, писалъ я къ министру, просилъ исходатайствовать увольненіе отъ моей должности. На сіе получилъ очень благосклонный отзывъ, увѣдомляющій, что по повелѣнію государя писано Розенбергу, дабы онъ былъ со мною снисходительнѣе и дружнѣе, и чтобы поприлежнѣе смотрѣлъ за его канцелярією. Мнѣ совѣтовалъ министръ искать его благорасположенія, говоря, что лѣты и прежняя служба даютъ ему право на пожертвованіе съ моей стороны.

Въ сіе время послалъ я отчетъ за управленіе соляною экспедицією. Дѣла мои одобрены, всѣ представляемые мною чиновники награждены, и я получилъ благовольтельный рескриптъ.

Вскорѣ присовѣтуемо Розенбергу попроситься въ отставку. Онъ послушался и отставленъ съ полнымъ жалованьемъ. На мѣсто его опредѣленъ давно мною почитаемый, достойный человекъ Дюкъ-де-Ришелье.

24 Апрѣля 1805 года родился у меня сынъ Николай, а 5 Іюня 1806 г. дочь Марія.

1806 годъ былъ самый для меня тяжкой: я, жена и всѣ въ домѣ моемъ больны, и во всемъ Крыму необыкновенно много терпѣли люди болѣзней, и много померло.

Послѣ Аустерлицкаго сраженія возгордившіеся Французы, водимые умною и честолюбивою головою Бонапарта, начали возмущать Турковъ. По трактату 1791 года, господа Молдавской и Валахской состояли подъ защитою Русскаго императора, и сул-

танъ преждевременно смѣнять ихъ былъ не долженъ. Чтобы разорвать миръ, требуемо отъ Турковъ было ихъ смѣнить, и смѣнены. Россійской министръ и союзный Англійской требовали объясненія и погрозили; Турки струсили, и тотчасъ господарей къ мѣстамъ возвратили. Но между тѣмъ паши Бендерскій и Хотинскій, полагая начальной поступокъ знакомъ неизбѣжной войны, нашли у себя служащихъ офицеровъ, бывшихъ Крымскими Татарами, и у коихъ не мало родни здѣсь остается, отправили ихъ богатою рукою въ Крымъ. По причинѣ существовавшего еще мира, они приняты въ Дубосарскомъ карантинѣ и пропущены. Получа о томъ свѣдѣніе, велѣлъ я рачительно примѣчать за поступками сихъ гостей, и открылъ многія ихъ затѣи, получа въ свои руки письма, привезенныя ими безъ карантиннаго очищенія, въ коихъ двусмысленнымъ образомъ описываемо было благоденствіе живущихъ въ Турецкой имперіи; однимъ словомъ, ясно, что пріѣхали они возмущать Татаръ. Дождавъ пріѣзда Дюка Ришелье, объявилъ я ему о томъ и о намѣреніи взять ихъ подъ караулъ, какъ виновниковъ, обманувшихъ карантинъ, провезя письма въ мѣшкѣ съ ячменемъ, и отправить для слѣдствія въ Херсонскую губернію. Кажется мнѣ, пожалѣлъ онъ чиновниковъ карантинныхъ, могущихъ пострадать отъ дѣйствія сего дѣла; и потому совѣтовалъ мнѣ отпустить ихъ обратно, какъ они о томъ уже и просили, что я и исполнилъ.

Лихорадка отъ часу болѣе разстроивала мое здоровье. Всѣхъ вокругъ себя видѣлъ я въ страдательномъ состояніи. И такъ, посовѣтовавшись только съ женою, написалъ своею рукою прозьбу къ государю, вложая ее въ своеручное письмо къ министру, про-

силъ увольненія отъ службы, и если заслуживаю милость, то съ жалованьемъ.

Сіе прошеніе въ Ноябрѣ мѣсяцѣ 1806 года отправилъ я съ курьеромъ, посланнымъ съ отчетомъ по соляной части, который былъ весьма достоинъ милостиваго воззрѣнія, какъ по причинѣ знатной суммы, въ доходъ поступившей такъ и по увеличенію запаса соли.

Лишь возвратился я изъ Перекопа, получаю извѣстіе, что военный губернаторъ Дюкъ-де-Ришелье со всѣми войсками, въ Крыму и по близости онаго расположенными, выступать въ походъ. Ему вѣлно занять крѣпости Турецкія до берега Дуная. Неизбѣжная открывается война съ Турками. Въ Крыму одинъ только новосформированный мускетерскій полкъ, не обученный и въ которомъ 800 человекъ умерло, а остальные всѣ чуть живы отъ лихорадки, да егерскаго шесть ротъ въ Керчи и Ениколѣ. 73 тысячи душъ Татаръ, на коихъ полагаться можно было не много болѣе, какъ на самихъ Турокъ; отсюду извѣстія о злыхъ отзывяхъ ихъ, и что, по объявленію чиновниковъ, бывшихъ отъ Бендерскаго и Хотинскаго паши присланныхъ, Татары ожидаютъ флотъ Турецкій и готовятся начать возмущеніе. Соображая все, я видѣлъ еще возможность держаться не столько силою оружія, сколько силою уваженія, которое ко мнѣ лично у Татаръ оставалось. Полагая, что Турки въ зимніе мѣсяцы не вышлютъ флотъ въ море, оставалось еще время къ принятію мѣръ, какія только найтись могутъ.

Я на писалъ къ министру, что просилъ я увольненія отъ службы тогда, когда военный губернаторъ и войска были въ прежнихъ мѣстахъ и слѣдовательно видѣлъ я себя ненужнымъ въ

службѣ, но теперь, когда выступилъ онъ съ войскомъ за границу, когда Крымъ остался пустъ, нахожу я, что служба моя здѣсь надобна, и такъ готовъ остаться, если то угодно.

До полученія сего письма написано уже мнѣ было отъ министра, что докладывалъ онъ государю по моей просьбѣ, что его величество желаетъ, чтобы еще продолжалъ я служеніе въ Крыму; и если болѣзнь разстроила мое здоровье, то для поправленія дозволяется мнѣ на нѣсколько времени отлучиться въ Кіевъ или Малороссію. Въ заключеніе требуетъ рѣшительнаго на сіе отвѣта. Я отвѣтствовалъ, какъ то и правда была, что здоровье мое поправляется со времени, какъ начались морозы, и что обстоятельства не дозволяютъ отлучиться. И такъ остаюсь я неподвижно въ Крыму.

По случаю смерти муфтія, на мѣсто коего по указу покойной императрицы поступить былъ долженъ Казы-Ескеръ, я писалъ Дюку-Ришелье, и просилъ его, взявъ на себя, дать мнѣ дозволеніе: собрать именитыхъ людей разнаго сословія магометанскаго закона, представивъ имъ избрать кандидатовъ для представленія государя, кому повѣлно будетъ быть муфтіемъ. Сіе нужно было потому во первыхъ, чтобы вниманіе людей занять домашними предметами, и чтобы удалить Казы-Ескера, человека не способнаго, корыстолюбиваго и всѣмъ сердцемъ Туркамъ преданнаго.

Получа удовлетворительный отвѣтъ отъ Дюка-де-Ришелье, послалъ я позывы всему дворянству магометанскаго закона, духовенству и волостнымъ головамъ, съ коими вмѣстѣ велѣлъ пріѣхать и исправникамъ. Между тѣмъ старался я развѣдывать о людяхъ, спознакомился сперва по слуху, а потомъ и персонально съ братомъ по

койнаго муфтія, человѣкомъ честнымъ. весьма не достаточное состояніе имѣющимъ. Онъ служилъ коллежскимъ ассессоромъ и переводчикомъ по секретнымъ дѣламъ при князѣ Потемкинѣ. Его я намѣтилъ сдѣлать муфтіемъ, гдѣ жалованья 2000 руб. въ годъ и дозволенныхъ доходовъ, когда не въ двое, то столько же.

Кое съ кѣмъ изъ мурзъ поговаривая о семъ, видѣлъ я, что они готовы исполнить по моей волѣ; оставалось малое число закоренѣлыхъ стариковъ, желавшихъ возвести Казы-Ескера, потому только, что онъ старъ и усерденъ къ Туркамъ. Да духовенство, поддерживая свои права, хотѣло его же для того, что каждому бы былъ лучъ надежды быть муфтіемъ. И такъ надобно было заблаговременно стараться о перевѣсѣ на мою сторону, чтобы не остаться въ дуракахъ.

Къ назначенному въ Декабрѣ мѣсяцѣ сроку собралось дворянъ около пятидесяти человѣкъ, духовенства болѣе двухъ сотъ, и 27 волостныхъ головъ, кои совершенно готовы исполнить, что велю. Я предложилъ Казы-Ескеру, должность первосвященника отправлявшему, что изъ уваженія къ благородному дворянству не могу я позволить, чтобы число духовныхъ для избранія кандидатовъ допущено было болѣе, нежели собралось числомъ дворянъ. При томъ же и не могу я помѣстить столь великое множество людей, для балотированія собравшихся; и такъ велѣлъ бы онъ имъ избрать депутатовъ, столько числомъ, сколько есть налицо дворянъ, что исполнено безъ всякаго прекословія, и цѣли онъ не понималъ.

Собравшемуся дворянству, духовенству и волостнымъ главамъ объявивъ причину ихъ собранія, изъясняю сколько нужно избрать муфтіемъ человѣка

честнаго, умнаго и трудолюбиваго (ибо онъ, сверхъ духовныхъ дѣлъ, имѣетъ обязанности раздѣлять имѣніе наследникамъ) и сдѣлавъ многія поученія, которыя охотно они отъ меня слушаютъ, велѣлъ я идти въ мечеть присягать, что приступать и совершать избраніе безпристрастно; потомъ, придя въ назначенной для того домъ, балотировать кандидатовъ и оныхъ представить ко мнѣ; къ надзору за порядкомъ опредѣлили губернскаго предводителя и совѣтника правленія съ небольшимъ числомъ прислужниковъ.

Цѣлой день прошелъ въ прѣніяхъ, кому сколько назначать кандидатовъ для балотированія. Пришли ко мнѣ избранные отъ дворянства, духовенства и головъ, прося разрѣшенія. Я велѣлъ дворянству назначить восемь, духовенству семь и волостнымъ главамъ, яко довѣреннымъ отъ народа, пять кандидатовъ. Позвавъ тотъ день къ себѣ обѣдать человѣкъ тридцать наиболѣе противной партіи сильныхъ людей, старался я, лаская ихъ честолюбію, направлять на путь мною желанный и дѣйствительно для службы полезной.

На другой день таже исторія. И наконецъ пришли депутаты просить именемъ всѣхъ въ собраніи бывшихъ дозволенія не балотировать, а единогласно всѣмъ подписать выборъ въ муфтіи Казы-Ескера, а на мѣсто его коллежскимъ ассессоромъ Миртазу-Челебю. Я отвѣтствовалъ, что сего принять не смѣю; ибо имъ дозволяется избирать кандидатовъ для утвержденія муфтіемъ того, кто угоденъ будетъ государю.

Дѣло кончилось по моему. Мнѣ представлены два кандидата: Казы-Ескеръ и Миртаза-Челебя. Представляя о семъ министру внутреннихъ дѣлъ съ приложеніемъ избирательнаго листа, изъ-

яснялъ я о качествахъ представляемыхъ кандидатовъ и просилъ исходатайствовать званіе муртазы Миртазы-Челеби, а Казы-Ескеру, дабы былъ спокойнѣе, пожаловать подарокъ. На сіе получилъ имянной указъ о утвержденіи Миртазы-Челеби муртазою, а Казы-Ескеру пожалованъ перстень.

Во время бывшаго собранія перво-степенныхъ магометанъ, полученъ манифестъ, коимъ объявляется угрожаемая война отъ Французовъ, и призываются жители пограничныхъ губерній къ усиліямъ для защищенія отечества. Черезъ посторонніе пути я внушалъ честолюбивымъ мурзамъ о возможности получить чины и отличія, а головамъ, что простые Татары, служа какъ иррегулярное войско при арміи, могутъ набогатиться и ввести въ Крымъ сокровища Нѣмецкой земли, подобно какъ на Дону у всякаго есть вещи Польскія и Турецкія, и что всякой Татаринъ, служа въ войскѣ, можетъ за отличіе получить офицерскій чинъ и вознестись въ званіе мурзинское.

Затѣявъ многіе праздники для увеселенія пріѣзжихъ гостей, показывая балы Европейскіе, и всякой день большіе для нихъ обѣды, старался я ихъ продержатъ подолѣе, не говоря самъ никому ничего.

Наконецъ одинъ изъ знаменитыхъ беевъ, болѣе со мною знакомый, заводитъ разговоры о манифестѣ, и наконецъ, какъ бы опасаясь моего несогласія, предлагаетъ, что хотятъ они просить службы. Я отвѣтствовалъ, что намѣреніе очень хорошо; но надобно это сдѣлать порядкомъ и испросить дозволенія. Потомъ, разговаривая откровеннѣе и воображая, что будетъ онъ полковникомъ, какія славныя будемъ мы слышать о немъ вѣсти, съ какими знаками отличія и выгодами онъ воз-

вратится, въ какомъ почтеніи сдѣлается у всѣхъ, какую всѣ нужду имѣть будутъ въ его покровительствѣ, и тому подобное; словомъ, сей молодой человекъ, сдѣлавшись внѣ себя, лишь возвратился домой, осѣдлалъ лошадь, поскакалъ къ уѣхавшему уже въ деревню старику богатѣйшему и почтеннѣйшему изъ Крымцевъ.

На другой день поутру является ко мнѣ депутація отъ мурзъ, во всю ночь совѣтовавшихся, съ предложеніемъ общаго желанія служить при арміи. Похваля ихъ усердіе, я дозволилъ сдѣлать приговоръ дворянской и чрезъ губернскаго предводителя мнѣ представить. Оный я написалъ самъ и чрезъ скрытые пути имъ препроводилъ. Все написано на Татарскомъ языкѣ; переводъ списанъ съ даннаго отъ меня. Я призываю волостныхъ головъ, сказываю имъ о представленіи дворянскомъ. Всѣ единогласно, отъ имени всего народа, объявляютъ желаніе служить. Вѣтренный народъ, какъ и всѣ въ жаркихъ климатахъ, такой огонь показывалъ, что казалось могъ бы я вооружить всѣхъ до единого, и повести на войну, куда хочу.

На другой день приказалъ я всѣмъ собраться ко мнѣ; вступилъ въ странное поле разсужденій, сколь полезно имъ службою войти на ровную степень съ коренными сынами новаго ихъ отечества, гдѣ правленіе кроткое, человеколюбивое и въ разсужденіи многочисленности, обширности и силы мало требующее пожертвованій отъ обитателей. И такъ, предпринимая похвальное и выгодное для нихъ дѣло, надобно обдумать, чтобы исполнено было успѣшно и удостовѣрило бы правительство, что Татары вѣрны и люди хорошіе, и что нынѣшніе не похожи на тѣхъ безпорядочныхъ людей, которые въ прошедшую войну были изъ-

браны для службы въ Польшѣ, не принесли никакой пользы, много стоили денегъ и много безпорядковъ надѣлали. Всѣ единогласно говорили мнѣ, что тогда начальство допустило многіе безпорядки и злоупотребленія, брали взятки съ богатыхъ, дозволяя имъ вмѣсто себя нанимать бродягъ, цыганъ и пастуховъ; и такъ чему же быть доброму; что при моемъ правленіи этого быть не можетъ. Окончилось тѣмъ, что я представилъ министру внутреннихъ дѣлъ приговоръ дворянской; писалъ, какъ сіе дѣло полезно быть можетъ, какъ для арміи, такъ и для спокойствія въ Крыму: ибо дѣти именитыхъ мурзъ и Татаръ, находясь въ отдаленіи, будутъ служить аманатами. Отпустя всѣхъ на собраніе бывшихъ во свояси, рекомендовалъ я приготовляться къ походу; ибо не могъ подумать, чтобы не охотно сіе было принято.

Назнача къ отправленію шесть полковъ, избравъ богатѣйшихъ беевъ и мурзъ полковниками, препоручилъ я имъ собирать охотниковъ, имѣя въ предметъ, что войны жаждующіе обыватели опасны въ краѣ, гдѣ отъ волненія народнаго находится сумнѣніе.

Все было почти исполнено, всѣ полки охотниками изъ горскихъ Татаръ и изъ городскихъ обывателей были укомплектованы; мирные степные Татары, уклоняясь отъ службы, обѣщали дать снабженіе храбрецамъ. Всѣ молодые дворяне записались желающими служить. Ни одной мурзинской семьи не оставалось, изъ коей бы не приготавливался сынъ или племянникъ въ службу.

Вскорѣ за симъ получается манифестъ, повелѣвающій собрать милицію 613 тысячъ человекъ въ теченіи двухъ недѣль. Вещь трудная, но исполненная самымъ дѣйствомъ, и показавшая

ясно духъ Русскаго народа и силу государства. Таврическая губернія въ числѣ многихъ не введена въ составъ милиціи, но ей дозволено добровольными пожертвованіями содѣйствовать общему ополченію. Дворянство, купечество и народъ, при всемъ недостаткѣ и малолюдствѣ, назначили болѣе 200 тысячъ р. Дворянство представило мнѣ, прося исходатайствовать дозволеніе вооружить милицію въ Крыму и внѣ онаго. Крестьяне по волостямъ, сдѣлавъ приговоры, изъявляющіе желаніе служить отечеству, всѣ до единого, стали изготовляться: косы преобразили въ палаши, во всѣхъ кузницахъ вездѣ ковали пики. Всѣ сушили сухари, и въ короткое время вся губернія готова была выступить въ походъ и драться съ непріателемъ. О семъ также чрезъ нарочнаго отъ дворянъ избраннаго депутата представилъ я г. министру внутр. дѣлъ. Чрезъ два мѣсяца получается резолюція, чтобы сформировать регулярные полки изъ Татаръ, въ кои офицеры и шефы будутъ опредѣлены Русскіе по обыкновенному порядку; изъ мурзъ составить лейбъ-сотню для службы при государѣ. О внутренней милиціи выведены справкою дѣла совсѣмъ постороннія, людей огорчающія и исполненію полезнаго препятствующія. И сіе поручено Дюку-Ришелье, съ уполномоченіемъ сдѣлать такъ ли, какъ я представлялъ, или иначе, по его благоразсмотрѣнію. Сіе повелѣніе во время болѣзни Дюка получилъ маркизъ Траверсе, и передалъ его мнѣ къ исполненію, пиша, что и Дюкъ оставляетъ сіе въ полную мою власть.

Разумѣется, что сіе было обидно для меня и унижительно, и могло бы произвести вредное для службы вліяніе, если бы личное ко мнѣ уваженіе отъ моихъ подчиненныхъ не было, какъ

кажется, болѣе нежели къ самому вышнему правительству.

О Татарскихъ полкахъ оригинальное предписаніе министра, волю государя объявляющее, и копію разсужденія, составленнаго для сего комитета прислалъ мнѣ Дюкъ-де-Ришелье при письмѣ, изъясняя, что онъ боленъ, никакихъ дѣлъ производить не можетъ и потому предоставляетъ мнѣ исполнить приказанное. А съ тою же почтою получаю отъ него другое письмо, что по высочайшей волѣ передалъ онъ всѣ препорученныя ему должности адмиралу маркизу-де-Траверсе впредь до его выздоровленія.

Видя, что титулами и чинами отличенные, хитрые Французы, друзья между собою, чувствуютъ невозможность исполнить приказанное и опасаются сказать истину, могущую огорчить министровъ, легко о дѣлѣ судившихъ, и коихъ вредное и для Крыма опасное предположеніе государь одобрилъ, нашелся я въ необходимости взять также свои мѣры. Представя маркизу-де-Траверсе присланныя отъ Дюка бумаги, отозвался я, что, когда ему поручено исправлять его должность, то не осмѣливаюсь я приступить къ сему дѣлу. Онъ требовалъ моего мнѣнія, и очень дружески мнѣ писалъ, общаваясь сообразоваться оному и содѣйствовать къ утверженію моихъ распоряженій. Я написалъ объясненіе противу разсужденій министерскихъ, ясно показавъ неудобство формировать изъ Татаръ регулярные полки подѣ начальство Русскихъ офицеровъ, потому паче, что рѣдкой Татаринъ нѣсколько словъ Русскихъ знаетъ, слѣдовательно и понимать одинъ другаго не могутъ; притомъ же во время, когда войска въ Крыму мало, когда безпрестанно ожидается нашествіе Турокъ, и опасаются возмущенія отъ

Татаръ; то вообразили бы, какія могутъ быть слѣдствія отъ невольнаго опредѣленія Татаръ въ службу имъ неизвѣстную, подѣ начальство людей, коихъ они разумѣть не могутъ, и въ коей не будутъ участвовать мурзы, всегда надѣ Татарами властвовавшіе. При отправленіи сихъ бумагъ, отправилъ я къ маркизу молодого мурзу, сына богатѣйшаго и сильнаго въ народѣ Крымскомъ помѣщика, коего уже нѣсколько образовалъ я, часто при себѣ имѣя, и котораго по моей прозвѣ Дюкъ-де-Ришелье взялъ съ собою во время похода въ Молдавію и Бессарабію. Я просилъ при представленіи своемъ послать сего мурзу на показъ, какіе офицеры съ Татарскими полками быть могутъ.

Маркизь вмѣсто отвѣта отправилъ министру внутреннихъ дѣлъ въ оригиналѣ мое къ нему писаніе и препроводилъ съ своимъ курьеромъ посланнаго отъ меня мурзу. По словамъ его и по послѣдствіямъ видно, что одобрялъ онъ мое мнѣніе, въ слѣдствіе чего посланный мурза былъ представленъ государю: онъ говорилъ съ нимъ, и получено повелѣніе, когда не удобно сформировать регулярные полки, то отправилъ бы Дюкъ-де-Ришелье на службу Татаръ и тѣмъ порядкомъ, какъ я представлялъ.

Въ теченіи сего времени получается секретное увѣдомленіе, что Французское правительство требуетъ отъ Турокъ продолжать оборонительную войну противу Русскихъ войскъ, до берега Дуная дошедшихъ, всѣ жъ силы обратить на Крымъ, безъ войскъ оставленный. Въ слѣдствіе чего одиннадцать линейныхъ кораблей, мѣдью обитыхъ, съ нѣсколькими мелкими военными судами приготавливаются и уже находятся въ каналѣ Константинопольскомъ. На Турецкомъ флотѣ

много офицеровъ Французской службы. Посланникъ генераль Себастьяни распоряжаетъ всѣмъ, и люди всѣхъ націй, Франціи подчинившихся, находящіеся въ Константинополѣ, сажаются на суда со многими числомъ Турковъ для высадки на берега Крыма. У насъ всего шесть кораблей, изъ коихъ три никуда не годятся. Сухопутнаго войска, готоваго къ оборонѣ нѣтъ и двухъ тысячъ человѣкъ.

Анапской паша, получа фирманъ султанской, объявилъ горцамъ о войнѣ противу Россіи; обнадеживанія и пособія были причиною, что вся Кубанская граница сдѣлалась въ огнѣ; нашествія разорили нѣсколько селеній, плѣнили нѣсколько людей. Черноморскіе казаки начали оборонительную войну.

Отъ Евпаторійскаго земскаго исправника получилъ я рапортъ о заговорѣ къ бунту. Двое Татаръ изъ Константинополя въ гости пріѣхавшихъ, будучи здѣшніе уроженцы, предлагали, что вскорѣ прибудутъ къ берегамъ Турецкіе корабли съ высаднымъ войскомъ, коимъ должны магометане содѣйствовать къ истребленію въ Крымѣ Россійской власти. И когда имъ говорено было, что развѣ они не знаютъ, какъ прилежно на поступки всѣхъ примѣчается, и что народъ любитъ губернатора, при коемъ нельзя сего сдѣлать, то объявили они намѣреніе, въ началѣ заманя къ себѣ волостнаго голову имъ сумнительнаго, арестовать или убить; потомъ ѣхать въ ближайшее къ Симферополю селеніе, гдѣ найдутъ они довольно единомышленныхъ имъ людей, съ оными пріѣхать въ городъ, раздѣлясь для всѣхъ непримѣтнымъ образомъ, и выманивъ меня подь какимъ ни есть предлогомъ, отрубить голову, и оную воткнуть на копьѣ, —

ѣхать по всему Крыму бунтовать народъ.

Тотчасъ велѣлъ я послать повелѣніе волостному головѣ, въ вѣдомствѣ коего сіи гости жительствоваали, чтобы явился ко мнѣ; они не послушались, объявляя, что будутъ стрѣлять, если кто силою брать ихъ осмѣлится. Голова, оставя караулъ изъ Татаръ, самъ ко мнѣ явился съ донесеніемъ. Я послалъ исправника съ четырьмя человѣками драгунъ штатной команды и четырьмя казаками; а между тѣмъ отправилъ впередъ засѣдателя изъ знаменитыхъ здѣшнихъ мурзъ, приказавъ объявить жителямъ, что, если они не возмутъ ихъ и не представляютъ, то сочтены будутъ единомышленниками, и я намѣренъ ихъ выслать изъ Крыма въ степныя селенія, и всѣ камни, изъ коихъ избы ихъ построены, разнести; словомъ, не оставить знака деревни.

Мурза, отъ всѣхъ уважаемый, былъ принятъ учтиво, произвелъ страхъ и сдѣлалъ, что жители отыскиали мать сихъ Татаръ, за другимъ мужемъ находящуюся. Ее и всѣхъ ихъ родственниковъ собравъ вмѣстѣ, послали впередъ просить помилованія у запершихся въ каменной и отъ селенія удаленной избѣ воиновъ, увѣряя, что я милостивъ, и если они признаются въ истинѣ доноса, то ничего имъ не сдѣлавъ, вышлю только за границу. Они снисзошли на просьбу, и сельской начальникъ, взявъ ихъ, встрѣтилъ ѣдущую команду.

Когда сіи герои приведены ко мнѣ были, объявилъ я доносъ, не объявляя отъ кого. Они отвѣтствовали, что ничего не знаютъ и будто все то ложное. Отправя ихъ подь стражу на военную гаубвахту, велѣлъ я посадить розно, сказавъ, что покажу имъ людей, кому они что говорили; и такъ подумали бы хорошенько и рѣшились сказать прав-

ду; между тѣмъ, приказалъ сыскать людей на нихъ донесшихъ, которые объявили, что готовы ихъ уличать. При семъ случаѣ видѣлъ я привязанность ко мнѣ народа. Они говорили, что обезпачили, услыша о намѣреніи „тебя убить, нашего милостиваго губернатора“.

На другой день далъ я имъ вопросы пункты, и велѣлъ, не объявляя всѣхъ, вопрошать по порядку, одного за другимъ, и каждаго порознь. Они показали, что въ прошломъ еще году выѣхали изъ Константинополя, съ намѣреніемъ волновать Крымцевъ; знакомство и дружбу наиболѣе имѣли именно съ тѣми людьми, которые доносъ на нихъ сдѣлали; что во время, когда весь народъ собирался на службу при арміи, не осмѣливались они открывать намѣренія, ибо видѣли его усерднымъ къ государю Русскому. Но когда пошла молва, что Татарскихъ полковъ не будетъ, а хотять какіе то на Русской манеръ, то, примѣтя въ народѣ большое неудовольствіе, рѣшились начать свое предпріятіе, ожидая вскорѣ и Турецкаго флота. Меня хотѣли убить для того, что имъ казалось, если народъ увидитъ мою голову на копѣ, то весь поднимется бунтовать. Потомъ одинъ изъ сихъ Татаръ сказалъ переводчику, что имѣетъ еще сказать важное, но никому кромѣ одного меня не скажетъ.

Приглася къ себѣ муфтія, призвалъ я сего Татарина. На вопросъ, что такое объявить мнѣ желаетъ, отвѣтствовалъ онъ, что при свидѣтеляхъ мнѣ не скажетъ. Но какъ я ему сказалъ, что нѣтъ пользы оставаться намъ на единѣ; ибо я по татарски, а онъ по русски не умѣемъ, и такъ не лучшели будетъ объявить муфтію, который въ то время сталъ ему что-то говорить; послѣ сего онъ объявилъ, что, нахо-

дясь въ Константинополѣ, былъ онъ во услуженіи у одного изъ придворныхъ, который при началѣ смутныхъ въ прошломъ году обстоятельствъ представилъ его султану въ домашнихъ комнатахъ.

Султанъ ему сказалъ: «Ступай въ Крымъ, узнай много ли тамъ войска; и узнай, хотять ли Татары служить мнѣ, или хотять быть вѣрны государю Русскому.»—„Итакъ, я сказалъ, зачѣмъ же ты не исполнилъ, что было приказано?“ Онъ отвѣтствовалъ, что онъ духовный, служить Богу, и отъ Него получилъ бы воздаяніе, превзойдя мѣру повелѣнія султанскаго.

По окончаніи разговоровъ и допроса при бытности муфтія, велѣлъ я отвѣсти ихъ на гаубвахту, и объявляя (о чемъ и донинѣ всѣ увѣрены), будто подобныя дѣла долженъ я вмѣстѣ съ подозрѣваемыми представлять военному губернатору, велѣлъ сковать ихъ въ желѣза, и на другой день въ препровожденіи двухъ драгуновъ и двухъ казаковъ отправилъ въ Николаевъ къ маркизу де-Траверсе.

Таковыя происшествія и свѣдѣнія показывали мнѣ надобность отправить изъ Крыма мою семью—единственное мое утѣшеніе. Еще при началѣ смутныхъ обстоятельствъ, предвидя слѣдствія, сталъ я располагать къ тому и разглашать, что обстоятельства домашнія требуютъ, чтобы жена моя повидалась съ ея матерью. И такъ непременно ожидая, что послѣ равноденствія вскорѣ явится Турецкій флотъ, выдумалъ я надобность ѣхать на границу губерніи, чтобы сдѣлать распоряженіе о образованіи милиціи за Перекопомъ и симъ ускорилъ отъѣздъ жены моей, которую могъ проводить 200 верстъ.

За Перекопомъ берегъ Чернаго моря, простираясь до Кинбурна слиш-

комъ на 200 верстъ, имѣтъ во многихъ мѣстахъ хорошія пристани. Тамъ 80 человѣкъ казаковъ находилось для надзора. Неудаленно отъ береговъ имѣются селенія изъ Малороссіянъ. Затѣмъ простирается степь, назначенная для общаго пастбища. По берегу Сиваша и въ глубину степи жительствоуютъ древніе Крымскіе обыватели, Киргизами называемые. Затѣмъ нѣсколько разстоянія незаселенной степи, до рѣки Молочной, отдѣляется жительство Ногайцевъ, въ прошлую войну изъ Бессарабіи переселенныхъ; ихъ числомъ до 9000 душъ. Получилъ я увѣдомленіе, что генераль, командующій войсками у береговъ Дуная, согласилъ до 7000 душъ Татаръ Буджакскихъ, которые ему безпокойны были къ переселенію на Молочныя воды для совмѣстнаго жительства съ Ногайцами, имъ единоплеменными.

Въ послѣднюю войну съ Турками, когда на Кинбурнской косѣ и противу мѣста, гдѣ есть удобство приставать судамъ, находился цѣлый корпусъ регулярныхъ войскъ, но и тогда Турки дѣлали покушеніе, и нѣсколько людей изъ селеній въ плѣнъ взяли.

Разсуждая, хотя теперь не тѣ обстоятельства, у Турокъ нѣтъ Очакова—близкаго къ Крыму пристанища, и до самыхъ береговъ Дуная всѣ мѣста заняты Россійскими войсками; но буде Турецкой флотъ, приближась къ берегамъ нашимъ, выиграетъ, что и не мудрено, морское сраженіе, тогда легко ему будетъ, дѣлая вездѣ безпокойство, воспламенять Татарскіе умы къ мятежу. Ногайцы и вновь переселяемые Буджакскіе Татары, соединясь съ Киргизами, подогнавъ лошадей къ берегу моря, дадутъ пособіе Турецкому высадному войску; оно можетъ распространить бѣду во внутри Россіи.

Къ предупрежденію сихъ происшествій рѣшился я формировать внутреннюю милицію въ Крыму, назначая четыре пункта для содержанія по сотнѣ: два противу мѣста, гдѣ высадка быть можетъ, два при границѣ земли Ногайской и по станціямъ на пути отъ Перекопа къ Бериславлю, на пути отъ Перекопа къ Никополю, и на пути отъ Перекопа чрезъ Геническъ до Молочныхъ водъ. Поставленнымъ на пути къ Бериславлю приказано ничьи табуны не пропускать на земли для общаго пастбища, къ Черному морю простирающіяся, толкуя, что оныя назначены для зимовниковъ, слѣдовательно надобно побережъ траву отъ потоптанія. Таковое повелѣніе далъ я и стражѣ по пути къ Никополю; опредѣленнымъ по пути, къ Молочнымъ водамъ чрезъ селенія Татарскія и Киргизскія лежащему, велѣно примѣчать за поведеніемъ Татаръ, какъ равно и тѣмъ, кои сотнями поставлены при окончаніи ихъ дачи. А сотнямъ близъ Чернаго моря препоручено дѣлать разъѣзды, и коль скоро усмотрятъ приближеніе флота непріятельскаго, обвѣстили бы ближайшихъ селеній жителей, способствовали ихъ удаленію и отгону скота, а паче лошадей, и увѣдомля начальство, примѣчали на дѣйствія непріятеля. Я полагалъ: если высаженные Турки, не встрѣчая препятствія, пойдутъ во внутрь земли для отысканія людей и лошадей и отдалятся на нѣкоторое разстояніе, то при первой усталости и темнотѣ ночной небольшое число вооруженныхъ жителей изъ бывшихъ Запорожскихъ казаковъ, сего рода военныя хитрости знающихъ, побьютъ или прогонятъ. Если же Турки, вышедъ на берегъ, станутъ укрѣпляться, тогда, принявъ осторожность о удержаніи Татаръ, надлежать будетъ регулярнымъ войскамъ (отколѣ

можно ихъ собрать) имѣть съ ними дѣло.

Сіе распоряженіе, въ дѣйство произведенное, представилъ я маркизу; онъ донесъ комитету для внутренней милиціи, въ Петербургъ учрежденному, и получено одобреніе.

До времени равнодѣйствія, Англіійскій адмиралъ, воспользуясь сильнымъ южнымъ вѣтромъ, прошелъ безвредно Дарданеллы, сталъ на якорѣ между Сераля и Семибашенной, показалъ возможность бросать въ султанской дворецъ бомбы, и остановился для переговоровъ столько времени и такъ мирно, что Турки умножили по обѣимъ сторонамъ береговья батареи, и сдѣлали вездѣ печи для каленія ядеръ; словомъ, Англичане сдѣлались будто принужденными возвратиться въ Мраморное море и далѣе. Кажется, побѣждены они не калеными ядрами, а свѣтящимся металломъ. Золотой дождь и въ баснословныя времена много чудесъ дѣлывалъ.

Россійскій флотъ, подъ начальствомъ Сенявина по водамъ Средиземнаго моря плававшій, взялъ Тенедось, устранилъ Турокъ; и потому весь ихъ флотъ съ Чернаго моря возвращенъ въ Дарданеллы для защищенія Константинополя.

Въ Крыму умножено войска. Гарнизонные баталіоны везлись на подводахъ, и къ веснѣ составилось число людей 21.800 человекъ, провіантъ получающихъ; да милиціи, изъ Полтавской и Екатеринославской губерніи, безъ мала 5000 человекъ, кои, хотя не сильно вооружены и не обучены какъ надобно, но всѣ люди, могущіе содержать внутреннее спокойствіе, по крайней мѣрѣ удобные утѣшить Крымцовъ и не дать способовъ затѣять что нибудь вредное.

Маркизь Траверсе, во время своего начальства, принялъ намѣреніе взять Анапу и разорить. Онъ всѣ распоряженія къ тому сдѣлалъ: приказалъ переправиться егерскому полку изъ Керчи въ Фанагорію, приготовилъ артиллерію и велѣлъ флоту (изъ шести кораблей и двухъ фрегатовъ состоящему) выдти въ море. Въ сіе время Дюкъ-де-Ришелье выздоровѣлъ и захотѣлъ самъ дѣйствовать. Отправясь въ Тамань, ожидая прибытія эскадры, прожилъ онъ двѣ недѣли понапрасну: противной вѣтръ задержалъ ее, потомъ буря сдѣлала много поврежденій въ неисправныхъ старыхъ корабляхъ. Эскадра для починки возвратилась въ Севастополь. Между тѣмъ маркизь, все свѣдая, прискакалъ изъ Николаева; починя корабли, запаса все, что нужно, отправилъ; а самъ, будто изъ любопытства быть поближе, поѣхалъ сухопутно къ Керчь; но вмѣсто того, взявъ въ Феодосіи маленькую брику, явился къ флоту, и приватно командуя, поступилъ такъ, что сухопутныя войска, въ недоумѣніи на Болотной Косѣ стоящія, не поспѣли къ дѣлу. Онъ взялъ крѣпость, и морскіе караулы отдали прибывшему сухопутному генералу честь. Крѣпость разорена совершенно подкопами, всѣ жилые дома сожжены и разрушены, и даже изврежденъ колодезь, дававшій всему городу воду.

Всѣ сіи событія успокоили Крымъ. Дюкъ, изъ Анапы возвратившійся, приступилъ къ сформированію Татарскихъ полковъ для отправленія къ арміи. Я былъ постороннимъ въ семъ дѣлѣ, не мѣшался ни во что, кромѣ когда спрашивали моего совѣта; тогда говорилъ что знаю. Въ двѣ недѣли четыре полка сформировано и на службу отправлено; отъ незнанія поставить преграды и отъ скорости допущены

нѣкоторые, малозначущіе безпорядки и злоупотребленія, однакоже полки сіи были въ Таврической губерніи, когда получено извѣстіе о мирѣ съ Французами, а потому Дюкъ приказалъ симъ полкамъ возвратиться во свояси, и мнѣ писалъ, отдавъ на волю, что съ нимъ дѣлать. Я велѣлъ имъ расположиться лагеремъ, каждому полку особенно, смотрѣлъ ихъ и найдя исправными, распустилъ впредъ до востребованія въ дома, приказавъ быть готовыми на службу тотчасъ, коль скоро потребуются. Во всемъ ясно видно желаніе служить, какъ и то, что Татары дѣйствительно народъ военный.

Извѣстно, что Турецкій флотъ разбитъ почти до истребленія, что вице-адмиралъ Сенявинъ завладѣлъ Тенедосомъ и обратилъ на себя все вниманіе Турецкаго правительства; что недовольные янычары взбунтовались, свергли съ престола султана Селима III и возвели Мустафу, что всѣ бывшіе министры Турецкіе лишились головъ; слѣдовательно система правительства испровержена до основанія. Все сіе, постепенно успокоивая волненіе, возвращало тишину Крыму.

Въ іюль мѣсяцъ является въ Севастополь Турецкое судно съ бѣлымъ флагомъ. Оно принесло пашу, привезшаго отъ султана Мустафы фирманъ къ Таярь-бею, коего полагали быть въ Крыму. Датской посланникъ баронъ Гибшъ, въ Константинополѣ пребывающій, по просьбѣ рейсъ-ефендія мнѣ пишетъ, ходатайствуя о увольненіи Таярь-бея, добровольно до войны въ Крымъ пріѣхавшаго. Поелику письмо адресовано было начальнику Крымскому безъ написанія имени, то, не желая въ сіе дѣло мѣшаться, отправилъ я его къ Дюку Ришелье.

Надежить знать: Таярь-бей былъ трехбунчужнымъ пашею, въ Анато-

ліи начальствующимъ, съ столь неограниченною властію, что имѣлъ право жаловать въ двубунчужные пашы. Послѣдній Анапскій паша имъ возведенъ въ сіе званіе изъ переводчиковъ. Когда султанъ Селимъ затѣялъ формировать регулярное войско, Таярь-паша сначала ему содѣйствовалъ; но когда требованія денегъ стали ему дѣлаться тягостны, а отъ часу умножаемое требованіе рекрутъ начало производить въ народѣ неудовольствіе, то рѣшился мѣшкать исполненіемъ таковыхъ приказаній. Султанъ, ожесточась, послалъ лишить его жизни. Но Таярь-бей, о томъ свѣдая, подвергнувъ назначенной ему участи посланцевъ. Послѣдовало повелѣніе давнишнему непріятелю его Юсуфъ-пашѣ, при границѣ Персіи начальствовавшему, исполнить султанскую волю, лиша Таяра-бея жизни, и принять начальство надъ провинціями ему подвластными. Таярь-бей, собравъ войско, вступилъ съ Юсуфомъ въ войну. Долго жребій его оставался въ неизвѣстности. Наконецъ Юсуфъ выигралъ большое сраженіе; Таярь съ малымъ числомъ войскъ, уклонясь отъ сраженія, спасался, и въ это время послалъ любимую свою жену въ Константинополь ходатайствовать о прощеніи. Жена хорошо была принята, то есть приняты подарки съ нею посланные; а затѣмъ послали ее въ заточеніе въ крѣпость на островѣ Родосѣ. Извѣстіе о семъ увеличило опасность и принудило его удалиться съ малымъ числомъ людей въ Абазію къ давнишнему его другу Келешъ-бею Абазинскому, въ крѣпости Сукумъ жителствующему. Султанъ прислалъ чиновниковъ къ Келешъ-бею съ фирманомъ, требуя отдачи Таярь-пашы или головы его. Келешъ-бей отказалъ, говоря, что по древней дружбѣ предковъ

Таярь-паши съ нимъ и предками его не отдастъ его на жертву. Надобно знать, что Келешъ-бей есть владѣлецъ, подъ протекцію Турокъ находящійся, а Таярь-бей четырнадцатый въ своемъ родѣ паша Анатольскій, съ Абазинцами сосѣдствующій. Посланные отъ султана сказали, что придутъ съ войскомъ взять Таярь-пашу; а Келешъ-бей отвѣтствовалъ, что на первой случай готово у него 15 т. человекъ непріятеля встрѣтить.

Во время войны, въ 1787 году наченшейся, отецъ Таярь-паши былъ трехбунчужнымъ пашею Анатольскимъ. Онъ съ цѣлымъ корпусомъ войскъ отдался въ плѣнъ; а Таярь-паша, бывши тогда въ полковничьемъ чинѣ, находился съ Анатольскимъ войскомъ въ Анапѣ, и при взятіи сей крѣпости штурмомъ, взять въ плѣнъ. Оба они долго жили въ Петербургѣ и отъ покойной императрицы были пожалованы землями въ Крыму. И такъ Таярь-паша, будучи помѣщикъ Таврической, и имѣя со многими знакомство и интересныя связи, нашель случай писать и писалъ ко мнѣ и къ Дюку-де-Ришелье изъ Сукума, прося дозволенія пріѣхать. По тогдашнимъ политическимъ обстоятельствамъ не должно было явнымъ образомъ мѣшаться съ сіе дѣло, но, посовѣтовавшись съ Дюкомъ чрезъ пріятелей Таярь-бея, далъ я ему знать, что когда пріѣдетъ въ Крымъ, то за безопасность его я могу отвѣтствовать. Въ слѣдствіе чего во время осени 1806 года, наняли въ Крыму купеческое судно, которое изъ Сукума доставило въ Керчь Таярь-пашу, такъ сначала себя именовавшаго. Лишь получилъ я о семъ извѣстіе, тотчасъ послалъ ему объявить, что пашей въ Крыму нѣтъ и названіе сіе не прилично; что паша есть человекъ Турецкой, коего,

коль скоро потребуютъ, удерживать будетъ не возможно. И такъ совѣтую называться Таярь-беємъ, какъ прежде онъ именовался во время пожалованія земель, и объявить себя помѣщикомъ Крымскимъ, пріѣхавшимъ жить въ своемъ имѣніи: тогда, будучи не обязанъ знать, служилъ ли онъ и чѣмъ въ Турціи, коль скоро поиски будутъ, дамъ я ему, какъ дворянину моего вѣдомства, паспортъ ѣхать далѣе, къ сѣверу или западу. Онъ послушался и безпрекословно сложилъ титулъ необузданнаго льва.

Спознакомясь съ симъ человекомъ, узналъ я, что онъ уменъ и честолюбивъ столько, что весьма можетъ быть Россіи полезенъ. Связи его въ Анатоліи столь крѣпки, что пока онъ живъ, никакая сила прервать не можетъ. Онъ предложилъ мнѣ о желаніи Келешъ-бея быть подданнымъ государя нашего. Крѣпость Сукумъ и владѣніе Абазинскаго князя граничатъ съ Мингрелією. Качество земель его и повиновеніе къ нему народа открываетъ пространное поле къ изобрѣтеніямъ полезнаго для Россіи. Чтобы лучше сіе исполнить; зная великое предъ собою преимущество въ кредитѣ Дюка-Ришелье, совѣтовалъ я Таярь-бею оставить предложеніе до пріѣзда Дюка и подать ему, не объявляя, что мнѣ было подаваемо.

По пріѣздѣ Дюка, представилъ я ему Таярь-бея, какъ дворянина Таврической губерніи и совѣтовалъ поближе съ нимъ познакомиться и поговорить. Таярь-бей подалъ ему исторію своего дѣла, прежде мною чтенную, гдѣ упоминается, что Келешъ-бей желаетъ вступить въ подданство со всѣмъ своимъ народомъ, просить чина Россійскаго себѣ и старшему своему сыну. Дюкъ, не показывая мнѣ бумаги, сказывалъ только кое-что о

содержаніи ея. Я, притворяясь, будто ничего не зналъ, побранивалъ Таярь-бея, для чего ничего мнѣ о томъ не сказалъ; но между тѣмъ, говоря правду, сколь сіе можетъ быть полезно для Россіи, совѣтовалъ представить государю одобрительнымъ образомъ. Вотъ состояніе — надобно мошенничать; но я думаю, что не подло, когда собственной корысти притворствомъ не доискиваешься.

Велѣдствіе представленія Дюка-де-Ришелье, Келешъ-бей пожалованъ генераль-лейтенантомъ и назначено ему жалованье по ¹⁰/т. левковъ. Старшій сынъ его полковникомъ съ жалованьемъ по штату. Министръ иностранныхъ дѣлъ ⁽⁴⁸⁾ писалъ къ Дюку, что государь поведеніе его и мое одобрилъ, и препоручаетъ мнѣ имѣть надзоръ за поступками Таярь-бея, способствовать сношеніямъ его съ Анатольцами, но только знать, къ кому онъ и что пишетъ. Ему велѣно было давать на содержаніе по пяти сотъ рублей на мѣсяцъ, не объявляя приказанія о семъ государева, а дать видъ, будто бы Дюкъ Ришелье по власти, ему данной, то даетъ произвольно.

Чтобы надежнѣе исполнить сіе препорученіе, далъ я разумѣть Таярь-бею, что полезно бы ему было основать свое пребываніе въ Симферополѣ, а чтобы дѣйствительно онъ сіе сдѣлалъ, нанялъ, а потомъ купилъ я въ казну домъ его въ Бакчисараѣ, отъ отца доставшійся, и согласилъ домъ купить въ Симферополѣ.

Чтобы знать о всемъ, что происходитъ въ его домѣ и съ кѣмъ онъ заедается, предложилъ я находящемуся при мнѣ переводчику, давно Таярь-бею знакомому, пойти въ отстав-

ку и наняться служить у него домашнимъ переводчикомъ. Произведя желаніе въ Таярь-беѣ имѣть его, склонилъ обнадеживаніемъ, что если будетъ мнѣ вѣренъ, скорѣе доставлю я ему офицерскій чинъ.

Черезъ сего переводчика дѣлаюсь часъ отъ часу съ нимъ дружнѣе. Часто видаясь, сдѣлались мы откровенны. Много разнаго вздора говоря, началъ я потрогивать его амбицію, говоря: какъ дѣлается теперь въ свѣтѣ, что государи сильные, не могли владѣть отдаленными землями, сотворяютъ себѣ подобныхъ государей, сначала на генераль-губернаторовъ похожихъ, но которые послѣ дѣлаются могутъ имъ равными; и что мнѣ кажется, полезно бы для Россіи было сдѣлать его самовластнымъ въ Анатолиі. Таковыя слова, изрѣдка и какъ бы не умышленно вырывавшіяся, видѣлъ я, что производятъ сильное въ немъ движеніе. Заклуча, что эта мысль давно у него въ головѣ вприлилася, сталъ я почаще входить въ разговоры. Отзывы его были всегда одинаковы, что онъ не хочетъ и не можетъ сдѣлаться владѣльцомъ, а лъзя бы было ему, имѣя Россійское войско, будучи удостоену чиномъ Россійскаго генерала, отправиться на Россійскомъ флотѣ къ крѣпости Сампсонъ, гдѣ много имѣетъ онъ людей ему приверженныхъ. Тамо, собравъ войско, объявилъ бы онъ народу протекцію Русскаго императора, и во имя его покоряя Анатолию, скоро бы соединился съ генераломъ Гудовичемъ, въ Персіи близъ Анатольскихъ границъ находящимся. Между таковыми разговорами, сказывалъ онъ мнѣ, что въ Анатолиі находился во время его начальства и теперь пребываетъ Французскій консулъ, имѣющій чинъ генерала; что сказывалъ онъ ему о

⁽⁴⁸⁾ Баронъ Будбергъ. И. Б.

возможности доставить Французское войско въ Антекію, что при границѣ Сиріи, будто для пособія Туркамъ, содержащимъ немалое число военныхъ людей въ Анатолиі для безопасности отъ нападенія Русскихъ, въ Персіи находящихся. Хотя видѣлъ я, что сіе вздоръ, что Французы, думая заманить Турковъ видами противу Россіи, хотять ввезя въ Сирію войско пуститься въ Индію для раззоренія Англійскаго тамъ богатства; однакоже счелъ я за нужное увѣдомить министра внутреннихъ дѣлъ о моихъ разговорахъ съ Таярь-беємъ, и что полезно бы было подумать о семъ, и чрезъ Таярь-бея дать хорошій ударъ Туркамъ, и для того призвать его для объясненія въ Петербургъ.

Партикулярное мое письмо, о комъ ни одинъ человекъ не зналъ, министръ представилъ государю. Вскорѣ за тѣмъ получилъ я повелѣніе отправить Таярь-бея въ Петербургъ, куда и поѣхалъ онъ въ Мартъ 1807 года.

Таярь-бей не засталъ государя въ Петербургъ: онъ поѣхалъ къ арміи, противу Французовъ въ Пруссіи находящейся. Дожидаясь долго, былъ онъ въ неизвѣстности. По окончаніи войны, въ Іюль мѣсяцъ государь возвратился. Таярь-бей присягнулъ на подданство, получилъ чинъ атамана, но потомъ вскорѣ получается извѣстіе о сверженіи съ трона султана Селима и о возведеніи Мустафы, который призываетъ Таярь-бея обратно.

Таярь-беевы обстоятельства совершенно тогда перемѣнились. Султанъ Мустафа персонально ему пріятель и получалъ отъ него многія пособія денежные. Великій визирь—вновь опредѣленный—изъ числа людей, бывшихъ подъ начальствомъ и облагодѣтельствованный Таярь-беємъ. Всѣ мини-

стры ему друзья, прежніе его непріатели всѣ истреблены во время бунта. Юсуфъ-паша, съ нимъ враждовавшій, будучи визиремъ при Селимѣ, отказавъ дать денегъ Мустафѣ, имъ ненавидимъ, и уже данъ фирманъ о снятіи его головы. Три посольства, одно за другимъ, отправлены съ султанскими фирманами къ Таярь-бею. Великое множество писемъ, отъ разныхъ придворныхъ людей и чиновниковъ полученныхъ, подлостію ихъ ясно показываютъ его знаменитость.

Удовлетворяя желанію Таярь-бея, государь имѣлъ съ нимъ свиданіе въ кабинетѣ. Одинъ только переводчикъ былъ свидѣтелемъ ихъ разговора. Отпущенный съ награжденіемъ деньгами и подарками, получившій отъ Россійскаго императора жалованье по ¹²/т. руб. въ годъ, отправился онъ въ Турцію. Маркизь Траверсе приготовилъ ему военное судно въ Николаевѣ, и взявъ туда же посланцомъ явившагося въ Крымъ пашу, судно его и весь экипажъ, намѣренъ былъ отправить оттолъ Таярь-бея. Но онъ сего не захотѣлъ, и писалъ ко мнѣ, что непременно хочетъ видѣться со мною.

Полагая увидѣть человека, сообразно обстоятельствамъ его перемѣнивашагося въ поведеніи со мною, я ошибся. Тотчасъ явясъ ко мнѣ, показалъ онъ больше прежняго мнѣ учтивости, и говорилъ, что почитаетъ меня какъ отца, хочетъ всегда слѣдовать моимъ наставленіямъ. Онъ готовъ былъ сказать мнѣ весь его разговоръ съ императоромъ, но я совѣтовалъ тайно говоренное не сказывать никому. Между многихъ разговоровъ узналъ я, что государь далъ было ему письмо къ султану Мустафѣ, но послѣ взялъ обратно; что увѣ-

ренъ онъ, что, извѣся султану о состояніи политическихъ дѣлъ, сдѣла-етъ ихъ такъ дружными съ государемъ, какъ братьевъ; однимъ словомъ, ясно кажется то, что миръ съ Французами есть дѣйствіе принужденное, что опасность не исчезла, но увеличилась, и что того и гляди, опять придется приниматься за милицію и напряженіе всѣхъ силъ.

Соображаясь съ таковымъ понятіемъ о состояніи дѣлъ, далъ я разумѣть Таярь-бею, что Турція на востокъ то что Данія на западъ: сильныя дерутся и хотятъ захватить во власть ворота, которыхъ старинные приворотники укараулить не могутъ. Индія есть магазинъ съ сокровищемъ. Обереженіе и раззореніе ея суть предметъ, для коего и истощаются силы двухъ равносильныхъ державъ; равенность ихъ силъ, можетъ быть, долго не дастъ намъ видѣть паденіе того или другаго. Турція, будучи морская и сухопутная держава, и въ обѣихъ сихъ частяхъ до истощанія ослабѣвшая, не можетъ противустать ни тому ни другому. Ей надобно держаться крѣпче къ Россіи. Пусть у Египта дерутся Англичане съ Французами: уже ей перестало быть стыдно видѣть театръ войны у себя. Образъ правительства таковъ, что сіе не много значить, лишь бы Константинополь и земли со стороны Россіи были неколеблемы. Въ разсужденіи собственно Таярь-бея, онъ мнѣ объявилъ по секрету, что назначается ему мѣсто капитанъ-паша согласно давнишнему его желанію, потому что сіе званіе въ Турціи значить много, великіе даетъ доходы, мало дѣла, и дѣлая его придворнымъ военнымъ человѣкомъ доставляетъ возможность каждадневно видѣть султана. На сіе я ему совѣтовалъ: принять предлагаемую должность, ностараться скло-

нить султана позабыть прежнюю гордость его предмѣстниковъ и согласиться имѣть своихъ министровъ при дворахъ, наиболѣе вліяніе имѣющихъ на дѣла Турціи. И такъ, чтобы онъ, въ качествѣ полномочнаго посла, пріѣхалъ въ Россію и старался, елико можно, сблизить интересы Россійскаго и Турецкаго дворовъ, сдѣлавъ добровольной раздѣлъ земель такъ, чтобы и впредь не было причины къ войнамъ; а между тѣмъ, поелику жить подъ законами Турецкими трудно человѣку, не совсѣмъ предопредѣленію вѣрющему и нѣскольکو на разумъ полагающемуся, то стараться склонить султана къ согласію—дозволить ему Таярь-бею укоренять имѣніе въ Крыму, что можетъ быть приглашено и съ политическими видами обѣихъ государей; а потомъ, покупая здѣсь земли, населять ихъ изъ Анатолии и прочихъ странъ людьми работающими, какъ-то: Армянами, Булгарами и Греками. Слѣдовательно, когда-бы случилась ему надобность удалиться, имѣлъ бы безопасный уголь, гдѣ спокойною жизнію можетъ наслаждаться. Да и безъ того, наскуча коловратностію свѣта, не захочется ли здравомыслящему человѣку, удовлетворя горделивости своей, удовлетворя всѣмъ надобностямъ для житія по привычкамъ, собравъ все свое семейство къ тихому пристанищу, ожидать спокойно воли Божіей, долженствующей воззвать насъ къ уничтоженію и возрожденію?

Разсужденія мои весьма нравились Таярь-бею. Онъ часто, съ наполненными слезъ глазами, вставъ со стула, благодарилъ меня, повторяя, что чтить меня какъ отца. Путешествіе и пребываніе въ Петербургѣ столько научили его говорить по русски, что мы все сіе говаривали безъ свидѣтелей.

Болѣе недѣли прожилъ онъ въ Симферополѣ, каждадневно со мною ви-

даясь. Наконецъ, предъ отъѣздомъ, зная, что собираюсь ѣхать въ Петербургъ, что фурка у меня не мудреная, время осеннее наступаетъ, присылаетъ онъ ко мнѣ бывшаго моего переводчика объявить, что не осмѣливается прислать, а просить, чтобы согласился я принять его карету дорожную, въ которой пріѣхалъ изъ Петербурга, и которая теперь ни на что ему не нужна. Освѣдомясь, что заплатилъ онъ за нее 1500 руб., а столько денегъ у меня нѣтъ, хотя хотѣлось бы побережь себя, но я отказался сколь потому, что стыдно: отъ роду ни у кого ничего не бралъ, да и по политическимъ видамъ казалось мнѣ не должно. По природѣ скупой человѣкъ, но иногда только по капризамъ щедръ бывающій, вѣроятно больше почтетъ человѣка, который никогда ничѣмъ отъ него не корыстовался и никакой собственной пользы отъ него не хочетъ. Послѣ сего при свиданіи я сказалъ ему откровенно, что, принявъ его подарокъ, лишился бы я пріятнѣйшаго мнѣ чувства любить его, потому что мнѣ было бы тогда стыдно.

Переводчику, отъ меня къ Таярьбею перемѣстившемуся, сбылось мое обѣщаніе, гораздо болѣе ожиданнаго. По представленію моему къ министру, гдѣ, сказавъ всю правду, просилъ я ему офицерскаго чина, онъ пожалованъ губернскимъ секретаремъ. И Таярьбей при отъѣздѣ подарилъ ему свой домъ, за который заплатилъ 4000 рублей, со всею въ немъ мебелью и посудой, и еще деревню, приносящую до 500 руб. дохода; слѣдовательно fortuna его сдѣлана...

Въ теченіе сего времени собственные мои обстоятельства: имѣнія нѣтъ, жена брюхатая поѣхала съ дѣтьми къ ея матушкѣ. Слухи, что она на нее сердита, оказались несправедливы

Пріемъ и вхожденіе въ обстоятельства мои доказали чувства материнскія. Свѣдая, что до 3000 р. на мнѣ долгу, она дала деньги, и я ихъ получилъ изъ Петербурга. Женѣ моей также assignовала получить въ Петербургъ 3000 руб.; слѣдовательно сберегла ее отъ нужды. А при томъ еще вздумала ей купить деревню, цѣною вдвое больше нежели дала приданаго другимъ двумъ дочерямъ. Получаю о семъ свѣдѣніе, я писалъ, прося умирить милости до степени справедливости.

Въ Сентябрѣ 1807 получилъ я повелѣніе пріѣхать въ Петербургъ. Графъ Кочубей партикулярнымъ письмомъ меня увѣдомилъ, что предположено опредѣлить меня генераль-провіантмейстеромъ. Черезъ два дня отправясь въ путь, получилъ на дорогѣ свѣдѣніе, что 1-го Октября жена моя родила дочь Екатерину.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, былъ я принятъ съ великою отъ всѣхъ ласкою. Доброе о мнѣ мнѣніе государя распро страняло доброе расположеніе всѣхъ господъ, знатными называемыхъ.

Въ послѣднихъ числахъ Октября 1807 послѣдовалъ указъ о опредѣленіи меня генераль-провіантмейстеромъ, и велѣно поставить въ спискахъ въ томъ же мѣстѣ, гдѣ находилось имя мое до отставки. Всякое дѣло судится по образу мыслей того времени, когда оно въ ходу. Сія милость была великимъ доказательствомъ особеннаго ко мнѣ благорасположенія. Государственному казначею повелѣно производить мнѣ столовыя деньги по 250 р. на мѣсяцъ. И чрезъ Василя Степановича Попова пожаловалъ мнѣ государь 10,000 руб., приказавъ объявить, что это не награжденіе, ибо я стою больше, но что зная о недостаточномъ моемъ состояніи, присылаетъ мнѣ на начальное заведеніе дома; и приказывая жить пристой-

нымъ званію моему образомъ, обнадеживалъ и впредь дѣлать подобныя по-
собія.

V. Служба въ должности генералъ-провіантмейстера.

28 октября 1807 года.

Вступя въ званіе генералъ-провіантмейстера, сдѣлался я обязанъ быть государственнымъ человѣкомъ, долженствующимъ знать всѣ политическія связи и дальнѣйшія намѣренія государя, соображать ихъ со способами, зависящими отъ помѣстности обширной Россійской имперіи, и предупреждая начала дѣйствій, превышающихъ мѣру возможностей нашихъ, докладывать предварительно, что и когда предпринято и совершенно быть можетъ; ибо Россійская имперія на всѣ прочія въ свѣтѣ непохожа: обширность, разность климата, малолюдство, недостатокъ просвѣщенія, въ слѣдствіе коего худо еще образованная хозяйственная часть, дѣлаютъ невозможнымъ безъ надсady всѣхъ государственныхъ силъ предпринимать и совершать скоро все то, что посредствомъ людей послѣдняго класса исполняется добровольно.

Произшествія въ минувшихъ временахъ доказываютъ, что сила Русскаго оружія всегда вездѣ все сломляла, но недостатокъ продовольствія войскъ останавливалъ успѣхъ и принуждалъ обращаться къ требованіямъ умѣреннымъ.

Столичной городъ и большая часть границъ, при коихъ Россія должна содержать воинскую силу, окружаются мѣстами, не изобилующими хлѣбомъ. Водяная коммуникація доставляетъ его изъ среды государства. Пространство, разность и во многихъ мѣстахъ суровость климата и несоразмѣрность есте-

ственной возможности съ надобностію требуютъ благовременныхъ распоряженій и дѣйствій искусныхъ.

Не задолго предъ симъ два раза подъ-
емлемое оружіе противу Французовъ причинило важныя разстройкі въ государственныхъ финансахъ, и что всего важнѣе, унизило нашу славу и показало свѣту побѣжденными; а все сіе дѣйствительно отъ худаго распоряженія провіантской части.

Во время, когда опредѣленъ я былъ генералъ-провіантмейстеромъ, часть провіантская находилась въ совершенной разстройкѣ и доходила къ конечному упадку.

Въ концѣ 1806 года все воинское ополченіе обращено было къ границамъ Пруссіи для остановленія успѣховъ все побѣдившаго Французскаго оружія. Не только армейскіе полки, но почти всѣ гарнизоны внутренніе сдвинуты съ своихъ мѣстъ и поставлены къ границамъ для обороны. Гвардія вся находилась за границею; въ Петербургѣ почти совсѣмъ не оставалось войска. Начальство, подумавъ, будто такое напряженіе силъ надолго продолжиться можетъ, изыскивая ближайшія средства для продовольствія войскъ въ Пруссіи, отправило изъ Петербурга, изъ Риги и изъ всѣхъ приморскихъ, пограничныхъ мѣстъ хлѣбъ, который, различными способами тамъ исчезнувъ, домой не возвратился. Между тѣмъ въ іюнь 1807 года заключенъ въ Тильзитѣ миръ съ Французами. Войска наши всѣ возвращаться стали чрезъ мѣста, оставленные безъ запасовъ, гдѣ земли не хлѣбородны и неурожаи два года причинили и для жителей голодъ.

Разумѣется, сіи событія были тягостны для провіантской части и послужили къ совершенному истощанію капиталовъ. Накопляющіеся долги ис-

кореняли кредитъ, и безъ того злоупотребленіями и худымъ распоряженіемъ надсаженный.

Возвышеніе на все цѣнѣ было слѣдствіе неминуемое, коего слѣды, продолжаясь надолго, искореняють государственное богатство и развращають земледѣльца, привыкающаго цѣнить избытки свои и трудъ выше мѣры, справедливою указанныхъ

Въ слѣдствіе Тильзитскаго мирнаго трактата сдѣлалась Россія непріятельницею Англіи и обязанною требовать отъ Швеціи, чтобы и она намъ послѣдовала. Во время продолженія кабинетскихъ сношеній войска наши умножались въ Петербургѣ и составили число больше нежели вдвое того, какое когда нибудь бывало.

Намѣреніе, въ послѣдствіи открывшееся, прикрываемо было желаніемъ имѣть много войска для парада въ день Крещенія на Иорданѣ.

Видя настоящее положеніе дѣлъ, видѣлъ я опасность моего состоянія. Поставленный на степень знатнаго чиновника, оставленъ я былъ въ ничтожествѣ: подчиненъ дѣйствительному тайному совѣтнику В. С. Попову, который, достигнувъ до знаменитости, сохранилъ въ себѣ качества природнаго его состоянія. Всѣ бояре, чрезъ коихъ бы я могъ довести до свѣдѣнія государя обстоятельства дѣлъ моихъ, мало дѣлъ понимаютъ и ни о чемъ, кромѣ рабственнаго угожденія, не думаютъ. Оставалось мнѣ подличать, и ползая въ передней ихъ, домогаться личнаго къ себѣ благорасположенія, принятія участія въ дѣлахъ моихъ и доставить мнѣ возможность объясняться съ государемъ. Но сіе могло ли бы исполниться или нѣтъ, неизвѣстно; а на ползаніе тратилъ бы я время, для дѣйствительныхъ дѣлъ неминуемо нужное. И такъ, положась на власть

Божію, пошелъ я прямымъ путемъ, взявъ намѣреніе испросить увольненіе отъ службы, при первомъ удобномъ случаѣ; и сіе поистинѣ не для того, чтобы себя я берегъ, но потому, что авось выборъ падеть на человѣка искуснаго и по связямъ своимъ могущаго быть ближе къ государю.

Освидѣтельствуя дѣла экспедиціи и С.-Петербургскаго провіантскаго депо, выведя математическимъ расчетомъ невозможность продовольствовать наличное число войскъ до времени, когда водяною коммуникаціе привезется свѣжій хлѣбъ (а сѣна совершенно нельзя было достать столько, сколько нужно для лошадей, въ Петербургѣ сведенныхъ) написавъ докладную записку подалъ г. Попову, а вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ исходатайствовать мнѣ увольненіе отъ должности, превышающей мѣру силъ моихъ и способовъ свѣтскихъ. Онъ, прочитавъ записку и возвращая мнѣ ее, съ жаромъ говорилъ, что на первомъ шагу стараюсь я, пріискивая затрудненія, дѣлать противное государю. Но я, записку положи на его столъ, сказалъ, что если за сіе предварительное о трудностяхъ объявленіе государь прогнѣвается и меня накажетъ, то буду я считать такимъ точно несчастіемъ, какъ случается быть убиту громомъ; но буде допущу до времени совершеннаго разстройства, ничѣмъ поправленнымъ быть не могущаго, тогда по совѣсти долженъ буду подписать самъ себѣ смертную казнь. И такъ воля его—сдѣлать изъ той записки, какое онъ хочетъ употребленіе; но я уже въ таковой же силѣ послалъ рапортъ военному министру г. Вязмитинову (который находился тогда въ совершенномъ упадкѣ кредита и отъ дѣлъ былъ удаляемъ).

Въ докладной запискѣ представлялась невозможность продовольствовать

войска въ столицѣ и Финляндіи. Предлагалось помѣстить ихъ на зимнія квартиры, по разстоянію верстъ до 400 отъ Петербурга, гдѣ хлѣба и фуража достать можно: несѣдненное останется въ цѣлости къ веснѣ, когда войска для обороны береговъ понадобятся. Въ той же запискѣ упоминалось между прочимъ, что, оставаясь о дальнѣйшихъ намѣреніяхъ въ неизвѣстности, примѣчаю я движеніе войскъ къ Финляндіи; а потому считаю нужнымъ побывать тамо, видѣть обстоятельства отъ помѣстности зависяція и посоветоваться съ губерискими начальниками о способахъ составить подвижные магазины, безъ коихъ не можетъ существовать войско во время войны дѣйствующее. На сіе получилъ я на другой день письмо отъ г. Попова, гдѣ въ короткихъ словахъ объявляетъ, что государь по прочтеніи моей записки соизволяетъ на отъѣздъ мой въ Финляндію.

Побывая въ Финляндіи, удостовѣрился я о томъ, что зналъ предварительно. Земля изпещрена озерами, лѣсами и скалами кремнистыхъ утесистыхъ горъ. Жителямъ для собственнаго ихъ пропитанія недостаетъ своего хлѣба. Народъ лѣнивъ и скуденъ. Во всей Финляндской губерніи считалось до 7000 лошадей малосильныхъ. Недобство дорогъ причиною, что повозки у нихъ двуколесныя, на коихъ по мѣрѣ силъ лошадей ихъ не возятъ и двадцати пудъ тяжестей.

Возвратясь изъ Финляндіи, не видя и не слыша ничего о перемѣщеніи войскъ, подавъ я другую записку, гдѣ, повторяя о трудности продовольствія, изъяснялъ, что, если вскорѣ не уменьшится число войскъ изъ Петербурга и его окрестностей, то ко времени военныхъ дѣйствій не будетъ у насъ ничего нигдѣ ни за какую цѣну; при

чемъ просилъ удостойть меня знаніемъ, какой образъ войны ожидать можно; если наступательной, то объявлялъ какія мѣста для заведенія запасовъ почитаю я удобными, а если оборонительную войну вести будемъ, тогда совѣмъ другія мѣста для усиленія запасами предполагалъ. Таковаго свѣдѣнія просилъ я съ рѣе, ибо зима была почти уже на половинѣ, слѣдовательно мало оставалось возможности дѣйствовать безъ чрезмѣрнаго возвышенія цѣнъ и безъ употребленія средствъ чрезвычайныхъ. На сію записку словесное получилъ я объявленіе чрезъ г. Попова, что государь назначилъ главнокомандующимъ арміею генерала-графа Буксгевдена, который вскорѣ ожидается въ Петербургъ; съ нимъ вмѣстѣ сдѣлается распоряженіе о движеніяхъ, и чрезъ него мнѣ объявится планъ будущихъ операцій.

Вскорѣ затѣмъ послѣдовало войскамъ повелѣніе идти на зимнія квартиры; даже лейбъ гусаръ перемѣстили изъ Петербурга въ Ладогу; въ четырехъ драгунскихъ полкахъ, изъ Петербургскихъ магазиновъ довольствованныхъ, нашлось много лошадей прилипчиво больныхъ; ихъ, для уменьшенія расхода на фуражъ, перестрѣляли, а полки перемѣстили сходно моему представленію.

13 генваря 1808 года военный министръ Вязмитиновъ отставленъ, и на его мѣсто опредѣленъ графъ Аракчеевъ. Г. Поповъ остался не надолго докладчикомъ и командующимъ по провіантской и комиссаріатской части. Довѣренность къ новому министру, сообразная властолюбивому его праву, вскорѣ испровергла и поглотила все вліяніе на военную часть всѣхъ государя окружающихъ чиновниковъ.

Во время, когда всѣ сіи перемѣны совершались, пріѣхалъ въ Петербургъ

графъ Буксгевденъ. Къ нему я тотчасъ явился, но никакого удовлетворительнаго отвѣта не получилъ. Отзывамъ его я вѣрю, что и самъ онъ, да и никто, не зналъ, какія послѣдствія быть могутъ отъ продолжительныхъ кабинетскихъ переписокъ и объясненій съ министромъ Шведскимъ. Между тѣмъ, получилъ я отъ г. Попова письмо, гдѣ по повелѣнію государя предписываетъ мнѣ назначить провіантскихъ коммиссіонеровъ къ дивизіямъ, армію графа Буксгевдена составить должествующимъ, опредѣлить главнаго при арміи коммиссіонера и дать главнокомандующему письмоводителя по провіантской части. Все сіе исполня, представилъ я людей сихъ графу Буксгевдену, просилъ отъ него дальнѣйшихъ свѣдѣній о заготовленіяхъ для путевого войскъ продовольствія; но также какъ и прежде остался неудовлетвореннымъ.

Тотъ же день ввечеру получаю я письмо отъ графа Буксгевдена, коимъ увѣдомляетъ, что по высочайшему повелѣнію предписалъ онъ полкамъ трехъ дивизій выступить въ походъ; требуетъ доставить имъ продовольствіе на пути, обнадеживая, что маршруты ихъ въ слѣдъ за симъ ко мнѣ доставить.

На другой день поутру рано, приѣхавъ къ графу Буксгевдену, выговаривалъ я о неудобности удовлетворить его требованію; но онъ отзывался, что маршруты сочиняетъ генераль-квартирмейстеръ и представить еще къ апробаціи государя, что и самъ онъ знаетъ только, что полки сіи пойдутъ къ границамъ Шведскимъ, но какими дорогами не извѣстенъ.

Не оставалось другаго средства, какъ отпустить деньги для путевого войскъ продовольствія и истребовать, чтобы провіантъ, сколько въ своихъ

обозахъ и на солдатскихъ плечахъ помѣстить можно, взяли полки изъ тѣхъ мѣстъ, отколѣ они выступаютъ. Вскорѣ за симъ уволенъ г. Поповъ отъ дѣлъ провіантскихъ, и я поступилъ въ совершенную зависимость къ графу Аракчееву.

Чтобы удобнѣе объяснить происшествія, въ послѣдствіи времени со мною бывшія, надлежитъ описать происхождение графа Аракчеева, характеръ его и побочныя обстоятельства, вредившія мнѣ въ понятіи сего многомогущимъ бывшаго боярина.

Родился онъ отъ бѣдныхъ родителей. За обученіе его Россійской грамотѣ и ариметикѣ заплачено, какъ самъ онъ сказывалъ, одна четверть ржи и двѣ четверти овса. Потомъ отданъ въ Артиллерійскій кадетскій корпусъ, гдѣ за прилежаніе и отличное знаніе артиллерійской науки сдѣлался извѣстенъ своему начальнику, который по выпускѣ въ офицеры оставилъ его при корпусѣ и взялъ на послѣдокъ къ себѣ въ адъютанты. Предъ возшествіемъ государя Павла 1-го на престолъ, просилъ онъ артиллерійскаго начальника дать ему исправнаго офицера освидѣтельствовать его артиллерию въ Гатчинѣ. Аракчеевъ былъ посланъ, понравился и оставленъ въ Гатчинѣ. При восшествіи госуда Павла 1-го на престолъ, Аракчеевъ является на сцену знатнымъ господиномъ, произведенъ въ генераль-маіоры, назначенъ комендантомъ города Петербурга и командиромъ гвардіи Преображенскаго полку, и на послѣдокъ главнымъ командиромъ всей артиллеріи. Неусыпное прилежаніе къ должности сего чловѣка, исправное исполненіе всѣхъ приказаній, а наипаче строгихъ, было способомъ къ полученію всѣхъ отличій и личныхъ милостей. Онъ пожалованъ сперва барономъ, а потомъ

графомъ. Дано ему двѣ тысячи душъ по его выбору, домъ, деньги, вещи, словомъ, скорыми шагами доведенъ до всего, что знатнымъ при самодержавныхъ государяхъ человѣкомъ дѣлается. Но въ послѣдствіи тотъ же жестокий нравъ, на которомъ взлетѣлъ онъ къ высотѣ, спустилъ его. Государь прогнѣвался, его отставилъ, какъ онъ уже и былъ, генераль-лейтенантомъ. Графъ Аракчеевъ поѣхалъ въ пожалованную ему деревню, не въ дальнемъ разстояніи отъ Петербурга состоящую. Сохраня привычки бѣднаго его состоянія, могъ разбогатѣть доходами. Разлакомая насыщать честолюбіе, познавъ нравъ государей, съ коими былъ близко, домогался онъ всячески вскарабкаться на высоту и ухватить возжи правленія.

Прежній командиръ мой Оболяниновъ, какъ полагаютъ, былъ главнымъ орудіемъ къ его ниспроверженію; слѣдовательно, мщеніе злаго сердца распространялась на все къ тому прикосновенное.

При возшествіи государя Александра I-го на престолъ, Аракчеевъ принятъ въ службу главнымъ начальникомъ артиллеріи, какъ онъ и былъ предъ его отставкою, и потомъ произведенъ на ряду съ прочими въ полные генералы.

Судя по воспитанію и ходу фортуны графа Аракчеева, слѣдуетъ заключить, что имѣетъ онъ умъ нравиться тому, кому служить. И имѣлъ бы довольно хорошія способности къ службѣ, даже и на вышнихъ степеняхъ, если бы ходъ его былъ медлительнѣе, слѣдовательно, научась опытами, узналъ бы онъ, какъ управлять людьми, коихъ палкою бить не должно и не можно, но надлежитъ, настройвая ихъ понятія къ лучшему, укоренять приверженность ко власти правительству-

ющей, которая поставила его главою и остается во власти свергнуть подъ пята ноги. Неумѣренное честолюбіе и необдуманная ложная гордость не допускали его научиться истинѣ тогда, когда онъ учителемъ быть поставленъ. Главнѣйшая же бѣда въ томъ, что онъ познавалъ науку правительствовать отъ бывшаго наслѣдника ожесточеннаго, и всю силу свою и достоинство власти основывавшаго единственно на чистомъ самовластіи.

Первой разговоръ мой о дѣлахъ съ графомъ Аракчеевымъ былъ непріятный. Онъ говорилъ, не сказывая причины, что провіантской департаментъ не исправенъ. На отвѣты мои, основываемые на обстоятельствахъ прошедшаго времени, по коимъ нельзя ему быть исправнымъ, онъ ничего не распространялся, а только твердилъ, что все дурно. Наконецъ я ему сказалъ, что уже мнѣ сіе обидно: хотя я и не участвую въ дѣлахъ минувшихъ, по крайней мѣрѣ желалъ бы знать, что дурно, дабы могло быть поправлено, сколько возможностей къ тому есть. На сіе отвѣтъ его былъ: „вы непохожи на департаментъ вамъ ввѣренный. Выхороши, а всѣ провіантскіе дурны“. И тутъ долженъ былъ отвѣтствовать, что не возможно 800 человѣкамъ всѣмъ быть хорошими или дурными. Кончилось тѣмъ, что не добившись никакого толка мы разстались.

Зная, что всѣ Финляндскія селенія малолюдны, и по причинѣ бѣдности жителей мало у нихъ находится посуды для хлѣбопеченія надобной; при томъ же войскамъ противу непріятеля дѣйствующимъ не можетъ быть досужно останавливаться, говорилъ я графу Буксгевдену, что по мнѣнію моему полезно-бы было приуготовлять въ С. Петербургѣ и въ Финляндскихъ городахъ сухари, и истолча

оныя помѣщать въ бочки для отправленія къ арміи. Симъ думалъ я сбѣречь нѣсколько и самаго хлѣба, всегда при хлѣбопеченіи во время военныхъ операций теряемаго. Бочекъ же считалъ я найти довольное количество, отъ привезеннаго изъ чужихъ краевъ сахара опроставшихся. Графъ Буксгевденъ въ тотъ же день пересказалъ слова мои государю. А на другой день графъ Аракчеевъ писалъ г. Попову, что по высочайшему повелѣнію приказалъ бы онъ мнѣ къ нему явиться.

Являсь къ графу Аракчееву, былъ вопрошенъ: говорилъ ли графу Буксгевдену вышеписанныя слова? Я отвѣтствовалъ, что говорилъ и подтверждаю мнѣніе мое о сей надобности. Тутъ объявилъ онъ, что государь ему поручилъ, мнѣ приказать сдѣлать, опытъ, но чтобы отправлять не толчею, а сухарями, ибо опасно, чтобы примѣси не было въ толчеѣ. А при томъ, чтобы и сухари изсушенные представлены были къ нему, и испытаны находящимся при государѣ медицинскимъ чиновникомъ, признаетъ ли онъ невредными для здравія людей. Много было тутъ разговоровъ, что опыты удостовѣряютъ о невредности сухарей, коими всегда питались войска, противу непріятелей дѣйствующія; какъ и о томъ, что неудобно мнѣ въ такое время, когда обстоятельства требуютъ рѣшительныхъ и скорыхъ дѣйствъ, быть въ такомъ отдаленіи отъ начальства военнаго и оставаться въ зависимости отъ Попова, приводя самый сей случай въ примѣръ, что потерявъ цѣлый день въ сношеніяхъ о призваніи меня. Графъ Аракчеевъ объявилъ, что подписанъ уже указъ, коимъ подчиняются ему одному всѣ части, воинской департаментъ составляющія. При разстаніи онъ приказывалъ, чтобы велѣлъ я тотчасъ печь

хлѣбы и сушить сухари. Но я отвѣтствовалъ: кому же велю я это дѣлать? Если нанять хлѣбопекарей городскихъ, то достанетъ ли къ тому возможности; ибо печей устроено соразмѣрно количеству ежедневной продажи? Слѣдовательно увеличится лишь издержка казенныхъ денегъ, а надобности удовлетворить буду не въ состояніи. И такъ онъ спросилъ: что же дѣлать, и на что же представляли вы о семъ, когда знаете невозможность исполнить? Я отвѣтствовалъ, что возможность есть, но она состоитъ единственно во власти государя. Какая же-то? онъ спросилъ. Приказать всему С. Петербургскому гарнизону, принявъ муку, испечь въ своихъ печахъ хлѣбы, и пересуша въ сухари, доставить туда, куда я назначу.

Въ сію минуту узналъ я власть сего министра, на предмѣстника его не похожую. Онъ, не отвѣтствуя мнѣ ни слова, постуча въ колокольчикъ, призвалъ адъютанта и приказалъ написать приказъ его, всѣмъ гвардейскимъ и армейскимъ полкамъ въ С. Петербургѣ находящимся, чтобы по назначенію моему, принявъ мѣсячную ихъ пропорцію муки, перепекли въ хлѣбы, и пересуша въ сухари, отправили при своемъ конвоѣ, куда отъ меня будетъ приказано.

Хотя непріятно мнѣ было попасть подъ полновластное начальство суроваго, и благороднаго обхожденія съ людьми не знающаго, человѣка; но, любя пользу моего отечества, я радовался, полагая, что при немъ дѣла пойдутъ ходчае.

Польза отъ печенія сухарей скоро усмотрѣна была. Симъ способомъ дѣйствующее противъ непріятеля войско сдѣлалось обеззабочено въ продовольствіи, и могли двигаться скорѣе, совершало побѣдоносныя дѣла.

Чрезъ нѣсколько дней призываетъ меня графъ Аракчеевъ ввечеру. Онъ былъ тогда у государя. Я дожидался его долго вмѣстѣ съ генераломъ Копьевымъ⁽⁴⁹⁾. Приѣхавъ часу въ десятомъ, позвалъ насъ обоихъ въ кабинетъ. Первое его слово было къ г. Копьеву, что бумаги его желаетъ прочитать съ нимъ вмѣстѣ при мнѣ. Копьевъ, взявъ претолстую тетрадь, содержащую письмо къ графу Аракчееву, началъ читать описаніе, съ какимъ безпорядкомъ проходили чрезъ Финдляндскія его деревни войска, армію графа Буксегведна составляющія; что не имѣя по пути приуготовленнаго продовольствія, отнимали они у жителей послѣдній кусокъ, платя деньги по справочнымъ цѣнамъ. При слушаніи сего, Аракчеевъ, уже злобный видъ имѣющій, сказалъ, потупя глаза, съ суровѣйшею запальчивостію: «если это правда, такъ я генераль-провіантмейстера арестую». Видя, что сіе есть приуготовленная для меня сцена, я довольно имѣлъ силы, чтобы промолчать. Скоро потомъ, распрощавшись безъ всякихъ разсужденій, приѣхавъ домой, написалъ я государю письмо, просящее увольненія отъ службы. Оное отправилъ къ графу Аракчееву, на другой день по утру рано, при рапортѣ, гдѣ, прося его о скорѣйшемъ исходатайствованіи мнѣ увольненія, сказалъ, что услышалъ отъ него, что могу быть арестованъ за неисправность моихъ подчиненныхъ, коихъ у меня 800 на пространствѣ ¹²/т. верстъ; слѣдовательно не могу я быть правъ и не подвергаться несчастію. Заключилъ тѣмъ, что послѣ сего чувствую уже я себя совершенно потерявшимся и вовсе не способнымъ къ дѣламъ, которыя по состоянію того времени требуютъ дѣ-

тельности чрезвычайной. И такъ весьма нужно, чтобы скорѣе другой на мѣсто мое былъ опредѣленъ.

Того же утра въ 8 часовъ получилъ я записку отъ графа Аракчеева, коею призываетъ меня приѣхать во дворецъ въ 11-мъ часу.

Графъ Аракчеевъ, вышедъ изъ кабинета государева въ переднюю, гдѣ я дожидался, позвалъ меня въ другую комнату, гдѣ подлѣйшимъ образомъ просилъ у меня прощенія и бранилъ себя за строптивой свой нравъ. Но я, продолжая увѣреніе о неспособности моей къ сей должности, не соглашался оставить намѣренія идти въ отставку.

Чрезъ нѣсколько времени позваны были въ кабинетъ государя гр. Аракчеевъ и я. Нашли мы его одного. Первое его слово было ко мнѣ: «Скажите мнѣ причину, для чего просите отставки?» Я отвѣтствовалъ, что должность на меня возложенная не соразмѣрна силамъ моимъ. Онъ возразилъ: «позвольте мнѣ знать способности ваши. Я знаю васъ по дѣламъ, и отъ всѣхъ начальниковъ вашихъ слышалъ похвалы о васъ отзывы». Тутъ, оборотясь къ гр. Аракчееву, спросилъ: «знаете ли вы кого достойнѣе его и способнѣе къ сей должности?» Тотъ съ раболѣпнымъ видомъ отвѣтствовалъ сими словами: «Я, ваше величество, никого достойнѣе и способнѣе Дмитрія Борисовича не знаю. Послѣ сего самымъ милостивымъ образомъ началъ онъ мнѣ говорить о обстоятельствахъ повсемѣстныхъ, о надобности содержать въ исправности внутреннее государственное устройство для содержанія въ непоколебимости всего цѣлаго, что теперь не время ссориться, что нуженъ я службѣ; что часть мнѣ ввѣренная есть самая важнѣйшая, и что я долженъ имѣть въ предметъ, что служу для пользы отечества. Тутъ много сдѣлалось разгово-

(49) Алексѣемъ Даниловичемъ.

ровъ, и всегда всѣ мои возраженія оговаривалъ онъ краснорѣчиво и человѣколюбиво. При сихъ разсужденіяхъ графъ Аракчеевъ, оборотясь ко мнѣ, наирабственнѣйшимъ тономъ сказалъ: „разсудите, ваше превосходительство, какъ не служить такому государю?“ Я ему отвѣтствовалъ: „Ваше сіятельство! я, служу и служить буду государю по истинѣ такъ, какъ слѣдуетъ дворянину“. Послѣ сего государь мнѣ говорить, указывая на Аракчеева: „Вы къ нему пишете о арестованіи; какъ могли вы принять такъ, въ горячности, безъ размысленія, выговоренное слово? Развѣ вы думаете, что онъ сумашедшій?“ Тутъ гр. Аракчеевъ, сложа руки и поднявъ ихъ къ лицу, сказалъ: „Государь! уже я просилъ прощенія у Дмитрія Борисовича, и теперь при вашемъ величествѣ еще прошу“. Выговоря сіе, онъ такъ мнѣ низко поклонился, что мнѣ съ моимъ туловищемъ тагъ бы и не согнуться. Въ сію минуту государь мнѣ говорить: «чего же вы еще хотите?» и потрепывая меня обѣими руками, продолжалъ: «Полно, братецъ, ты осердился; и потому хочешь оставить службу, перестань, останься». Нечего мнѣ было сказать кромѣ: «воля ваша, извольте, я остаюсь, но только позвольте доложить, и согласитесь, что самой я несчастливый человѣкъ». Онъ спросилъ: «а почему?» Тутъ я продолжалъ: «Ваше величество выгодно о мнѣ заключать изволите, и оказываете мнѣ отличныя милости довѣренностію вашею. За что же вы меня опредѣлили быть начальникомъ такого корпуса, который находится подъ гнѣвомъ вашимъ?» (50)

(50) Послѣ Тильзитскаго мира послѣдовалъ ямьянній указъ, коимъ объявлялось злоупотребленіе провіантскихъ чиновниковъ, велѣно разсматривать дѣйствіе каждаго, и очистить отъ чи-

Онъ отвѣтствовалъ: „О! вы себя съ нами не равняйте! Вы очень хороши, а они очень дурны“. На сіе я сказалъ: „Можно ли сдѣлать о всѣхъ заключеніе по тѣмъ людямъ, которыхъ виноватыми видѣли вы въ Пруссіи?“ Тутъ онъ тономъ возвышеннымъ возразилъ: «Видите ли, какъ вы заблуждаетесь, считая, что, видя ихъ мерзкія дѣла въ Пруссіи, сдѣлалъ я о всѣхъ генеральное заключеніе. Нѣтъ, сударь, общая молва отъ всѣхъ сторонъ одинакова, отъ Чернаго моря до Бѣлаго, и отъ Балтійскаго до Каспійскаго и Камчатскаго, отсюду равно кричатъ о нихъ: воры! воры! Выгоните мнѣ всѣхъ тѣхъ, кои подозрительными вамъ покажутся. Примите на службу другихъ, извѣстныхъ вамъ людей; словомъ, прекратите сію злую о нихъ молву: тогда увидите, что я все буду дѣлать по вашимъ представленіямъ“. Послѣ сего, продолжая еще разговоръ, пришло мнѣ на мысль попробовать возможности, нельзя ли получить входъ къ государю съ докладами о дѣлахъ моихъ, и чрезъ это выкарабкаться изъ когтей звѣробразнаго командира. Но средство употребилъ я самое для меня невыгодное, сказавъ, что не способенъ я быть генераль-провіантмейстеромъ, между прочимъ и потому, что я сумнительнаго нрава. На сіе государь сказалъ: «Это хорошо: вы во всѣхъ случаяхъ для васъ сумнительныхъ спрашиваетесь его (указывая на графа Аракчеева). А онъ, если въ чемъ разрѣшить васъ не можетъ, спросится меня. Когда же я что подпишу, то вѣдь уже вамъ сумнительно не будетъ». При окончаніи разговора, вышедъ изъ кабинета, нашли уже мы въ передней двухъ ми-

новниковъ службъ вредныхъ; до того же всѣмъ изъ запрещено носить мундиры.

Примѣч. Д. Б. Мертваго.

нистровъ, дожидającychся съ докладами. Тутъ на нѣсколько времени оставаясь, графъ Аракчеевъ былъ позванъ въ кабинетъ и тотчасъ возвращаясь, позвалъ меня ѣхать вмѣстѣ. Заботился онъ, чтобы шубу мою принесли въ теплой корридоръ. Узнавъ, что пріѣхалъ я въ саняхъ, неотмѣнно требовалъ, чтобы сѣлъ въ его карету, говоря, что въ комнатахъ было тепло, что могу я простудиться. Для разговора о дѣлахъ желалъ, чтобы я къ нему поѣхалъ. Но когда я объявилъ надобность быть дома и успокоить страждущую сумнѣніемъ жену мою, то самъ онъ хотѣлъ доставить меня до дома. Но я, говоря, что время ему дорого, просилъ и съ половины пути пересѣлъ изъ его кареты въ сани и отправился домой.

Послѣдній разговоръ о сумнительномъ моемъ нравѣ много мнѣ вреда и добра сдѣлалъ. Аракчеевъ непрестанно ставилъ меня на пробу. Ясно мнѣ казалось, что хочетъ запутать и погубить. Способы, къ осторожности употребляемые, обращалъ онъ мнѣ во вредъ, представляя государю подъячимъ, крюками его запутывающимъ. Все это я видѣлъ, но хладнокровно разсуждая, долженъ былъ переносить; ибо послѣдняя бѣда горше первой. Тѣмъ паче, что оберегать себя и малое состояніе мое я долженъ для семьи моей.

Въ исходѣ февраля мѣсяца, когда армія графа Буксгевдена, послѣ небольшихъ сраженій, заняла Гельсингфорсъ и всѣ города по пути лежащіе, обложила крѣпости Швартгольмъ и Свеаборгъ, отправился я съ графомъ Аракчеевымъ въ армію. Мнѣ напередъ приказано было ѣхать Финляндскую границу съ праваго фланга, и осмотра всѣ удобства и возможности, могущія способствовать продоволь-

ствію арміи, съѣхаться съ нимъ въ Фридрихсгамъ.

Въ сіе время первой опытъ послѣдствіемъ своимъ скорѣ доказалъ мнѣ надобность быть осторожну съ моимъ начальникомъ. Предъ отъѣздомъ, дѣлая расчетъ о надобностяхъ до прислѣянія транспортовъ водою, оказалось неминуемо нужнымъ перевозить 12,000 четвертей овса изъ Твери по зимнему пути. Все что можно было нанять, нанято; слѣдовательно сіе послѣднее количество должно было перевести на подводахъ по наряду. И симъ же средствомъ нѣсколько овса, а болѣе сѣна перевозить предложено изъ Новгородской и Олонецкой губерній въ Петербургъ и на Финляндскую границу. Платежъ обывателямъ былъ назначенъ большой. Обходилось отъ Твери за четверть овса 5 руб. 50 коп. и на потерю въ пути слогать по 2 гарнца. Въ самой тотъ часъ, когда отправлялся я въ путь, приходитъ къ женѣ моей купецъ, торгующій хлѣбомъ и имѣющій интересныя дѣла съ ея матерію. Я спросилъ его: есть ли у него овесъ зимующій въ мѣстахъ, гдѣ покупать для провіантскаго департамента по законамъ дозволено. Онъ отвѣтствовалъ, что есть, и его наймомъ доставить онъ можетъ. Сторговавшись купить 12 т. четвертей по 7 руб. 50 коп., взявъ отъ него подписку, отправился я къ графу Аракчееву, написавъ, что гораздо для казны выгоднѣе купить сіе количество: ибо овесъ нашъ въ Твери стоитъ около пяти рублей, и сверхъ дешевизны въ цѣнѣ избавимся мы отъ ропоту народнаго, неминуемо быть долженствующаго отъ наряда подвоя. Не дождавъ отвѣта, я поѣхалъ. Послѣ меня онъ согласился купить отъ него 6 т., которые въ теченіи февраля поставить обязывался и предложилъ

экспедиции заключить контрактъ на законномъ основаніи, а между тѣмъ, отмѣня прежнее исчисленіе, требовалъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ, чтобы вмѣсто 12 т. перевезено было только 6 т. четвертей изъ Твери. Купецъ, сдѣлавшись въ недоумѣніи, что дѣлать (ибо хлѣбъ, для вольной продажи въ Петербургъ везомый, продавать въ казну запрещено) боясь дѣйствія законовъ, контрактъ писать не соглашался. Дѣло продлилось до 5-го марта, когда я возвратился, и согласившись отсрочить поставку до 15-го марта, велѣлъ отъ него принимать и платить деньги. Изъ сего Аракчеевъ вывелъ столько мнѣ непріятностей и обидныхъ подозрѣній, что ясно я заключать былъ долженъ о надобности быть осторожнымъ даже до трусости, и надобѣдать ему вопросами письменными о всякой бездѣлицѣ. Сіе прибавляло мнѣ упражненія, давало ему поводъ марать меня въ понятіи государя, но ограждало отъ бѣды, могущихъ по должности моей быть продолжаемыми на нѣсколько лѣтъ даже и по смерти моей.

Изъ Фридрихсгама поѣхали мы вмѣстѣ за прежнюю нашу границу. Въ городѣ Борго узнали мы, что графъ Буксгевденъ уже выступилъ изъ Гельсингфорса къ Тавастгуту. Для сокращенія пути поѣхали мы прямою дорогою, гдѣ нельзя было имѣть экипажей, кромѣ обывательскихъ того края узкихъ саней, по одной лошади запряженныхъ. Въ четырехъ умѣстились военный министръ, генераль-провіантмейстеръ, фельдъ-егерь, переводчикъ и министровъ камердинеръ.

Потерявъ дорогу, предъ вечеромъ, выѣхали мы на встрѣчу авангарда. Часу въ десятомъ вечера пріѣхали въ то селеніе, гдѣ главнокомандующій находился. Графъ Аракчеевъ, на

улицѣ остановясь, надѣлъ мундиръ и шарфъ, чтобы оказать все учтивство, главнокомандующему арміею принадлежащее. Но тотъ принялъ по домашнему, въ байковой шинели, на квартирѣ, умѣренно выгодной: не только караулу, но и часовыхъ у него не было. И на другой день учтивства показано не больше. Сіе, кажется, было основаніемъ ссоры, много зла Буксгевдену сдѣлавшей.

Побывая въ арміи, дѣйствительно можно было видѣть всю неимовѣрную глупость главнокомандующаго. Всѣ успѣхи происходили отъ безсилія непріятелей, и что находились въ командѣ его нѣсколько молодыхъ генераловъ достойныхъ. Слѣдующій разговоръ послужить доказательствомъ.

По пріѣздѣ нашемъ нѣсколько времени оставались графы Буксгевденъ и Аракчеевъ одни. Потомъ я былъ къ нимъ позванъ. Лишь сѣлъ я къ столу, возлѣ котораго (множествомъ бумагъ отягченнаго), они сидѣли, графъ Аракчеевъ мнѣ сказалъ: „Теперь до васъ дѣло, мы все кончили“. На вопросъ мой, что угодно, графъ Буксгевденъ говорилъ: „Доставьте моей арміи продовольствіе“. Я отвѣтствовалъ: „это трудно, потому что вы, какъ Александръ Македонскій, не идете, а летите“. Онъ засмѣялся съ видомъ удовольствія. Но я продолжалъ: „Дай Богъ, чтобы мое предвидѣніе не исполнилось; но я боюсь, чтобы не плакать болѣе того, какъ теперь радуетесь“. Онъ серьезно спросилъ: „А почему?“ Тутъ я спросилъ: „До какихъ мѣстъ назначаете вы обязанностію моею доставлять вамъ провіантъ и фуражъ, ибо въ землѣ новозавоевываемой всѣ средства доставленія зависѣть должны отъ командующихъ войскомъ?“ Онъ назначилъ мнѣ мѣста внѣ прежнихъ границъ нашихъ

до 70 верстъ. Я отвѣтствовалъ: хорошо, и тутъ же на ихъ столѣ, взявъ бумагу и перо, изчислилъ количество до половины апрѣля, что и выходило, что во все продолженіе марта надобно въ непрерывномъ быть ходу 1660-ти подводамъ. Слѣдовательно ему, за 200 слишкомъ верстъ удалившемуся, надобно подводъ числомъ въ трое; а такого количества едва ли и найти можно во всей Шведской Финляндіи. Расчетъ сей сильно поколебалъ обоихъ графовъ. „Какъ же быть?“ спросилъ меня Буксгевденъ. Я отвѣтствовалъ: „Мнѣ кажется необходимымъ отпустить всю кавалерію, для коей овесъ и сѣно везется и втрое болѣе употребляется подводъ нежели подъ свозъ провіанта“. — „Какъ же можетъ быть регулярная армія безъ кавалеріи?“ спросилъ Буксгевденъ. „На что же она?“ я отвѣтствовалъ, когда нѣтъ кавалеріи у непріятеля и такая земля, что лѣтомъ отъ множества озеръ, лѣсовъ и кремнистыхъ утесистыхъ скалъ, а зимой по глубокимъ снѣгамъ дѣйствовать ей неможно“. Онъ остался неколебимымъ, но сумнительнымъ; а Аракчеевъ понялъ истину моихъ словъ. На другой день по утру рано, пришедъ на квартиру Аракчеева, нашелъ я его лежащаго на постелѣ въ сильной задумчивости. Начался разговоръ нашъ невозможностію, чтобы дѣло шло хорошо тѣмъ паче, что и дежурный генераль недосужье главнокомандующаго. Онъ скоро всталъ, написалъ двѣ записки, и тотчасъ одѣвшись, сказалъ мнѣ: „Пойдемъ, сдѣлаемъ визитъ дежурному“, у коего я ночевалъ и видѣлъ, что всѣ дѣла производятся въ его квартирѣ. Мы не нашли дежурнаго; онъ былъ у главнокомандующаго. Аракчеевъ спросилъ у письменнаго стола стоящаго офицера, кто пишетъ военный журналъ?

Онъ отвѣтствовалъ: я. Кто пишетъ реляціи къ государю, диспозиціи для корпусныхъ начальниковъ, повелѣнія къ нимъ, словомъ, все, что составляетъ письменныя дѣла у главнокомандующаго арміею? Сей офицеръ на каждый изъ сихъ вопросовъ отвѣтствовалъ весьма скромнымъ тономъ: я. Послѣ сего графъ Аракчеевъ, позвавъ фельдъ-егеря, за нимъ портфель принесшаго, и вынувъ рапорты графа Буксгевдена къ государю, прочитавъ записки имъ писанныя (въ коихъ содержалось требованіе, какими свѣдѣніями впредъ пополнять таковыя донесенія) говорилъ офицеру, взявъ его за руку: „Пожалуй, мой другъ, наблюдай сію исправность въ рапортахъ и будь увѣренъ, что я тебя не позабуду“. Послѣ сего пошелъ онъ къ Буксгевдену. Ему показалъ рапорты и вруча записки, просилъ, чтобы по онымъ было исполняемо. За симъ, позавтракавъ очень дурно, распростясь мирно, поѣхали мы въ обратный путь чрезъ Гельсингфорсъ.

На первой станціи объявилъ графъ Аракчеевъ желаніе ѣхать со мною на однихъ саняхъ, а на другія посадилъ обоихъ подводчиковъ. Онъ началъ говорить тономъ жалкимъ, сими словами: „Ахъ батюшки! пропадшее дѣло! мы вѣрно также посраимся, какъ предмѣстники наши“. — „Отъ чего же?“ я спросилъ. — „Отъ невозможности продогольствовать армію“ онъ отвѣтствовалъ. На сіе я спросилъ его: „можетъ ли онъ быть увѣренъ, что государь согласится на всѣ его представленія; — тогда возьму я на свой отвѣтъ, что все пойдетъ хорошо“. Онъ съ радостію подхватилъ сіе слово, увѣряя за государя, что все готовъ онъ сдѣлать. „И такъ, я продолжалъ, нѣтъ другаго средства, какъ дѣйствовать по примѣру Наполеона, то есть об-

ратить всѣхъ обывателей къ составленію подвижнаго магазина. Но дабы сдѣлать разность между государемъ законнымъ и силою оружія вознесшимся до сей степени, то надлежитъ платить щедро, дать льготы, и чрезъ то заглуша гласъ ропота народнаго, не оставить для историковъ ужасныхъ слѣдовъ къ описанію. Сей проектъ съ большимъ удовольствіемъ онъ принялъ, и увѣрялъ меня, что все, что я сдѣлаю для начала сей операціи, государь апробуетъ. И между прочимъ сказалъ мнѣ такую рѣчь, которая, показывая его чрезмѣрную силу, въ содраганіе меня привела, а именно: „Знаете ли, что я сдѣлаю, пріѣхавъ въ Петербургъ? Скажу я государю: или отпустите меня отъ должности или извольте подписывать, а я буду править“⁽³¹⁾. Множество между тѣмъ постороннихъ было разговоровъ, показывающихъ величайшую его ко мнѣ довѣренность, которая на нѣсколько времени ввела было меня въ заблужденіе — думать, что онъ великодушно перенесъ ту непріятную сцену, которую я ему доставилъ въ кабинетѣ государя.

По пріѣздѣ въ Фридрихсгамъ, гдѣ находился вице-губернаторъ Бухаринъ⁽³²⁾ для распоряженія по случаю прохожденія арміи, дружеское обхожденіе Аракчеева со мною было способомъ къ тому, чтобы все меня

слушаться начало. Онъ поѣхалъ въ Петербургъ, а я остался для согласенія о способахъ доставить арміи провіанта и фуража столько, сколько нужно было для продовольствія до 15-го апрѣля (когда, предполагали, кончится распутица, и будетъ можно другими способами доставить).

Склоняя вице-губернатора къ тому, чтобы рѣшился онъ сдѣлать нарядъ соразмѣрно надобности, такъ чтобы въ теченіи цѣлаго мѣсяца всякой день по 1660 подводъ отпиралось, предложилъ я ему, что, если удовлетворится надобность, жалобы отъ народа не будутъ, и произведеніе сего дѣла въ дѣйство приметъ онъ на себя, то доставлю я ему званіе губернатора. Онъ предложилъ платежъ деньгами, сѣномъ и хлѣбомъ, и сверхъ того продать обывателямъ хлѣба для пропитанія семействъ ихъ. Все это я удовлетворилъ и сдѣлавъ съ вице-губернаторомъ письменное постановленіе для взаимнаго исполненія, остался. Постановленіе сіе утверждено подписаніемъ государя. Вице-губернаторъ, по свершеніи дѣла, пожалованъ губернаторомъ. Однимъ словомъ, надолго оставался я въ славѣ, что полезно содѣйствовать дѣламъ моимъ и меня слушаться.

Всякой день выдаясь съ графомъ Аракчеевымъ, непрерывно видѣлъ я благорасположеніе его къ себѣ. Однажды показываетъ онъ мнѣ списки съ писемъ на почтѣ тайно распечатанныхъ, гдѣ въ одномъ писалъ провіантской чиновникъ, и кому то неизвѣстно. Описывая новый порядокъ въ провіантскомъ департаментѣ, изъяснялъ, что я, взявъ Аракчеева за носъ, веду куда хочу, и впутываю его во всѣ дѣла для моей обороны. Двусмысленный стиль, обидный для министра выраженія, видѣлъ я, что сильно трогаютъ

(31) Не были ли эти дерзкія слова гр Аракчеева произнесены нарочно, чтобы посмотреть, какъ они подвизываютъ на его собесѣдника, ему ненавистнаго, и не вызовутъ ли они и у него какого либо неосторожнаго выраженія? // Б.

(32) Иванъ Яковлевичъ (1772 — 1858) см. о немъ статью М. Н. Лонгинова въ Москов. Вѣдом. 1858, № 122. Бухаринъ служилъ вице-губернаторомъ Выборгскимъ, а нѣсколько позднѣе губернаторомъ тамъ же. // Б.

любочестіе чловѣка, довольно разумѣющаго, что слабѣе онъ меня въ знаніи. Сперва очень дружелюбно совѣтовалъ онъ мнѣ рѣже съ нимъ видѣться и менѣе спрашиваться; потомъ начинаетъ критиковать дѣла мои и обращать мнѣ во вредъ покупку овса, которую безъ спроса его я отсрочилъ, и началъ обходиться со мною грубо при людяхъ, а на единѣ ласково. Амбиція моя сего терпѣть была не въ состояніи; слѣдовательно вскорѣ испроверглось начало нашей пріязни.

При разговорѣ государя со мною въ кабинетѣ, когда говорилъ онъ, чтобы очистить департаментъ отъ людей вредныхъ и принять на службу въ честномъ поведеніи мнѣ извѣстныхъ, оборотясь къ Аракчееву, онъ приказалъ дозволить вновь принимаемымъ носить мундиры. Во время дружелюбныхъ еще моихъ съ Аракчеевымъ сношеній, представилъ я къ опредѣленію двухъ чиновниковъ достойныхъ, изъ коихъ старшій былъ статскій совѣтникъ, служилъ вице-губернаторомъ и оберъ-секретаремъ въ Сенатѣ и повсюду былъ дѣловымъ и отличнымъ въ искусствѣ чловѣкомъ; сохранилъ наслѣдственную бѣдность и всегда ходилъ пѣшкомъ, слѣдовательно никогда не роскошествовалъ. Конфирмованъ государемъ докладъ о его опредѣленіи тогда, когда уже мы поразлаживать начали. Обоихъ сихъ чиновниковъ назначилъ я: перваго (г. Шишкова) управляющимъ, а втораго членомъ Виленскаго депо, гдѣ до пяти милліоновъ въ годъ расхода, слѣдовательно честные люди туда наиболѣе нужны. Графъ Аракчеевъ приказалъ имъ явиться къ нему тогда, когда совсѣмъ готовы будутъ ѣхать.

Лишь вошли сіи несчастные въ кабинетъ его, онъ (какъ пересказывали они мнѣ) съ злобнымъ видомъ началъ

имъ говорить: „смотрите же, не воруйте, у меня много за вами будетъ глазъ“, и оборотясь къ статскому совѣтнику Шишкову, подтвердилъ: „Да поѣзжай же у меня скорѣе. За тобой полетятъ сельдѣгери; и если ты умрешь, то тѣло твое примчатъ въ Вильну“.

Ужасно было видѣть сумѣніе сихъ людей, когда, пріѣхавъ ко мнѣ, пересказали сіи слова. Но они поѣхали, вступили въ должность. Скоро Шишковъ занемогъ, сталъ репортоваться больнымъ, прислалъ ко мнѣ прошеніе о отставкѣ. Полагая, что злобныя рѣчи Аракчеева происходили отъ неумышленной запальчивости и худаго его воспитанія, старался я удержать, писавъ много разъ сему достойному чиновнику для его успокоенія, но ничто не помогло. Онъ непремѣнно требовалъ отставки, на какомъ бы то основаніи ни было.

Между тѣмъ, вопреки словамъ государя, которыя, казалось мнѣ, основывались на мысли чловѣколюбной, чтобы исподоволь очистить департаментъ отъ людей вредныхъ, я боялся, что излишнею строгостію можно привести въ ужасъ сію службу, и лишиться средствъ укомплектовать людьми достойными; слѣдовательно потребно было время и весьма осторожныя дѣйствія. Но Аракчеевъ придумалъ иначе; онъ исходатайствовалъ именной указъ, коимъ повелѣно: не отсвѣлять изъ провіантскаго штата никого, кромѣ тѣхъ, которыхъ я признаю неспособными; онымъ давать отставку съ прописаніемъ вины и впредь ихъ ни къ какимъ дѣламъ не опредѣлять. Вторымъ указомъ повелѣно: служащихъ при канцелярскихъ дѣлахъ въ экспедиціи и въ комиссіяхъ не производить въ офицерскіе чины прежде двадцати лѣтъ службы, и трактовать такъ, какъ поступается въ полкахъ

съ рядовыми и унтеръ-офицерами. И напоследокъ объявилъ Аракчеевъ именное повелѣніе, что мундиры дозволяется носить вновь опредѣленнымъ безъ нашивокъ, точно такіе, какіе носятъ писаря военной коллегіи.

Во время прежнихъ военныхъ дѣйствій, всѣ лучшіе люди, которые по провіантскому департаменту находились, были употреблены при арміи. Всѣ они удалены отъ дѣлъ и оставлены подъ начетомъ. Дѣлъ сихъ привести къ концу нѣтъ возможности; потому что надобно расчетъ держать съ полками, и всякое несогласіе до послѣдней мелочи повѣрять чрезъ сношенія; полки всѣ разведены по разнымъ мѣстамъ; многіе чиновники, которые объяснять должны, или отставлены или перемѣщены; словомъ, необъятная громада дѣлъ затѣянная, и на вѣкъ лучшіе люди погребены въ согнивающихъ вѣдомостяхъ. На мѣста сихъ отъ службы удаленныхъ людей, хотя оставался я во власти представлять для опредѣленія; но кто могъ пойти, зная неблагорасположеніе ко мнѣ начальника и гоненіе на часть мнѣ ввѣренную? Канцелярскія дѣла также всѣ въ упадокъ приходятъ стали; ибо имѣвшіе офицерскіе чины всѣ пошли въ отставку, вновь никто не опредѣляется изъ свободныхъ людей. Послѣ многихъ разговоровъ и представленій записками, представилъ я графу Аракчееву рапортомъ изъ экспедиціи, прося дать въ писаря школьниковъ, солдатскихъ дѣтей. Но онъ возвратилъ рапортъ съ надписью, что нѣтъ у него фабрики дѣлать писарей.

Не могли согласить несчастнаго Шишкова остаться въ службѣ, и видя, что часть ему порученная, отъ присутствія его, можетъ разстроиться, представилъ я присланное ко мнѣ прошеніе, прося дозволенія перемѣстить

его въ экспедицію членомъ; если же сего не будетъ угодно, то испрашивалъ увольненія ему отъ службы. На сіе послѣдовалъ именной указъ: Шишкова отставить и впредь по военному департаменту его не опредѣлять. А управляющему провіантскимъ департаментомъ объявить удивленіе, что мало онъ содѣйствуетъ военному министеру въ избраніи людей достойныхъ. Препровождая сей указъ военной коллегіи, Аракчеевъ предложилъ, чтобы съ прописаніемъ онаго послать мнѣ указъ за подписаніемъ всѣхъ членовъ.

Несчастный Шишковъ, получивъ отставку, сдаль должность старшему по себѣ, пріѣхалъ въ Петербургъ; но былъ высланъ съ приказаніемъ жить въ Вильнѣ, пока разсмотрятся всѣ дѣла и повѣрятся счеты за все время бытности его управляющимъ комиссіею. По предписанію графа Аракчеева тамошній комендантъ, не объявляя за что, держалъ его три дни на гаубвахтѣ подъ арестомъ и велѣлъ послѣ считать себя арестованнымъ въ домѣ. Кончилось тѣмъ, что онъ, отъ грусти, досады, бѣдности и прочаго отъ нихъ поражающагося, кончилъ тамъ жизнь свою.

Распространяясь о происшествіяхъ съ несчастнымъ Шишковымъ, отдался я отъ порядка времени.

Въ исходѣ марта 1808 г., когда еще я былъ съ графомъ Аракчеевымъ въ ладахъ, получилъ я повелѣніе ѣхать въ армію и согласиться съ главнокомандующимъ графомъ Буксгевденнымъ о способахъ продовольствія войскъ сообразно плану предпринимаемыхъ движеній.

Пріѣхавъ въ Гельзингфорсъ, гдѣ графъ Буксгевденъ тогда находился, объяснялъ я ему сперва словесно всѣ способы, какіе имѣю и имѣть могу, спрашивая, куда, чего, сколько и въ

какія времена поставить надобно. Не получа никакого рѣшительнаго отвѣта, написалъ я ему рапортъ съ прошеніемъ онаго. Рапортъ принявъ, прочли его мы вмѣстѣ. Онъ наговорилъ мнѣ много ласкательнаго, что счастливъ онъ, командуя арміею, когда я генер. провіантмейстеръ; но никакого толку не сказалъ. Послѣ сего поѣхали мы осматривать принятые на капитуляцію три укрѣпленія около Свеаборга. На возвратномъ пути, спросилъ я дежурнаго генерала, видѣлъ ли онъ рапортъ, отъ меня графу Буксгевдену поданный. Онъ, показывая на боковой карманъ своего мундира, далъ знать, что онъ тутъ. На вопросъ: читали ль вы его? отвѣтствовалъ: нѣтъ. Приѣхавъ въ городъ и уже пообедавъ, спросилъ я дежурнаго: читалъ ли рапортъ, и что при отдачѣ его графъ приказывалъ? Онъ отвѣтствовалъ, что не читалъ и графъ ничего не приказывалъ. Тутъ я просилъ: „пожалуйтежъ, доставьте мнѣ отъ графа разрѣшеніе скорѣе“. Онъ вмѣсто отвѣта отдалъ мой рапортъ тому же офицеру, о которомъ выше я писалъ, ничего ему не приказывая.

Черезъ нѣсколько времени пошелъ я въ канцелярію, и тамо найдя сего офицера, спросилъ, читалъ ли онъ рапортъ. Сей объявилъ, что читалъ, и самымъ учтивымъ тономъ просилъ меня объявить мое желаніе. Досужій офицеръ въ мигъ написалъ мнѣ отвѣтъ, и сообразно моему желанію, назначилъ удобнѣйшія мѣста для учрежденія запасовъ, отколъ главнокомандующій бралъ на свое попеченіе развозку къ войскамъ; переписавъ отвѣтъ на бѣло, пошелъ къ графу, и я пошелъ за нимъ. Номеръ уже былъ выставленъ на его письмѣ прежде подписанія, слѣдовательно я могъ его получить тотчасъ не запечатаннымъ; послѣ сего вошелъ я къ главнокомандующему от-

кланяться и поѣхалъ въ Петербургъ обратно.

Поелику графъ Буксгевденъ меня увѣрялъ и офицеръ, канцеляріею управляющій, обнадеживалъ, что Шведская флотилія на озерѣ Саймѣ совершенно истребится, то для споспѣшествованія продовольствію арміи предположилъ я хлѣбъ въ Петербургъ идущій сложить въ Ладогѣ, и перевеза на гальотахъ къ противулежащему берегу озера Ладожскаго, перевозить сухопутно къ берегамъ озера Саймы (отколъ на военныхъ судахъ Вильманштрэдской флотиліи возить сколь возможно будетъ далѣе по Саймѣ, на 700 вер. простирающейся, почти параллельно Ботническому заливу). Для извѣдыванія, гдѣ найдутся тѣ мѣста, кои сблизятъ разстоянія между Ладожскаго и Саймскаго озеръ, послалъ я двухъ чиновниковъ провіантскихъ, приказавъ одному ѣхать по берегу Ладожскаго, а другому по берегу Саймскаго озеръ, спрашивая жителей о близости. Въ слѣдствіе чего на озерѣ Ладожскомъ найдено селеніе, а на Саймекомъ пустое мѣсто, гдѣ хорошая есть натуральная пристань Сухопутнаго разстоянія только 67 верстъ.

По приведеніи въ ясность сихъ откритій, планъ мой графомъ Аракчевымъ апробованъ. Заведено строеніе на берегу Саймскаго озера. Для сухопутной перевозки далъ онъ въ мою команду роту піонерную съ 300 лошадей, повозками и людьми. Для перевозки по Саймѣ отданы суда, бывшія въ Вильманstrandѣ. Произведены въ гребцы милиціонные ратники. Но сіе дѣло по старанію моему препоручено Финляндскому военному губернатору, который, для лучшихъ по сей части распоряженій, долженъ былъ почти въ продолженіи всего лѣта находиться въ Вильманstrandѣ.

Когда уже неудовольствія у меня съ графомъ Аракчеевымъ начались, требовалъ онъ отъ меня мнѣнія, куда, сколько провіанта, по водяной коммуникаціи идущаго, сложить предполагая. Назначая повсемѣстно пропорціи, назначилъ я въ Сердоболь 5000 четв. муки съ пропорціею крупъ. Онъ призывалъ меня къ себѣ, пересматривая мое назначеніе и почти все перемарывая, спросилъ, для чего назначаю въ Сердоболь такъ много, когда тамъ одна только рота. Я ему отвѣтствовалъ, что Сердоболь лежитъ на высотѣ Ладожскаго озера, что онъ на границѣ, гдѣ жительствоуютъ Корельцы, люди къ военной службѣ принадлежащіе; и такъ случиться можетъ, понадобится тамъ умноженіе войска. На сіе онъ возразилъ: „Вѣтъ они, сударь, смиренны и находятся теперь внутри линіи, нами занятой“. Но я представлялъ, что мы занимаемъ линію весьма пространную, моремъ не владѣемъ; слѣдовательно Шведы могутъ, прорвавъ нашу линію, предпринять тоже, что Густавъ III предпринималъ ⁽⁵²⁾, раззорить наши Ладожскіе шлюзы, и чрезъ то оголодить Петербургъ. Дойдя до Корельцовъ, они ихъ поднимутъ и сдѣлаютъ театръ войны въ границахъ нашихъ. Онъ, съ презрѣніемъ на меня поглядѣвъ, вымараля сумму 5000 и написалъ 500. Нечего мнѣ было дѣлать, кромѣ молчать и сожалѣть

Послѣ сего вскорѣ по имянному указу посланъ я былъ въ Ригу для мѣстныхъ тамо распоряженій; и сіе потому, что графъ Аракчеевъ, вырывая у меня управленіе, опредѣлилъ по имяннымъ указамъ во многія комиссіи управляющими артиллерійскихъ генера-

ловъ, предписавъ имъ къ нему прямо относиться. Въ Ригу опредѣленный всѣхъ былъ тупѣ, слѣдовательно ему было нужно поправить тамошнія дѣла, или неуспѣхи возложить на мою вину.

Послѣ указа объ отставкѣ Шишкова, уже безъ закрывки Аракчеевъ сдѣлался моимъ гонителемъ, и государь не только, чтобы по прежнему всегда милостиво меня примѣтитъ, сталъ отворачиваться отъ меня и явно гнѣвъ показывать.

Дѣла мои, въ Ригѣ произведенныя, приняты были съ довольнымъ уваженіемъ: все утверждено, но благоволенія ко мнѣ не прибавилось.

Предвидѣніе мое о Корельцахъ исполнилось въ августѣ мѣсяцѣ. Корпусъ Шведскихъ войскъ туда прорвался, увеличилъ свою силу Корельцами. Отъ всѣхъ мѣстъ послали войски къ Сердоболу. Командующій оными генераль-адъютантъ князь Долгорукій ⁽⁵⁴⁾ писалъ государю, что Шведы уже предъ городомъ; но нашимъ ѣсть нечего. Графъ Аракчеевъ, приславъ мнѣ рапортъ князя Долгорукаго оригиналомъ, своеручно пишетъ сими словами: „предоставляю вашему превосходительству принять благоразумныя ваши мѣры. Сами ли вы поѣдете туда для распоряженій или пошлете кого изъ надежныхъ вамъ людей, это отъ васъ зависитъ“.

Отправяся тотъ же день, заѣхалъ я въ Выборгъ. Тамо соглася, по моему ходатайству опредѣленнаго, губернатора поѣхать со мною, успѣли наймомъ подводъ подвести отъ всѣхъ мѣстъ потребное количество, а первую нужду удовлетворить покупкою у купца, для мелочной продажи хлѣбъ въ Сердоболѣ имѣющаго. Заставили обывателей деревень, округъ Сердоболя

(52) Во время войны съ Екатериною II (1788 — 1790).

(54) Петръ Петровичъ.

живущихъ, обратить муку въ сухари, кои отправляя на подводахъ по наряду, ежедневно транспорты, слѣдующіе въ слѣдъ за корпусомъ, прогонявшимъ непріятеля до самыхъ границъ (вновь нами занятыхъ) доставляли ему продовольствіе безостановочно.

Возвратился я въ Петербургъ 30-го Августа по утру. Министра не заставъ дома, явился я на вахтпарадъ. Видѣлъ я, что государь, говоря съ Аракчеевымъ, пристально на меня смотрѣлъ. Лишь сошли они съ лошадей, Аракчеевъ, въ глазахъ его, подошедъ ко мнѣ, спрашиваетъ, чтó я сдѣлалъ. И лишь только оканчивалъ слова, то онъ обнявъ меня, цаловалъ и крѣпко жалъ руку. Я пошелъ въ слѣдъ за нимъ въ комнаты государя: думалъ, что позовутъ меня и кончатъ гоненія; но того не сдѣлалось. И послѣ того Аракчеевъ, выходя въ переднюю, такъ глядѣлъ и поступалъ со мною, какъ то было прежде.

1-го Сентября, лишь наступило время для отставки военнотружащимъ дозволенное, поутру рано, послалъ я при рапортѣ графу Аракчееву прошеніе къ государю, ничего не прося кромѣ увольненія.

На другой день возвратилъ мнѣ гр. Аракчеевъ рапортъ мой и прошеніе при партикулярномъ письмѣ, объявляя, что государь завтра отъѣзжаетъ, то не смѣетъ онъ его симъ беспокоить.

Надлежитъ знать: государь предпринялъ путешествіе въ городъ Эрфуртъ для свиданія съ Французскимъ императоромъ Наполеономъ. Предъ симъ не за долго, Гишпанскій король также для свиданія съ нимъ пріѣхалъ чрезъ границу своего королевства, былъ взятъ и отвезенъ во Францію. Сіе было поводомъ многихъ толковъ и сумнѣній у насъ; слѣдовательно, домогаться отставки и принимать для

того крупныя мѣры казалось не пристойно. И такъ, рѣшась молчать, продолжалъ я дѣлать свое дѣло, отъ всего сердца, какъ слѣдуетъ дворянину.

17-го Октября 1808 года государь возвратился, и тотъ же день пославъ графу Аракчееву при рапортѣ прошеніе мое объ отставкѣ, сказавшись больнымъ, остался я дома.

На третій день получаю при рескриптѣ, въ Веймарѣ подписанномъ, брилліантовые знаки ордена Св. Анны 1-го класса. И въ тоже время множество чиновниковъ къ графу Аракчееву приближенныхъ, ко мнѣ пріѣзжая, уговаривали оставить намѣреніе идти въ отставку. Но я, объявивъ невозможность сіе сдѣлать, оставался дома неподвижнымъ. Въ продолженіи сего времени слышалъ, что какая-то размолвка у государя съ Аракчеевымъ была, и онъ поѣхалъ въ свою деревню, чтó обыкновенно дѣлывалъ при всякихъ непріятныхъ для него случаяхъ.

По возвращеніи графа Аракчеева, какъ видно на мировой, присуждено и исполнено: государь возвратилъ мнѣ мое къ нему прошеніе, написавъ на другой сторонѣ карандашемъ своею рукою слѣдующее: „Если бы генераль-провіантмейстеръ, подавъ прошеніе въ отставку, остался, какъ слѣдуетъ, при исполненіи своей обязанности, доколѣ назначенъ будетъ ему преемникъ, исполнилъ бы онъ тѣмъ долгъ свой; но отъѣвъ, имъ сдѣланной о нехотѣннй заниматься своимъ порученіемъ, нарушаетъ оный совершенно. Дѣлаю ему за сіе строгій выговоръ, напоминая остаться въ предѣлахъ, службою опредѣленныхъ. Въ противномъ случаѣ напомнимъ я ему со всею тою строгостію, съ кою привыкъ я поправлять нарушителей порядка“.

Въ понедѣльникъ по утру получили я пакетъ, государевою печатію запечатанный. Фельдъегерь, мнѣ его привезшій, объявилъ, что онъ дежурный при государѣ; но послѣ отъ самаго графа Аракчеева (какъ видно, для показанія его всемогуща) я узналъ, что отправилъ онъ ко мнѣ пакетъ по утру для того, чтобы не безпокойно я провелъ ночь.

Получа сіе писаніе, нѣсколько минутъ въ великомъ я былъ недоумѣніи, что дѣлать. Если бы не обязанъ былъ семействомъ, и жена (мнѣ милѣе всего) не была бы беременна седьмой уже мѣсяцъ⁽⁵⁵⁾, рѣшился бы я предать себя гоненію. Но подумалъ, когда за неповиновеніе государю возмутъ въ крѣпость и отдадутъ подъ судъ: то сколько несчастій можетъ сдѣлаться въ моемъ домѣ, и слѣдовательно потерю я вдругъ все то, чѣмъ жизнь моя мнѣ сладостна.

Покорясь своей участи, поѣхалъ я къ графу Аракчееву. Нѣсколько времени заставилъ онъ меня дожидаться въ его передней, и между тѣмъ приказалъ изготовить карету. Послѣ чего впущенъ я былъ въ кабинетъ, гдѣ нашелъ его совсѣмъ готовымъ ѣхать. На вопросъ: что вамъ угодно, я сказалъ, что получилъ гнѣвъ государя и не знаю за что. Онъ отвѣтствовалъ, будто ничего, о томъ не знаетъ, на слова мои, что обнесень видно я государю какъ неблагодарный подданный, служить ему не желаюшій. — „Но я бы готовъ былъ во всякомъ другомъ

званіи доказывать ему вѣрность мою“. Онъ отвѣтствовалъ съ злобною улыбкою: „Государь хочетъ, чтобы вы ему служили генералъ-провіантмейстеромъ“. На сіе я возразилъ, что я не способенъ къ сей должности. Тутъ съ злѣйшею улыбкою онъ продолжалъ: „Полноте, ваше превосходительство, коли вы не способны, то кто же есть способнѣе васъ?“ На сіе я сказалъ: „Уже и потому я не способенъ, что вы меня не любите и разстраиваете важнѣйшую часть мнѣ вѣранныхъ дѣлъ личнымъ ко мнѣ недоброжелательствомъ“. Тутъ начинается цѣлая громада словъ. Онъ спрашиваетъ объясненія, въ чемъ состоятъ его недоброжелательства, служація къ разстройству мнѣ препорученныхъ дѣлъ. Я ихъ объявилъ по порядку. Онъ все оговаривалъ, силясь вездѣ доказать порядокъ службы, индѣ доказывалъ разность нашего о вещахъ понятія, и потому казавшееся мнѣ дурнымъ намѣреніемъ; въ иныхъ случаяхъ записался онъ съ божбою. Словомъ, видя злость и подлость достойнаго презрѣнія человека, которому покоряться было надобно, не оставалось мнѣ болѣе ничего, какъ сказать ему: „Я поѣду въ провіантскую экспедицію и буду въ службѣ по прежнему“. При сихъ словахъ онъ, вставъ со стула, мнѣ поклонился, сказавъ: „Я долженъ сей часъ ѣхать къ государю, у меня уже карета готова и пересказывать ему все то, что ваше превосходительство говорили“. Тутъ я просилъ сими словами: „Когда ваше сіятельство должны довести разговоръ нашъ до свѣдѣнія государя, пожалуйста присовокупите къ тому, что въ семъ несчастномъ для меня случаѣ, берегши себя, считалъ я нужнымъ побережъ и его: ибо самодержавному

⁽⁵⁵⁾ Когда объявилъ я намѣреніе моей женѣ, то произвело такое волненіе, что открылись женскія болѣзни.

Послѣдствія доказываютъ важность сего случая: — родившаяся дочь Софья все время ребячества была больна и выросшая весьма слабого сложенія. Примѣч. Д. Б. Мертваго.

государю не пристойно наказывать подданнаго за то, только, что онъ, признавая свою неспособность, просить увольненія отъ должности, превышающей мѣры силъ его. Отдавъ меня подъ судъ, увѣряю васъ, что умысленной вины не нашли бы за мною. Я подпишу самъ себѣ смертную казнь, если найдется, что во всю мою жизнь имѣлъ бы то ни было когда я покорыствовался или во зло употребилъ довѣренность, мнѣ данную.⁴

Послѣ приѣзда въ экспедицію, лишь принялся я разсматривать бумаги, въ недѣлю небытности моей вступившія, позвали меня въ присутствіе военной коллегіи для слушанія дѣлъ. Тамъ всѣ, какъ испуганныя козы, на меня глядятъ, и никто спросить ни о чемъ не смѣетъ. Всѣ однакоже поздравляютъ съ полученіемъ брилліантовыхъ знаковъ, освѣщающихъ темноту моего грустнаго состоянія. Цѣлую ту недѣлю ни къ кому я не ѣздилъ, все упражнялся въ дѣлахъ дома и въ экспедиціи.

Въ слѣдующее воскресенье надлежало мнѣ благодарить за свѣтящіе алмазы. Былъ представленъ къ государю вмѣстѣ со множествомъ младше меня. Онъ, учтиво мнѣ поклонясь, не удостоилъ и взглядомъ, а со всѣми прочими, какъ бы нарочно мнѣ въ обиду, останавливался говорить. Лишь только отошелъ онъ отъ меня, графъ Араччеевъ съ ласковымъ видомъ подступилъ ко мнѣ и дружески жалъ мою руку въ его присутствіи.

Предъ обѣдню надлежало представляться императрицѣ; въ то время много было представляющихся ей одной и имъ обоимъ. Государь и тутъ, противу своего обыкновенія, останавливаясь, со всѣми говорилъ кромѣ одного меня.

Въ эту осень и зиму много было баловъ въ Эрмитажѣ и у удовольствующей императрицы. Меня всюду зовутъ наряду съ знатными боярами, имѣю я входъ за кавалергарды; но всякой разъ вездѣ чувствовать боль долженъ гнѣвъ государя; ибо всегда онъ подходилъ говорить съ тѣми, кто случался быть возлѣ меня, но меня никогда и ласковымъ словомъ не удостоивалъ. Иногда случалось встрѣтиться глазами нашими, онъ въ тотъ мигъ отворачивался. Известно всѣмъ, кто дворъ самодержавнаго государя знаетъ, какъ всѣ при дворѣ находящіеся и хотя нѣсколько къ оному прикосновенные послѣдуютъ волѣ государя. Въ слѣдствіе чего, всегда въ болышой будучи бесѣдѣ, оставался я одинъ. Привыкнувъ къ униженію, уже мало оно меня трогало. Уединеніе среди людей давало просторъ мыслямъ къ разсужденію о суетѣ міра сего и о надобности презирать все то, за чѣмъ большая часть людей гоняется.

Въ продолженіе сего времени, бывая у министра для изъясненій по дѣламъ, принимаемъ быть всегда вѣжливымъ, но какъ человѣкъ, котораго онъ остерегается и не любитъ. Однажды въ кабинетъ его, разговаривая о разныхъ обстоятельствахъ по службѣ, при одномъ свидѣлѣ изъ приближенныхъ его артиллерійскихъ генераловъ, что случилось весьма рѣдко, началъ онъ хвалить артиллерию генераль-майора Ильина, опредѣленнаго иманнымъ указомъ, въ представленію его, управлять комиссіею С.-Петербургскаго депо и быть членомъ при экспедиціи. Ему вмѣнялъ онъ въ большое достоинство, ненатузанную ено, глупую, а можетъ быть и на воровствѣ основанную смѣлость, и что часто онъ представляетъ ему на утвержденіе о томъ.

что уже сдѣлалъ (что не могло быть иначе какъ съ уничтоженіемъ моего званія). Въ сіе время при разсужденіяхъ возразилъ я ему, такъ какъ безъ свидѣтелей всегда говаривалъ: „Видите ли, ваше сіятельство, разность понятій нашихъ, почему и не гоюсь я быть генераль-провіантмейстеромъ; ибо я г. Ильину всегда говорю, чтобы онъ учреждалъ дѣла, ему ввѣренные, такъ какъ законъ велитъ, и поступалъ бы поосторожнѣе, потому что сего рода дѣла долговременно считаются и повѣряются.“ Вмигъ видъ Аракчеева перемѣнился злобнымъ образомъ. Глядѣлъ долго на меня, ковыряя пальцомъ въ носу, что была его привычка въ злобныя минуты. Потомъ, оборотясь къ сидящему по другую сторону генераль-майору Ставицкому, началъ разсказывать дѣйствіе двухъ артиллерійскихъ генераловъ, изъ коихъ одинъ былъ смѣлъ, и дѣла его шли успѣшно, а другой былъ трусливъ, о всемъ спрашивался, и потому теченіе дѣлъ замедлялось, онъ его замучилъ вопросами и самъ умеръ отъ сумнѣній. Объясняя характеръ сего послѣдняго, онъ портретъ мой описывалъ. Всѣ мои дѣйствія представляя самыми глупыми, наполнялъ разговоръ бранными словами, приличными подлому его воспитанію. Все сіе выслушивалъ я терпѣливо; ибо бранилъ онъ человѣка мнѣ незнакомаго и ко-его нѣтъ на свѣтѣ. Наконецъ, когда онъ кончилъ рѣчь, я обратился къ тому же свидѣтелю, просилъ выслушать отъ меня защищеніе покойнику, дѣлами убитенному. Рѣчь сія смѣшна показалась; они оба протянули уши. Началъ я приведеніемъ примѣровъ, сколько было несчастныхъ людей, казенныя деньги расходовавшихъ, которые чрезъ нѣсколько лѣтъ должны были оправдываться и тогда,

когда всѣ обстоятельства забыты, когда судятъ ихъ дѣла люди, минувшихъ обстоятельствъ не знавшіе и осуждаютъ виноватыми въ такихъ дѣйствіяхъ, кои въ настоящемъ времени должны бы были быть похваляемы. Продолжая далѣе, приводилъ я въ примѣръ самыхъ знатныхъ бывшихъ людей: князя Менщикова, у коего отнятая деревня ⁽⁵⁶⁾ въ казну досталась графу Аракчееву. И напоследокъ, говоря о времени князя Потемкина, спросилъ я Аракчеева: „Ваше сіятельство, помните сіе время и несомнѣнно увѣрены, что онъ былъ сильной бояринъ, и въ его время осмѣлился ли бы кто изъ подчиненныхъ не исполнить его приказанія? Но извѣстны же вамъ и послѣдствія. Сколько людей убито несчастіемъ за то, что ему не противорѣчили. И самые его наслѣдники, 80/т. душъ раздѣлившіе, доведены были до банкротства, если бы покойный государь не прекратилъ взысканія, по счетамъ на него упавшаго за то единственно, что онъ поступалъ съ казенными дѣлами по домашнему.“ Послѣ сего тономъ, весьма умѣреннымъ, онъ мнѣ сказалъ: „Вы меня въ сумнѣніе приводите. Такъ моего Грузина (такъ называется пожалованное ему имѣніе) не достанетъ для счетовъ, которые сдѣланы быть могутъ?“ На сіе я отвѣтствовалъ: „какъ Грузина! Если бы государь пожаловалъ вамъ всю Новгородскую губернію, то и ея будетъ мало. Въдъ ваше сіятельство слишкомъ сто милліоновъ рублей въ годъ издерживаете и поступаете весьма самовластно и часто законамъ противно, какъ-то требуютъ обстоятельства нынѣшняго крутаго времени“. Онъ спросилъ: чтоже дѣлать? Я отвѣтствовалъ: „представлять свои дѣй-

(56) Знаменитое Грузино.

ствія на судъ въ тоже самое время, и пользуясь довѣренностію къ вамъ государя, сдѣлать славное для васъ дѣло—сочинить законъ для военнаго департамента, коего вовсе нѣтъ. И при всякомъ государѣ возобновляемо было намѣреніе оный сдѣлать; въ слѣдствіе чего написать каждому чиновнику и самому министру инструкцію, гдѣ изложить ясно и во всей подробности, въ чемъ состоитъ каждого обязанность, отвѣтственность и степень власти. Когда государь утвердитъ такое постановленіе и оно приметъ за законъ государственный, тогда всякой будетъ правъ, идя по чертѣ ему предначертанной. Въ особливыхъ же случаяхъ, докладывать государю и получать письменныя его разрѣшенія. Подумавъ нѣсколько, графъ Аракчевъ спросилъ меня: „Ну, какъ же вы думаете приступить къ совершенію сего намѣренія? Это вѣдь громада необъятная бумагъ, и досугъ ли теперь это дѣлать?“ Я отвѣтствовалъ: „Начните по частямъ. Прикажите мнѣ подать вамъ прожектъ, какъ учредить часть провіантскую, и какія кому дать инструкціи, представьте оный государю. Вѣдь при васъ онъ мнѣ обѣщать изволилъ дать правила, въ чемъ состоитъ моя должность и какую степень власти я имѣю“. На сіе онъ мнѣ сказалъ: „Знаете ли, что государь сдѣлаетъ? Неужели вы думаете, что онъ имѣетъ довольно времени, чтобы читать эту кучу бумагъ? Нѣтъ, онъ прикажетъ отдать въ совѣтъ или комитетъ на уваженіе. А тамъ въ спорахъ о каждой строкѣ пройдетъ много времени, которое мнѣ для дѣла нужно. И только лишь по напрасну испортится во мнѣ нѣсколько фунтовъ крови.“ — „И такъ, отвѣтствовалъ я, извольте поступить инымъ образомъ“. — „А какъ?“ онъ спросилъ. —

„Представьте государю, что я сумнительный человекъ, какъ думаю вы и полагаете, что я надобѣлъ вамъ о всякой бездѣлицѣ спрашиваясь; потому что нѣтъ ни на что чистаго закона, и ни одинъ еще изъ предмѣстниковъ моихъ не отошелъ отъ должности сей спокойно; то прошу я разсмотрѣнія мною сочиненныхъ инструкцій мнѣ и всякаго чина подчиненнымъ моимъ. Скажите, что вы сего и не читали, а просите, чтобы мнѣ приказано было, какъ статсъ-секретарю, докладывать въ совѣтъ, гдѣ вмѣстѣ съ прочими членами и вы будете слушать и приказывать перемѣнять то, что не совмѣстнымъ покажется“. Сіе принявъ онъ съ довольнымъ уваженіемъ, но ничего по тому не сдѣлалъ.

Продолжали разговоръ далѣе о представленіи отчетовъ въ свое время и о надобности, дабы незамедлительно оныя разсмотрѣны были сенатомъ и утверждены государемъ: разумѣется отчетъ начальнической о распоряженіяхъ, а не счета подчиненныхъ, которые и послѣ сочтены быть могутъ. Я предполагалъ, чтобы далъ онъ приказаніе всеѣмъ начальникамъ департаментовъ, ему подчиненныхъ, подать ему таковой отчетъ, изъ коихъ сочиня генеральный, представилъ бы онъ сенату на основаніи манифеста, при учрежденіи министерствъ изданнаго. Распрощались мы друзьями, и онъ просилъ меня приступить къ дѣлу, слѣдуя моему плану.

На другой день послалъ я къ нему записку, содержащую расположеніе отчета; просилъ разсмотрѣть и поправить, если что считаетъ нужнымъ. Онъ, возвратя мнѣ мою записку, писалъ своеручно, что все очень хорошо, и таковымъ отчетомъ заслужу я не его, а общее отъ всѣхъ уваженіе.

Принявшись за дѣло со всевозможнымъ прилежаніемъ, замуча всѣхъ моихъ подчиненныхъ выписываніемъ свѣдѣній, къ отчету принадлежащихъ, представилъ я его. Но оный остался безъ всякаго дѣйствія. Мнѣ сказывали послѣ, будто «министръ» недоволенъ, для чего дѣйствія его не были тутъ выхваляемы.

Комитетъ, при военной коллегіи учрежденный для пересмотра штатовъ и разсужденія о способахъ сократить порядокъ въ производствѣ дѣлъ по военному департаменту, началъ требовать отъ меня начертанія о провіантскомъ департаментѣ. Члены сего комитета, въ числѣ коихъ наименованъ былъ и я, таковы случились, что и уѣздными судьями довольно бы имъ было находиться. Нѣсколько опытовъ удостовѣрило меня въ сей истинѣ. Однажды, когда они меня очень раздражили, я сказалъ, что не могу ничего писать; ибо комитетъ учрежденъ для сокращенія порядка въ канцелярскомъ производствѣ, а по провіантскому департаменту нужно дать ему совсѣмъ новое образованіе. Разговаривая съ нѣкоторою горячностью о многомъ, я говорилъ и то, какъ бы ему устроено быть надлежало. На требованіе написать сей прожектъ, я сказалъ, что поелику сіе противно установленію покойнаго государя и въ имянномъ указѣ по коему комитетъ сей учрежденъ, о семъ не дозволяется разсуждать; то я безъ особливаго повелѣнія не приступлю къ дѣлу. Сіе общимъ приговоромъ велѣно было записать въ журналъ. Тутъ жаръ мой нѣсколько прошелъ, и я одумавшись, разсудилъ, чтобы журналистъ не навралъ чего лишняго или превратнымъ толкомъ, просилъ присутствіе дозволить мнѣ самому на-

писать тутъ же въ присутствіи все то, о чемъ я говорилъ.

Вѣроятно, что въ волненіи и при шумѣ двѣнадцати человѣкъ членовъ не могъ я порядочно все изобразить. Журналъ сей лишь дошелъ до министра, онъ, какъ имѣющій право объявлять иманные указы, написалъ, чтобы комитетъ предоставилъ мнѣ написать все, что для преобразованія департамента почитаю я нужнымъ; только далъ на примѣчаніе, что въ объясненіи моемъ комитету виднѣть онъ, что всѣ обязанности возлагаются на подчиненныхъ, а генераль-провіантмейстеру и дѣлать будетъ ничего. Хотя весьма онъ совралъ, ибо начальнику всегда будетъ много дѣла, смотрѣть за дѣйствіями подчиненныхъ; но я оставилъ безъ возраженія, полагая, авось изъ сего начинанія произойдетъ польза.

Увидясь съ графомъ Аракчеевымъ и изъясняя касательно его замѣчанія, просилъ дозволенія прежде подачи въ комитетъ представить ему мой прожектъ, сказавъ откровенно, что всѣ комитетскіе члены суть господа ему послушные: если онъ разсмотритъ и отошлетъ къ нимъ мое писаніе съ одобреніемъ, то дѣло кончится скорѣе, а иначе много будетъ препія, отнимающаго у меня время для другихъ важнѣйшихъ дѣлъ. Сіе принялъ онъ съ учтивостію и, казаясь, доброхотно, и препоручилъ мнѣ увѣдомить его, когда писаніе мое готово будетъ къ слушанію.

Оконча сіе дѣло, увѣдомилъ я графа Аракчеева, который въ самый день засѣданія комитета и во время, когда члены собрались, прислалъ за нѣкоторыми изъ мнѣю къ нему прѣхать. Симъ, навѣрное считать можно, хотѣлъ онъ меня поссорить съ

прочими, къ нему не приглашенными, въ чемъ онъ и успѣлъ.

До двѣнадцатаго часа вечера слушали мое начертаніе, прерываемое разсужденіями и преніями слегка. Всѣ слушатели раболѣпно слѣдовали мнѣнію графа Аракчеева и каждое его слово расплоскали разговорами; но вездѣ онъ, слѣдовательно и они, соглашались со мною. Выбившись изъ силъ, не прослушавъ и четвертой части, отложили продолженіе до другого времени.

Черезъ нѣсколько времени графъ Аракчеевъ, отъѣзжая въ свою деревню на короткое время, сказалъ мнѣ: „Пожадуйте мнѣ ваше начертаніе прочитавъ на досугъ въ деревнѣ“. Я оное ему вручилъ, и онъ послѣ цѣлый годъ не упоминалъ мнѣ о немъ, а нѣсколько правилъ отъ себя выданныхъ и государемъ утвержденныхъ написалъ, точно слѣдуя моему мнѣнію.

Въ концѣ осени предположено министромъ было и государемъ подтверждено сдѣлать во многія мѣста заготовленіе хлѣба подрядомъ, производя торги (кромя Петербурга) въ казенныхъ палатахъ подъ предѣлительствомъ губернаторовъ. Для присутствія жъ при торгахъ возложено на меня командировать въ каждую изъ тѣхъ губерній по одному провіантскому комиссіонеру, коихъ считаю я благонадежнѣйшими. Для Рижскихъ магазиновъ предположено купить хлѣбъ въ Смоленской губерніи, куда я командировалъ я чиновника изъ Москвы. Въ слѣдствіе предписаній, о томъ учиненныхъ, Смоленской губернаторъ, по окончаніи третьяго торгоу, представилъ на утвержденіе военному министру, объявляя, что цѣны сходны, понизить ихъ не находить онъ средства, и поставщики, имъ

склоненные, едва согласились дожидать времени, какъ разрѣшеніе его получено быть можетъ; по минованіи жъ того срока они отказываются отъ совершенія обязательствъ, требуя между тѣмъ прислать съ тѣмъ же надрочно посланнымъ третью часть денегъ и согласиться уменьшить число залоговъ противу того, какъ уже государемъ было на сей образъ заготовленія подтверждено.

Графъ Аракчеевъ, продержавъ нѣсколько дней у себя сіе представленіе и мнѣ онаго не тобъявляя, наконецъ, за три дни до срока, прислалъ всѣ бумаги при предписаніи, что возлагаеть онъ на меня рѣшиться утвердить контрактъ, или инымъ способомъ сдѣлать заготовленіе для Риги, гдѣ хлѣбъ весьма былъ надобенъ.

Соображая все, что есть и быть можетъ, видѣлъ я себя на трудномъ пути. Рѣшиться утвердить контрактъ казалось мнѣ безсовѣстно, ибо цѣны нельзя было считать умѣренными. И какъ можно мнѣ было утвердить такія обязательства, гдѣ залогимъ уменьшены противу плана, государемъ подтвержденнаго? Разрушить сіе всѣми губернскими чиновниками сдѣланное постановленіе и велѣть тамъ же моему подчиненному покупать, ожидать я, что начнутъ ставить во всемъ препятствія. Да и не могъ я навѣрно надѣяться на честность подчиненнаго мнѣ комиссіонера. Слѣдовательно, не благорасположенный ко мнѣ начальникъ будетъ имѣть всѣ средства представить меня государю такимъ, какимъ ему захочется. Пробывъ онъ сколько часовъ въ жестокой борьбѣ мыслей, наконецъ, помолясь усердно Богу, рѣшился я разрушить контрактъ и послать деньги тому чиновнику, который въ Смоленскѣ находился, и поручилъ ему покупать

хлѣбъ, написавъ притомъ партикулярное ему письмо, въ коемъ, изъясняя чистую правду, совѣтовалъ не пользоваться на семъ пути, увѣряя при томъ, что если совершитъ онъ дѣло съ желаемымъ успѣхомъ, то буду я всемѣрно стараться о исходатайствованіи ему милости государственной, и можетъ быть, усердіемъ его и искусствомъ очистить онъ весь департаментъ отъ посрамленія, имъ претерпѣваемаго.

Дѣйствіе сіе имѣло успѣхъ: хлѣбъ купленъ и доставленъ обеззабочено залогомъ. Покупкою сею противу цѣнъ по контрактамъ просимымъ сбережено казны болѣе ³⁰⁰/т. руб. Все мое стараніе о награжденіи сего чиновника было безъ успѣха. Напротивъ того, многимъ шиканамъ и придирамъ отъ министра онъ былъ подвергаемъ. Но наконецъ, по многимъ моимъ усиліямъ, вмѣсто просимаго ему генерала-маіорскаго чина (ибо онъ уже десять лѣтъ служилъ военнымъ совѣтникомъ) пожалованъ ему орденъ св. Анны съ бриліантами, потому что уже имѣлъ онъ его безъ сего украшенія.

Въ исходѣ декабря 1808 (въ тотъ самый день, когда всѣ заняты были парадомъ и церемоніальною встрѣчею короля и королевы Прусскихъ, въ Петербургъ пріѣхавшихъ), безъ всякаго предварительнаго о томъ свѣдѣнія, получилъ я именной указъ, коимъ повелѣвалось немедленно ѣхать въ Эстляндію, Лифляндію и Курляндію для мѣстныхъ распоряженій по продовольствію войскъ, учрежденію запасовъ и развозкѣ провіанта и фуража по кордону, гдѣ въ лѣтнее время для обороны береговъ войска будутъ находиться. Въ сіе время жена моя на сносяхъ была беременною и отъ бывшихъ крутыхъ со мною пе-

реворотовъ крайне нездоровою. Что я тогда чувствовалъ, это Богъ только знаетъ; однако же поѣхалъ, и послѣ меня чрезъ нѣсколько часовъ жена моя родила дочь Софію 1808 года декабря 29 дня.

Въ именномъ указѣ дано мнѣ было полномочіе дѣйствовать, какъ признаю за лучшее, и повелѣно не тратить время въ сношеніяхъ о утвержденіи цѣнъ и кондицій, а только для доклада государю доносить военному министру о томъ, что и какъ сдѣлано мною. Въ окончаніи сказано: «само собою разумѣется, что по сношенію съ военнымъ министромъ должны вы взять съ собою сумму денегъ соразмѣрно надобности».

Явясъ къ министру для полученія его приказаній, я сказалъ, что въ указѣ упоминается о развозахъ, слѣдовательно понадобятся мнѣ конвойные изъ полковъ, также нужно, можетъ быть, будетъ требовать и другихъ пособій; и такъ не сообразовалъ ли онъ предписать о семъ дивизіоннымъ начальникамъ. Вмигъ сіе исполнено, и въ ордерахъ написано: удовлетворять моимъ требованіямъ, не сказавъ, какимъ. За тѣмъ, разсуждая о деньгахъ, спросилъ онъ меня: сколько я взять предполагаю? Я назначилъ сумму гораздо менѣе надобности. Онъ согласился и велѣлъ написать предположеніе въ экспедицію.

Намѣреніе мое состояло въ томъ, чтобы попробовать провіантскую часть поставить на другую стезю посредствомъ подчиненія воинскимъ начальникамъ, какъ то до царствованія Павла I-го было: уменьшеннымъ же числомъ денегъ оберечь себя: ибо по недостатку оныхъ я пришлю требованіе, и тогда напишу министру для доклада государю все, что я дѣлаю. Слѣдовательно, когда деньги, по

повелѣнію его мною требуемая, пришлются, то съ тѣмъ вмѣстѣ и дѣйствія мои утверждены будутъ.

Пріѣхавъ въ Ревель, видѣлъ я голландную сторону, гдѣ ничего нѣтъ. Обыватели для собственнаго пропитанія, покупая въ Ригѣ хлѣбъ, перевозятъ его. По причинѣ войны съ Англіею и Швеціею, военный нашъ флотъ, проигравъ одну баталію, не смѣлъ и показаться; слѣдовательно всѣ транспорты должны были быть сухопутные, а сіе возвышало цѣну до непомѣрности, и не находилось довольныхъ способовъ къ удовлетворенію надобности.

Посоветуясь съ дивизионнымъ начальникомъ г. Лавровымъ, человѣкомъ умнымъ и прямому добру содѣйствовать готовымъ, рѣшили мы такимъ образомъ: по силѣ именнаго указа я потребую а онъ на основаніи ордера (отъ министра съ изображеніемъ воли государя полученнаго) исполнить: 1-е, соглашать полковыхъ шефовъ, чтобы приняли они въ Ригѣ двумѣсячную пропорцію провіанта, перевезли его на подъемныхъ лошадяхъ, употребя къ сему полковыхъ воинскихъ служителей. Для покупки збрुи и одежды зимней людямъ, также и для приумноженія порціи лошадямъ, дамъ я за провозъ такую цѣну, какая вольнонаемнымъ платится. Симъ средствомъ, кромѣ скорости въ дѣлѣ и чистоты въ расчетахъ, и ту еще полагали мы пользу, что лошади во время пути будутъ питаться чужимъ кормомъ; слѣдовательно несѣдненное ими количество остается для удовлетворенія надобности весною, когда военныя движенія потребуютъ содержать лошадей въ сытости. 2-е, на томъ же указѣ и ордерѣ основываясь, подчиню я дивизионному командиру г. Лаврову всѣхъ въ Эстляндіи провіантскихъ комис-

сіонеровъ, а онъ велитъ имъ покупать что купить можно и будетъ надзирать за ихъ дѣйствіями. 3-е, чтобы продолжительною покупкою сѣна въ мѣстахъ будущаго кордоннаго войскъ расположенія не возвысилась цѣна (а паче когда то дѣлать будутъ провіантскіе комиссіонеры) г. Лавровъ пошлетъ полковыхъ офицеровъ столько, чтобы повсемѣстно вдругъ все количество было куплено; и наконецъ 5-е, изъ суммы, налично со мною имѣвшейся, дамъ я г. Лаврову 500/т. руб., въ коихъ онъ представитъ отчетъ.

Чтобы сіе распоряженіе еще тяжелоуслѣдилось и содѣйствуемо бы было отъ гражданскаго начальства, пригласили мы губернатора къ разсужденію о способахъ, и тутъ же при немъ я написалъ и мы всѣ трое подписали. постановленіе и каждому давъ по экземпляру для взаимнаго руководства и исполненія, послалъ я оригинальное къ графу Аракчееву и получилъ благодарственный отзывъ.

Пріѣхавъ въ Ригу, увидѣлъ я всеѣмъ другія обстоятельства: городъ торговый, гдѣ находятся конторы, для Англіи торгъ производящія. Множество хлѣба, по запрещенію выпуска, лежащаго въ бунтахъ; но все зерномъ, ибо готовился для отпращиванія въ Англію. Чтобы не дѣлать покупки лично самому, я требовалъ произвести торги въ губернскомъ правленіи, слѣдовательно при губернаторѣ; и коль скоро доведено будетъ до умѣренности, спрося губернатора, сходною ли считаетъ онъ цѣну, объявлялъ я, что покупаю. Съ продавца бралась подписка въ губернскомъ правленіи, а я посылалъ за деньгами; отсчитавъ всю сумму продавцу слѣдующую, тутъ же запечатывалъ ее моею и покупщиковою печатью. Пакетъ отдавался губернскому казначею для храненія до тѣхъ поръ,

когда продавец предъявитъ губернатору квитанцію о отдачѣ всего проданнаго имъ количества въ провіантскіе магазины. Сіе также съ похвалою мнѣ было утверждено.

Пріѣхавъ въ Курляндію, нашелъ я совсѣмъ другія обстоятельства. Тамъ всѣ имѣнія принадлежатъ дворянамъ. Въ Курляндію ни отколъ хлѣба не привозится; цѣна за провозъ изъ Риги чрезвычайно высока. Для нагрузки на Американскіе корабли, въ Либау приставшіе, платили купцы отъ Риги по рублю за пудъ желѣза. Вѣроятно, что за хлѣбъ, который тратится въ пути, надлежало бы заплатить дороже. Справочныя въ Курляндіи цѣны показывались на хлѣбъ столь дороги, что по разсужденію комитета министровъ отпущено провіантскому департаменту было по 24 руб. на четверть муки, а соразмѣрно тому крупы и овса.

Адресуясь къ губернскому предводителю тайному совѣтнику барону Корфу, говорилъ я ему: справедливо ли, что въ Курляндію никогда ни отколъ хлѣба привозимо не было, а она всегда отпускала избытки свои въ чужіе края? Онъ истину сію подтвердилъ. „И такъ, я продолжалъ, когда всѣ имѣнія принадлежатъ дворянамъ, за чѣмъ же вижу я, по счетамъ прежнихъ временъ, поставщиками купцовъ и жидовъ?“ Онъ не обинуясь отвѣтствовалъ: „потому что чиновники провіантскіе съ ними торговаться любятъ, изъ насъ же, дворянъ здѣшнихъ, рѣдкіе хотятъ входить въ дѣла съ казною“. Тутъ тономъ, на древнихъ нѣмецкихъ рыцарей похожимъ, спросилъ я его: „полагаете ли вы меня дворяниномъ и по дворянски поступающимъ въ дѣлахъ мнѣ порученныхъ?“ Онъ, похвалая начальный мой съ нимъ поступокъ, сказалъ, что довѣренность ко мнѣ имѣетъ. „И такъ, говорилъ я

ему, сдѣлайте постановленіе: я куплю у дворянства хлѣбъ, а вы, именемъ дворянства, совершите обязательство безъ всякаго приказнаго порядка.“

„Какъ же сіе дѣло кончится, вѣдь вы не останетесь?“ онъ спросилъ. На сіе я объявилъ, что всю сумму, за хлѣбъ доводящуюся, вручу губернатору, который будетъ выдавать по квитанціямъ. Сіимъ онъ сдѣлался доволенъ, и прося отсрочки, чтобы имѣлъ онъ время снестись съ знаменитѣйшими той губерніи помѣщиками, требовалъ, чтобы чрезъ восемь дней пріѣхалъ я опять въ Митаву.

Въ теченіе сего времени провіантскіе мои чиновники, желая разстроить дѣлаемую связь съ дворянствомъ, употребляли всѣ возможныя средства къ показанію, что могутъ купить умѣренными цѣнами; и донесли мнѣ, что, по мелочи, покупая у крестьянъ, можно имѣть по 13 руб. за четверть; но лѣзали купить все надобное количество, не удостовѣряли.

Полагая, что если бы и дороже заплатить я былъ долженъ дворянству, но дѣло сіе будетъ чище, облагороживать станетъ дѣйствіе провіантскія, на предвидущее время послужитъ немалою для казны пользою, а при томъ сблизитъ новоприсоединенныхъ подданныхъ съ интересами государевыми, написалъ я о семъ министру партикулярно своею рукою и поѣхалъ къ назначенному сроку въ Митаву.

Въ домѣ губернскаго предводителя увидѣлъ я не малое число дворянъ, знаменитѣйшихъ по имѣнію и титуламъ. Всѣ они тотчасъ со мною познакомились и чрезвычайно похвалили мой поступокъ; говоря, что такого тона не слыхали еще никогда отъ начальника провіантскаго. Однимъ словомъ, изъяснялись мнѣ языкомъ

рыцарскимъ. Разсуждали о способахъ, какъ бы написать постановленіе и оговорить всѣ случаи, могущіе родить сумнѣніе и дать поводъ къ мошенничествамъ; согласясь на всѣ пункты, попросилъ я бумаги и чернилъ. Написавъ постановленіе, не былъ уже я въ состояніи прочитатъ оное, перевода по французски. И такъ позвали переводчика-нѣмца ко мнѣ въ помощь. По окончаніи чтенія, всѣ, въ восхищеніи отъ моего писанія, единогласно рѣшились имѣть со мною дѣло. Но тутъ представилось главное. Мы согласились, что дворянство, по регистру, отъ меня предложенному, поставить во всѣхъ мѣстахъ Курляндіи назначенное количество цѣною для лучшаго расчета равную. Хотя сіе казалось имъ сперва не удобнымъ, ибо цѣны по пространству Курляндіи были не одинаковы, но наконецъ согласились. О общей же цѣнѣ они меня спросили, какую я за справедливую считаю. Отвѣтъ мой былъ, на основаніи донесеній провіантскихъ, по 13 рубл. за четверть муки. Всѣ вдругъ заговорили, что сіе не возможно. По утѣшеніи рѣчей нѣмецкихъ, которыхъ я не разумѣю, сказалъ я имъ, что, желая обогатить провіантскую часть и приучить чиновниковъ, мнѣ подчиненныхъ, имѣть дѣло съ людьми, отъ которыхъ взятокъ брать не можно, готовъ я рѣшиться и на такую цѣну, которую они назначутъ, какія бы послѣдствія отъ того ни произошли. Они спросили объясненія симъ словамъ, и я отвѣтствовалъ, что писалъ военному министру, предполагая возможнымъ купить по 13 рубл. и по неблагорасположенію его ко мнѣ, о коемъ не только они, но и всѣ знали, могъ я ожидать непріятностей. Тутъ рыцари мои изволновались, и нѣсколько поговоря между собою по нѣмецки, объявили мнѣ, что

когда такъ, то они готовы поставятъ за цѣну, мною назначенную.

Кончилось дѣло наше въ тотъ же день. Постановленіе о согласіи дворянства со мною, при посредствѣ губернатора написанное и нами тремя подписанное, втройней мы каждый взяли, для взаимнаго руководства и исполненія. Денегъ безмала половину я могъ тогда же дать губернатору, обѣщавшись полную сумму доставить немедленно; ибо не могъ почитать, чтобы дѣйствіе сіе не одобрено было, послѣ чего съ наполненнымъ пріятностію воображеніемъ, отужинавъ у предводителя, поѣхалъ я въ Ригу обратно.

Написавъ министру все сіе произшествіе, подробно представя о тѣхъ полезныхъ для казны видахъ, которые для предыдущаго времени усматриваю, увѣдомя до какого количества какого хлѣба и по какимъ цѣнамъ въ Ригѣ для запасовъ купить еще можно, представилъ я изчисленіе, сколько суммы денегъ прислать мнѣ нужно. Представленіе сіе послалъ я съ адъютантомъ моимъ, взятымъ изъ артиллеріи и имѣющимъ знакомство со всѣми артиллерійскими офицерами, при министрѣ служащими.

Возвратившись мой посланный привезъ мнѣ всю сумму денегъ. Всѣ распоряженія мои утверждаются, но холоднымъ тономъ. На постановленіе жъ, съ Курляндскимъ дворянствомъ сдѣланное, написалъ графъ Аракчеевъ замѣчаніе, показывающее малую довѣренность и неуваженіе къ дворянству, и между прочаго, что не назначено имянно сроковъ, когда, сколько, куда поставятъ, а только написано, что для безостановочнаго продовольствія поставятъ по временамъ, какъ дворянству будетъ удобнѣе, стануть они наблюдать, чтобы двумѣсячная пропорція всегда, вездѣ, находилась

наличною въ магазинахъ провіантскихъ. При таковомъ замѣчаніи предписывалъ онъ мнѣ согласить дворянство, чтобы къ апрѣлю мѣсяцу была вездѣ поставлена хотя третья часть. Получа сіе, будучи боленъ такъ, что не могъ вставать съ постели, послалъ я съ адъютантомъ моимъ всѣ деньги къ губернатору и выписку изъ предписанія министра касательно замѣчанія на постановленіе съ Курляндскимъ дворянствомъ, прося его показать предводителю сію бумагу и попросить его, не разсудить ли вывести меня изъ непріятнаго положенія.

Предводитель, посовѣтуясь съ наличными въ Митавѣ дворянами, на той же выпискѣ написалъ, что все то, что министръ замѣчаетъ, будетъ исполнено; касательно жъ сроковъ сдѣлано будетъ болѣе, ибо приняты уже мѣры о поставкѣ всего количества до апрѣля мѣсяца.

Въ сіе же самое время получилъ я имянной указъ государя; пишетъ, что, видѣлъ изъ донесеній моихъ къ министру, съ какимъ успѣхомъ идетъ дѣло, мнѣ препорученное; объявляя о недостаткахъ въ новоприсоединенной Финляндіи, приказываетъ постараться, нельзя ли изъ Риги отправить въ Свеаборгъ до 10 т. четвертей на купеческихъ судахъ, которые бы вмѣстѣ со льдомъ выдти могли.

Все исполня, соверша покупки запасовъ, нанялъ я также съ публичнаго торга отвозчиковъ по мѣстамъ. Лишь получилъ малую свободу отъ болѣзни, поѣхалъ я чрезъ Бѣлоруссію обратно; а прямо изъ Риги послалъ въ Петербургъ адъютанта съ отчетомъ и подробнымъ о всемъ донесеніемъ.

Въ Петербургъ пріѣхалъ я въ тотъ день, когда министръ собирался ѣхать въ Або, для предпріятія перейти чрезъ Аландскіе острова, и изъ другихъ еще

двухъ пунктовъ въ Швецію. Я, не могши ходить (ибо распухшая нога ступать не позволяла) послалъ адъютанта словесно объявить министру о моемъ возвращеніи и невозможности къ нему явиться. Въ вечеру того же дня получилъ отъ него письмо, коимъ очень ласково извиняется, что, долго пробывъ у государя, не могъ меня видѣть; оканчивается тѣмъ, что просить имѣть къ нему довѣренность и чаще писать къ нему въ Або.

Чрезъ нѣсколько дней, сдѣлавшись въ состояніи одѣться, поѣхалъ я въ воскресенье во дворецъ и просилъ быть представленнымъ государю на равнѣ съ прочими военными чиновниками, послѣ вахтъ-парада представляющимися. Помѣщенные къ государю крестуры гр. Аракчеева, которыя во время его отсутствія докладывали по дѣламъ, увѣрительно объявили, будто мнѣ представляться не нужно, и что въ тотъ день представленія не будетъ. Но, я сказавъ, что мнѣ кажется не прилично не представиться тогда, когда я былъ въ отпускѣ по его указамъ, требовалъ отъ коменданта и дежурнаго генераль-адъютанта доложить по крайней мѣрѣ о томъ, что я пріѣхалъ и представиться желаю. Всѣ были еще въ заблужденіи и думали, не буду ли позванъ въ кабинетъ, гдѣ безъ бытности Аракчеева могу объясниться и поправить мои тяжкія обстоятельства. Скоро начинается бѣготня въ передней предъ кабинетомъ, гдѣ я и множество людей находилось. Стали искать, кто еще будетъ представляемъ. Мнѣ объявлено, что государь пойдетъ смотрѣть рекрутъ; и я на пути его вмѣстѣ съ прочими буду ему представленъ.

Государь, подошедъ ко мнѣ, ласковымъ видомъ спросилъ, давно ли я пріѣхалъ; потомъ тономъ, секретъ по-

казывающимъ, спросилъ: „кончили все?“ Я отвѣтствовалъ: „кончилъ“. Тутъ поклонясь, пошелъ онъ прочь.

Успѣшное исполненіе проекта Аракчеевскаго о переходѣ войскъ чрезъ Ботническій заливъ на Шведскіе берега, сдѣлавшееся отъ того въ Стокгольмѣ волненіе, по коему король арестованъ, возведенъ другой, и начавшіеся переговоры о мирѣ, всѣ претензіи наши удовлетворяющимъ, сдѣлали Аракчеева сильнѣе прежняго, и онъ со славою чрезъ мѣсяцъ возвратился.

При свиданіи со мною, обошелся онъ очень ласково и учтиво. Но поелику прошло уже время и даже надобность преодолевать тѣ трудности, которыя могъ преодолѣть, то и рѣчей было мало. Всѣ занимались награжденіемъ военныхъ, чрезъ Ботническій заливъ переходившихъ, и политическими дѣлами касательно скорѣйшаго заключенія мира.

Миръ заключенъ въ Фридрихсгамѣ, гдѣ находился министръ иностранныхъ дѣлъ⁽⁵⁷⁾. Сдѣлано большое военное празднество въ Петербургѣ. Множество вышло награжденій чиновникамъ въ войнѣ бывшимъ. Управляющему комиссіею С. Петербургскаго деноданъ орденъ Св. Анны 1-го класса; а обо мнѣ нигдѣ ни словомъ не упоминалось, какъ бы вовсе былъ посторонній въ дѣлѣ военномъ человѣкъ.

Начавшаяся война Французовъ съ Австрійцами вмѣшала насъ въ дѣло. Составлена армія въ Литвѣ, поручена въ команду ген.-князя Голицына. Онъ долженствовалъ занять Галицію и сдѣлать диверсію Австрійцамъ.

Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, такъ же ничего о томъ не вѣдая, получилъ я именной указъ, коимъ повелѣвалось отправить-

ся на границу и учинить распоряженіе о продовольствіи арміи, поступая по наставленіямъ военнаго министра; а съ тѣмъ вмѣстѣ получилъ и отъ него предписаніе на нѣсколькихъ листахъ: въ ономъ, упоминая о указѣ, при поѣздкѣ въ Ригу мнѣ данномъ, приказывалъ онымъ руководствоваться; но тутъ же ему противорѣчилъ, ибо велѣлъ обо всемъ его спрашиваться. Двусмысленность сія произвела мнѣ много сумнѣній.

Повидаюсь съ главнокомандующимъ княземъ Голицынымъ, въ то время въ Петербургѣ находящимся, отправился я два дни послѣ него прямою дорогою и въ Вильнѣ съ нимъ съѣхался. Осмотря все, видѣлъ довольно трудностей, но удобно могущихъ быть преодоленными.

Упадокъ кредита и малая сумма различныхъ денегъ, со мною бывшая, много останавливала дѣйствій, и много непріятныхъ рѣчей выслушивать заставляла⁽⁵⁸⁾. Но вскорѣ присланные ко мнѣ отъ государственнаго казначея червонцы и ассигнованіе получить изъ казенныхъ палатъ прекратили сіе неудобство.

Слѣдуя прежде съ успѣхомъ употребленному способу, я договаривался съ дивизіонными командирами и писалъ акты при посредствѣ губернаторовъ тѣхъ губерній, гдѣ войска находились. Главнокомандующій всегда одобрялъ дѣла мои и всѣми силами старался содѣйствовать. Достоинство

(58) Графъ Аракчеевъ при вступленіи въ министры исходатайствовалъ именной указъ не платить долговъ, до 1808 года накопившихся. Многіе люди отъ того раззорились, подрывъ кредита столько возвысилъ цѣну и затруднилъ дѣйствія, что въ одинъ годъ переплатили денегъ въ излишествѣ болѣе, нежели бы стоилъ весь платежъ долговъ. *Примечаніе Д. Б. Мертваго.*

(57) Графъ Н. П. Румянцевъ.

сего человѣка облегчало всѣ трудности и устыжало всякаго, излишнія требованія изъяслять готоваго.

Чтобы продовольствіе немалаго числа войскъ, въ резервѣ по разнымъ мѣстамъ Литвы оставшихся, обеззаботить и на предъидущее время устроить порядокъ, съ пользою государя и можно сказать государства сообразный, разговаривая съ помѣщиками Гродненской губерніи, склонилъ было я ихъ на таковыя жъ условія, какъ сдѣлано въ Курляндіи: принять продовольствіе войскъ на ихъ попеченіе въ продолженіи трехъ лѣтъ по установленнымъ единожды цѣнамъ, взятымъ изъ сложности пяти лѣтъ, изъ коихъ дворянство уступало, если три дивизіи въ губерніи будутъ, по рублю; если двѣ, по рублю съ четвертью; а буде одна, то по полтора рубля серебромъ отъ каждой четверти муки и крупы; и съ такимъ при томъ условіемъ, чтобы платить имъ серебромъ третью часть, а остальные двѣ ассигнаціями по курсу.

Зная, что расходъ серебряныхъ денегъ въ Литвѣ истощевалъ финансы государственные и неизчислимое множество причинялъ зла, думалъ я себѣ весьма полезнымъ, и тѣмъ паче, что курсъ можно поддерживать, если государственный казначей не сдѣлается обязаннымъ много вымѣнивать серебра. При томъ же часть сія, отъ раздѣленной Польши присоединенная, непрестанно готова отъ насъ оторваться; слѣдовательно на всякой случай лучше обогащать тамошнихъ дворянъ ассигнаціями, нежели рублями удобно въ талеры передѣлываемыми.

Сдѣлавъ съ дворянствомъ Гродненской губерніи при присутствіи губернатора предварительное условіе, гдѣ въ началѣ написано, что оное можетъ имѣть свою силу тогда, когда утвер-

дено будетъ отъ вышняго начальства, послалъ я оное къ графу Арачѣеву съ курьеромъ. Подписавшіеся подъ предварительнымъ договоромъ помѣщики, другъ по другу ручающіеся, имѣли болѣе 50 тысячъ душъ въ ихъ собственномъ владѣніи. Виленскіе и Бѣлостокскіе помѣщики на таковое же отъ меня предложеніе чрезъ губернскихъ предводителей письменно отозвались, что, когда послѣдуетъ утвержденіе съ Гродненскими дворянами, сдѣланное, то и они оному послѣдуютъ, на такомъ же точно основаніи.

Недѣли чрезъ двѣ послѣ отправленія курьера, оконча все, что по назначенію къ исполненію моему подлежало, возвратился я въ Петербургъ. Явился къ министру, довольно холодно меня принявшему. На вопросъ, что угодно ему было сдѣлать по представленію моему о договорѣ съ дворянствомъ, онъ отвѣтствовалъ: „Ваше превосходительство, это дѣло требуетъ много разсужденія и безъ воли государя совершенно быть не можетъ. И такъ, чтобы дворянство не подумало, что условіемъ съ вами дѣло кончено, и не вывело бы послѣ какихъ претензій, то писалъ я губернаторамъ объявить дворянству, что вы не имѣли власти на учиненіе такихъ договоровъ; слѣдовательно, сдѣланное не имѣетъ никакой силы“. Тутъ я ему сказалъ: „За что же, ваше сіятельство посрамили вы не меня, но званіе мое, ибо кто теперь генераль-провіантмейстеру повѣритъ? И тѣмъ паче напрасно вы таковой отзывъ сдѣлали, что въ самомъ условіи сказано, что оно есть предварительное и могущее имѣть силу тогда, когда вышнее начальство его утвердитъ“. Послѣ сего онъ сказалъ: „виноватъ, я этого не примѣтилъ“, и поговоря мало, съ холодностію мы распрощались.

При началѣ еще непріятностей моихъ съ министромъ, однажды, имѣя надобность его спроситься, приѣхалъ я къ нему и долженъ былъ, сидя въ передней, дожидаться по меньшей мѣрѣ часа четыре. Бывъ позванъ въ кабинетъ, окончилъ свою надобность минутъ въ пять. Откланяясь, сказалъ я ему, что дожидаясь долго и много потратилъ времени для дѣла нужного. Онъ, оправдываясь недосугами, дозволилъ впредь записками его спрашиваться, а онъ на тѣхъ же запискахъ будетъ писать резолюціи. Сей образъ сношеній сдѣлался мнѣ полезнымъ; ибо записки оставались приобщенными къ дѣламъ или хранились у меня; слѣдовательно дѣлался я беззаботнѣе съ человѣкомъ, на честность и благородство души коего полагаться не можно. Пользуясь симъ порядкомъ, прекратилъ я свиданія съ министромъ такъ, что болѣе мѣсяца по возвращеніи изъ Литвы съ нимъ не видался.

Однажды, получа вопросъ отъ коммисіи провіантскаго депо, долженъ былъ спроситься министра, какимъ образомъ расположить представленіе къ нему для доклада государю, ибо дѣло такого существа было. Необходимость заставила меня поѣхать. Въ передней его нашелъ я двухъ приближенныхъ ему генераловъ и одного купца, поставляющаго въ Петербургскіе магазины хлѣбъ, такъ же лично ему знакомаго. Дежурный адъютантъ, о мнѣ ему докладывавшій, вышелъ съ отвѣтомъ, что торопится оканчивать дѣла, будучи долженъ тотчасъ ѣхать къ государю, приказалъ извиниться, что принять меня не можетъ. И тутъ же возлѣ меня стоящему купцу объявилъ, что васъ приказалъ къ себѣ позвать. Мнѣ сіе такъ досадно стало, что приближеннымъ

его генераламъ я сказалъ: „хорошо ли это министръ дѣлаетъ? Ему нѣтъ времени говорить съ генераль-провіантмейстеромъ, неужели можетъ быть болѣе дѣла говорить съ поставщикомъ?“ Они промолчали, показывая видъ удивленія, но вѣроятно слова мои пересказали.

Въ комитетъ при военной коллегіи учрежденный поданъ былъ докладъ отъ счетной экспедиціи, гдѣ, проектируя новыя формы, какъ вести шнуровыя книги и писать документы, приобщено объясненіе, содержащее порядокъ теченія дѣлъ провіантскихъ, и такія вмѣщены правила, которыя никакимъ образомъ исполняемы быть не могли; слѣдовательно надобно бы было непрестанно прощать неисправности или сдѣлать виноватымъ всякаго, кого будетъ угодно. Опорочивая сіе представленіе и говоря, какъ бы что сдѣлать было надобно, вопрошенъ я былъ: для чего же не подаю начертаніе того порядка, который считаю полезнымъ. Объявивъ, что оное уже почти годъ находится въ разсмотрѣніи министра, написалъ я къ нему записку, прося о возвращеніи для представленія въ комитетъ и соображенія мнѣнія моего съ проектомъ отъ счетной экспедиціи поданнымъ. Онъ бумаги мои мнѣ прислалъ, и я ихъ представилъ комитету.

Нѣсколько засѣданій прошло въ безплодныхъ спорахъ. Никто не хотѣлъ и посмотреть на бумаги, отъ меня представленныя, а отъ счетной экспедиціи поданныя безъ моего согласія утверждать также раздумывали. Наконецъ по утру, во время обыкновеннаго присутствія, является министръ. Злобно на меня смотря, объявляетъ всѣмъ на общее лицо: „вотъ, господа, я, оставя важнѣйшія дѣла, хочу присутствовать съ вами и раз-

рѣшить споры, которые останавливаютъ устройство порядка". Лишь съливсь на свои мѣста, генераль-контролеръ началъ читать свое сочиненіе. Я молчалъ, не возражая на тѣ мѣста, которыя были малозначущи. Но когда уже довольно накопилось резоновъ, просилъ остановиться и сталъ оговаривать, изъясняя, какія обстоятельства случаются и какія случиться могутъ. Тутъ министръ началъ брать мою сторону. Генераль-контролеръ и ему сопутствующіе сдѣлались долголицы. Два часа пробило, и министръ объявилъ, что пора ему ѣхать, что онъ проситъ насъ подумать о семъ и рѣшиться постановить правила, сообразныя возможности исполнить, и что буде нужно, онъ готовъ и опять удостоить насъ своимъ присутствіемъ.

Черезъ нѣсколько дней призывалъ къ себѣ управляющаго бухгалтеріею провіантской экспедиціи, отъ коего я узналъ, что генераль-контролеръ и присутствующій со мной артиллерійскій генераль-маіоръ Ильинъ разсматриваютъ въ министерскомъ кабинетѣ формы. Они дѣло сіе кончили. Многое изъ прежняго убавили, но все далеко до настоящаго пункта. Министръ прислалъ въ военную коллегію утвержденныя его подписаніемъ бумаги, приказывая напечатать для разсылки къ исполненію. Начальнику типографіи приказано отъ министра печатать имена скрѣпившихъ формы, гдѣ между прочими помѣщено было и мое имя.

Въ первыхъ числахъ сентября, когда министръ долженъ принимать просителей, поѣхалъ я къ нему. Онъ, кажется, зналъ чрезъ перваго его вѣстовщика генераль-маіора Ильина, коему съ намѣреніемъ часто говаривалъ я о желаніи проситься въ отставку. Зналъ я и то, что Ильинъ, моего мѣста домогаясь, меня съ министромъ со-

рѣшить, да и тотъ желаетъ помѣстить его на мое мѣсто. Графъ Аракчеевъ тотчасъ велѣлъ меня позвать въ кабинетъ и принялъ чрезвычайно учтиво и съ пріятною миною. На вопросъ, что угодно, я просилъ исходатайствовать мнѣ увольненіе. „Если уже непременно вамъ угодно, онъ продолжалъ, то буде подадите вы прошеніе, я доложу государю". Въ ту минуту вынувъ изъ кармана прошеніе, я ему вручилъ. Принявъ съ большимъ удовольствіемъ, говорилъ онъ мнѣ, будто очень ему жаль, что такое сильное отвращеніе имѣю я отъ должности, славно мною исправляемой. И напоследокъ разговаривая, кто бы могъ заступитъ мое мѣсто, требовалъ моего мнѣнія. Я назвалъ генераль-маіора Ильина. Но онъ говорилъ, что сего не сдѣлаетъ, сказавъ: „потому что онъ мой".

При разставаніи онъ объявилъ, что, имѣя много дѣла, не знаетъ онъ, когда можетъ по моей просьбѣ доложить; а между тѣмъ требовалъ, чтобы я окончилъ отчеты за минувшій годъ и представилъ вѣдомость о потребностяхъ на слѣдующій.

Вскорѣ послѣ сего государь, а съ нимъ и министръ, поѣхали въ Тверь и оттоль въ Москву, и до половины Декабря не возвращались (1809).

Во время небытности министра въ Петербургѣ, пріѣзжаетъ ко мнѣ генераль-контролеръ Куча бумагъ, за кафтаною положенныхъ, казали вдвое растолстѣвшимъ. Началъ онъ тѣмъ, что министръ изъ Твери ему пишетъ, препоручая мнѣ сказать, чтобы формы, для провіантскихъ комиссій и коммиссіонеровъ сочиненныя, отправилъ я съ нарочнымъ для того, дабы съ новаго года начался порядокъ въ нихъ написанный. Я совѣтовалъ ему представить ихъ въ военную коллегію, по опредѣленію коей и будетъ

исполнено; но онъ отвѣтствовалъ, что это будетъ медлительно и къ назначенному времени не поспѣетъ во всѣ мѣста. Но я утверждалъ, что безъ документа нельзя мнѣ послать курьеровъ и отправить формы для руководства и исполненія. Тутъ онъ сказалъ: „да вамъ еще нужно подписать сіи бумаги“, указывая на толстый свой блокъ. Будучи не въ силахъ болѣе притворяться, объявилъ я ему, что формы я не подпишу потому, что считаю ихъ не полезными и даже вредными; да хотя бы онъ и хороши были, не могу подписать и потому, что подпись моя уже напечатана прежде моего согласія. Онъ утверждалъ, что министръ властенъ дать отъ себя формы, а я говорилъ, что коль онъ это сдѣлалъ, то пусть отъ имени своего ихъ и посылаетъ. На послѣдокъ сей подлый человѣкъ осмѣлился мнѣ образомъ совѣта сказать: „знаете ли, что за сію бездѣлицу приготавливаете вы себѣ много непріятнаго?“ На сіе я ему отвѣтствовалъ: „Уже много мнѣ господинъ Аракчеевъ непріятнаго сдѣлалъ, и изъ всѣхъ непріятностей самое большое то, что вы мнѣ можете сіе говорить“. Послѣ сего мы разстались.

Въ теченіе сего времени оконченъ былъ отчетъ за минувшій годъ и изчисленіе о потребностяхъ къ наступающему. По возвращеніи графа Аракчеева въ Петербургъ, нѣсколько разъ къ нему пріѣзжая, не могъ его видѣть. Наконецъ увидалъ при многихъ въ его передней, и объявя, что приказаніе его исполнено, отчетъ и изчисленіе поданы, и потому осмѣлюсь напомнать о прошеніи, отъ меня поданномъ. На сіе отвѣчалъ: „ахъ, я позабылъ вамъ сказать: коли уже вы непремѣнно того желаете, то извольте подать прошеніе по формѣ, на

гербовой бумагѣ, и при ономъ, коли вамъ угодно, приложите запечатанное къ государю письмо“.

На другой же день исполня по его слову, пріѣхалъ къ нему и не требуя, чтобы обо мнѣ доложили, сталъ я дожидаться въ передней его выхода. Увидя меня, онъ съ злобнымъ видомъ сказалъ: „вы видно съ бумагой, пожалуйте, чтобы васъ не задержать“. Я, подавъ бумагу и поклонясь, пошелъ вонъ.

Предъ отъѣздомъ министра въ Тверь, призывалъ онъ меня къ себѣ. Цѣлой вечеръ пересматривая вѣдомости о надобностяхъ и спрашивая мнѣніе мое о средствахъ заготовленія, на послѣдокъ спросилъ: какое количество хлѣба и какимъ образомъ считаю я полезнымъ заготовить для С. Петербурга? Отвѣтъ мой былъ, что ничего не надобно; ибо у насъ на пути идущаго есть слишкомъ на два года, по числу войскъ послѣ Шведской войны оставшихся повсемѣстно къ Сѣверу. „Но какъ же ничего не покупать? онъ спросилъ; стало, подумаютъ, что прежде напрасно мы много заготавливали?“ На сіе я отвѣтствовалъ, что прежде была война и много находилось войска; но теперь, когда запасы повсемѣстно наполняются, еще и съ излишествомъ, и когда чрезмѣрная дороговизна, то полезно не покупать въ казну и объявить, что надобности ей нѣтъ, чрезъ что вѣроятно понизятся цѣны для вольной продажи; небольшое же количество недостающаго въ запасъ овса можно купить чрезъ комиссіонеровъ, безъ большой огласки. Онъ остался непреклоннымъ, полагая нужнымъ покупать, а я остался резонами его не убѣжденнымъ.

Будучи въ Твери, исходатайствовалъ онъ отъ государя указы губернаторамъ купить 400 т. муки съ про-

порцією крупъ, и 250 т. четвертей овса для С. Петербурга. И повелѣно имъ, купя, непременно никого о томъ не спрашиваться, а только увѣдомить военнаго министра о присылкѣ имъ денегъ соразмѣрно надобности, означенной въ контрактахъ, которые они заключать. Получа сіе свѣдѣніе, говорилъ я въ военной коллегіи и всѣмъ, кто ему пересказать могъ, что сія мѣра разстроитъ капиталъ провіантскаго департамента, и приведетъ въ невозможность изворотиться суммами, на первую треть ассигнованными.

Во время отсутствія государя обрабаталось его распоряженіе о образованіи Совѣта, гдѣ, раздѣляя дѣла на четыре части, назначались предсѣдательствующіе въ каждомъ департаментѣ, и предположено открыть первое засѣданіе совѣта 1-го генваря. Аракчеевъ возвратился послѣ прибытія государя, взбѣсился, извѣстясь о сей перемѣнѣ. Ему подумалось, что предсѣдательствующіе будутъ командирами тѣхъ министровъ, дѣла коихъ подлежатъ разсмотрѣнію департаментовъ. Сказываютъ, много было размолвки, и кончилось тѣмъ, что Аракчеевъ захотѣлъ быть и назначенъ предсѣдательствующимъ военнаго департамента. Послѣ сего явилось толкованіе, съ какими дѣлами ходить министрамъ прямо къ государю и съ какими чрезъ Совѣтъ. По оному открылось, что министры остались въ прежней силѣ, а Аракчеевъ почти безъ дѣла и безъ власти.

На мѣсто графа Аракчеева определенъ военнымъ министромъ Барклай-де-Толли, человекъ умный, добраго нрава; но что-то похожъ болѣе на министрову вдову, нежели на самого министра.

Зная о сей перемѣнѣ, изготавилъ я всѣ свѣдѣнія для подачи новому ми-

нистру. Являсь къ нему, былъ принятъ съ большою учтивостію. Началь онъ разговоръ тѣмъ, что, признавая себя не въ силахъ отправлять должность министра такъ, какъ отправлялъ его предмѣстникъ, и почитая то неслѣдующимъ, предоставляет мнѣ руководствоваться порядкомъ въ законѣ изображеннымъ и дѣйствовать такъ, какъ дѣйствовали мои предмѣстники. На сіе я отвѣтствовалъ, что извѣстно ли ему, что подалъ я прошеніе въ отставку и нахожусь въ необходимости просить его о томъ предствительства. Много говорилъ онъ мнѣ, что при немъ не будетъ для меня тѣхъ непріятностей, которыя я претерпѣвалъ, что будетъ онъ стараться, чтобы государь отличилъ меня милостями и награжденіями. Но поелику я видѣлъ себя слишкомъ униженна, быть работникомъ за заплату не хотѣлъ и настоятельно просилъ исходатайствовать мнѣ увольненіе, то и кончилъ новой министръ разговоръ тѣмъ, чтобы остался я на нѣсколько времени, пока извѣстными ему сдѣлаются дѣла по провіантской части; до того же продолжалъ бы порядокъ при графѣ Аракчеевѣ существовавшій.

Не имѣя никакихъ средствъ обороняться отъ гонящей меня судьбы, долженъ былъ ей покоряться, и желая быть не похожу на современниковъ моихъ, продолжалъ всегда быть вѣрнымъ въ службѣ и прилежнымъ къ дѣламъ.

Въ поданномъ отъ меня Барклай-де-Толлію свѣдѣніи было означено о покупкахъ вновь назначенныхъ, и я ему сказалъ: чтобы не оставилъ доложить государю, не согласится ли онъ отмѣнить повелѣнія губернаторамъ данныя, ибо время къ тому еще оставалось; по крайней мѣрѣ лзя ли бы было уменьшить большую поло-

вину? Резоны мои: что болѣе миллион четвертей ожидаемаго въ Петербургѣ хлѣба помѣститъ будетъ негдѣ; а до десяти миллионовъ рублей, употребиться долженствуемыхъ на ту ненужную поупку, замѣнить будетъ нечѣмъ. Издержка сія сдѣлаетъ остановку при заготовленіи въ тѣхъ мѣстахъ, куда по перемѣнѣ политическихъ дѣлъ войска наши перемѣщаются. Все сіе довольно важнымъ показалось Барклай-де-Толлію, и онъ мнѣ приказалъ остановить отправленіе денегъ къ губернаторамъ, которыя гр. Аракчеевъ назначилъ, приславъ заднимъ числомъ предписаніе, въ тотъ день, когда онъ пересталъ быть министромъ. Но послѣ Барклай-де-Толлія велѣлъ мнѣ отправить сіи деньги.

На третій день послѣ сего разговора прислалъ Барклай-де-Толлій звать меня къ себѣ. Лишь вошелъ я къ нему, онъ очень печальнымъ тономъ объявилъ, что государь приказалъ меня спросить, для чего я оппорочиваю дѣла Аракчеева и злословлю его въ публикѣ; что не пристойно мнѣ въ моемъ званіи критиковать чиновника, бывшаго моимъ начальникомъ и имѣвшаго довѣренность государскую; и наконецъ, что сіе весьма государя прогнѣвляетъ. Слушая сіе, я молчалъ, что отвѣтствовать не зная. Тутъ онъ меня спросилъ: скажите-жъ, ваше превосходительство, кому вы его бранили? Я отвѣчалъ, что не бранилъ его никогда и критиковать въ публикѣ не соотвѣтствовало бы ни лѣтамъ моимъ, ни званію, ни знанію жить на свѣтѣ; но что самому графу Аракчееву въ глаза въ военной коллегіи, и ему, новому министру, объявлялъ я, что распоряженія его весьма не полезны. И наконецъ объявилъ, что не задолго предъ тѣмъ показывалъ вчера писанную вѣдо-

мость и рассказывалъ о дѣлахъ графа Аракчеева опредѣленному председателствующимъ Совѣта по хозяйственному департаменту г. Мордвинову. Полагая, что сей чиновникъ можетъ быть въ секретѣ, я ему, ко мнѣ пріѣхавшему, не смѣлъ не сказать истины, когда онъ требовалъ свѣдѣнія, не можно ли уменьшить на наступившій годъ расходовъ по части провіантской. При разставаніи Барклай-де-Толлій просилъ меня убѣдительно не говорить ничего о графѣ Аракчеевѣ, дабы не прогнѣвать болѣе государя. На сіе общалъ я ему стараться забыть, что остается онъ на свѣтѣ.

Неизвѣстно, какъ Барклай-де-Толлій донесъ государю о разговорѣ моемъ, только примѣтенъ мнѣ былъ гнѣвъ его. И братъ жены моей Семеновскаго полка полковникъ⁽⁵⁹⁾, въ милости у него находящійся, будучи съ нимъ въ разговорахъ, обо мнѣ слышалъ его отзывы, что сердитъ на меня за то, что, пороча Аракчеева, не поберегъ я его.

Продолжая пачкаться въ дѣлахъ провіантскихъ, видѣлъ я, что новый министръ, хотя лучшаго воспитанія и ума, нежели Аракчеевъ, но не имѣетъ довольно смѣлости и силы. Мягкость права дозволяетъ ему гнутья во все стороны. Разговаривая со мною о формахъ, неудобнымъ и обиднымъ для меня образомъ сдѣланныхъ, въ коихъ однако же по приказанію Аракчеева перепечатали тѣ листы, гдѣ подпись означалась, и имя мое отъ товарищества избавлено (однако же, зачѣмъ путать часть важную и безъ того чрезмѣрно запутанную) Барклай соглашался на пересмотрѣніе и перемѣну сихъ формъ; но послѣ онъ же

(59) Константинъ Марковичъ Полторацкій.

далъ предписаніе заплатить деньги за напечатаніе и поспѣшить окончаніемъ недопечатанныхъ. Однажды получилъ я его предписаніе послать деньги къ губернатору, ненужный хлѣбъ заготовившему, и такую сумму, что надлежало остановить издержки неминуемо нужныя. Я поѣхалъ къ нему, изъяснился, и онъ, обратно взявъ свое предписаніе, отмѣнилъ отправление; но тотъ же день письмоводитель его, отъ Аракчеева доставшійся, опять привезъ ко мнѣ то предписаніе, объявляя, что онъ велѣлъ просить меня непременно того же вечера исполнить. Однимъ словомъ, видѣлъ я слабаго на знатной степени чловѣка, интригующаго себя укоренить угожденіемъ всѣмъ слабостямъ государя, слѣдовательно старающагося, чтобы всѣ его окружающіе хорошо о немъ говорили.

Прошло два мѣсяца отъ времени вступленія Барклай-де-Толлія въ министры. Написалъ я къ нему письмо, гдѣ, напоминая первоначальное его требованіе, чтобы остался я при исправленіи моей должности, доколѣ сдѣлаются ему извѣстными дѣла по провіантской части, изъясняя, что, исполняя его волю, оставался я безмолвно; но теперь два мѣсяца уже миновало, а сего времени почитаю слишкомъ довольнымъ для познанія его, просилъ убѣдительно исходатайствовать мнѣ увольненіе.

Въ исходѣ марта мѣсяца 1810 года получилъ я отставку съ мундиромъ и половиннымъ жалованьемъ ⁽⁶⁰⁾.

VI. Жизнь въ отставкѣ и сенаторство.

Теперь надобно описать домашнія мои обстоятельства.

При женидбѣ моей жена моя никакого имѣнія не получила, кромѣ дома въ Петербургѣ на имя ея, давно уже состроеннаго, и приносящаго намъ дохода до 4,000 руб. Теща моя, не сдѣлавъ никакой со мною рядной записи, объявила словесно, что намѣрена купить женѣ моей деревню въ соотвѣтственность указной ея части, устроить оную, и словомъ сдѣлать намъ порядочное состояніе; между тѣмъ, полагая, что пользовалась доходами дома и не употребила столько денегъ на приданное сколько другимъ своимъ дочерямъ сдѣлала, дала при отъѣздѣ моемъ въ Крымъ заемное письмо на 30 т. руб. Отговорки мои не могли имѣть успѣха. И чтобы не раздражить, принужденъ я былъ принять, но оставилъ, не записавъ нигдѣ; слѣдовательно, по минованіи законами предписанныхъ сроковъ, произвелъ тѣ на гербовой бумагѣ написанныя письма простою черною бумагою.

По истеченіи года отправленные къ ней обратно тѣ заемныя письма ясно ей доказали довѣренность и безкорыстіе мое, что, какъ кажется, было ей весьма пріятно и умножило желаніе пещись объ устроеніи нашего состоянія.

Проживъ съ небольшимъ три года въ Крыму, продалъ я пожалованную мнѣ аренду за 16 т. р. и деньги издержалъ.

По пріѣздѣ въ Петербургъ нѣскольکو времени пожалованные мнѣ отъ государя 10 т. руб. оберегали отъ нужды. Но дороговизна и излишнія издержки, кои по частымъ моимъ разъѣздамъ неминуемо я употреблять былъ долженъ, при всевозможной умѣренности въ житьѣ, заводите начали въ долги. Предупреждая дальнѣйшее разстройство и опасаясь занимать у такихъ людей, коимъ по званію моему была во мнѣ надобность, рѣшились продать домъ и продали за 35 т. руб.

⁽⁶⁰⁾ Его мѣсто занялъ Никол. Осип. Лаба.

что всѣмъ казалось дешево, и теща моя изъявлять начала за сіе неудовольствіе.

Прежде еще пріѣзда моего въ Петербургъ, теща моя начала торговать имѣніе близъ Москвы, чтобы онымъ наградить мою жену. Сіе казалось мнѣ несоразмѣрно съ справедливостію: введеть ее въ безпокойные долги и произведеть въ семействѣ зависть. Много разъ писалъ, и при проѣздѣ въ Петербургъ, будучи у нея, отсовѣтовалъ и просилъ оставить принятое намѣреніе. Но ничто не подѣйствовало. Она купила село Демьяново съ деревнями 295 душъ за 135 т. руб. на свое имя. И во время, когда я былъ въ Ригѣ, послала женѣ моей, чтобы къ ней для свиданія пріѣхала. Лишь она къ ней явилась, то, взявъ ее съ собою въ Тверь, крѣпостнымъ порядкомъ отдѣляя ее, взяла обязательство, что, получа Демьяново, отказывается она отъ наслѣдства имѣнія отцовскаго и ея (когого повсемѣстно состоитъ около 4000 душъ) изъ онаго же отдѣляемаго имѣнія взяла на вырубку 1000 десятинъ строеваго лѣса въ теченіе 10 лѣтъ.

Укрѣпя законнымъ порядкомъ имѣніе дочери, поѣхала она съ нею видѣть его и ввести ее во владѣніе. Тутъ, увидя огромный каменный домъ, большой садъ, оранжереи и прочее великолѣпіе, соблазнилась, изъявила она раскаяніе и желаніе возвратитъ себѣ обратно. Жена моя охотно на то согласилась и въ слѣдствіе ея воли общалась изъ Петербурга прислать вѣрующее ей письмо: управлять симъ имѣніемъ, продать его, заложить, отдать кому угодно будетъ и раздроблять. Возвратясь ко мнѣ, лишь она о томъ сказала, то въ точности, по данному ей вчернѣ написанному вѣрующему письму, написано таковое было на

гербовой бумагѣ, засвидѣтельствовано въ Петербургской гражданской палатѣ, и съ первою почтою къ ней отправлено; чѣмъ сдѣлалась она спокойна, и умолкли даже возникшія толкованія завистливыхъ.

Получа увольненіе отъ службы, долженъ я былъ оставаться въ Петербургъ до весны; ибо жена моя на послѣднихъ дняхъ беременности находилась. Въ исходѣ марта поѣхалъ къ тещѣ моей, чтобы узнать, куда направлять путь свой. При разговорахъ съ нею сказалъ я откровенно свое намѣреніе: что буде угодно ей, умѣря награжденіе женѣ моей до степени справедливостію указуемой, отдать Демьяново, то поселюсь я въ ономъ; когда же нѣтъ, то не разглашая ни о какихъ семейныхъ неудовольствіяхъ, отправлю весною излишнихъ людей и тяжеловѣсныя вещи прямо изъ Петербурга водою въ Казань; а самъ съ женою и дѣтьми, сколь можно будетъ на легкѣ, поѣду сухопутно, чтобы жить у моей матушки въ Бугульминской деревнѣ. Она, изъявляя большое желаніе, чтобы я жилъ къ ней поближе, объявила, что Демьяново мое; но что намѣрена она была, отдавая его женѣ моей, взять обратно себѣ домъ, который мы продали, и за который покупщикъ, по ея же приказанію вопрошенный просилъ 40 т. рублей. Въ слѣдствіе сихъ разсужденій согласились мы, что отдадимъ ей 11 т. руб., кои отъ проданнаго дома у насъ остались, и примемъ на себя долгъ ея по сему же имѣнію не заплаченный, 29 т. руб.

28-го апрѣля 1810 года жена моя родила дочь Надежду; и лишь возможно стало ѣхать, отправились мы изъ Петербурга. Въ исходѣ мая пріѣхали къ тещѣ моей въ деревню, близъ города Торжка состоящую.

Приняла она насъ хорошо, но властолюбивый нравъ ея скоро сталъ налагать тяжести на мою чувствительность.

Черезъ нѣсколько послѣ сего двей государь пріѣхалъ въ Тверь для свиданія съ великою княгинею, или для какихъ-то распоряженій по водяной коммуникаціи, новое образованіе тогда пріемлющей. Теща моя предположила въ тоже время ѣхать въ Тверь для zaloженія церкви по обѣщанію ея въ Тверскомъ монастырѣ, и объявила мнѣ желаніе, чтобы и я съ нею же отправился. Хотя старался я объяснять ей, что мнѣ тяжело и даже неблагопристойно въ маленькомъ городкѣ являться на глаза государя, тотчасъ по полученіи отставки, которая ему была не угодна, что изъ сего могутъ быть различные толки, мнѣ не полезные; но ничто не успѣло. Она, отзываясь слишкомъ смѣло, требовала моего послушанія, которое я долженъ былъ сдѣлать.

Будучи въ Твери, испыталъ я многія непріятности, и набралось много свидѣтелей тому, что на меня прогнѣванъ государь и что желаетъ меня имѣть въ службѣ. Въ сіе время главнокомандующій въ Москвѣ генералъ-фельдмаршалъ графъ Гудовичъ съ большимъ убѣжденіемъ уговаривалъ меня принять должность Московскаго гражданскаго губернатора, и казалось мнѣ, что это не безъ воли государя. Но я, по соображеніи всѣхъ и политическихъ и собственныхъ моихъ обстоятельствъ, на сіе предложеніе не согласился.

Теща моя изъ Твери пріѣхала къ намъ въ гости въ село Демьяново; захотѣла руководствовать женою мою, чтобы учреждалось хозяйство по правиламъ ея; занемогла, кажется, притворно и прожила почти съ мѣсяцъ.

Тутъ видѣлъ я себя въ тяжкихъ обстоятельствахъ. Боязнь, что жена моя сдѣлается похожа на мать ея, приводила всѣ чувства мои въ содраганіе. Отъ многихъ размысленій, не имѣя никого, кому открыть свое мученіе, чувствительность увеличивалась, и однажды прорвалась за предѣлы, благоразуміемъ опредѣляемые. При жаркомъ разговорѣ съ женою при сестрѣ ея, я много наговорилъ, и сказалъ, что дѣйствительно много разъ на сердцѣ бывало, что брошу всѣхъ и уѣду къ матушкѣ моей или попрошу себѣ службы комендантской въ какойнибудь Сибирской крѣпости. Сія сцена вѣроятно доведена до свѣдѣнія моей тещи. Она, уваженіе ко мнѣ еще сохраняя, поуспокоилась; предприняла ѣхать по монастырямъ до Ростова. Я, отгадывая ея желаніе, вызвался быть ея провожатымъ, и мы отправились, хотя жалъ мнѣ было оставить мою жену, которая, предпринявъ вскорѣ послѣ родинѣ путь изъ Петербурга въ весеннее еще холодное время и надѣвшись отъ крутыхъ поворотовъ чувствительныхъ, была очень нездорова. Изъ положеннаго на меня за Демьяново долга 15 т. рублей надлежало заплатить того года въ декабрѣ мѣсяцѣ. Оныя теща моя потребовала въ Петербургѣ, для чего продалъ я брилліантовые знаки ордена за 7500 р., а остальные 7500 руб. далъ мнѣ безъ процентовъ займы Николай Ивановичъ Штиглицъ⁽⁶¹⁾, объявляющій желаніе заслуживать за безкорыстное мое съ нимъ поведеніе въ Крыму.

Въ томъ же декабрѣ 1810 поѣхалъ я въ Бугульминскую деревню къ мо-

(61) Дядя бывшаго недавно управляющаго государственнымъ банкомъ, барона Александра Любимовича Штиглица. II. Б.

ей матушкѣ. Радость при свиданіи нашемъ и всей моей родни описывать нечего. Но тутъ какъ нарочно сдѣланное мнѣ сильное неудовольствіе явилось возмутить покой души моей. Безъ всякаго предварительнаго мнѣ извѣщенія прислано Бугульминскому нижнему земскому суду предписаніе взыскать съ меня 4807 рублей; а если не заплачу, то описать имѣніе, по наслѣдству отъ отца мнѣ принадлежащее. Тутъ же упоминается, что о повсемѣстности запрещенія писано во всѣ гражданскія палаты; а о сыскѣ и описи гдѣ найдется имѣніе, мнѣ принадлежащее, сообщено во всѣ губернскія правленія; что сіе взысканіе производится военною коллегіею по дѣлу въ генераль-аудиторіатѣ рѣшенному и государемъ конфирмованному, за покупку комиссіею Рижскаго провіантскаго депо излишняго и ненужнаго хлѣба дорогими цѣнами.

Вѣроятно, сколь чувствительна мнѣ была сія новость, совсѣмъ неожиданная, и сколь ясно мнѣ доказывалось неблагорасположеніе государя и знатныхъ особъ его окружающихъ, а также и подлая угодливость меньшихъ чиновниковъ, по сему приговору дѣйствовавшихъ. Далъ я нижнему земскому суду объясненіе, что денегъ наличныхъ для пополненія сего взысканія представить не имѣю, что имѣніе мое, отъ отца моего доставшееся 50 душъ, состоитъ въ общемъ владѣніи у матери моей, и оныя по давнишнимъ долгамъ моимъ, нажитымъ въ службѣ, состоятъ въ залогѣ Оренбургскаго приказа общественнаго призрѣнія за занятыя въ ономъ деньги, и что имѣю я пансіонъ, мнѣ при отставкѣ пожалованный, изъ коего можно вычитать.

Черезъ нѣсколько дней, отдохнувъ отъ досады, всѣ чувства мои взволно-

вавшей, не имѣя съ собою бумагъ, съ коими справившись, могъ бы написать порядочное объясненіе, написалъ я партикулярное письмо военному министру Барклаю-де-Толли, что служа 28 лѣтъ въ штабъ-офицерскихъ чинахъ, пріѣхавъ въ родительской домъ бѣднѣе нежели изъ онаго вышелъ, посрамленъ симъ взысканіемъ; и прося свѣдѣнія, за что оное послѣдовало, испрашивалъ, если оно неизбежно, то приказалъ бы остановить пожалованной мнѣ пансіонъ, а не отнимать имѣніе у 75 лѣтней матери моей, около 60-ти лѣтъ симъ имѣніемъ владѣющей.

Возвратясь въ Демьяново, гдѣ всѣ мои бумаги оставались и получа партикулярно извѣщенія отъ пріятелей моихъ, о семъ дѣлѣ освѣдомившихся, написалъ я къ государю прошеніе и въ мартѣ мѣсяцѣ оное послалъ, адресуя къ военному министру; но никакого удовлетворенія не имѣю кромѣ того, что замолчано взысканіе съ имѣнія. Запрещеніе не разрѣшено, а пансіонъ мой не остановленъ.—Дѣло сіе таково, что достойно описанія.

Въ исходѣ 1807 года, когда опредѣленъ я былъ генераль-провіантмейстеромъ, въ тожъ время опредѣленъ въ провіантской штатъ изъ полковыхъ шэфовъ генераль-майоръ Лешернъ, къ коему государь былъ милостивъ. И сіе перемѣщеніе сдѣлано для того, что Лешернъ получилъ болѣзнь въ ногахъ столь сильную, что ходить былъ не въ состояніи; слѣдовательно во фрунтовой службѣ быть не могъ. Познакомясь съ нимъ, назначая его сперва членомъ провіантской экспедиціи, видѣлъ я, что человекъ онъ умной, хорошо воспитанный, имѣющій весьма хорошее понятіе о общей связи дѣлъ.

Въ сіе самое время дѣлалось приуготовленіе къ войнѣ съ Англичанами и Шведами. Двѣ дивизіи назначены были для обороны береговъ Балтійскаго моря и Финскаго залива въ губерніи Курляндскую, Лифляндскую и Эстляндскую. Справясь по вѣдомостямъ о хлѣбѣ, видѣлъ я, что онаго мало и для продовольствія гарнизоновъ, тамо находившихся. Недородъ хлѣба и проходившая армія въ Пруссію и обратно довели тотъ край до такого истощенія, что правительство заботилось оберечь жителей отъ голода. Коммиссія Рижскаго депо, въ вѣдомствѣ коей состояли магазины сего края, совершенно въ дѣлахъ своихъ была запутана; ибо управлявшій ею и всѣ лучшіе чиновники находились при арміи въ Пруссіи, подверглись подозрѣнію, удалены отъ дѣлъ и оставлены подъ счетомъ коммиссіи, особливо учрежденной въ Мемелѣ.

Полагая, что господинъ Лешернъ, будучи родомъ изъ Лифляндцевъ, знаетъ обстоятельства края, не давно и во время войны служившій шефомъ кавалерійскаго полка, и потому лично знакомый со всѣми начальниками того войска, которое коммиссія Рижская кормить должна, — назначилъ я его управляющимъ оною, и оставя на нѣсколько дней въ Петербургѣ, дѣлая вмѣстѣ съ нимъ расчеты и распоряженія по ввѣряемой ему части, предписалъ, чтобы онъ, во первыхъ, объѣхалъ всѣ мѣста его вѣдомства, освидѣтельствовалъ, все ли то въ наличности, что по вѣдомостямъ показывается, старался бы повсемѣстно купить неминущее по расчету надобное количество до новаго урожая; въ Ригу же и въ мѣста, куда можетъ быть доставляемъ хлѣбъ (по Двинѣ изъ Бѣлоруссіи ожидаемый) купилъ

бы столько, сколько нужно до прибытія транспортовъ.

Поелику извѣстно уже было, что война съ Англичанами и Шведами неизбежна, хотя еще не объявлена, и министры сихъ державъ не отъѣхали изъ Петербурга; слѣдовательно нельзя было о томъ говорить открыто: то при отправленіи г. Лешерна приказывалъ я ему словесно, чтобы имѣлъ въ предметѣ мѣстное положеніе Курляндіи, гдѣ много есть мѣстъ, удобныхъ къ высадкѣ. Берегъ моря имѣетъ видъ треугольника, войска предполагается тамъ содержать не мало; слѣдовательно, если непріятель, насть сильнѣйшій на морѣ, предприметъ гдѣ дѣлать высадку войскъ, и потому съ разныхъ пунктовъ сухопутныя наши войска стануть соединяться для отраженія его; то надобно заблаговременно о семъ подумавъ учредить хотя небольшой запасъ хлѣба въ такихъ мѣстахъ, отколь бы въ разныя стороны съ одинаковою удобностію онъ могъ быть обращаемъ для продовольствія.

Г. Лешернъ, поступая по данному ему наставленію, объѣзжая мѣста Эстляндіи и Лифляндіи, помощію полковыхъ шефовъ успѣлъ обеззаботить продовольствіе; по приѣздѣ жъ въ Курляндію встрѣтилъ затрудненій болѣе. Недостатокъ хлѣба и чрезмѣрная цѣна ежедневно возвышающаяся показывала чрезмѣрную трудность. Въ сіе время объявили ему въ Митавѣ два богатыхъ помѣщика, что для винокурень ихъ имѣютъ готоватаго хлѣба зерномъ до 10 т. четвертей. Цѣна ими просимая, по соображеніи мѣстныхъ цѣнъ, въ то время существовавшихъ, казалась сходна. Но они требовали рѣшимости тотчасъ, и чтобы выдана имъ была половина суммы, за хлѣбъ доводящійся, впередъ. Г. Лешернъ,

снесясь съ губернаторомъ и получа его утверженіе о недороговизнѣ цѣнъ, заключилъ въ комиссіи Рижскаго департамента контракты, обязавъ ихъ ставить по временамъ, какъ-то нужно было на настоящее продовольствіе войскъ, такъ и для запаса, предполагая оныя содержать въ двухъ мѣстахъ Курляндіи, дѣйствительно для предосторожности способныхъ. Выдавъ имъ половину денегъ впередъ, донесъ экспедиціи провіантской съ приложеніемъ копій контрактовъ; и въ то же время особеннымъ ко мнѣ рапортомъ, изъясняя все его дѣйствіе, писалъ, что сего запаса по предположенію его, признаетъ онъ недостаточно; и хотя мало въ народѣ хлѣба и цѣна оному ежедневно увеличивается, но все можно бы, скупая мелкими частями, приумножить, если бы были у него наличныя деньги.

Сей рапортъ полученъ былъ во время, какъ былъ я вмѣстѣ съ военнымъ министромъ графомъ Аракчеевымъ за границею при Финдлянской арміи. Возвратясь, лишь прочитавъ я его, тотчасъ поѣхалъ къ графу Аракчееву и ему оный представляя просилъ наставленія. По прочтеніи рапорта и по многихъ разсужденіяхъ объ обстоятельствахъ, въ немъ содержащихся, онъ на бѣлыхъ поляхъ того же рапорта писалъ своею рукою его мнѣніе. И противу того пункта, гдѣ г. Лешернъ, изъясняя недостатокъ купленнаго хлѣба и предполагая купить болѣе, хотя и дороже на наличныя деньги, написалъ: „тотчасъ послать 200 т. рублей, чтобы купили, сколько купить можно“, разсуждая, лучше купить дорого, нежели быть въ опасности отъ недоставленія войскамъ продовольствія во время войны. Сіе приказаніе исполнено было, но уже нельзя было ничего купить

для приумноженія запаса, и деньги остались не употребленными на сей предметъ. По прибытіи моемъ, въ присутствіи провіантской экспедиціи, представляется мнѣ соображеніе, сдѣланное о Лешерновой покупкѣ. Признается цѣна дорогою, и что не исполненъ законъ: то есть не опубликовано о вызваніи къ торгамъ желающихъ и не произведены троекратныя торги. Видя ясно, что это подъяческіе крючки, содержащіе воровство членовъ и секретарей экспедиціи, долго я доказывалъ имъ, сколько не удобно таковой порядокъ сохранять въ военное время; но наконецъ склонился на истребованіе отвѣта для приведенія недоразумѣній въ лучшую ясность. Совѣтникъ, со мною сопредельствующій и всегда ревновавшій тому преимуществу, которое по обычаю я оказывалъ г. Лешерну, объявилъ, что готова резолюція, вчерашняя имъ написанная. Прослушавъ оную, я видѣлъ всю злость сего чловѣка и малость его души и знанія. Онъ, опорочивая дѣйствія Лешерна самыми колкими словами, представлялъ его и воромъ и дуракомъ; и наконецъ предписывалъ стараться разрушить сдѣланные имъ не полезные контракты. Возражая на сіе, я доказывалъ невозможность дѣла и неполезность сего предписанія, ибо получившіе половину всей суммы впередъ не согласятся разрушить контракта, если онъ имъ выгоденъ. Когда же по недостатку въ томъ краѣ хлѣба и по возвышающимся цѣнамъ найдутъ они возможнымъ продать дороже, то согласясь воспользуются выгодною; а мы, оставшись безъ хлѣба, что дѣлать будемъ, когда не будемъ имѣть, чѣмъ кормить войска, для обороны береговъ пришедшія, пѣня при томъ совѣтнику за его дерзкія слова на счетъ

чиновника службою и чиномъ его старѣе. Кончилось тѣмъ, что я, взявъ всѣ бумаги, дѣло содержащія, положилъ на столъ предъ собою, объявляя, что я самъ напишу резолюцію.

Ежедневные тогда бывшіе хлопоты при отправленіи изъ Петербурга транспортовъ къ Финляндской арміи, непрерывное перемѣщеніе войскъ по всему пространству Россійской имперіи, распоряженія для заготовленія для армій, въ Молдавіи и Персіи находившихся, и прочія заботы были причиною, что, накопя много подобныхъ сему бумагъ передъ собою, слишкомъ мѣсяцъ не сдѣлалъ я по ней ничего. Между тѣмъ совѣтникъ, уже злобящійся на меня, разсѣваль повсюду толки о воровствѣ Лешерна, и что я его прикрываю. Къ несчастію нашему въ сіе время распространилась мода о всѣхъ худо думать и охотно принимать всякія мысли, худое впечатлѣніе о людяхъ дѣлающія. При томъ же милостивое ко мнѣ расположеніе государя и особенное уваженіе, которое на то время министръ ко мнѣ оказывалъ, возраждали во многихъ зависть и негодованіе; а сіе и должно было имѣть непріятныя послѣдствія.

Начали доходить ко мнѣ слухи о падающемъ на меня подозрѣніи, и что въ присутствіи военной коллегіи призывается былъ мой совѣтникъ, разсказывалъ о семъ дѣлѣ и читалъ резолюцію, имъ вчернѣ писанную. Тутъ я, отрывъ въ кучѣ бумагъ сіе дѣло, написалъ резолюцію, прописавъ комиссіи Рижскаго депо всѣ соображенія въ экспедиціи сдѣланныя о неполезности заключенныхъ контрактовъ и неособлюденіи порядка, законами предписаннаго, потребовать отъ нея отвѣта; а военной коллегіи, препровождая копіи контрактовъ, изъяснить, что по полученіи

отвѣта и соображеніи онаго съ существомъ дѣла и законами, особо ей донесено будетъ.

Военная коллегія, получа сіе свѣдѣніе, не приглася меня въ присутствіе, яко члена ея, опредѣлила чрезъ военного министра подать государю докладъ, гдѣ описывая поступки Лешерна во вредъ казны, кладя подозрѣніе на губернаторовъ Курляндскаго и Лифляндскаго и опорочивая медленность провіантской экспедиціи, болѣе мѣсяца сіи контракты продержавшей безъ представленія въ коллегію, просила составить особую комиссію въ Ригѣ для изслѣдованія дѣйствій г. Лешерна, коего до рѣшенія дѣла удалить отъ должности.

Совершенно удостовѣренъ я въ томъ, что сіе дѣйствіе военной коллегіи было по начертанію графа Аракчеева, которому хотѣлось отмстить мнѣ за непріятность отъ меня сдѣланную и доказать государю, что не столько я ему полезенъ, сколько онъ воображалъ. Докладъ сей подтвержденъ. При встрѣчахъ, отъ меня сталъ государь отворачиваться; а графъ Аракчеевъ началъ перемѣнять свое со мною обхожденіе. Сіе происшествіе было началомъ, а исторія несчастнаго, о коей я прежде описалъ, была окончаніемъ паденія моего кредита.

Посланная въ Ригу комиссія, изъ чиновниковъ военныхъ и штатскихъ составленная, много писала, но ничего того не сдѣлала, что сдѣлать ей было должно. Представленное ею производство военною коллегію не одобрено. Но какъ раздувалось подозрѣніе на Лешерна, то написала она государю докладъ, чтобы учредить надъ нимъ военный судъ, коему препровождая всѣ бумаги, въ комиссіи произведенныя, предоставить рѣшить

дѣло законнымъ порядкомъ, что также было подтверждено.

По порядку, въ законахъ изображенному, военные суды, по произведеніи дѣла, заключа сентенцію, представлять должны все дѣло къ дивизионному командиру, который, приобща къ оному свое мнѣніе, препровождаетъ въ генераль-аудиторіатъ, а сей съ своимъ заключеніемъ представляетъ на конфирмацію государю. Права генераль-провіантмейстера сравнены съ дивизионными командирами; слѣдовательно я получилъ отъ комиссіи военного суда, надъ Лешерномъ учрежденнаго, дѣло и съ сентенціею.

Разматривая всѣ производства, видѣлъ я, что ни слѣдственная въ Ригу посыланная комиссія, ни таковая же военного суда надъ Лешерномъ учрежденная, не дѣлали того, что дѣлать должны были. Онѣ изыскивали, дешевле ли бы было изъ другихъ мѣстъ доставлять хлѣбъ; а имъ должно было, объясняя подозрѣніе на него возведенное, открыть, въ точности ли исполнялъ онъ по наставленію изъ экспедиціи данному: если въ чемъ отступилъ, то изслѣдовать о причинахъ имъ показанными быть долженствующихъ, и потому заключить, виноватъ ли онъ, и какому по законамъ наказанію подлежитъ. Когда жъ поступалъ по предписанію начальства, отъ коего произошли слѣдствія не полезныя, то надлежало представить вышнему начальству, и оправдывая подсудимаго представить его благоизволенію поступить съ предписывавшими подчиненному. Но они, найдя, что изъ купленного Лешерномъ хлѣба тысячи двѣ четвертей осталось не израсходованнымъ до времени новаго урожая, когда цѣны понизились, изчислили сколько взыскать

слѣдуетъ денегъ въ излишествѣ употребленныхъ на покупку сего хлѣба, который дѣлался не нужнымъ.

Представляя генераль-аудиторіату сіе дѣло, въ приобщенномъ къ оному мнѣніи написалъ я, что комиссія долженствовала бы, изслѣдуя дѣйствія г. Лешерна, удостовѣриться въ томъ, покупкою ли наличнаго хлѣба или подрядомъ сдѣлалъ онъ то заготовленіе, которое чрезмѣру увеличеннымъ отъ начальства не почиталось, судя по обстоятельствамъ военного времени; и въ слѣдствіе того, если личнымъ обозрѣніемъ или посылкою свидѣтельствовать наличность продаваемого ему хлѣба, сдѣлалъ онъ покупку, а контрактъ заключенъ токмо для поставокъ и перемолота: исполнилъ онъ все то, что ему было предписано отъ начальства. Если же онъ хлѣба не видалъ и никого свидѣтельствовать наличность не посылалъ, слѣдовательно обнадеживаясь на обязательствѣ продающихъ, сдѣлалъ подрядъ, для произведенія коего учреждены правила: въ такомъ случаѣ преступилъ онъ право ему данное и не исполнилъ предписанія начальства. При чемъ, изъясняя аудиторіату о обстоятельствахъ того времени и о надобности содержать запасы, которые не понадобились (потому что Англичане и Шведы нигдѣ въ Курляндіи не атакывали наши берега) склонялъ я къ тому, что все это дѣло не стоитъ важности, и убытокъ, въ 15 т. состоящій, должно причесть къ прочимъ необыкновеннымъ издержкамъ.

Генераль-аудиторіатъ рѣшилъ дѣло тѣмъ, что надобно взыскать сей убытокъ съ членовъ комиссіи Рижскаго депо, неполезный контрактъ заключившей и съ провіантской экспедиціи, для чего слабо за подчиненными смот-

рить. Государь сіе рѣшеніе подтверждалъ, и въ слѣдствіе того по расчету жалованья причлось съ меня 4807 рублей, которые исполнителями сего дѣла такъ безсовѣстно съ меня взыскать опредѣлено, что публикованъ я во всей Россійской имперіи виновнымъ и повсемѣстное сдѣлано мнѣ запрещеніе въ письмѣ купчихъ и закладныхъ.

Начавъ жить въ деревнѣ, сначала нуждался я чрезвычайно. Дохода столь мало, что не доставало на неминуемыя издержки, при бережливости до такой степени, что, привыкнувъ во все время моей жизни пить виноградное вино, долженъ я былъ оставить его и не имѣть въ домѣ. Теща моя, давъ мнѣ довѣренность продавать на вырубку лѣсъ, при отдачѣ имѣнія выговоренный, наложила обязанность нисколько не продавать въ свою пользу изъ остающагося количества. Чтобы, елико можно, скорѣе по назначенной ею цѣнѣ выпродать ея тысячу десятинъ, объявилъ я продажу повсемѣстно на всемъ пространствѣ дачи, содержащей три тысячи десятинъ; слѣдовательно известили ее всю и надолго вселили безпорядки, для хозяйства вредные. За продаваемый лѣсъ собирая деньги, долженствуя хранить въ своемъ бюро до времени, какъ поѣду къ ней, я не могъ воздерживаться, чтобы не занимать на случавшіяся нужды. А чтобы не сдѣлаться виновнымъ предъ нею, то предъ отъѣздомъ къ ней, что раза четыре въ годъ случалось, надобно было поѣхать въ Москву занимать, употребляя поклоны и платить по 10 процентовъ. И такимъ образомъ въ теченіи четырехъ лѣтъ задержалъ я 6 т. рублей, что весьма тягостно мнѣ было.

По минованіи сего времени теща моя, выруча продажею лѣса, доходами во время ея управленія и взятіемъ отъ меня болѣе ста тысячъ рублей, отказалась отъ права своего на продажу лѣса. И мы, начавъ продолжать безпорядокъ, продавая въ свою пользу, почувствовали себя богатые; но долговъ не убавили. А занявъ изъ воспитательнаго дома 21 т. рубл., купили дешево попавшійся обгорѣлый въ Москвѣ домъ за 12 т. ⁽⁶²⁾; зачали подумывать жить по ближе къ людямъ и доставлять возрастающимъ дѣтямъ познанія, принялись устраивать его и стали накоплять долги.

Живучи въ деревнѣ, много испытывалъ я непріятности. Близость тещи, коей образъ мыслей и нравъ совершенно мнѣ противной, обязанность бывать у нея часто, а паче всего внушенія, кои она дѣлаетъ женѣ моей о усиленіи хозяйства, часто волновали мои чувства. Чтобы отстраниться отъ участія въ дѣйствіяхъ, мнѣ противныхъ и изподоволь умѣрять стремленіе безъ ссоръ, не сталъ я мѣшаться въ дѣла хозяйственныя; опредѣлился въ охотники садоводства и принялся работать въ саду своими руками.

Никогда не лишался я надежды вступить въ службу государственную, и потому всякіе попадающіеся случаи настраивалъ къ сей цѣли. Всѣ мои знакомые изъ Петербурга въ Москву или обратно проѣзжавшіе заѣзжали ко мнѣ, на пути живущему. Видя меня съ заступомъ въ рукахъ спокойнымъ, ничего не желающимъ и откровенно съ ними о государственныхъ дѣлахъ безъ

(62) Это тотъ самый домъ у Красныхъ Воротъ, о которомъ говоритъ С. Т. Аксаковъ въ своемъ Воспоминаніи о Д. Б. Мертваго, и который нынѣ принадлежитъ наслѣдникамъ И. В. Кирѣвскаго. П. Б.

зависти разсуждающимъ, изъявляли желаніе сдѣлать изъ меня употребленіе; но я, ни отъ чего не отказываясь, всегда не соглашался къ тому зваться.

Между тѣмъ семейство мое умножилось: 10 февраля 1812 года родилась у меня дочь Варвара, 23 марта 1813 сынъ Петръ; а 2 февраля 1815 сынъ Дмитрій.

Произшествія въ 1812 году, потрясшія основанія Россіи и къ славѣ ея обратившіяся, и безъ меня извѣстны въ свѣтѣ; описывать ихъ мнѣ не нужно, а надлежитъ сказать только то, что собственно до меня касается.

Когда Наполеонъ со всѣми военными силами всей Европы насильственно вступилъ въ предѣлы Россіи, императоръ Александръ, оставя ретирующуюся его армію, пріѣхалъ въ Москву; созданному дворянству объявив истинныя обстоятельства, приказалъ собрать ополченіе. Тутъ я видѣлъ единодушное желаніе жертвовать всѣмъ для защиты отечества. Во дворцѣ, гдѣ собраніе было, увидѣлся я со многими мнѣ знакомыми боярами, съ государемъ пріѣхавшими. Многіе изъ нихъ говорили мнѣ: неужели и въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ откажетесь вы отъ службы? Каждому я отвѣтствовалъ, что теперь всякой служить долженъ, и я готовъ быть вездѣ, гдѣ могу службою быть полезенъ. Министръ полиціи А. Д. Балашовъ пригласилъ меня къ нему пріѣхать. На другой день по утру я то исполнилъ. Онъ жительствова въ дворцѣ близъ комнатъ государевыхъ. У него нашелъ я множество людей. Первой его вопросъ: неужели продолжается отвращеніе отъ службы? Я отвѣтствовалъ: нѣтъ, я въ теперешнее время готовъ служить подпоручникомъ въ ополченіи. «Не то есть у насъ предположе-

ніе», онъ сказалъ. — Чье это предположеніе? я спросилъ, неужели государева есть на то воля? — „Конечно“, онъ отвѣтствовалъ. „И не далѣе какъ сего дня былъ о томъ разговоръ“. Пригласилъ онъ меня пріѣхать вечеромъ часу въ 9-мъ, обѣщаясь все разсказать подробно, и что будемъ мы одни безъ свидѣтелей.

Являсь въ назначенный часъ, нашелъ я его одного, меня ожидающаго. Затворя двери, приказавъ никого къ нему не пускать, началъ онъ объясненіе предшествовавшихъ обстоятельствъ, и не дойдя до разговора обо мнѣ, прервалась рѣчь приходомъ Московскаго военнаго губернатора Растопчина, который началъ разговаривать съ нимъ тихо. Увидя себя лишнимъ, пошелъ я изъ комнаты. Балашовъ меня остановилъ, прося подождать, что имѣетъ онъ нужду переговорить со мною. Отвѣтствую, что подожду въ его передней; но въ ту же минуту посланной отъ государя объявилъ ему и графу Ростопчину, что ихъ государь къ себѣ спрашиваетъ. Поспѣшили они оба. Отходя, сказалъ Балашовъ мнѣ: „пожалуйте завтра, мнѣ надобно поговорить съ вами.“

Полагая, что должно мнѣ также явиться къ нему вечеромъ, потому что по утру бываетъ у него много всякаго званія людей, я ошибся въ расчетѣ. Государь и онъ съ нимъ въ тотъ вечеръ уѣхали въ Петербургъ, и хотя я призжалъ къ нему, но его не засталъ. Онъ отлучился прощаться съ своими ближними. Прѣзжая Клинь, увидѣлъ онъ моего человѣка и приказалъ ему сказать мнѣ, что надѣется скоро быть обратно. А если сіе не случится, то напишетъ мнѣ о томъ, что сказать хотѣлъ.

Возвратясь въ деревню, сколько ни ломалъ свою голову соображеніемъ об-

стоятельствъ, чтобы заключить, какое употребленіе изъ меня сдѣлать предполагаютъ, отгадать не могъ. Все съ великою боязнію мечталась мнѣ прежняя моя должность, которая сколь по состоянію времени не могла быть исправляема съ надлежащею исправностію, столь же для меня опасна казалась и потому, что графъ Аракчеевъ, по удаленіи отъ министерства Барклая-де-Толли, коего мѣсто заступилъ человѣкъ совершенно неспособный⁽⁶³⁾, очутился опять производителемъ дѣлъ, не разлучный отъ государя и въ полной довѣренности.

Въ слѣдствіе манифеста, призывающаго всѣхъ Россіянъ къ ополченію противу врага, быстро во внутрь Россіи вступающаго, Оренбургской губерніи дворяне на собраніи своемъ положили составить ополченіе изъ 6 т. человѣкъ; назначали меня избрать начальникомъ и послать ко мнѣ приглашеніе чрезъ моего племянника, тамо живущаго. Получаю о семъ извѣстіе, я весьма былъ доволенъ.

Въ началѣ августа дѣлается извѣстнымъ, что непріятель, непрерывно побѣждая ретирующуюся нашу армію, взялъ Смоленскъ, и войски его потянулись къ Гжатю. Я заключалъ, что имѣетъ онъ намѣреніе идти на Тверь, завладѣть хлѣбными запасами по рѣкѣ Волгѣ идущими къ Петербургу, и большою дорогою между столицъ раздѣлить наши силы незнаніемъ, гдѣ болѣе понадобится оборона, произвести отъ страха желаніе просить миръ, и принять такой, какой онъ пожелаетъ. Словомъ, я воображалъ, что можетъ слѣдовать съ Россіею такое же несчастіе, какому недавно подверглась Пруссія. И такъ моя деревня, на-

ходясь на пути, будетъ раздавлена тяжестію войны.

Матушка моя и сестра находились тогда у меня въ гостяхъ. Первѣе всего представилось мнѣ надобнымъ ихъ выпроводить въ Нижний - Новгородъ, куда ближній нашъ родственникъ, изъ Москвы отправляющійся, взялся ее препроводить. Онъ писалъ, что будетъ ее ожидать въ Богородскѣ, 50 верстъ отъ Москвы, по пути къ Нижнему.

Въ сіе время невидимая Божія милость облегчила тяжкія мои обстоятельства. У всей моей семьи не было и пятидесяти рублей денегъ. Во время всеобщаго волненія занять было не у кого. Но что жъ случилось? Братъ мой, вздумая купить 11 душъ находящихся въ его деревнѣ, занявъ 5500 руб., присылаетъ мнѣ, прося, чтобы отыскалъ я продавицу въ Москвѣ, и купилъ сихъ людей съ частію земли, ей принадлежащей. Исполняя порученное, продавицу я нашелъ; она охотно продать хотѣла. Но встрѣтилось затрудненіе для совершенія купчей, которое предолѣвать было некогда; ибо продавица, послѣдую всѣмъ московскимъ жителямъ, собралась и уѣхала изъ Москвы. И такимъ образомъ оставшаяся у меня сумма денегъ сдѣлалась мнѣ и всему семейству моему спасеніемъ отъ приближающейся бѣды.

Проводя матушку чрезъ Москву 50 верстъ далѣе, видѣлъ я въ Москвѣ сильное волненіе. Народъ, обороняться готовящійся, съ дерзостію ропталъ на дворянъ, Москву оставляющихъ. Графъ Растопчинъ, какъ человѣкъ умный, поступалъ весьма искусно. Онъ, разными выдумками угождая народу, приспособливалъ его ко враждѣ противу непріятеля. Посмѣиваясь надъ трусостію дворянъ, содѣйствовалъ ихъ удаленію.

(63) Князь Алексѣй Ивановичъ Горчаковъ.

Возвратясь опять въ свою Клинскую деревню, сталъ собираться уѣхать, не рѣшась еще куда; ибо, видя число ѣдущихъ въ Нижній Новгородъ, полагая, какая будетъ дороговизна, могущая скоро проглотить братнюю сумму, мною присвоенную, не смѣлъ на то рѣшиться. А между тѣмъ, у меня только и есть экипажей одна четверомѣстная карета и одинъ дормезъ, весьма ненадежные. А семья: жена беременная за половину, пять дѣтей и племянникъ, студентъ Московскаго университета, коего я взялъ изъ Москвы. Но и сіе затрудненіе преодолѣлось. Сосѣдка наша и ближняя пріятельница М. П. Блохина рѣшилась ѣхать съ нами, куда бы мы ни отправились. Она одна, а у нея исправная четверомѣстная карета и большая коляска; слѣдовательно, всѣ мы размѣстились хорошо. Но она требовала, чтобы поѣхать прежде въ Николинъ⁽⁶⁴⁾ монастырь, гдѣ мужъ ея погребенъ.

23 августа мы отправились изъ дома, взявъ нѣсколько лошадей мужичьихъ. Помолясь Богу въ Никольскомъ монастырѣ, пріѣхали ночевать въ Дмитровъ. Тутъ на досугъ разсуждали, куда ѣхать. Разсматривая дорожную карту, приговорили, чтобы миновать Москву, ѣхать чрезъ Троице-Сергіевую Лавру проселочными дорогами во Владиміръ и оттолъ въ Тамбовъ.

Главная причина сему назначенію была дешеvizна въ содержаніи. А потомъ, если Москвою завладѣетъ непріятель, слѣдовательно армія наша потянется къ той сторонѣ, гдѣ снабжать ее и укомплектовывать удобнѣе; слѣдовательно, буде судьба опредѣляетъ

мнѣ служить отечеству, то буду я ближе къ мѣстамъ назначенія, Оренбургскимъ ли начальникомъ ополченія, или въ какую ни есть должность при арміи. А сверхъ того еще и то было у меня въ предметѣ: когда Божія есть воля поработить мое отечество, и мы всѣ сдѣлаемся ничто и безъ имѣнія, то изъ Тамбова ближе пробраться мнѣ въ Сарепту, гдѣ жители ласковы ко мнѣ бывали и даже мнѣ службу у себя и гражданство предлагали, во время, какъ сущимъ бѣднякомъ я жилъ два мѣсяца у колодца. Въ слѣдствіе чего я предполагалъ остаться въ колоніи, и дѣтей моихъ, еще въ малолѣтствѣ сущихъ, помѣстя на воспитаніе принять ихъ правила, кои всегда признавалъ и признаю я въ совершенствѣ христіанскими.

Проживъ въ Тамбовѣ до ноября, узнавъ, что непріятель, истоща много силъ въ пустой Москвѣ, началъ ретироваться, и ежедневно побиваемый, гибнетъ, пустились и мы въ обратный путь. Близъ Рязани, въ имѣніи брата жены моей Д. М. Полторацкаго⁽⁶⁵⁾, гдѣ онъ съ своимъ семействомъ находился, оставилъ я беременную жену и дѣтей до зимняго пути, а самъ поѣхалъ посмотреть свою деревню. Нашелъ все въ цѣлости. Легкія наши войски, на семъ пути противу непріятели поставленныя, многихъ раззорили, а у меня ничего не взяли. Шефъ драгунскаго полка, коего и не помню я, чтобы видѣлъ, пріѣхавъ въ домъ, объявилъ людямъ моимъ, что имѣлъ отъ меня одолженіе во время моего генералъ - провіантмейстерства, прика-

⁽⁶⁴⁾ Никола на Пъсношѣ, не далеко отъ Клина, подъ которымъ находится Демьяново, помѣстье Мертваго. П. Б.

⁽⁶⁵⁾ Имѣніе это, Пронскаго уѣзда, село Истье (жельзо-дѣлательный заводъ) въ 40 верстахъ отъ Рязани, принадлежало тогда женѣ стат. сов. Дмитрія Марковича Полторацкаго, Аннѣ Петровнѣ, урожд. Хлѣбниковой. П. Б.

залъ все запереть и запечатать; оставилъ на залогъ двухъ казаковъ и одного драгуна, дабы никто изъ воинскихъ людей ни до чего не коснулся. У другихъ же сей мой защитникъ грабилъ все, что ни попадалось.

Скоро наступившая зима собрала въ деревню всю мою семью, и я началъ жить какъ и прежде, не понавъ никуда на службу, ибо милицію составлять въ Оренбургской губерніи было не приказано. Обывшихъ предположеніяхъ, что министръ мнѣ объявлялъ, ничего я не вѣдалъ. Перебѣнившіяся обстоятельства, возрождая гордость, изгоняли желаніе искать людей, не столь вкусныхъ, сколь полезныхъ; слѣдовательно и долженъ былъ заключать, что опредѣленіе Божеское о мнѣ — сидѣть дома и быть токмо готову идти по Его воззванію.

Въ слѣдующее лѣто заѣзжаетъ ко мнѣ въ Кіевъ ѣдущій Гаврило Романовичъ Державинъ, правительствомъ не довольный. Сей представляетъ все въ худшемъ видѣ, нежели есть на самомъ дѣлѣ. За тѣмъ вскорѣ Родіонъ Александровичъ Кошелевъ ⁽⁶⁶⁾, ласкаемый государемъ, изображаетъ все на пути къ лучшему. Оба они и многіе другіе отзывались, что служить мнѣ должно неминуемо, и я долженъ быть готовымъ на службу.

Осенью того же года пріѣхалъ изъ арміи въ Москву при государѣ находившійся и разныя посольства исправлявшій министръ полиціи Александръ Дмитріевичъ Балашовъ. Онъ рассказывалъ мнѣ бывшее о мнѣ предположеніе. Во время, какъ армія наша, при коей государъ находился, ретировалась отъ непріятеля, разсуждая съ госуда-

ремъ, что, судя по силѣ непріятеля, вѣроятно войдетъ онъ во внутрь имперіи и пресѣчься могутъ сношенія съ провинціями, то Балашовъ предлагалъ за полезное опредѣлить чиновниковъ для начальства надъ двумя или тремя губерніями, давъ имъ власть превыше обыкновенной. О надобности государь соглашался, но затруднялся, гдѣ найти людей, на коихъ бы возложить такую довѣренность было можно. Балашовъ удостовѣрялъ, что люди есть, и получилъ дозволеніе представить имена имъ предполагаемыхъ, и какую кому инструкцію дать слѣдуетъ. Балашовъ, у коего уже изготовлено было, представляетъ ему списокъ чиновниковъ, при арміи не находящихся и прожектъ инструкціи. Въ числѣ сихъ чиновниковъ я былъ помѣщенъ. Государь, разсуждая о многихъ, и нѣкоторыхъ имена вымарывая, о мнѣ не останавливался, слѣдовательно несумнѣнно соглашался. По пріѣздѣ въ Москву, въ самое то утро, когда разговоръ со мною Балашова начался, спросилъ онъ у него: готовы ли указы о опредѣленіи начальниковъ губерній? Но поелику предположено было уже ѣхать въ Петербургъ, то Балашовъ отвѣтствовалъ, что „бумаги всѣ готовы; но не покажется ли легкомысленно таковое важное распоряженіе сдѣлать на канунъ пріѣзда въ Петербургъ, когда самыя ничтожныя дѣла изволи-те препровождать на разсужденіе Совѣту? И не подумаютъ ли, что я уловилъ вашу довѣренность?“ Сіе мнѣніе государь апробовалъ, и приказалъ ему доложить тотчасъ по пріѣздѣ въ Петербургъ.

Балашовъ, сіе предположеніе объявивъ князю Салтыкову и графу Аракчеву, показавъ имъ списокъ назначаемымъ чиновникамъ и написанныя инструкціи, получа ихъ согласіе, про-

⁽⁶⁶⁾ Известный масонъ, жившій во дворцѣ. Онъ былъ родной дядя издателю Русской Бесѣды А. И. Кошелеву. Н. Б.

жектъ одобряющее, доложилъ государю. Онъ приказалъ внести въ Совѣтъ на разсужденіе. А въ тотъ же день графъ Кочубей представилъ государю свой прожектъ, — составить подвижной Сенатъ, коему быть при арміи для управленія всѣми губерніями, къ театру войны ближайшими. Оный также препровожденъ въ Совѣтъ на разсужденіе, что полезнѣе признано быть можетъ. Противурѣчія завели споры, и слѣдовательно медленность. Между тѣмъ понадобилось государю поѣхать въ Або видѣться съ наслѣднымъ принцемъ Шведскимъ, всю власть королевскую имѣющимъ. По возвращеніи его получено извѣстіе, что Москва въ рукахъ непріятеля. Сіе столь всѣхъ поразило, что всѣ прожекты остались безъ исполненія.

Все сіе и послѣдующія отъ разныхъ людей извѣстія удостовѣрили меня, что государь, хотя персонально недоволенъ мною, но полагаетъ, что я могу быть полезенъ службѣ. Продолжая скрывать собственное мое желаніе, старался я не пропускать удобства къ тому.

Въ исходѣ 1816 года поѣхалъ я въ Петербургъ для избранія училища, куда бы помѣстить старшаго моего сына Николая, коему протекалъ двѣнадцатой годъ отъ рожденія; а между тѣмъ имѣлъ я въ мысляхъ никому не объявляемое желаніе поступить на службу.

Министерствомъ полиціи управляющій С. К. Вязмитиновъ предлагалъ мнѣ должность директора его департамента. Хотя совершенно я того не желалъ, но чтобы его не обидѣть рѣшительнымъ отказомъ, представлялъ невозможность перемѣститься въ Петербургъ. А. Д. Балашовъ объявлялъ мнѣ желаніе его, если возвратится ему должность, коея титулъ еще носилъ, то

намѣренъ просить, чтобы опредѣленъ ему былъ помощникъ, долженствующій отлучаться въ губерніи, для обревизованія дѣлъ его вѣдомства; а когда самъ министръ поѣдетъ, то бы помощникъ заступалъ его мѣсто во всѣхъ отношеніяхъ. Сіе предложеніе весьма мнѣ было по вкусу, и я совершенное изъявилъ согласіе.

Р. А. Кошелевъ меня спросилъ, какую бы должность принять согласился? Я отвѣтствовалъ что по оклеветанію гр. Аракчеева не думаю, чтобы государю было угодно опредѣлить меня на службу. Онъ возразилъ: „о, нѣтъ! государю вѣрно угодно имѣть васъ въ службѣ.“ И такъ объявилъ я, что, имѣя многочисленное семейство, деревню близъ Москвы и домъ въ городѣ, находясь въ обязанности доставить дѣтямъ приличное воспитаніе, согласно бы съ обстоятельствами моими было быть на службѣ въ Москвѣ. „Но вѣдь вы въ губернаторы не пойдете?“ онъ спросилъ. — „Конечно нѣтъ“, я отвѣтствовалъ, „и уже я старъ, чтобы исполнять обязанность хорошаго губернатора, а дурнымъ быть не захочу. Но буде угоденъ я на службу, и когда не почтется дерзостію мое желаніе, то хотѣлъ бы быть сенаторомъ въ Москвѣ, и поелику не богатъ, то прошу, чтобы даны мнѣ были столовые деньги тѣ, кои я имѣлъ по прежней службѣ.“ При сихъ словахъ, съ доброю миною, онъ мнѣ сказалъ: „Какъ вы меня облегчили! Я былъ увѣренъ услышать болѣе сихъ требованій. Сіе вѣрно сдѣлается; пожалуйте, останьтесь, не уѣзжая изъ Петербурга.“

Хотя довольно удостовѣрился я, что Р. А. Кошелевъ не прожектёръ сего разговора, а коммиссіонеръ; но, притворясь обманутымъ, благодарилъ его за добротство, разсуждая, не напри-

сно ли онъ берется за сіе дѣло: вѣдь ему извѣстно неблагорасположеніе ко мнѣ графа Аракчеева, имѣющаго толикую довѣренность государя. Но онъ, споря, мнѣ сказалъ, что государь доволенъ о семъ извѣстенъ, и въ слѣдствіе того Аракчеевъ не можетъ ничего о васъ говорить. „И такъ, пусть будетъ какъ Богу угодно“, я сказалъ. „Только не прогибайтесь, не буду я дожидаться въ Петербургѣ, а поѣду домой: вѣдь не мнѣ служба надобна, а я только готовъ приносить себя на жертву службѣ.“ При разставаніи онъ мнѣ сказалъ, что о желаніи моемъ донесетъ государю и скажетъ, что изъ сенаторовъ можетъ онъ меня употреблять сообразно его волѣ.

Представляюсь государю и всей его фамилии. Государь и императрица Елисавета Алексѣевна не говорили мнѣ ни слова, но Марья Θεодоровна очень милостиво разговаривала, спрашивая о Москвѣ, и гдѣ я живу. Великій князь Михаилъ Павловичъ, лишь я представился, спросилъ, съ тѣмъ ли я пріѣхалъ, чтобы остаться въ Петербургѣ? Отвѣтъ мой былъ: „Нѣтъ, я обратно поѣду въ деревню.“ Приближенные графа Аракчеева очень прилежно совѣтовали мнѣ сдѣлать ему визитъ, увѣряя, что онъ меня приметъ. Но я сего не сдѣлалъ, хотя многіе изъ моихъ родственниковъ мнѣ то совѣтовали. Мнѣ кажется, нужно человѣку утвердительно и постоянно показывать себя имѣющимъ характеръ.

Помѣстя сына въ пансіонъ Царскосельскаго лица, возвратился я домой, и сталъ жить прежнимъ манеромъ. Матушка моя скончалась. Сдѣлался я немножко богатѣе присылаемыми отъ имѣнія доходами. Но устроеніе въ Москвѣ дома и житіе въ Москвѣ умножать стали на мнѣ долги.

Въ сентябрѣ 1817 года путешествіе двора въ Москву стало перемѣнять видъ моей фортуны. Предположеніе (для уменьшенія числа лошадей) ѣхать порознь и всѣмъ дожидаться въ Клину, близъ коего моя деревня, учинило меня жителемъ резиденціи и ко двору приближеннымъ. По неимѣнію въ городѣ хорошихъ домовъ, Московской военной губернаторъ Тормасовъ поручилъ начальнику почтъ узнать, не будетъ ли мнѣ противно, если въ домѣ моемъ назначится квартира. Съ первою почтою написалъ я графу Тормасову, что, сіе предположеніе сочтя за милость, готовъ я очистить весь домъ. На сіе онъ мнѣ отвѣтствовалъ, что предписалъ губернатору поѣхать въ Клинь для назначенія квартиръ, гдѣ за полезное найдется въ городѣ, или у меня въ деревнѣ.

Губернаторъ, побывавъ въ городѣ, ко мнѣ не забывая, назначилъ квартиры. Тормасовъ мнѣ писалъ: „хотя домъ мой удобенъ для жительства императрицы, но нѣтъ помѣщенія для свиты ихъ; а потому предпочтено назначить квартиры въ городѣ.“ Хотя домъ мой деревянный въ трехъ стахъ саженьяхъ отъ города, гдѣ свиты могли бы быть помѣщены; но причина неудобства состояла въ томъ, чтобы не прогибать графа Аракчеева приближеніемъ меня къ членамъ императорской фамилии. Получа сіе извѣстіе, я замолчалъ, но не прерывалъ, сохраненіемъ чистоты въ домѣ, быть готовымъ къ принятію.

За нѣсколько дней предъ прибытіемъ, является ко мнѣ камеръ-фурьеръ, отправленный для осмотра путевыхъ дворцовъ и принятія Московскаго. Онъ, объявляя, что императрица Елисавета Алексѣевна по учиненному росписанію должна прожить три дни въ Клину, Марія Θεодоровна одинъ день и не могутъ помѣститься въ томъ до-

мѣ, который для нихъ въ Клину назначенъ, просить у меня дозволенія назначить для ихъ пребыванія мой домъ. Соглашаясь на сіе, показалъ я г. Бабкину полученное письмо, и что я писалъ графу Тормасову. Онъ увѣрялъ, что того же дня, приѣхавъ въ Москву, скажетъ графу Тормасову; а между тѣмъ, осматривая всѣ комнаты моего дома, назначилъ, гдѣ кому помѣститься; и что можетъ быть государь соединится съ фамиліею въ моемъ домѣ; слѣдовательно и ему назначилъ особливую комнату, рассказавъ, что по его обыкновенію нужно приготовить.

Въ продолженіе осматриванія комнатъ, онъ мнѣ сказалъ, что когда получилъ приказаніе ѣхать и распорядить изготовленіе квартиръ, спросилъ онъ: вѣдь въ Клину деревянный дворецъ сломанъ, то гдѣ же помѣстятся? На сіе возлѣ государя стоящій князь Волконскій ему сказалъ: „въ Клину у генерала Мертваго.“ Сей же камеръ-фурьеръ мнѣ сказалъ, что самъ онъ слышалъ разговоръ императрицы, что будутъ вмѣстѣ жить въ моемъ домѣ. Сіе происходило по утру, а къ вечеру командующій гвардіею, въ Москву шедшею, генералъ-адъютантъ Храповицкій мнѣ сказалъ, что при немъ съ кѣмъ-то государь говорилъ, что онъ увидитъ меня у меня въ домѣ.

Ничто однакожь не сдѣлалось. Всѣ помѣстились на квартирахъ въ городѣ. Всѣ оказывали неудовольствіе, и мнѣ вмѣсто худа сдѣлалось лучше. Сперва приѣхалъ великій князь Николай Павловичъ, по росписанію долженствующій прожить пять дней въ Клину, съ беременною его супругою. Встрѣтя у крыльца его квартиры вмѣстѣ со всѣми Клинскими дворянами, былъ я отлично обласканъ, приглашенъ къ столу. Самъ великій князь представлялъ меня своей супругѣ.

Она явственно отзывалась недовольною квартирой, и для чего не помѣстили ихъ въ томъ домѣ, гдѣ за годъ до женитьбы⁽⁶⁷⁾ великій князь квартировалъ, и который тогда для императрицы былъ назначенъ. Я рассказалъ о моихъ сношеніяхъ. Оба они не довольны были сдѣланнымъ распоряженіемъ. На другой день по утру приѣхалъ я, но не засталъ дома. Они пошли за городъ прогуливаться, въ ту сторону, гдѣ мой домъ находится. Я изъ города съ горы видѣлъ всю ихъ свиту рѣзвящихся. Дождалъ ихъ въ домѣ и также ласково былъ принятъ. Великая княгиня, сказывая о своемъ гуляньи, хвалила мѣстоположеніе. На сіе я сказалъ: „Если бы вмѣсто лѣвой стороны случилось вамъ пойти въ правую, то были бы близъ моего дома, и тогда я, вышедъ со всей моею семьею вамъ на встрѣчу, просилъ бы удостоить меня посѣщеніемъ и позавтракать“. Она отвѣтствовала: „если вамъ это угодно, то завтра мы это сдѣлаемъ.“ Великій князь повторилъ то же.

По росписанію слѣдовало на другой послѣ сего день къ вечеру приѣхать Елисаветѣ Алексѣевнѣ, а потомъ чрезъ два дня Маріи Θεодоровнѣ. Но вмѣсто того, того же дня къ вечеру приѣхала Марія Θεодоровна. Видно, они ей рассказали мой разговоръ. Только на другой день по утру получаетъ жена моя отъ штатсъ-дамы княгини Волконской записку, что великая княгиня быть къ намъ не можетъ, ибо кончилась ихъ воля съ приѣздомъ матушки; при чемъ объявляетъ, что должно всѣмъ представляться императрицѣ. Приѣхавъ въ городъ, нашелъ я множество людей на площади толпящихся предъ домами, гдѣ высокія особы находятся. Въ домъ

(67) Это было во время перваго путешествія по Россіи покойнаго государя. II. Б.

войти нельзя: по тѣснотѣ его даже придворные знатные господа принуждены были толпиться на площади, какъ вдругъ неожиданно императрица вздумала посѣтить великую княгиню. Никто о томъ не воображалъ; увидѣли уже ее по площади идущую. Тутъ, подойдя ко мнѣ, сказала: „какъ рада, что васъ вижу.“ Низкой поклонъ былъ моимъ отвѣтомъ. Но она продолжала: „Я очень сожалѣю, что я не у васъ; право я боялась васъ беспокоить.“⁽⁶⁸⁾ — „Какъ могли вы подумать, государыня? Вы бы великую мнѣ милость оказали.“ — „И такъ вы мнѣ позволите въ обратной путь у васъ остановиться? А между тѣмъ желала бы я поѣхать къ вамъ погулять въ саду.“ И тутъ жеспросила оберъ-шталмейстера: „Могу ли я имѣть карету?“ — „Тотчасъ, государыня“, онъ отвѣтствовалъ. Въ сію самую минуту великій князь выбѣжалъ ей на встрѣчу. Она, его поцалуя, сказала: „тебѣ нельзя ѣхать къ нему. Поѣзжай скорѣе на станцію, гдѣ есть хорошій на пути дворецъ.“

Цѣлая площадь народа, слыша, одинъ другому пересказывали мой разговоръ. Не только жена моя, дѣти, но всѣ люди и даже всѣ женщины, оставивъ домъ, на площади толпились, но всѣ поспѣшнѣйше собрались домой, и много прибѣжало посторонняго народа такъ, что я успѣлъ распорядиться къ принятію знаменитой гостии, и велѣлъ

(68) Вотъ тонкость дворскихъ сплетней, о коихъ послѣ я узналъ. Государынѣ сказали, что я по недостаточному состоянію учредилъ фабрику ткацкую, занялъ ею весь домъ, и самъ живу въ углу; что буде назначится для нихъ квартира, то, выбрасывая станы, потерялъ бы большой убытокъ. Ложь открылась: они видѣли до 20 хорошихъ комнатъ для жилья. А фабрика въ особыхъ комнатахъ оставалась.

Примѣч. Д. Б. Мертваго.

приготовить получше завтракъ. Императрица съ маленькою свитою пріѣхала къ саду. Принявъ ее изъ кареты, представилъ я ей жену, дѣтей и гостей. Она мнѣ приказала повести ее по саду, сказавъ: „Вѣдь вы охотникъ; покажите, отколь есть лучшіе виды.“ Я спросилъ, могу ли я просить позавтракать у меня въ домѣ. Она согласилась. И такъ, сказавъ я женѣ моей, чтобы пошла приготовить завтракъ, а я пойду съ государынею по саду. Графиня Ливенъ и Екатерина Ивановна Нелидова отправились съ моей женою и присоветовали послать дѣтей ходить при государынѣ. Она ихъ всѣхъ приласкала. По причинѣ тогда бывшаго холоднаго вѣтра, послала принести имъ платки на шею и сама ихъ надѣла. По окончаніи гулянья, придя въ домъ, все хвалила, дѣтей ласкала: всѣхъ вокругъ себя посадила, поила ихъ изъ своей чашки кофеемъ, говоря „чтобы вы меня помнили“, а что всег^о пріятнѣе, это тонъ обхожденія, точн^о партикулярная женщина пріѣхала къ пріятелю въ гости. Отѣзжая, позвала меня и жену мою къ себѣ обѣдать. За столомъ сидѣлъ я противу ея, со мною больше всѣхъ разговаривала. И когда стали подавать десертъ, то спросила листъ бумаги и наполня конфетами, послала женѣ моей, чтобы отвезла дѣтямъ. Того же дня къ вечеру пріѣхали въ Клинь императрица Елисавета Алексѣевна, и при ней провожатымъ министръ просвѣщенія князь Голицынъ. Онъ отдалъ мнѣ письмо отъ Род. Алек. Кошелева, гдѣ изъясняетъ, что пишетъ съ другомъ своимъ, съ коимъ проситъ меня быть чистосердечнымъ; и онъ будетъ руководствовать къ тому, что говорилъ я съ нимъ.

По обыкновеніямъ дворскимъ надлежало бы женѣ моей, бывшей приглашенною къ обѣду императрицы, тот-

часть отправиться въ Москву благодарить за честь, намъ сдѣланную, тѣмъ паче, что обѣ императрицы въ Клину ей говорили, что увидимся въ Москвѣ. И она каждой изъ нихъ сказала, что не въ состояніи столько издерживать на гардеробъ, чтобы могла ѣздить къ двору. Но онѣ обѣ ей позволили являться къ нимъ безъ нарядовъ, приватно, что также значитъ большая честь. Но жена моя, придворной жизни не любящая, осталась въ деревнѣ, чтобы кончить уборку хлѣба. И такъ поѣхалъ я въ Москву одинъ.

На ряду съ дворянствомъ представлялся я государю и государынямъ. Всѣ они отлично со мною поступили. Государь послѣ представленія говорилъ съ немногими и больше всѣхъ со мной. Первое слово: „Ваше превосходительство сдѣлался жителемъ Клинскаго уѣзда?“ — „Такъ, государь, жена моя имѣетъ тутъ деревню“. Разговаривая о мѣстоположеніяхъ края, сказывалъ мнѣ, что знаетъ сіе имѣніе при прежнемъ его владѣльцѣ, и что былъ въ ономъ въ ребячествѣ своимъ, еще при покойной императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ.

Но государыня Марія Ѳеодоровна уже гораздо больше отличія мнѣ сдѣлала. Благодаря меня за угощеніе, поворотясь къ графу Тормасову, сказала. „Я очень сожалѣю, что жила не у него. Нельзя лучше быть порядкомъ, какъ я у него въ домѣ видѣла. Какая вездѣ опрятность, чистота, все домашнее не богатое, но все со вкусомъ и прекрасно“. Тормасовъ почувствовалъ свою подлую глупость и покраснѣлъ. Посемъ спрашивала меня о женѣ, здѣсь ли она? Я отвѣтствовалъ, что осталась дома, потому что одна изъ дочерей моихъ занемогла. Вотъ тутъ то на силу я отговорился, чтобы не послала она доктора, сказавъ, что у насъ есть

лекаръ, къ которому жена моя большую довѣренность имѣетъ.

Увидясь съ княземъ Голицынымъ, спросилъ онъ меня, привезъ ли я бумагу? Не вѣдая какую отъ меня требуетъ, удивился я! Но онъ объяснилъ, что надобно мнѣ написать государю, что прошу я службы. И мнѣ то сдѣлать отговаривающемуся совѣтовалъ показать покорность, говоря: коли непріятныя обстоятельства причинили между вами разстройство, то вѣдь пристойнѣе же уступить вамъ. По нѣсколькихъ свиданіяхъ, по многихъ разсужденіяхъ, рѣшился я и написалъ государю: „Вѣрноподданническое усердіе причиною смѣлости, съ коею державу я прошить службы вашего императорскаго величества“. — Въ томъ состояло все мое письмо.

По дозволенію князя Голицына написалъ я ему, что, получа отъ него объявленіе воли государя чрезъ него подать прошеніе мое о желаніи вступить въ службу, прошу, представя при ономъ прилагаемое, доложить о желаніи моемъ быть сенаторомъ въ Московскихъ департаментахъ, и что прошу я о пожалованіи мнѣ столовыхъ денегъ: ибо я не богатъ, и безъ того жить въ Москвѣ неотлучно было бы трудно.

Чрезъ нѣсколько дней князь Голицынъ объявилъ, что письмо представилъ, что государь читалъ къ нему писанное и обнадежилъ исполнить, только не при опредѣленіи, а скоро, дабы избавиться подобныхъ требованій отъ другихъ.

Хотя не очень я вѣрилъ обѣщанію, но что дѣлать? Противу силы, противно моей пользѣ дѣйствующей, спорить нельзя. Но я увѣренъ, что служба моя, доставляя болѣе значительности въ свѣтѣ, можетъ быть полезна моимъ дѣтямъ.

Декабря 11 числа 1817 года подписанъ указъ о пожалованіи меня за прежнюю службу тайнымъ совѣтникомъ и сенаторомъ. 12 декабря, въ день рожденія императора, получилъ я поздравленіе отъ многихъ дворскихъ людей, государя окружающихъ. Но поелику объявлено мнѣ не было, то и не принималъ поздравленія.

13 декабря графъ Аракчеевъ, собственною государя канцеляріею управлявшій, какъ видно было, долженъ меня увѣдомить о пожалованіи меня. Но въ запискѣ, за номеромъ присланной, не помѣстилъ, какой имѣю чинъ.

Поелику бывали примѣры, что военный генеральскій мундиръ носящіе изъ генераль-маіоровъ, бывъ названными 3 класса, производились въ сенаторы, и слѣдовательно въ тѣхъ же мундирахъ оставались, то на другой день поѣхалъ я къ графу Аракчееву спросить; но мнѣ объявлено, что дома его нѣтъ.

На другой послѣ сего день (что была суббота), приѣхавъ ранѣе, былъ я встрѣченъ адъютантомъ, объявляющимъ, что графъ никого не принимаетъ. Я просилъ доложить ему, что имѣю надобность видѣть на минуту. Онъ отвѣтствовалъ, что и докладывать не смѣетъ. Послѣ чего спросилъ я, извѣстно ли графу, что я вчера приѣзжалъ? и получилъ отвѣтъ, что графу о томъ докладывавано. Сіе довольнымъ было доказательствомъ, что произведение меня послѣдовало противу воли великомощнаго боярина, и онъ явно то показывать имѣетъ смѣлость.

Отправясь къ оберъ-гофмаршалу, просилъ записать меня желающимъ представиться благодарить государя и императрицу. Онъ спросилъ, какой имѣю чинъ? Я отвѣтствовалъ: не знаю, показывая ему записку графа Аракчеева. Онъ совѣтовалъ его спросить.

На сіе я отвѣтствовалъ, рассказавъ происшествіе. Все то выслушавъ, трусливый оберъ-гофмаршалъ рѣшительно отозвался, что не можетъ внести имя мое въ записку о представляющихъ въ слѣдующее воскресенье.

Написавъ письмо статсъ-секретарю, при государѣ находящемуся подъ вѣдомствомъ графа Аракчеева (⁶⁹), просилъ увѣдомленія, въ какомъ костюмѣ мнѣ должно представляться. Онъ прислалъ копію указа. И тогда я сталъ знать, что мундиръ военный промѣнялъ я на сенаторскій.

Черезъ недѣлю представляясь, государь мнѣ сказалъ съ холодною учтивостію: „Я надѣюсь, что ваше превосходительство оправдаете мою къ вамъ довѣренность“. Императрица Марія Ѳеодоровна, пожавъ руку, мнѣ сказала съ добродушіемъ: „вы мнѣ можете повѣрить, что я этому рада“.

Приглашенъ будучи къ обѣду у двора, въ числѣ прочихъ ожидая выхода, въ тронной залѣ я сидѣлъ. Графъ Аракчеевъ проходилъ изъ внутреннихъ комнатъ; я всталъ ему поклониться, но онъ, будто не видя, сталъ говорить со стоящимъ въ противной сторонѣ. По возвращеніи его, опять я тоже, и онъ тоже сдѣлалъ. Тутъ сосѣдствующимъ многимъ господамъ я заявилъ: „Видите ли, что онъ отъ меня отворачивается? И такъ будьте свидѣтели что я не виноватъ, если кланяться ему не буду“. И съ тѣхъ поръ, встрѣчаясь, не нагибалъ головы.

Вскорѣ за тѣмъ многіе мнѣ сказывали, что императрица Марія Ѳеодоровна изъявила желаніе и два раза просила опредѣлить меня почетнымъ опекуномъ Московскаго опекунскаго совѣта; но, государь, предоставляя ей

(⁶⁹) Николаю Назаровичу Муравьеву? Н. Б.

выбрать кого угодно, объявлялъ, что я ему надобенъ.

Прѣзжая въ обратный путь, императрицы были въ моей деревнѣ. Мнѣ дозволено было отлучиться для принятія ихъ. Марія Ѳеодоровна оказывала мнѣ отлично милостивое расположеніе, но ни слова не говорила о слухахъ, до меня доходившихъ.

Въ іюнѣ 1818 года получилъ я повелѣніе ѣхать во Владимірскую губернію для изслѣдованія по доносу, къ государю присланному.

Во время, какъ слѣдствіе я производилъ, получилъ государь донесеніе главнокомандующаго въ Грузіи и губерніяхъ Кавказской и Астраханской, гдѣ описывая безпорядки и злоупотребленія, отзываясь весьма дурно о чиновникахъ губернскихъ, просилъ повелѣнія обревизовать Кавказскую и Астраханскую губерніи чрезъ строгаго и безпристрастнаго сенатора. Сіе донесеніе препровождено въ комитетъ министровъ съ повелѣніемъ назначить двухъ сенаторовъ для обревизованія.

Комитетъ министровъ назначилъ сенаторовъ Саблина и Гермеса. Но государь, помянувъ имя Саблина, написалъ мое имя. Докладчикъ ему припомнилъ, что нахожусь я во Владимірѣ; но онъ отвѣтствовалъ, что, окончивъ слѣдствіе, отправлюсь я на Кавказъ и въ Астрахань.

Соображая обстоятельства свѣтскія съ обязанностями чести и совѣсти, тогда же я видѣлъ всю трудность сего дѣла. Ядовито-злое представленіе господина Ермолова, человѣка умнаго, хитраго и какъ слышно безбожнаго, нельзя иначе удовлетворить какъ сопутствіемъ его расположенія. И такъ рѣшился я дѣйствовать по инструкціи буквально. Къ счастью товарищъ

мой г. Гермесь, человѣкъ безграмотной и отъ природы весьма добрый, совершенно положился на меня. Чтобы оберечь его отъ соблазна, предохранился тѣмъ, что согласилъ его не брать съ собою секретаря, что исправленіе сей должности приму я на себя. И такъ мы общее изъявили требованіе командировать при насъ четырехъ писцовъ, по выбору моему мальчиковъ, ничего выдумать не умѣющихъ.

По пріѣздѣ въ Кавказскую губернію, увидѣлъ я не губернію, а хуторъ, для Россіи весьма полезный, гдѣ выращивается скотина, для продовольствія внутригосударства надобная. Дѣла производятся не столько злонамѣренно, сколько глупо. Люди всѣ дрянъ, и тѣ томятся бѣдностію и болѣзнями. Городъ губернской, какъ нарочно, учрежденъ въ такомъ мѣстѣ, коего хуже на всемъ пространствѣ губерніи найти нельзя. Тутъ полуденная сторона заслоняется хребтомъ горъ, вѣчно снѣгомъ покрытыхъ.

Доносъ по содержанію инструкціи противу каждаго пункта, въ самой точности, какъ что найдено было, не выискивая преступленій, обратилъ на себя негодованіе злобнаго и въ великомъ уваженіи находящагося г. Ермолова.

Разныя въ послѣдствіи непріятности испытывать я сдѣлался принужденъ. Ермоловъ жаловался, и столько его уважали, что приказалъ государь генераль-прокурору выписку изъ ревізіи нашей ему послать для отмѣтки, что по мнѣнію его не такъ сдѣлано. Но онъ ничего найти не могъ, кромѣ ябедническихъ примѣчаній, что столь мало времени въ губерніяхъ ему ввѣренныхъ мы были, что некогда было все видѣть, что осмотрѣть было надобно.

Хотя ревизія утверждена, всё при-
мѣчанія въ дѣйство произвести при-
казано, но не показано намъ ни малѣй-
шаго уваженія, даже не произведены
въ чины бывшіе съ нами мальчики, о
коихъ, какъ о дѣловыхъ людяхъ, было
представлено: свою работу я имъ при-
своивалъ.

Сколько ни досадна мнѣ таковая не-
справедливость, однакоже переносу
ее безъ роптанія, покоряюсь власти Бо-
жіей, во упованіи отъ Него получить
возмездіе за то, что для временной
пользы не промѣнялъ спокойствіе со-
вѣсти. А къ тому добрая о мнѣ слава
въ понятіи благонамѣренныхъ людей
симъ укореняется.

Этимъ оканчивается *подлинная* рукопись Записокъ Д. Б. Мертваго. Къ
сожалѣнію рукопись эта отыскана была, когда началось уже печатаніе,
такъ что первые чѣтыре листа Записокъ отпечатаны по списку, въ кото-
ромъ сдѣланы нѣкоторыя поновленія въ слогѣ. Впрочемъ существенной раз-
ницы между подлинною рукописью и спискомъ мы не нашли; только на
оборотѣ перваго, заглавнаго, листа читаемъ слѣдующія слова: „По убѣж-
денію людей мною почитаемыхъ принимаюсь я писать о суровыхъ крутые
повороты счастія являющихъ приключеніяхъ своихъ Д. М.“. Слова эти на-
писаны, какъ надо полагать, еще въ прошломъ столѣтіи; ибо (читатели,
конечно, замѣтили) Д. Б. Мертваго писалъ свои Записки исподоволь, въ те-
ченіи многихъ лѣтъ, такъ что они представляютъ собою нѣчто среднее меж-
ду Дневникомъ и Воспоминаніями. О значеніи Записокъ Мертваго говорить
много нечего: это, безъ сомнѣнія, одно изъ важныхъ историческихъ повѣст-
вованій, изображающихъ такія стороны недавно-прошедшаго времени, кото-
рыя доселѣ были весьма мало извѣстны. По неисповѣдимымъ путямъ Про-
мысла самыя бѣдствія не рѣдко сопровождаются благими послѣдствіями: ха-
рактеръ Д. Б. Мертваго, безъ сомнѣнія, образовался подъ вліяніемъ тѣхъ
ужасовъ, которые суждено ему было испытать 14-ти лѣтъ отъ роду. Но въ
тоже время честь вѣку, когда могли дѣйствовать такіе непоколебимые, ни-
чѣмъ не подкупные люди; честь императору Александру Павловичу, кото-
рый нашелъ и оцѣнилъ подобнаго человѣка, и потомъ, вопреки гоненію гр.
Аракчеева, вывелъ его снова на поприще государственной службы. Записки
написаны по дружескому совѣту Г. Р. Державина: сходство въ характерахъ
и въ направленіи обоихъ этихъ людей очевидно. *II. Б.*

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ЛИЦЪ УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ ЗАПИСКАХЪ Д. Б. МЕРТВАГО.

Александра Θεοδοροβна императ. 325—327.

Александръ герц. Виртемб. 122.

Александръ Павловичъ имп. 101. 119. 122. 123. 132. 137. 140. 149. 155. 163. 172. 182. 185. 192. 193. 196. 219—221. 224. 321—333.

Аракчеевъ гр. Алексѣй Андр. 230—324. 331. 332.

Ахматовъ 152. 153.

*

Бабкинъ кам. фурьеръ 325.

Бакунинъ 167.

Балашовъ Ал — ъ Дмитр. 313. 314. 319. 320. 321.

Барклай де Толли Михаилъ Иванов 291—295. 302. 315.

Баязетъ-бей 190.

Безбородко гр. А — ъ Анд. 67. 69.

Безобразовъ Влад. Павл. 1.

Безродный Вас. Кпр. 119.

Беклешовъ Ал — ъ Андр. 155. 162.

Бернадотъ 321.

Блохина М. П. 317.

Бонапартъ 193.

Бонбергъ бар. 217.

Буксгевденъ 230. 231. 234. 235. 241—246. 252—254.

Бухаринъ Ив. Яковл. 247. 248. 256.

Бѣлокопытовъ подп. 19—25. 28. 30. 32. 33. 35.

*

Васильевъ гр. А — ѝ Иван. 93. 95. 97. 110.

Волконская кн — я А — ра Николаев. 326.

Волконскій кн. Петръ Михайлов. 325.

Воронцовъ гр. А — ъ Ром. 50. 55.

Вяземскій кн. А — ъ Алек. 40. 48. 79.

Вязмитиновъ А — а Никол. 106.

Вязмитиновъ Серг. Кузм. 83—97. 106. 230. 321.

*

Габлицъ Карлъ Ив. 170—172.

Гагемейстеръ Андреянъ Андреян. 49.

Гатенбергъ 154.

Гермесь, сенат. 333.

Гибшъ, бар. 213.

Голицынъ кн. А — ъ Никол. 328. 330.

Голицынъ кн. Серг. Θεοдор. 281—283.

Горчаковъ кн. А — ѝ Иван. 315.

Гудовичъ гр. Ив. Вас. 218. 299.

Густавъ III король 255.

*

Державина Ек. Яковл. 67. 78. 79.

Державинъ Гавр. Роман. 65—69. 74. 78—83. 97. 156—161. 163. 319.

Димитрій св. Ростовскій 82.

Дмитриевъ Мих. Александр. 31.

Долгорукий кн. Петръ Петров. 256.

*

Екатерина II — я. 44. 45. 64—66. 78—81. 92. 174. 196. 329.

Елизавета Алексеевна имп. 323. 324. 326. 328.

Ермоловъ А — ѝ Петров. 333. 334.

*

Злобинъ откупщ. 154. 155. 159.

Зубовъ кн. Плат. Алексан. 67—69. 80. 122. 123. 181.

Зубовы графы 121. 125.

*

Игельстромъ бар. Осипъ

Максим. 39. 40. 43—45. 55. 56. 64. 65. 152. 175.

Ильинъ, ген. — майоръ 262. 263. 287. 288.

*

Кабритъ Θεοд. 58. 59.

Казы — эскеръ 196—199.

Келешъ — бей 214—217.

Кирѣевскій П. В. 312.

Кнауфъ 154.

Копьевъ А — ѝ Дан. 237.

Корфъ бар. тайн. с. 275.

Кочубей графиня Марья

Васил. 172.

Кочубей гр. Викт. Павл.

163. 169 — 173. 192. 193.

195. 196. 223. 224. 321.

Кошелевъ Род. Александр.

319. 322. 328.

Крейтеръ, об. секр. 184.

Кутайсовъ, графъ Иванъ

Павлов. 110.

*

Лаба, Ник. Ос. 295.

Лавровъ ген. 273. 274.

Ламбъ ген. 119. 137 —

139. 149. 150.

Ланской об. прок. 184.

Лешернъ ген. 302—310.

Ливень кн. Шарл. Карл.

328.

Лопухинъ Иванъ Владим.

183—187. 191.

Лопухинъ кн. Петръ Васил.

105—108.

Лугининъ 154.

Лугинины. 152.

*

Мажаровъ Матв. Евмент.

58.

Марія Θεοδοροβна импер.

262. 324. 326—333.

Меньшиковъ кн. Ал — ъ

Данил. 264.

Мертваго отецъ 2—7. 18.

19. 25—27. 152. 153.

Мертваго мать 3. 7. 17.

26—38. 71—74. 77. 154.

300. 316. 323.

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Мертваго Варв. Марк. 208.
223. 224. 259. 296 — 300.
328. 329.

Мертваго Варв. Дм. 313.
Мертваго Дм. Дм. 313.
Мертваго Екат. Дм. 224.
Мертваго Ив. Бор. 72.
Мертваго Марья Дм. 193.
Мертваго Над. Дм. 298.
Мертваго Никол. Дм. 193.
321. 323.

Мертваго Петр. Дм. 313.
Мертваго Серг. Бор. 1.
Мертваго Софья Дм. 259.
260.

Миртаза-челябя 198. 199.
Михаилъ Павлов. вел. кн.
323.
Михельсонъ ген. 3.
Моравиновъ Никол. Семен.
294.

Муравьевъ Никол. Назар.
332.
Мустафа султ. 213. 219 —
221.

*

Наполеонъ 246. 257. 313.
Неккеръ 182.
Нелединскій-Мелецкій Юр.
Александров. 117.
Нелидова Екат. Иван. 328.
Николай Павловичъ 325 —
327.

Новосильцовъ Никол. Ни-
колаев. 182.

*

Оболянинова 116. 120.
Оболяниновъ Петръ Хри-
санов. 95. 97 — 125. 130.
139. 140. 150 — 152. 156.
233.

Огинскій марш. 136.
Оленина Елиз. Марк. 165.
167.
Оленинъ А-й Николаев.
165. 169.

*

Павелъ Петровичъ импер.
92. 96 — 121. 182. 232 —
234. 272.

Паленъ гр. Пет. Алексѣев.
123. 124.

Панинъ гр. Петръ Иванов.
33 — 35.

Пеутлингъ А-ъ Алексан.
45. 49. 54 — 64. 68 — 71.
74 — 78. 83. 152.

Пиль, бригад. 31 — 37.
Полторацкая Агаѣ. Алекс.
164 — 169. 173. 208. 224.

242. 205 — 300. 311. 312.
Полторацкая Анна Петров.
318.

Полторацкая Варв. Марк.
2. 163 — 169. 173.

Полторацкій Дм. Марк.
Полторацкій Конст. Марк.
294.

Поповъ Вас. Степ. 224.
227 — 232. 235.

Потемкинъ кн. Гр. Алекс.
174 — 179. 181. 197. 264.

Пугачевъ 4. 10.

*

Растопчинъ гр. Ѳед. Вас.
314. 316.

Ришелье дюкъ 189. 193 —
196. 202. 204. 212. 213.
215 — 217.

Розенбергъ Анд. Григор.
190 — 193.

Румянцевъ гр. Никол. Пе-
тров. 281.

Румянцевъ графъ Петръ
Александр. 174.

*

Саблинъ сенат. 333.
Салтыковъ кн. Никол. Ив.
96.

Сафоновъ кол. сов. 159 —
161.

Свѣчинъ Николай Сергѣев.
130 — 151.

Себастиани 205.

Селимъ III-й, султ. 213.
214.

Сенявинъ Дмитрій Никол.
211. 213.

Сердешевъ прап. 20 — 23.
Строгановъ гр. Пав. Алек-
сандров. 170. 172.

Сумароковъ Пав. Ив. 184.

*

Таяръ-бей 213 — 223.
Толстой гр. генер.-маіоръ
145.

Толстой гр. Никол. Алек-
сандров. 169. 331.

Тормасовъ ген. 324. 325.
329.

Траверсе марк. 202. 203.
208. 212. 220.

Туманскій Мих. 184.

*

Ханыковъ ген. лейт. 120.
130. 131.

Храповицкій ген. ад. 325.

*

Чирковъ Никол. Александр.
42. 158.

Чичагова Екатер. Борис.
71 — 74. 79.

Чичаговъ Вас. Як. 80.
Чичаговъ Петръ Иванов.
71 — 74. 77. 79 — 81. 83.
154.

*

Шагинъ-гирей 174 — 177.
Шишковъ ст. сов. 249 —
252. 256.

Штиглиць Алекс. Любим.
300.

Штиглиць Никол. Иванов.
300.

*

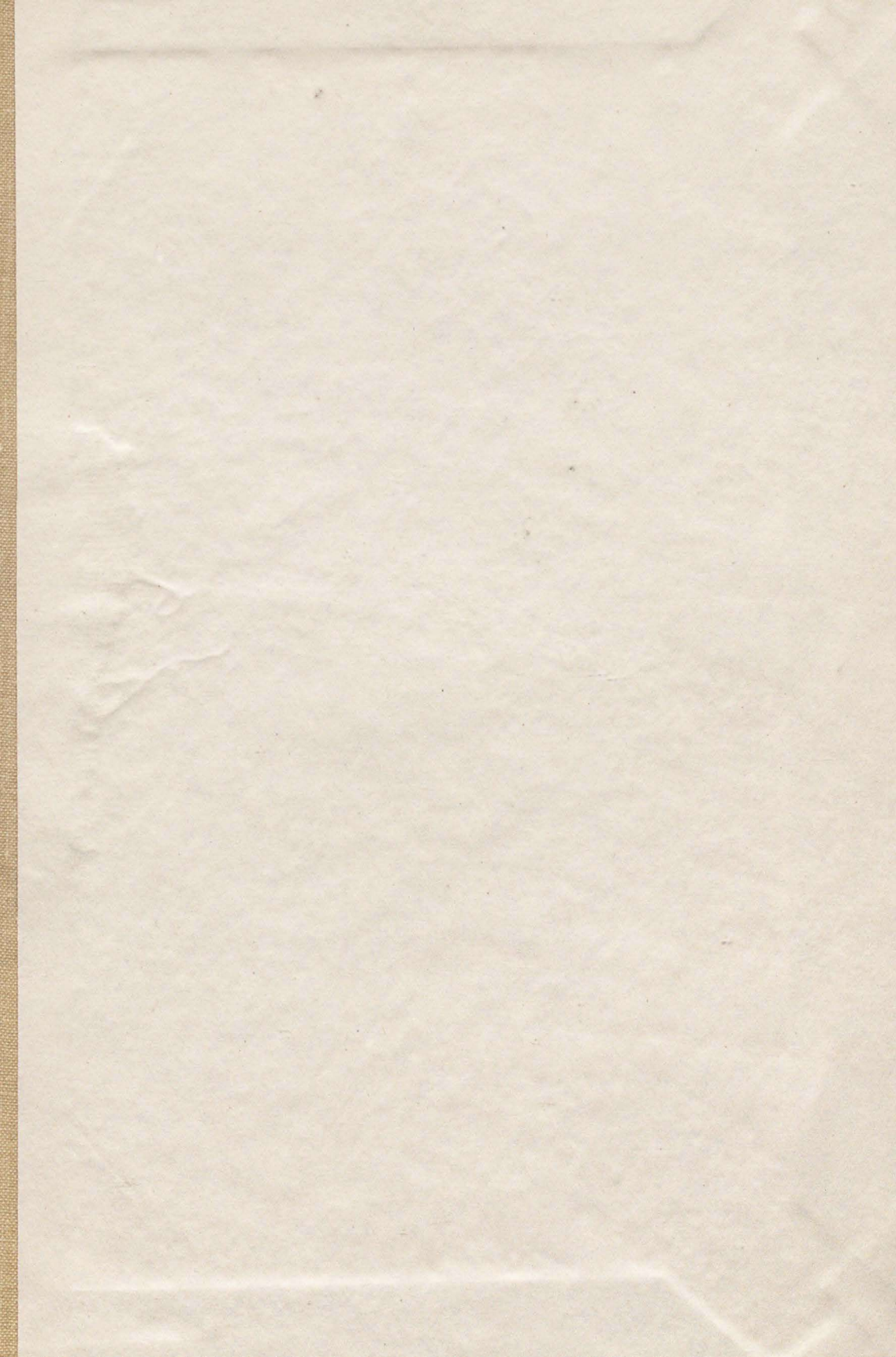
Юсуфъ-паша 214. 220.

RESERVAZIONE DI DIRITTO

Copyright © 1900 by the
Author and Publisher

ИЗДАНИЕ „РУССКАГО АРХИВА“.

Отпечатано 200 оттисковъ,
изъ тетрадей 8 и 9-й «Русскаго Архива» 1867 г.

2014079961